

П.С. Гуревич

ПСИХОЛОГИЯ

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве **учебника**
для студентов высших учебных заведений*

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве **учебника**
для студентов высших учебных заведений*

Москва • 2012

УДК 159.9(075.8)
ББК 88я73-1
Г95

Главный редактор издательства
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук *Н.Д. Эриашвили*

Гуревич, Павел Семенович.
Г95 Психология: учебник для студентов вузов / П.С. Гуревич. —
М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 320 с. — (Серия «Учебники про-
фессора П.С. Гуревича».)

ISBN 5-238-00905-4

Агентство СІР РГБ

В оригинальном учебнике известного ученого и практика, профессора П.С. Гуревича, всеобъемлюще рассмотрены вопросы как общей, так и социальной и клинической психологии.

Автор использует не дидактический метод, а приглашает к размышлению и разговору на злободневные темы, такие, как взаимосвязь тела и души, внутренний мир личности, феномен группового сознания, психология экстремальных ситуаций, детский психоанализ.

Издание рассчитано не только на студентов и аспирантов, изучающих психологию, но и на специалистов, желающих повысить свои знания и квалификацию.

ББК 88я73-1

ISBN 5-238-00905-4

© П.С. Гуревич, 2005
© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2005

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в Интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства

ВВЕДЕНИЕ

Что делает жизнь осмысленной, ценной и целенаправленной? Как люди наделяют свою жизнь ощущением значимости? Какие из всех целей, которые люди пытаются достичь, поистине важны? Зачем нужно обращаться к психологу, если вы не в ладу со своими чувствами? Что может сделать психология для полноценной жизни людей, их труда и общения?

Еще десятилетие назад эти проблемы мало обсуждались в печати. Сегодня ситуация иная. Можно без преувеличения говорить о том, что мы переживаем настоящий психологический бум. На книжных развалах можно купить многочисленные труды классиков мировой психотерапии — А. Адлера, В. Райха, А. Маслоу, В. Франкла, З. Фрейда, Э. Фромма, М. Эриксона, К. Юнга. Нет числа всевозможным практическим наставлениям: «Как преодолеть стресс?», «Что нужно, чтобы стать любимой?», «Каков путь к карьере и благоденствию?». В глазах пестрит от изобилия психологической рекламы: тренинги, курсы, семинары. Личностный рост, преодоление комплекса неполноценности, самопознание, медитация, психоанализ, холотропное дыхание... Психологию преподают сегодня во всех вузах — государственных и коммерческих. Она прочно вошла в спектр гуманитарного знания.

Чем вызван психологический ренессанс? Конечно, не только раскрепощением общественного сознания. Психология приобретает особый статус. В XX столетии стало очевидно, что психика человека — огромное вместительное полуосознанных тревог, вязких страхов. Достаточно пустячного повода — и разрушительные предчувствия охватывают все существо человека. Психологи заговорили о массово-психологических процессах, о здоровье наций, о массовой психотерапии.

В канун Второй мировой войны психологи, столкнувшиеся с «чудовищами», которые внутри нас, еще надеялись на эффективные ресурсы психотерапии. Можно, вероятно, освободить человека от навязчивых фантазий, от излишней эмоциональности, вразумить относительно неоправданности тревоги... Но в сознании ряда мыслителей вызревала уже иная мысль: человек фатально заражен собственными видениями. Возникнув однажды, эти кошмары редко отпускают сознание. Страх повсеместно подстерегает нас. Его питают различные скрытые тревоги.

Никогда прежде люди не ощущали такой подорванности разума, его неспособности быть нравственной и духовной опорой, как сейчас. Выход на историческую арену *атомизированной толпы*, питаемой угнетением и зараженной инстинктами безотчетной ненависти, слепой ярости, свидетельствует о том, что в массовом обществе исчезает культ интеллектуаль-

ности. Напротив, живет подсознательная жажда расправы с теми, на кого переносится ненависть, порождаемая суровыми условиями жизни.

Нам сегодня чрезвычайно важно разобраться в мире человеческих переживаний, вождлений, страхов и тревог. Роль психологии в современном мире решительно преобразуется. Рождается новая цивилизация, и она несет с собой множество проблем, которые невозможно понять и скорректировать без психологии. Необычайная скорость социальных и культурных преобразований, неспособность многих людей адаптироваться к новым реальностям, распад идентичности, обнаружение новых антропологических свойств человека — все это выдвигает психологию на передний край современного знания.

История нынешнего столетия, как можно полагать, не будет менее бурной, нежели история минувшего. Модели и прогнозы известных футурологов (прогнозистов) Элвина Тоффлера, Пола Кеннеди и экспертов Римского клуба (общественной организации, которая в конце 60-х годов стала изучать общепланетарные процессы) Донеллы и Денниса Медоузов и Йоргена Ренгерса свидетельствуют об этом.

Процессы бурного роста народонаселения планеты и промышленного производства, с одной стороны, и загрязнение окружающей среды, беднота и преступность с другой, характерные для XX столетия, приближаются к критической грани. Политическо-социальный, технологический, психологический, экологический фон кризиса, который можно описать, скажем, в 2008 г., будет существенно отличаться от фона, предвидимого после 2020 г., множеством параметров, в том числе уменьшением численности населения планеты; постепенной заменой власти государств на власть транснациональных корпораций; поврежденностью природных экосистем; развитостью электронной информационной инфраструктуры; разрушением национальных культур; организованностью альтернативных общественных движений.

Развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки пытаются прорваться к технической индустриализации. Но этот путь в общемировых масштабах может оказаться бесперспективным. Скажутся ограничения энергетики, экологии и культуры. Как адаптироваться к новым запросам? Огромные массы людей ныне оказываются невостребованными. Проблема занятости населения становится крайне острой. Экологическая проблема осложняется разрастанием городов. Сотни миллионов людей будут жить в гигантских мегаполисах (мегаполис — гигантский город, образовавшийся в результате роста и практического слияния многих близрасположенных городов). Весьма острые и нерешенные проблемы рождает терроризм.

Современный городской образ жизни, нездоровая окружающая среда, консервативная система обучения оказывают пагубное воздействие на молодых людей. Хотя уходит в прошлое относительно высокая детская смертность, что обусловлено уровнем медицинского обслуживания, тем не менее здоровье населения подрывается нарастающей наркотизацией общества и другими факторами.

Психология — не просто еще одна наука в дополнение к остальным: физиологии, химии, медицине и т.д. Несмотря на то, что взгляды на психику формируются в других областях науки, по своему определению и по условиям своего существования она от них не зависит. Коротко говоря, психика ни от чего не является производной и ни к чему не сводима. О ней можно рассуждать в контексте того, что мы анализируем и исходя из чего мы это анализируем. Будучи одновременно коллективным и индивидуальным феноменом, психика становится и нашей точкой зрения, дающей нам объективное видение, и средоточием наших субъективных переживаний.

Слова, которые встретятся в этой книге, например, «фантазия», «образ», «воображение» и «реальность» дают вторую предпосылку для толкования слова «душа»: душа или психика не только получает представление и опыт, но и творит их. По утверждению Юнга, психика ежедневно творит реальность. Юнг говорит о «фантазии» как о «деятельности воображения». Он настаивает не только на том, что психика — источник внутренней реальности (в отличие, например, от материальной реальности тела или логической реальности разума), но и на том, что наши фантазии подтверждают существование нашей внутренней реальности, сущность и значение которой не всегда зависят от внешних ориентиров. В его определении признается высокая важность и значение фантазии и образного представления. Они появляются как естественные, фундаментальные проявления психики, создавая основу для психической реальности.

В то же время психологи задумываются над тем, каков удельный вес духовных стремлений во всей целевой системе человека. Стремления расцениваются как духовные, если они отражают заботу человека об интеграции индивида с большими и более сложными целостностями: человечеством, природой, космосом «достичь единства со всем сущим», «погрузиться в природу и быть частью ее», «подходить к жизни как к таинству, с благоговением и трепетом». Мы сегодня все чаще осознаем, что:

Человек – свернутая Вселенная,
Вселенная – развернутый человек;
Все, что в человеке, есть во Вселенной,
Все, что во Вселенной, есть в человеке.
Сверните Вселенную, ее не будет,
Разверните человека, его не будет...

Сегодня всем ясно, что без психологии как теории и без массовой психотерапии (т.е. работы с психикой) обойтись уже невозможно. Часто говорят о том, какие беды заключает в себе невостребованность психологии сегодня. Но действительно ли она не востребована? Последние печальные события показали, как мало у нас специалистов в области психологии чрезвычайных ситуаций. Политики окончательно убедились в том, что без политических технологий нечего и думать об успешной

публичности. Фирмы и различные предприятия ищут специалистов, которые могли бы обеспечить эффективность их работы. Педагоги стараются получить психологическое образование.

Дело не в социальном заказе. Можно поставить вопрос: а способны ли сегодня психологи ответить на общественную потребность? На наш взгляд, нет. Психология как дисциплина переживает кризис. Ей явно не достает социологического воображения, теоретической глубины. Нароботаны горы эмпирических исследований. Теоретическое же осмысление полученных данных отстает. Сказывается келейность, авторитарность. Проблем много, но решать их не властям, а самому научному сообществу.

Что же такое психология? Когда она возникла? Каков ее статус в системе наук и роль в современной жизни?

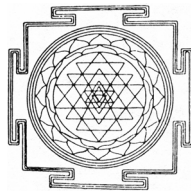
В наши дни психология оказывается востребованной в сфере бизнеса и управления, политики и экологии, права и рекламы, образования и воспитания. Бурно развивается трансперсональная (интегральная) психология. Властно заявляет о себе психология экстремальных ситуаций.

I

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

Тема 1

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

В настоящее время Россия переживает настоящий психологический бум. Растет число вузов, где готовят кадры психологов. Возрастает поток литературы по всем областям психологического знания. Поэтому возникает необходимость в учебнике, который осветил бы широкий радиус психологического знания, воспроизвел бы основные этапы развития психологии, раскрыл бы ее связь с философией, и в частности, с философской антропологией, показал бы возможности ее будущего становления.

Психология (греч. *psyche* — душа и *logos* — наука, учение) — наука о строении и закономерностях возникновения, развития и функционирования психики и сознания как высшей формы психического отражения. Это наука, изучающая процессы и закономерности психической деятельности человека.

Прежде чем понять внутренний мир человека, его психику, надо задуматься о самом человеке, его предназначении, человеческой природе. Неудивительно, что психология долгие годы была связана с философией. Раскрывая историю психологии, мы обращаемся к именам философов от Сократа до Хайдеггера.

Однако между философией и психологией есть не только нечто общее. Есть и принципиальное различие, которым невозможно пренебречь. В истории психологии сопоставление психологии и философии проводилось разными путями. Например, *Аристотель* (384—322 до н.э.) — создатель не только логической науки, но и психологии, представленной в трактате «О душе», где дается понимание души, явлений восприятия и памяти. Душа, по мнению Аристотеля, представляет собой высшую деятельность человеческого тела. В душе находится ум (нус), который не возникает и не подлежит гибели, разрушению. Аристотель делает попытку создать теорию растительной, животной и разумной души, лежащей в основе деления живых существ на растения, животных и людей.

При определении предмета психологии сразу обнаруживаются две трудности. Предельно сложно вычленить собственно психологическую тему в комплексе философского знания. Можно ли, к примеру, считать сюжетом психологии размышление Сократа о че-

ловеческих добродетелях или постижение смерти у Платона? Размышление о человеке неотвратимо захватывает самый широкий круг проблем. Этот круг оказывается практически неисчерпаемым. В результате едва ли не все философские сюжеты — проблемы нравственности (этики), теории познания, истории философии, философской антропологии, логики — вовлекаются в сферу психологической мысли. Ее собственное пространство внутри философии становится безбрежным.

Но не меньшая трудность обнаруживается и при обратном устремлении, когда исследователи хотят предельно ограничить сферу психологического осмысления человека. Желание локализовать тему теоретической рефлексии (рефлексия — размышление о своем внутреннем состоянии, самонаблюдение, самопознание) только проблемами «специфически человеческими» наталкивается на другие рифы. Предмет психологии никак не ухватывается в его целостности. Можно, разумеется, рассуждать о телесности, духовности, разумности, иррациональности человека. В той же мере не исключено обращаться к таким сюжетам, как активность человека, познавательные процессы, сущность души и сознания, природа человека. Но все эти темы будут лишь фрагментами постоянно меняющейся картины. Отдельные мазки не складываются в некую тотальность, а, напротив, размывают предмет психологического постижения.

Тема человека всегда была путеводной для человека. Но как отыскать путеводную нить для историко-психологического очерка по этой теме? Может быть, задача заключается в том, чтобы находить в истории философии те сюжеты, которые найдут потом активное осмысление в психологии? Именно так построена замечательная работа Е.Е. Соколовой «Тринадцать диалогов о психологии» (М., 1994). В форме диалогов автор кочует по философским текстам, вылуцивая собственно психологическую тематику. Но вот незадача. Порой «специфически психологическое» выражается в комментарии, в авторской реплике.

Чтобы подойти к тайне человека, надо обрести чувство изумления перед ним. Без этой обостренной пытливости невозможно войти внутрь самой психологической темы. Нам представляется, что эта идея заслуживает благодарного признания. Человек загадочен, неизъясним. Он представляет собой некую тайну. Без ощущения непостижимости человеку трудно обрести путеводную нить в психологическом исследовании. Ни религия, ни философия, ни наука не в состоянии без остатка раскрыть эту тайну. Ведь мы имеем дело с неисчерпаемым миром человеческой субъективности.

«Человек есть загадка в мире, и величайшая, может быть, загадка, — пишет русский философ Н.А. Бердяев (1874—1948). — Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. Весь мир

ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой. Человек переживает агонию, и он хочет знать, кто он, откуда он пришел и куда идет».

Многие явления, которыми занимается современная психология, — личность, развитие психики, деятельность, сознание и бессознательное, эмоции и чувства, межличностные отношения, психология толпы — интересуют и философов. Более того, обсуждение этих проблем имеет солидную историко-философскую базу. Выходит, предмет психологии смыкается с предметом философии. Вот они ключевые слова — психика, внутренний мир человека, сознание, психический процесс, поведение, психическое состояние, свойства личности, человек...

При осмыслении человеческой природы философы и психологи старались выйти за рамки чистого описания признаков человека и выделить среди них такой, который бы решающим образом отделял человека от животных, а, возможно, в конечном счете, предопределял, обуславливал все остальное. Наиболее известный и широко принятый из таких определений — это «разумность» человека, его обозначение как человека мыслящего, разумного (*Homo sapiens*). Другое, не менее известное и популярное атрибутивное определение человека — это описание его как существа по преимуществу действующего, производящего (*Homo faber*). Третье, заслуживающее быть отмеченным в этом ряду, — это понимание человека как существа главным образом символического (*Homo symbolicus*), т.е., настаивал немецкий философ Э. Кассирер (1874—1945), существо, производящее символы, наиболее важным из которых является слово. С помощью слова человек может общаться с другими людьми и тем самым значительно усиливать эффективность процессов мысленного и практического освоения действительности. Можно отметить еще определение человека как существа политического или социального (*zoon politicon*), на чем настаивал в свое время Аристотель.

Существуют, разумеется, и другие способы выражения человеческой природы. Во всех этих определениях схвачены, безусловно, какие-то очень важные сущностные свойства человека, но ни одно из них не оказалось полностью безукоризненным, и ни одно из них так и не смогло (возможно, в силу односторонности) закрепиться в качестве основания развитой общепринятой концепции природы человека.

Сущностное определение человека — это и есть попытка создания такой концепции. По сути дела, вся история философской мысли и есть в значительной степени поиск такого определения природы человека и смысла его существования в мире, которое, с одной стороны, полностью согласовывалось с эмпирическими данными о свойствах человека, а с другой — высвечивало ему в будущем достаточ-но ясные (хотя, возможно, и не исключительно оптимистические)

перспективы развития. Укажем поэтому основные вехи в философском постижении человека, которые были восприняты и развиты психологами.

Одно из древнейших проникновений в суть — истолкование человека как своеобразного ключа к разгадке тайн универсума. Эта идея получила отражение в восточной и западной мифологии, в античной философии и психологии. Человек на ранних ступенях развития не отделял себя от остальной природы. Он теснейшим образом ощущал свою генетическую, неразрывную связь со всем органическим миром, о чем свидетельствует, в частности, буддизм. Древнейшая мифология не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней слитны. Процесс познания с самого начала «отягощен» способностью человека оценивать реальность как «человеченную», созданную по его меркам. Это находит свое выражение в антропоморфизме, т.е. бессознательном восприятии космоса и божества как живых существ, подобных самому человеку. В древнейшей мифологии и психологии человек выступает как малый мир — микрокосмос, а «большой» мир — как макрокосмос. Представление о их параллелизме и изоморфности — одна из древнейших натурфилософских концепций. Об этом свидетельствует космогоническая мифологема «вселенского человека» (индийский Пуруша в «Ведах», скандинавский Имир в «Эдде», китайский Пань-Гу).

Философы античности усматривают уникальность человека в том, что он обладает разумом. Эта идея — выдающееся достижение философской мысли, имеющее непреходящее значение. В античной философии сложилась еще одна версия, согласно которой человек понимается как «политическое животное», то есть обладающее даром социальности. Принципиально новый поворот в осмыслении проблемы человека содержится в христианстве. Рождается идеальное представление о человеке как личности, воплощающей в себе телесно-чувственную субстанцию, наделенную не только разумом, но и духовностью. «Христианство освободило человека от власти космической бесконечности» (Н.А. Бердяев). Человек рассматривается теперь как центр и высшая цель мироздания. Христианство явилось подлинной почвой европейской персоналистской традиции. Человек внутри этой традиции оценивается как суперценность. Созданный по образу и подобию божьему он обладает свободой в выборе добра и зла, индивидуализма и коллективизма.

Возрожденческий идеал человека сопряжен с поиском своеобразия индивидуальности человека. Так рождается проблема индивидуальности человека как поиска самобытности человека. Возрожденческий индивидуализм порождает стихийное самоутверждение человека. В европейском сознании возникает идея гуманизма, которая прославляет человека как высшую ценность. Трагизм и негарантированность человеческого существования обозначаются затем в

формуле провозвестника новой постренессансной эпохи *Б. Паскаля* (1623—1662) «Человек — мыслящий тростник». Паскаль говорит о человеческой бренности, о вселенском страхе человека.

Култ автономного человека — развитие персоналистской линии европейского сознания. Острейшее самосознание одинокой личности сменяется в эпоху Просвещения либерально-просветительскими представлениями о неисчерпаемых возможностях независимой и разумной личности. Немецкая классическая философия принесла с собой множество философских догадок и прозрений о человеке.

В трудах великого немецкого философа *И. Канта* (1724—1804) родилась идея создания особой сферы философского знания — философской антропологии. Однако он полагал, что психология никогда не станет наукой. Он писал:

«Рациональная психология в вопросе о нашем вечном существовании вообще не есть теоретическая наука, она основана на единственном заключении моральной телеологии (телеология — от *греч.* talos — конец, цель, завершение и logos — учение — учение о цели и целесообразности — прим. П.Г.) и вообще все ее применение необходимо только моральной телеологии в связи с вопросом о нашем практическом назначении»¹.

Кант имеет в виду, что проникнуть в мир человеческих чувствований невозможно. Мир наших внутренних переживаний сокрыт. Но как можно обеспечить экспертизу интимного мира человека, если наши сокровенные переживания уникальны? Для того чтобы называться наукой, психология должна войти в этот поток психологических состояний и научиться их классифицировать, сопоставлять, анализировать. А это, по мнению Канта, как раз и невозможно.

«Психология для человеческого ума не представляет собой ничего более, да и не может стать ничем, кроме антропологии, т.е. познания человека, ограниченного условием знакомства с собой как предметом внутреннего чувства. Но человек сознает себя также как предмет своих внешних чувств, т.е. он имеет тело; связанный с телом предмет внутреннего чувства называется душой человека»².

Немецкий философ считал, что рациональная психология в вопросе о нашем вечном существовании вообще не есть теоретическая наука, она основана на единственном заключении моральной телеологии и вообще все ее применение необходимо только моральной телеологии в связи с вопросом о нашем практическом назначении. Психология есть антропология внутреннего чувства. Кант имеет в виду, что проникнуть в мир человеческих чувствований невозможно. Как можно обеспечить экспертизу интимного мира человека, если наши переживания уникальны?

---

¹ *Кант И.* Критика способности суждения // *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. — М., 1994. Т. 5. — С. 304.

² *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. — М., 1994. — Т. 7. — С. 439.

Психологии трудно, считает Кант, объяснить те или иные феномены человеческого поведения. Он пишет: «Так, моралисты требуют от психологов объяснить им странное явление скупости, которая видит в одном лишь обладании средствами для жизни в довольствии (или для любой другой цели) абсолютную ценность, имея, однако, намерение никогда, ими не пользоваться; или честолюбия, которое находит эти средства в одной лишь славе без какой-либо дальнейшей цели, (объяснить им это явление для того, чтобы они могли сообразовывать свои предписания не с самими нравственными законами, а с устранением препятствий противодействующих влиянию этих законов»¹.

Итак, психологи должны, по Канту, дать реальные критерии для морального поведения. Однако это трудно.

«При этом, однако, надо признать, — пишет далее Кант, — что с психологическими объяснениями, если сравнивать их с физическими, дело обстоит очень плохо; что они сплошь гипотетические и к трем различным основаниям объяснения очень легко можно придумать четвертое, столь же иллюзорное, и что поэтому множество подобного рода мнимых психологов, которые умеют находить причины для каждой душевной аффектации (от *лат.* affectus — душевное волнение, страсть — бурная кратковременная эмоция, например, ревность, гнев, ужас, которая возникает, как правило, на сильный раздражитель — *прим.* П.Г.) душевного волнения, пробуждаемого спектаклями, поэтическими представлениями и предметами природы, и называют это свое остроумие философией, предназначенной для научного объяснения обыкновеннейших явлений природы в телесном мире, — эти психологи не обнаруживают не только никакого знания, но, вероятно, даже и способности к нему»².

Кант полагал, что психология может быть лишь «антропологией внутреннего чувства»³. Иначе говоря, мы можем в русле этой дисциплины раскрывать человеческое содержание внутреннего мира людей, их чувств. Чем должна стать психология? Она должна собирать материал для будущих, подлежащих объединению в систему эмпирических правил, не желая, однако, понять эти правила, — такова, вероятно, единственная истинная обязанность эмпирической психологии, которая вряд ли сможет когда-либо притязать на звание философской науки⁴.

Словом, Кант весьма скептически оценивает возможности психологии. Он на всякий случай добавляет: «Если же психология станет наукой, она окажется совершенно неинтересной. В глубины психики проникнуть не дано...». С психологическими объяснения-

---

¹ Кант И. Указ. соч. — Т. 7. — С. 371.

² Там же.

³ Указ. соч. Т. 5. — С. 304.

⁴ Там же. — С. 371.

ми, если сравнивать их с физическими, дело обстоит очень плохо. К трем различным основаниям объяснения можно легко придумать четвертое, столь же иллюзорное. Психологи, судя по всему, находят причины для каждой душевной аффектации или душевного волнения. Но это мнимая психология.

Кант просчитался сразу по двум позициям. В XIX в. психология окончательно утвердилась как научная дисциплина. К тому же она оказалась безумно интересной. Этот век вошел в историю философии как антропологический век. Была сделана попытка изложить учение о человеке, обозначить соотношение сознательного и бессознательного в человеческой психике. Критика панлогизма была сопряжена с изучением биологической природы человека. Воскрешается христианская идея близости «Я» и «Ты» в философии Л. Фейербаха (1804—1872). В XIX в. романтики высказали догадку о том, что человеческое бытие значительно богаче его социального измерения. Возникло обостренное внимание к человеческому самоощущению, к тончайшим нюансам человеческих состояний. Философы обратили внимание на богатство и неисчерпаемость личностного мира человека. В поле их зрения оказались любовь, творчество, смерть и факты человеческого бытия. После рождения философской антропологии (И. Кант) человек понимается как мыслящее, но главным образом волящее и чувствующее существо (А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор). Философы жизни поставили вопрос о том, что человек плохо укоренен в природе, является «еще не установившимся животным» (Ф. Ницше). Обсуждается проблема возвращения человека к биологической, инстинктуальной подоснове.

.....
Разум — всеобъемлющая характеристика человека
.....

Просветители, то есть философы XVIII в., убеждены, что всепроникающий разум — державная черта, определяющая качество человека. Особенно рационалистично раннее просвещение. Это век рассудочного мышления. Однако постепенно наступает разочарование. Возникает вопрос: «Существуют ли пределы разума?». Тогда спасение ищут в «непосредственном знании», в чувствах, в интуиции. Понятие бессознательного играет огромную роль и в дофрейдовской литературе. Поэты и мыслители романтического направления, в том числе Новалис, Карус, Шеллинг, Баховен, Эдуард фон Гартман, говорят о творческих силах души и природы, которые действуют в бессознательном, в «сумрачных глубинах», напрямую, без помощи со стороны рассудка и воли.

Однако это только предыстория. В XIX в. сначала А. Шопенгауэр (1788—1860) поставил вопрос о мировой воле. Понятие воли возникает у этого философа не в житейском смысле. Воля трактуется даже не в психологическом, а в более широком смысле. Немецкий философ утверждает, что в основе всего, что нас окружает, лежит некая беспредельное и вездесущее начало — Воля...

Такого понимания воли в прежней философии и психологии не было. Предполагалось, что косная природа не обладает никакой волей, поскольку она не мыслящая материя, а побуждение, порыв — это исключительное свойство сознательной личности.

У Шопенгауэра, напротив, и растения, и минералы одушевлены волей. Магнитная стрелка неизменно направляется к северу. Тело падает всегда вертикально. Тепло и холод влияют на состояние вещества. В растительном царстве воля воплощает стремление, желание, бессознательное вождление. Верхушка дерева тянется к свету, стремится постоянно расти только вертикально. Корень вождлеет влаги. Семя, брошенное в землю, пустит стебель вверх, а корень — вниз. Гриб пробивается через стену, цветок — сквозь асфальт. Все это проявления воли. И фиксирует это волевое начало язык. Люди говорят: «Вода кипит, огонь хочет гореть». По мнению Шопенгауэра, это вовсе не образы, а реальные побуждения, возникающие в сфере стихий, минералов, предметов.

..... Крупнейшим открытием XIX в. стала идея
Человеческая *К. Маркса* (1818—1883) о том, что антропология должна быть переосмыслена через
природа социальна ..... проблему социальности, что человеческая природа социальна. Марксизм связывает понимание сущности человека с общественными условиями его функционирования и развития, сознательной деятельностью, в ходе которой сам человек оказывается и предпосылкой, и продуктом истории. По определению К. Маркса, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному человеческому индивиду. В своей деятельности она есть совокупность всех общественных отношений»¹.

В некоторых исследованиях отмечается, что К. Маркс будто бы отождествлял «человека» и «общество». Однако К. Маркс совсем не сводил бытие человека к воплощению общественных отношений. Его определение характеризует только сущность человека, а не целостное его бытие, которое есть единство сущности и существования². По словам *Ф. Энгельса* (1820—95), человек всей плотью и кровью принадлежит природе. Однако главное в человеческой природе — социальная обусловленность. Подчеркивая значение общественных связей и характеристик человека, марксисты отнюдь не исповедуют нивелировки отдельных личностей, не отрицают их специфических качеств как личностей, наделенных присущими им характерами, волей, способностями и страстями. Напротив, они обращают внимание на общие закономерности общественной обусловленности любого человека, чтобы рельефнее оттенить и сделать научно объяснимыми эти личностные качества людей. Обращаясь к социаль-

---

¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., 2 изд. Т. 3. — С. 3.

² См.: *Каган М.С.* Философия культуры. — СПб, 1996. — С. 38.

ной сущности человека, марксизм вместе с тем учитывает сложные взаимодействия социальных и биологических факторов и устанавливает примат последних. Человек, как биосоциальное существо, не обладает «двойственной природой». Биологические факторы имеют важное значение, действуя, однако, в «снятом виде», через опосредование и преобразование со стороны факторов социального порядка. Индивидуальное и историческое развитие человека — процесс присвоения и воспроизведения социокультурного опыта человечества, «абсолютного движения становления» (К. Маркс).

Огромное значение для психологии имело открытие *З. Фрейда* (1856—1939). Этот австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа радикально изменил представление о человеческой психике. Если в просветительской философии утверждалось, что двигателем человеческого поведения, источником человеческого сознания является разум, то психоаналитики отвергли эту предпосылку. Разносторонний анализ материка бессознательного, проведенный Фрейдом, в известной мере решил проблему, которую поставил Кант. Родилась методика, которая позволила проникнуть в мир уникальных человеческих чувствований. Более того, появилась возможность обнаружить генезис тех или иных переживаний. Наконец, родилась терапия, с помощью которой можно изживать психические травмы и телесные недуги. Словом, психология стала интегральной наукой, вопреки утверждению Канта.

.....
Бессознательная
природа человеческой
души
.....
Итак, Фрейд открыл просторы бессознательного. Родилась терапевтическая практика, которая позволила лечить психические расстройства. Оказалось, что психические процессы, недоступные прямому наблюдению, можно изучать. Сложилось метапсихологическое учение о бессознательной природе человеческой души.

Сегодня мы можем с полным основанием сказать, что теперь есть возможности исследовать глубинные пласты человеческой психики. Громадный каркас эмпирических наблюдений не только располагает правилами накопления этого материала, есть объективные механизмы, «позволяющие погрузиться в мир психики».

«Утверждение реальности бессознательного идет вразрез с традиционным представлением о человеке. Со времен греческих философов западная традиция рассматривала человека как единственное существо, наделенное способностью автономного разума. Разум при этом понимался как важнейшее свойство, присущее только человеку и отличающее его от прочих живых существ. Если признать, что в душе происходят не осознаваемые, не подвластные осмыслению процессы, которые могут влиять на сознательные, рассудочные представления, действия и решения и даже определять их, то привычный взгляд на человека начинает рушиться. Прежнее высокое

мнение человека о самом себе перестает быть бесспорным, что влечет за собой далеко идущие последствия: человек видит, какое оскорбление наносится его самолюбию. Именно с этим и связывает Фрейд неприятие психоанализа и борьбу с ним»¹.

В XIX и XX вв. огромный вклад в постижение человека внесла русская философия, которая обнаружила персоналистский пафос в противовес западному позитивизму. Она развила понятие аскезы, концепцию цельности духа, проповедь универсального всеединства. Рассматривая божественную и человеческую природу человека, русская философия толковала его как «точку пересечения духов миров» (Н.А. Бердяев) — микрокосма и макрокосма.

Проблема целостности человека Трактуя человека как «символическое животное», западное неокантианство по-новому поставило проблемы антропогенеза, уникальности человека. В трудах *М. Шелера* (1874—1928), *А. Гелена* (1904—1976), *Г. Плеснера* (1892—1991) философская антропология обнаружила себя как определенное течение немецкой философской мысли. Введя понятие бессознательного, психоанализ определил его место в философской антропологии. Последователи З. Фрейда (К.Г. Юнг, Э. Фромм) поставили вопрос о человеке какместилище архетипов, о вечности экзистенциального поиска. Одновременно они внесли существенный вклад в разработку проблемы целостности человека.

Экзистенциализм продемонстрировал специфический тип философствования. Он приковал внимание к индивидуальным смысло-жизненным вопросам (вины и ответственности, решения и выбора, отношения человека к своему призванию и к смерти). Экзистенциализм дал трактовку основных тем — элемента случайности в судьбе человека, неизбежности смерти, одиночества и тайны небытия. Проблемой и установкой экзистенциализма стал стоический антиисторизм.

В персонализме личность предстала как фундаментальная онтологическая категория, основное проявление бытия. Другое направление — структурализм стал рассматривать личность как отложение опыта многочисленных ушедших веков, запечатлевших себя в глубинных структурах сознания. Антропологический поворот в философии XX в. особенно обострил внимание к таким вопросам, как природа и сущность человека, модусы человеческого существования в мире, открытость и незавершенность человеческой природы и многое другое. В этих условиях абсолютно необходимо постановки вопроса о сущности человека, основной его бытийственной структуры, критическое уяснение и усвоение всего этого богатейшего

---

¹ *Knapp Г.* Понятие бессознательного и его значение у Фрейда // Энциклопедия глубинной психологии. — М., 1998. — С. 267.

опыта философских опытов и находок, систематизация его в виде определенных типов, групп философских учений о человеке. Это прекрасно понимали классики философской антропологии XX в., такие, как *М. Шелер* (1874—1928), Н. Бердяев, Э. Кассирер и другие, которые сами сделали немало полезного в данном направлении.

.....
Постоянное развитие человека и растущая отчужденность
.....
Марксистское понимание человека получило последующую разработку в XX в. в трудах представителей Франкфуртской школы, отечественных философов и психологов. Они раскрыли особенности философско-антропологического мышления К. Маркса, показав, что для него история человечества — прежде всего летопись постоянного развития человека и одновременно растущего отчуждения. Отчужденный человек не только чужд другим людям, он лишен человечности как в естественном, природном, так и духовном смысле. Такое отчуждение от человеческой сущности ведет к экзистенциальному эгоизму и формулируется как превращение человека в средство своего индивидуального существования. В процессе отчуждения человек в известном смысле лишается как своего тела и окружающей его природы, а также своего духовного Я, себя самого как человеческого существа. Неомарксисты (Э. Фромм, Т. Адорно, Г. Маркузе) показали, что человечность человека никогда не должна служить лишь средством для государства, класса или нации. Отчуждение ведет к переоценке всех ценностей. Человек становится пленником тех политических институтов, которые сам же создал. Это проявилось в практике тоталитарных режимов, в авторитарно-бюрократических деформациях социализма.

В 60—70-е годы представители следующей волны философской антропологии подняли разработку этой проблемы на подлинно научную высоту. В качестве примера можно привести обстоятельный труд В. Брюнинга, в котором не просто выделены и перечислены основные типы философской антропологии, но вскрыты внутренние связи между ними. Он показывает, что почти все необозримое разнообразие философско-антропологических концепций, созданных за 2,5 тысячи лет существования философской мысли, укладывается в четыре основные группы (с определенными градациями внутри них), между которыми обнаруживается глубокая внутренняя связь. К *первой группе* относятся концепции, ставящие человека (его сущность, природу) в зависимость от наперед заданных объективных порядков, будь то «сущности» или «нормы» (в традиционных метафизических и религиозных представлениях о сущности и ценностях), абстрактные закономерности разума или «чистые закономерности» природы в рационализме и натурализме. *Вторая группа* объединяет все множество концепций человека как автономной личности. Логически она образуется движением от зависимости че-

ловека, связанных с общезначимыми принципами, к плюрализму разделенных субъектов (в индивидуализме, персонализме и спиритуализме), а далее к начинающему разложению и самой структуры субъекта (в философии экзистенциализма). *Третью группу* составляют чисто иррационалистические учения о человеке. Логически она образуется как продолжение того процесса субъекта, которое завершает крайне левое крыло второй группы. Этот процесс затем переходит к тому, что в концепциях третьей группы человек в конечном счете тонет в бессознательном иррациональном потоке жизни. И, наконец, *четвертая группа* демонстрирует процесс постепенного восстановления форм и норм, вначале — только как субъективных и интересубъективных (трансцендентальных) конструкций и установлений. Затем этот процесс снова приводит в мир объективных структур (прагматизм, трансцендентализм, объективный идеализм)¹. В итоге получилась впечатляющая и весьма поучительная картина, все выводы из которой еще предстоит сделать. Разумеется, философская антропология не имеет универсального значения ни для философии, ни для психологии. Однако она убедительно раскрывает связь философии и психологии.

Литература

.....

- Березина Т.Н.* Методики исследования глубинных особенностей личности. — М., 1997.
- Гуревич П.С.* Теория и практика психоанализа: Программа и учебное пособие к изучению курса. — М., 1997.
- Гуревич П.С.* Философия: Учебник для психологов. — М., 2003
- Гуревич П.С.* Этика Артура Шопенгауэра. — М., 1991.
- Лейбин В.М.* Психоанализ. —СПб, 2002.
- Человек.* Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Т.1. — М., 1991.
- Энциклопедия* глубинной психологии. Том первый. — М., 1998.

---

¹ См.: *Брюнинг В.* Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние // *Западная философия: Итоги и перспективы.* — Екатеринбург, 1977.

Тема 2

ПОИСК БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Проблема связи философии с психологией и психопатологией разработана в книге немецкого философа *К. Ясперса* (1883—1969) «Общая психопатология». Она была защищена ее автором в качестве докторской диссертации и тогда же вышла в свет в виде отдельного издания. От феноменологии отдельных психических болезней автор восходит к более широкому философским обобщениям, которые касаются человека в целом в его связи с другими людьми.

..... К. Ясперс отмечает, что психопатология и
Философия, психология соматическая медицина — это научные
и психопаталогия дисциплины, наиболее тесно связанные с
..... психопатологией; но последняя, как любая другая наука, имеет родственные связи и с другими отраслями человеческого знания. Одна из них — а именно философия с ее упором на методологию — заслуживает, по словам Ясперса, особого упоминания.

В истории психологии, как и психопатологии трудно — если даже невозможно — найти такие утверждения, которые по меньшей мере где-то или когда-то не были бы предметом дискуссии. Если мы хотим выйти за пределы стандартных и недолговечных психологических понятий и обеспечить нашим открытиям и теоретическим положениям твердую основу, мы должны остановиться на проблеме методологии. Ясперс считает, что предметом спора становятся не только положения, но и сами методы. Существует также тенденция рассматривать новооткрытые соматические явления как подходящее средство для лучшего познания психической жизни. Решение всех проблем видится в экспериментах, результаты которых выражаются в виде цифр, рисунков или графиков, будто бы наиболее объективно представляющих истинную картину. Одних только эмпирических наблюдений недостаточно. Если мы хотим разработать достаточно четкие понятия, нам нужно выйти на соответствующий уровень мышления. Иначе ни о каком поступательном развитии науки не может быть и речи.

Совершенно естественно, что в этих условиях психопатолог должен уделить специальное внимание методологии. Там, где речь

идет о конкретных психопатологических исследованиях, обращение к философии само по себе не имеет позитивной ценности — если не считать той существенной роли, которую философия играет при выборе методологии. В философии нет ничего такого, что мы могли бы позаимствовать в готовом виде. С другой стороны, основательное изучение критической философии, несомненно, развивает в исследователе готовность к разумному самоограничению. Оно может удержать его от постановки ложного вопроса или развязывания бесплодной дискуссии, оно не позволит ему превратиться в пленника собственных предрассудков — а ведь подобное сплошь и рядом происходит с психопатолами, не имеющими необходимой философской подготовки. Кроме того, изучение философии положительно сказывается на развитии человеческих качеств специалиста-психопатола и помогает ему лучше отдавать отчет в мотивах собственных действий.

Если бы нам были известны, с одной стороны, те элементы, из которых складывается психика человека, а с другой стороны, действующие в ней силы, мы могли бы начать с обобщающего взгляда на психическую субстанцию и лишь после этого заняться уточнением деталей. Но нам не дано воспользоваться подобным предварительным эскизом, поскольку с нашей точки зрения психическая субстанция (душа) есть бесконечно объемлющее, которое нельзя охватить в целом, а можно лишь изучать, проникая в него с помощью различных методов. У нас нет основополагающей системы понятий, с помощью которой мы могли бы определить человека как такового. Нет и теории, которая могла бы исчерпывающе описать человеческое бытие как некую объективную реальность. Поэтому мы должны быть готовы к восприятию любых эмпирических возможностей. Нам ни при каких обстоятельствах нельзя сводить «человеческое» к чему-то единому. Мы не располагаем планом целого. Вместо этого нам предстоит последовательно обсудить ряд отдельных аспектов, в которых находят проявление реалии психического мира.

Первый аспект — это человек. Какое значение с точки зрения заболевания имеет то обстоятельство, что человек — не животное?

Второй аспект — душа. Каким образом душа может быть объективирована? Иначе говоря, как она может быть представлена в качестве предметной реальности?

Третий аспект — душа есть сознание. Что такое «сознание» и «бессознательное»?

Четвертый аспект — душа не «вещь», а бытие в собственном мире. Что такое «внутренний мир» и «окружающий мир»?

Пятый аспект — душа — это не статичное состояние, а процесс становления, развития, развертывания. Что означает дифференциация психической жизни?¹

---

¹ Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997. — С. 29—31.

.....
Рассуждения
о предрассудках
.....

Особую ценность для темы данной главы имеют рассуждения Ясперса о предрассудках. Он полагает, что мы многому смогли бы научиться, если бы выработали трезвый взгляд на вещи, бессознательно воспринимаемые нами как непреложные данности. Некритическое отношение к таким мнимым данностям обусловлено, по его мнению, целым рядом причин — например, потребностью в обобщенной картине целого или желанием свести многообразие явлений к небольшому количеству по возможности простых и непреложных первичных понятий. В результате мы выказываем склонность к абсолютизации отдельных, частных точек зрения, методов и категорий, а еще чаще смешиваем то, что безусловно известно или доступно познанию, с тем, во что мы верим, — пишет Ясперс.

«Такие предрассудки, отягощают и парализуют нашу мысль. На протяжении всей книги мы будем всячески стараться избавляться от них. Здесь мы рассмотрим только самые выразительные примеры; сумев однажды распознать их в явной, неприкрытой форме, мы будем готовы распознать их значительно более замаскированные версии»¹.

Прежде всего Ясперс обращает внимание на философские предрассудки. Он отмечает, что бывали времена, когда главенствующее значение придавалось спекулятивному и дедуктивному мышлению, основанному на принципе понимания и объяснения явлений без привлечения опытных методов проверки. Этот тип мышления, по словам Ясперса, ценился выше, чем дотошное изучение частных фактов. В такие времена философия пыталась создать «сверху» то, что может быть обретено лишь опытным путем, «снизу». Ныне, кажется, отмечает Ясперс, мы отошли от этого образа мыслей, но он постоянно дает о себе знать в форме туманных теоретических построений.

Его вполне узнаваемый дух, показывает автор, ощущается в общепринятой системе общей психопатологии. С одной стороны, наш отказ от чисто дедуктивного и, в сущности, бессодержательного философского теоретизирования оправдан; с другой стороны, он, к сожалению, слишком часто связывается с противоположной крайностью — стремлением ограничить продвижение вперед простым накоплением частных опытных данных. Слепое коллекционирование данных почему-то считается занятием более полезным и плодотворным, нежели сосредоточенное размышление. Отсюда вытекает пренебрежительное отношение к самому процессу мышления — а ведь без него невозможно рассортировать факты, распланировать работу, выработать точку зрения; без него не может обойтись даже самое страстное стремление к научному познанию.

---

¹ Ясперс К. Указ. соч. — С. 41.

Дедуктивные философские системы обычно, по словам Ясперса, находились в неразрывной связи с этическими и прочими оценочными суждениями и выказывали тенденцию к морализаторству и теологическим спекуляциям. Причинами психических заболеваний считались грехи и страсти, а человеческие качества однозначно делились на дурные и добрые. Еще в первой половине XIX в. *М. Якоби* (1775—1858) безжалостно критиковал это «ложное и неуместное философствование». И действительно, в науке, как указывает Ясперс, нет места философским системам подобного рода — независимо от того, насколько важную роль они могут играть в качестве способа выражения той или иной установки человека по отношению к миру. Борьба между мировоззрениями — это обычно не более чем борьба за власть, тогда как в научной дискуссии всегда есть место для осмысленного обмена мнениями.

Тем не менее, считает Ясперс, в психологии и психопатологии трудно обойтись без оценочных суждений, которые часто оказываются выражением тех или иных глубинных философских воззрений. От любого психопатолога требуется, чтобы он в своей оценочной работе проводил четкое различие между наблюдениями и оценочными суждениями. При этом речь идет отнюдь не о том, что ему, как человеку, заказано прибегать к оценкам. Напротив, чем больше мы наблюдаем, прежде чем вынести оценку, тем она яснее, глубже, ближе к истине. От психопатолога требуется лишь спокойная, непредвзятая сосредоточенность на фактах психической жизни. Человек как объект исследования требует беспристрастного и заинтересованного подхода, свободного от какой бы то ни было предубежденности. Принцип, согласно которому простое наблюдение не должно смешиваться с оценочным суждением, очень прост в теории; на практике, однако, он требует от исследователя настолько высокого уровня самокритичности и объективности, что мы еще не скоро сможем признать его самоочевидным.

..... К. Ясперс пишет также о теоретических
Теоретические предрассудках. Он отмечает, что опорой
предрассудки для естественных наук служат всеобъемлющие, хорошо обоснованные теории, благодаря которым все наши частные наблюдения обеспечиваются единообразным фундаментом. В качестве примеров он приводит атомную и клеточную теории. Ничего подобного нет, по мнению Ясперса, ни в психологии, ни в психопатологии; теоретическая основа в этих науках возможна разве что на правах спекулятивной конструкции, выдвинутой тем или иным исследователем. Эти методы не ведут к открытию каких бы то ни было фундаментальных начал, механизмов или законов, предназначенных для объяснения психической жизни; они лишь выводят на определенные пути, двигаясь по которым, мы получаем возможность познать некоторые ее аспекты. С точки зрения Ясперса,

психическая жизнь — это бесконечное целое, совершенно не поддающееся систематизации. Он сравнивает ее с морем: независимо от того, плывем ли мы вдоль берегов или уходим в открытое море, мы лишь скользим по поверхности.

«Пытаясь свести психическую жизнь к нескольким универсальным началам или всесторонне объяснить ее на основе ограниченного числа четко сформулированных законов, мы предаемся совершенно бесплодному занятию. Если наши теории выказывают определенное сходство с построениями в области естественных наук, то это относится главным образом к выдвигению пробных гипотез, пригодных только для ограниченных исследовательских задач, но не применимых к душе в целом»¹.

Следование теоретическому предрассудку, по мнению Ясперса, неизбежно приводит к предвзятому восприятию фактов. Любые открытия рассматриваются с точки зрения частной теории. Все, что подтверждает ее и кажется с ее позиций уместным, воспринимается с интересом; все неуместное игнорируется; все противоречащее теории отодвигается в тень или получает ложное истолкование. На действительность сплошь и рядом смотрят глазами той или иной теории. Поэтому исследователям приходится постоянно делать над собой усилие, чтобы не принимать во внимание теоретические предрассудки, так или иначе свойственные нашему разуму, и воспитывать в себе способность к непредвзятому восприятию фактов. Последние исследователи могут воспринимать только в терминах категорий и методов; соответственно, мы должны сознавать, какие именно предпосылки, обусловленные самой природой исследуемого материала, могут содержаться в любом нашем открытии (ведь «в любом факте уже таится теория»). В итоге, по мнению Ясперса, можно научиться видеть действительность, четко сознавая, что то, что мы видим, не есть ни действительность в себе, ни действительность в целом.

.....
Нигилизм как психологическое состояние
.....
Заслуживают внимания взгляды на психологию другого видного немецкого экзистенциалиста *М. Хайдеггера* (1889—1976). В работе «Европейский нигилизм» философ рассматривает ницшеанское понятие космологии и психологии. Ницше характеризует нигилизм как психологическое состояние. Он, по его словам, должен наступить, во-первых, когда мы искали во всем происходящем «смысл», которого там нет: так что искатель в конце концов падает духом. Нигилизм тогда есть осознание долгой растраты силы, мука этого «напрасно», необеспеченность, когда не подвертывается случай как-то собраться с силами, чем-то еще себя успокоить — стыд перед самим собой, как если бы ты сам себя долго обманывал.

---

¹ Ясперс К. Указ. соч. — М., 1997. — С. 43.

Нигилизм как психологическое состояние, по Ницше, наступает, во-вторых, когда во всем происходящем и за всем происходящим предполагают целость, систематизацию, даже организацию: так что во всеобъемлющем представлении какой-то высшей формы господства и управления душа, душа, жаждущая удивления и почитания, роскошествует... Нигилизм как психологическое состояние, по Ницше, имеет еще и третью, последнюю форму. Коль скоро пришли эти два прозрения, что становлением не правит никакое великое единство, в котором индивид мог бы полностью потонуть как в стихии высшей ценности, — то остается еще лазейка, осудить весь этот мир становления как обман и изобрести мир, лежащий в качестве истинного мира по ту сторону этого. Но как только человек распознает, что этот мир сложен только из психологических потребностей и что мы совершенно не имеем на него никакого права, сразу возникает последняя форма нигилизма, включающая неверие в метафизический мир, — запрещающая себе веру в истинный мир. На этой ступени реальность становления принимается за единственную реальность, человек запрещает себе всякий род уползания к запредельным мирам и ложным божествам — но не выносит этот мир, который уже не удастся отрицать...¹.

Комментируя Ницше, Хайдеггер подчеркивает: судя по заголовку, дело идет о крушении космологических ценностей. Кажется, что назван тем самым какой-то особенный класс ценностей, в чьем падении заключается нигилизм. В соответствии с более школьным разделением учения метафизики «космология» охватывает именно особую область сущего — «космос» в смысле «природы», землю и звезды, растения и животных. От «космологии» отличается, по словам Хайдеггера, «психология» как учение о душе и духе, в особенности — о человеке как свободном разумном существе. По мнению философа, рядом с психологией и космологией и выше них выступает «теология», но не как церковное истолкование библейского откровения, а как «рациональное» («естественное») истолкование библейского учения о Боге — первопричине всего сущего, природы и человека, их истории и их создании.

«Рубрики космология, психология и теология — или троиц — природа, человек, бог — очерчивают область, внутри которой движется все западное представление, мысля сущее в целом по способу метафизики. Поэтому при чтении заголовка «Крушение космологических ценностей» мы прежде всего предположим, что Ницше здесь из трех привычных областей «метафизики» вычленяет одну и особую область космологии. Это предположение ошибочно. Космос означает здесь не «природу» в отличие от человека и от Бога, — «космос» означает здесь не меньше, чем «мир», а мир — имя сущего

---

¹ Цит. по: *Хайдеггер М.* Время и бытие. — М., 1993. — С. 77.

в целом»¹. Нигилизм как обесценка верховных ценностей есть: крушение космологических ценностей. Здесь отмечено, что с крушением космологических ценностей сам космос не рушится. Он только освобождается от оценки через прежние ценности и становится открыт для нового полагания ценностей. Нигилизм поэтому никоим образом не ведет в ничто. Это крушение — не простой обвал. Что должно быть сделано, чтобы нигилизм привел к спасению и реабилитации сущего в целом, обозначено, по мнению Хайдеггера, в приложенном ко всему фрагменту заключительном замечании.

Первые три раздела начинаются каждый раз одинаково: «Нигилизм как психологическое состояние — «должен наступить», «наступает, во-вторых, «имеет еще третью и последнюю форму». Нигилизм есть для Ницше тайный основной закон западной истории. В данном фрагменте, однако, он подчеркнуто определяет его как психологическое состояние. Так возникает вопрос, что Ницше имеет в виду под «психологическим» и «психологией». «Психология» для Ницше — это не то практиковавшееся уже в его время, построенное по образцу физики и сопряженное с физиологией естественно-научное экспериментальное исследование психических процессов, где в качестве основных элементов этих процессов приняты, по образцу химических элементов, чувственные ощущения и их телесные условия.

«Психология» не означает для Ницше и исследования «высшей жизни души» и ее процессов в смысле фактического исследования в ряду прочих; психология не есть также и «характерология» как учение о различных человеческих типах. Скорее, подмечает Хайдеггер, ницшеанское понимание психологии можно понять в смысле «антропологии», где «антропология» означала бы: философское исследование существа человека в аспекте принципиальных отношений человека к сущему в целом. «Антропология» есть тогда «метафизика» человека. Но и так мы не улавливаем ницшеанского понятия «психологии» и «психического». Ницшеанская «психология» никоим образом не ограничивается человеком, но она не распространяется также на растения и животных. «Психология» спрашивает о «психическом», то есть живом в смысле той жизни, которая определяет собой все становление в смысле «воли к власти». Поскольку эта воля составляет основную черту всего сущего, а истина о сущем как таковом в целом называется метафизикой, ницшеанская «психология» равнозначна просто метафизике. Превращение метафизики в «психологию», в которой «психология» человека имеет, конечно, исключительное преимущество, было заложено уже в существе новоевропейской метафизики.

---

¹ Цит. по: *Хайдеггер М.* Время и бытие. — М., 1993. — С. 77.

.....
**Человек — мера
и средоточие сущего**
.....

Хайдеггер показывает, что эпоха, которую мы называем Новым временем и в завершение которой теперь начинает вступать история Запада, определяется тем, что человек становится мерой и средоточием сущего. Человек есть для всего сущего, то есть в понимании Нового времени для всего опредмечивания и для представимости, лежащее в основе, *subjectum*. Как ни резко Ницше снова и снова нападал на французского ученого *Р. Декарта* (1596—1650), чья философия лежит в основе новоевропейской метафизики, он нападал на Декарта только потому, что тот еще не полностью и без достаточной решительности ввел человека как *subjectum*. Представление *subjectum* как *ego*, Я, так сказать, «эгоистическое» истолкование субъекта для Ницше еще недостаточно субъективистично. Только в учении о сверхчеловеке внутри сущего новоевропейская метафизика приходит к предельному и законченному определению своего существа. В этом учении Декарт, по мнению Хайдеггера, празднует свой высший триумф¹.

По словам Хайдеггера, поскольку в человеке, т.е. в образе сверхчеловека, воля к власти неограниченно разворачивает свое чисто властное существо, постольку «психология» в смысле Ницше как учение о воле власти есть одновременно и прежде всего также и область основных метафизических вопросов. Поэтому Ницше в «По ту сторону добра и зла» мог сказать: «Вся психология до сих пор увязает в моральных предрассудках и пугливости: она еще не отважилась пуститься в глубину. Взять ее в качестве морфологии и учения о развитии к власти, как беру ее я, — этого никто еще даже и в мыслях своих не касался». В заключение этого раздела Ницше говорит, что надо требовать, «чтобы психология снова была признана госпожой наук, для обслуживания и подготовки которой существуют все прочие науки. Ибо психология отныне снова путь к основным проблемам».

Хайдеггер показывает, что психология есть обозначение для той метафизики, которая выставляет человека, то есть человечество как таковое, а не просто отдельное «Я», в качестве *subjectum*, в качестве меры и средоточия, основания и цели всего сущего». Если нигилизм понимается тогда как «психологическое состояние», то это означает вот что: нигилизм касается положения человека внутри сущего, рода и способа, каким человек ставит себя в отношение к сущему как таковому, каким он формирует и утверждает это отношение и тем самым самого себя; а стало быть, речь идет не о чем другом, как о роде и способе исторического бытия человека. Этот род и способ определяется из основного характера сущего как воли к власти. Нигилизм, взятый как «психологическое состояние», зна-

---

¹ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993. — С. 78.

чит: нигилизм, увиденный как образ воли к власти, как событие, в котором происходит историческое бытие человека.

Если Ницше говорит о нигилизме как «психологическом состоянии», то при прояснении существа нигилизма он будет двигаться также в «психологических» понятиях и говорить на языке «психологии». Это не случайно и потому вовсе не какой-то внешний способ самоизъяснения. Все равно мы должны изнутри такого языка слышать более существенное содержание, потому что подразумевается «космос», сущее в целом.

Литература

.....

Гуревич П.С. Психология. — М., 2000.

Ницше Ф. Воля к власти. — М., 1995.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. — М., 1998.

Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993.

Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997.

Тема 3

ПСИХИКА — ВМЕСТИЛИЩЕ ОБРАЗОВ

Мы живем в потоке образов. Человек, по определению Э. Кассирера — символическое животное. Это означает, что мы реагируем не на саму реальность, а на тот образ, который она вызывает. Парадоксальное наблюдение психологов. Вы рассматриваете картину испанского художника Франсиско Гойи «Обнаженная Маха». Вызывает ли раздетая женщина ваши эротические переживания? Конечно, только не сама по себе. Картина рождает вашу собственную сексуальную фантазию. Ваш эротический образ — другой, уникальный, глубоко личный.

В вашем сознании живет образ отца, матери, любимой... Вот в чем проблема: прототип и его образ — это не одно и то же. Человек может быть недалеким, но вам он кажется чуть ли не гением. Наша психика — скопление образов. Они встают на пути сообщения, которое рвется к вашему сознанию. Неудивительно, что посланный сигнал преобразуется, видоизменяется. Он вообще может показаться неузнаваемым. Американский психолог Э. Берн приводит массу примеров, когда психологическая адаптация человека становится просто трудной, потому что мешают образы, уложившиеся когда-то в голове и уже не подтверждаемые реальностью.

В юности вы любили девушку. Прошли годы, вы расстались, но ее романтический образ сохранился в вашей памяти. И вот встреча спустя десятилетия. Вряд ли она будет простой... Человек был бы устроен куда проще, если бы он всего лишь автоматически обучался на опыте и строил образы в соответствии с тем, что с ним в действительности происходило.

Один психолог написал недавно в газете о тайных позывных вещей, разговоров, ситуаций. Человек может испытывать огромное влечение к эпохе, в которой он никогда не жил. Кому-то кажется, что он рожден для античных терм (бань), другому, что он призван сражаться на ристалищах. Этот феномен осознан и активно разрабатывается в современном искусстве. Вы живете в современном мире, а в вашем сознании теснятся образы иного времени.

Человек, подмечает Э. Берн, это ярко окрашенная энергетическая система, полная динамических стремлений. Конечно, можно

предполагать и другие образы человека. Но чем плох этот? У людей есть желания. Некоторые из них получили название. Вот человеческие страсти — половое влечение, властолюбие, фанатизм, страх. Но есть, полагает Берн, много и других желаний — сознательных и бессознательных. Некоторые из них имеют название, другие нет. Одна из самых актуальнейших и интереснейших задач современной психологии — распознать желания и изучать их взаимные связи.

В Древней Греции существовал такой обычай. Друзья, расставаясь, брали какой-нибудь предмет (глиняную лампадку, статуэтку или навощенную дощечку с какой-либо надписью) и разламывали пополам. По происшествии многих лет эти друзья или их потомки при встрече узнавали друг друга, убедившись, что обе части соединятся и образуют единое целое — символ.

..... *Символ* — от *греч.* symbolon — «знак, примета». Так называется объект, стереотип поведения, слово, которые указывают на определенную значимую для человека реальность или на порядок, созданный людьми и связанный с психическими состояниями или переживаниями. Символ имеет предметную выраженность.

Э. Кассирер называл человека «символическим животным». Символическое мышление и поведение, по его мнению, самые характерные черты человеческой жизни. Но действительно ли только человеку присущ дар творить символы?

Экспериментальные исследования немецкого психолога *Х. Вольфа* (1679—1754) поведения человекообразных обезьян показали, что они реагируют на «знаки поощрения». Животные обучаются отвечать на знаки как замену пищи поощрением так же, как если бы они реагировали на саму пищу. Согласно *Х. Вольфу*, результаты разнообразных и длительных экспериментов доказали, что в поведении человекообразных обезьян присутствуют символические процессы. Современная психология принимает во внимание эти факты. Множество аналогий и параллелей эмоциональному языку человека можно найти в животном мире.

Немецкий психолог *В. Келер* (1887—1967), исследуя шимпанзе, установил, что они способны многое выразить жестами. Таким способом нетрудно выразить ярость, страх, отчаяние, горе, мольбу, желание, игривость, удовольствие. Однако никакие их гримасы и телодвижения, так же как и звуки, никогда не обозначают и не «описывают» объекты. Для достижения ясности в постановке проблемы важно провести различие между знаком и символом. Знак становится символом тогда, когда он выражает общезначимую реакцию не на сам символический объект, а на отвлеченное значение, которое можно связывать с этим предметом. Знак фиксирует в предметной, жестовой или интонационной форме сходство между вещами,

ситуациями и переживаниями. Он указывает на внешнее и внутренне сходство между объектами. Но при этом такое сходство может на самом деле отсутствовать. Просто люди готовы условиться, что такое подобие на самом деле есть.

Существует давний рассказ о том, как таможенники поймали пассажира, который вез огромный слиток олова. Это было запрещено правилами, считалось контрабандой. Однако пассажир заявил, что это не олово, а произведение искусства из данного серебристо-белого металла, мягкого и пластичного. Тогда таможенники, обескураженные таким сообщением, записали в правила: «Произведением искусства является такой предмет, эстетические качества которого признают хотя бы два человека...».

Когда юноша, облаченный в трико, поднимает на руках гибкую и стройную девушку, а затем отбрасывает ее в сторону и она начинает кружиться вокруг своей оси, то это на языке балета может означать: «Я тебя очень люблю...». Однако такой знак требует определенного согласия относительно заключенного в нем смысла. Иной непосвященный может даже вознегодовать: «Зачем он швыряет девушку?..» А ведь это условный язык балета. Знак, следовательно, выражает смысл только конвенционально, то есть по общему согласию, по сложившимся правилам.

То, что в животном поведении обнаруживаются сложные системы знаков и сигналов — это, пожалуй, очевидный факт. Мы можем даже сказать, что некоторые животные, особенно домашние, чрезвычайно восприимчивы к знакам. Собака может реагировать на малейшие изменения в поведении хозяина, она может различать выражения лица и перемены в голосе хозяина. Но этого еще далеко до понимания символов в человеческой речи. Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью — волшебное слово, которое позволяет войти в мир человеческой психики.

■ **Язык символов** — код, посредством которого мы выражаем наше внутреннее состояние так, как если бы оно было чувственным восприятием. Космос символов — это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума.

Условные символы — наиболее известный нам тип символов, поскольку мы постоянно используем их в повседневном языке. Когда мы говорим «дом», мы условно вызываем в сознании образ дома. Но само слово не есть дом. Оно выражает нашу готовность называть предмет этим именем. Когда мы произносим «фи», мы выражаем презрение. Символ внутренне связан с чувством, которое он символизирует.

Слова — не единственный пример условных символов, хотя и самый известный и распространенный. Условными символами мо-

гут быть и образы. Например, флаг может быть знаком какой-то страны, но при этом особый цвет флага не связан с самой страной, которую он представляет. Крест может быть просто условным символом христианской церкви, и в этом смысле он ничем не отличается от флага. Но специфическое содержание этого образа, связанное со смертью Христа и, кроме того, с взаимопроникновением плоскостей материи и духа, переносит связь между символом и тем, что он символизирует, за пределы простой условности.

Случайный символ — прямая противоположность условному символу. Известно, что европейские телезрители привыкли, например, к мультипликационному персонажу Дональду Дюку. Но вот телевизионную версию об этом утенке показали в одной африканской стране. И произошло непредвиденное. Зрители стали бросать в экран разные предметы, выражая свое возмущение. Это означает, что здесь обнаружился случайный символ. Личный опыт африканца соединил зрелище со своим неприязненным отношением к образу утенка.

Случайные символы редко используются в мифах, сказках или художественных произведениях, созданных на языке символов, поскольку они не несут в себе никакого сообщения, разве что автор снабдит каждый символ длинным комментарием. Но в снах случайные символы встречаются часто.

Универсальные символы — это такие, в которых между символом и тем, что он обозначает, есть внутренняя связь. В основе многих универсальных символов лежат переживания, которые испытывает каждый. Возьмем, к примеру, символ, связанный с огнем. Мы зачарованно смотрим на горящий очаг, и на нас производят впечатления определенные свойства огня. Прежде всего, его подвижность. Он все время меняется, все время находится в движении, и тем не менее в нем есть постоянство. Он остается неизменным, непрерывно меняясь. Он производит впечатление силы, энергичности, изящества и легкости. Он как бы танцует, и источник его энергии неисчерпаем. Когда мы используем огонь в качестве символа, мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня: состояние энергичности, легкости движения, изящества, радости — и в данном чувстве преобладает то один, то другой из этих элементов.

Проведено множество эмпирических исследований, которые подтвердили, что между символами разных народов существуют параллели. Это означает, что в символах есть нечто общечеловеческое, то есть разделяемое всеми людьми. Не каждый символ универсален. Можно назвать определенные типы символов, которые встречаются в рамках ограниченного числа параллельных культур. Однако они не имеют универсального значения. В этом смысле они единственны в своем роде. Они исторически обусловлены для культуры только отдельных народов.

Так, противопоставление самого общего характера (мужское — женское, становление — угасание, ритмичность и периодичность стихийных явлений природы) повсюду встречаются в виде символов. Благодаря этому мы получаем возможность выделить фундаментальные символы человеческого рода. Изначально вне какой бы то ни было связи с историей и традициями. Они существуют в бессознательном.

К. Ясперс в работе «Общая психопатология» отмечает, что среди символов мы никогда не встретимся, скажем, с Аполлоном или Артемидой, которые принадлежат истории и незаменимы. Их невозможно обнаружить даже в самых глубинных слоях бессознательного, а все, что мы о них знаем, дошло до нас благодаря преданию. Между этими двумя крайностями находятся те особые символические формы, которые, хотя и не универсальны, но принадлежат одновременно многим культурам. Наконец, существует, по мнению К. Ясперса, ряд особых, специфических содержательных элементов, которые встречаются пусть не повсеместно, но настолько часто и широко, что их невозможно считать чисто историческими. Несмотря на всю их необычность, за ними следует признать относительную общезначимость (к таким символам относится, например, форма головоногих)¹.

Психологическое понимание символов не может быть достигнуто без столкновения с опасными двусмысленностями. Мы исследуем символы в мифах и религиозных верованиях, снах и психозах, грезах наяву и психопатических состояниях. Приобретаемое нами знание носит чисто внешний характер; наша собственная вера в нем не участвует. Но при этом мы вольно или невольно, как подчеркивает К. Ясперс, склоняемся к тому, чтобы усматривать в результатах наших научных исследований внутреннюю правду самого символа. Мы стремимся сообщить наше знание символов другим людям и тем самым оказать на них исцеляющее воздействие. Мы хотим пробуждать символы к жизни и приглашать других к их соучастию. Знание о символах как об исторических и психологических фактах, рассматриваемое извне, сложным и запутанным образом переплетается с тем, что мы знаем о собственной, имманентной правде символов.

Литература

.....

Гуревич П.С. Культурология. — М., 2002.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М., 1998.

Лоуэн А. Предательство тела. — Екатеринбург, 1999.

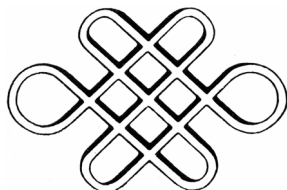
Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997.

---

¹ *Ясперс К.* Общая психопатология. — М., 1997. — С. 411—412.

Тема 4

РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Великий английский фантаст *Г. Уэллс* (1866—1946) пришел к убеждению, что психология станет самой значительной наукой в будущем столетии. Он имел в виду наш век. Может быть опять преувеличение? А физика, которая установила, что время и наша Вселенная, образовавшаяся в результате гигантского взрыва 12 миллиардов лет назад, являются вечными и развиваются в пространстве бесконечно? Разве она не предвещает нам, что в мире существуют энергии, может быть, гораздо более важные для мира, чем внутриатомная энергия?

Сейчас мир потрясен открытиями, которые принадлежат биологии. Толкуют о биологическом конвейере для серийного копирования зародышей с почти идентичным геномом. Поговаривают о «ксерокопировании» вождей, звезд и миллионеров. Никто не знает пока конечных целей и возможностей новой биологии. Однако, несомненно, человек стоит на пороге открытий, которые раскроют, надо полагать, тайну жизни.

С одной стороны, современная наука интенсивно работает над созданием искусственного интеллекта, открывая перспективы моделирования человеческих качеств — разумности, рациональности. Она предлагает трансплантаты жизненно важных человеческих органов. Конструируя генетическую конституцию человека, наука тем самым заменяет силы естественного отбора. С другой стороны, все чаще возникает вопрос: что же представляет собой собственно человеческое?

Уже сегодня мы создаем те специфические черты, которые завтра станут нормой. Очевидно, это приведет к тому, что в течение каких-либо десятилетий человек изменится в той же степени, в какой он преобразился за все предшествующие восемь миллионов лет, пройдя эволюцию от австралопитека до современного человека разумного. Что же при этом останется в человеке от человека?

Американский психолог *Д. Флетчер* подчеркивает, что всего лишь несколько десятилетий понадобится человеку, чтобы воспроизведение потомства перестало подчиняться «закону рулетки». Это означает, что люди станут контролировать рождаемость, выбирать

пол для будущего ребенка, создавать человеческую жизнь прямо в лаборатории.

Но эта способность ученых творить «новую жизнь» вызывает и тревогу. Воскрешаются теории о неполноценности отдельных рас. Предлагаются проекты такого социального устройства, которое позволит на базе новой техники формировать касты «рабов» и «господ». Кажется, возможности «конструирования» человеческого организма беспредельны. Однако философское постижение человека рождает и другую мысль — человека как уникальное существо нельзя заменить искусственной конструкцией, можно воспроизвести монстра, но не живое мыслящее уникальное существо.

Серьезные опасения вызывает возможность сращивания гена. Возьмем опыты по гибридизации вирусов, когда «тело» берется от одного вируса, а его «начинка» — наследственный аппарат — от другого. Последствия такого эксперимента далеко не всегда предсказуемы. А встраивание чужих генов в молекулу ДНК-носительницу наследственности? В итоге возникают существа — химеры, которых вовсе не было в природе.

Биотехнология демонстрирует возможности «генной машины», которая расшифровывает последовательность аминокислот любого белка. Достаточно ввести в машину желаемый генетический код, как ген окажется автоматически синтезированным. Он будет введен в бактериальную клетку, где будет вырабатывать нужный белок. Применение такой техники в генной инженерии оказывает такое же воздействие на биологию, как в свое время изобретение компьютеров и развитие вычислительной техники на математику. Биологи планируют создание генетической библиотеки человечества, эталонного каталога здоровой наследственности. Масштабы экспериментов огромны, между тем тайна человеческого остается закрытой...

Население земного шара стремительно растет. Но улучшается ли при этом генотип? Ученые с тревогой обсуждают вопрос об утрате человеком его природных качеств. Снижаются андрогинные (андрогин — согласно мифу древнее двуполое существо) способности человека. Женщины часто не могут зачать, выносить и вскормить ребенка. Родилось даже новое понятие — эпидемия бесплодия. Вместе с тем возникает догадка — не движется ли человечество к вымиранию естественным путем? Нет ли угрозы «человеческому» в истощении генного фонда, искажении биологических задатков, непредвиденных мутациях? (мутация от *лат. mutatio* — изменение, перемена — изменение наследственных свойств организма).

Но, может быть, бурное развитие биологии приведет к тупику. Жизнь как феномен сойдет с магистрали и станет развиваться на путях вырождения. Представители точных наук, замороженные грандиозными открытиями нашего века, полагают, что проникновение в ядро клетки важнее интуиций души. Однако разумно ли, не сдер-

живая себя философской осторожностью, извлекать из вещества огромные фантастические энергии, не имея развернутой картины мира? Последствия чернобыльской катастрофы столь значительны, что один мудрый современник сказал: «Не исключено, что дата взрыва может стать основой для нового летоисчисления».

Ученые достигли огромных успехов в познании генной природы человека. Совсем недавно биологи открыли ген, который несет в себе завершение жизни природного организма. Именно в нем заложена информация, которая исчерпывает себя в распаде клетки, в смерти индивида. Вот она, тайна конечности человеческого существования, заведомый приговор к гибели человека. Кстати, ген опознан, и с помощью лазера его можно выжечь. Человек станет бессмертным? Да, сегодня пишут о проникновении в глубины клетки, о возможности жить вечно. Если бы был жив писатель И. Ильф, он, возможно, записал бы в свою книжку: «как грустно умереть в канун открытия бессмертия».

Биология, физика ошеломили мир. Может быть, предсказание Уэллса оказалось неверным? Можно предположить и иное. Человек на рубеже тысячелетий катапультировался в новую реальность. Но сможет ли он жить в ней? Обладают ли люди способностью к такой фантастической адаптированности? Мне дан дар вечного существования, но я так и не познал смысла жизни. Люди, которые умерли, вдруг появляются рядом со мной, но уже в клонированном варианте. Я уже запутался в этих человеческих подобиюх... Наконец, новые технологии обнаруживают мощную агрессию против жизни. В технике заложен огромный некрофильский импульс. Она пытается вытеснить живую жизнь.

Человек создал механизированный мир. Он использовал мыслительные ресурсы для того, чтобы выстроить компьютерное царство. Люди бессознательно хотят истребить биологическую форму жизни и заменить ее машиной. «Мыслящий тростник» (так Б. Паскаль называл человека) впал в безумие. Его усилия направлены теперь не на природу, а на самого человека. Собственная человеческая природа кажется человеку странной, чужеродной... Он хотел бы перестроить себя по меркам машины.

Человек нового мира хотел бы ласкать томагочи, ухаживать за ним. Он мечтает уйти в виртуальную реальность. Он намерен заменить природный разум на компьютерный. Человек заколдован новейшими технологиями, которые помогают заменить природное достояние на более совершенные детали и конструкции.

Создав мощнейшую технику, человек изменил ритм и течение своей жизни. И тут оказалось, что главнейшая беда — вовсе не дефицит сырья для производства, не разрушение экологической среды. Научная мысль пытается отвести эти катастрофы, создавая ресурсосберегающие технологии и экологически чистые производства. Беда в ином: психо-

логические ресурсы человека не безграничны. Дело не в том, что образуются озоновая дыра или иссякнет нефтяная скважина, — скорее всего может не выдержать человеческая психика.

Об этом еще тридцать лет назад предупреждал американский публицист и философ Э. Тоффлер (р. в 1928 г.). Он писал, в частности, что человечество охватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Есть у этой «болезни» и свое название — футурошок (шок от будущего).

Футурошок характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, неумением ориентироваться в жизни, утратой, вызванной страхом перед грядущим. Если до начала XXI в. миллионы обычных, физически здоровых, психически нормальных людей внезапно столкнутся лицом к лицу с будущим, смогут ли они приспособиться к все более усиливающемуся давлению событий, знаний, науки, техники, различного рода информации? Не приведет ли это к серьезным социальным и психологическим последствиям?

Мир не внял предостережению Э. Тоффлера — мало ли чем может испугать нас современный футуролог (специалист по будущему). Только отдельные здравомыслящие люди поспешили изменить стиль жизни, точнее сказать, постарались оградить его от радикальной динамики. Заговорили о том, как важно для человека ощущать прочность бытия. Культурные циклы меняются, один за другим, создавая лавину цивилизованных потрясений.

Э. Тоффлер видел причину футурошока только в машине: это ее скорость рождает неслыханные темпы изменений, и поэтому миллионы людей охвачены возрастающим чувством тревоги. Они не могут ориентироваться в окружающей жизни, теряют способность разумно управлять событиями, за чередой которых, кажется, даже уследить невозможно. Безотчетный страх, массовые неврозы, не поддающиеся разумному объяснению, необузданные акты насилия — все это по мнению американского эксперта, лишь слабые симптомы болезни, которая в недалеком будущем ожидает всех нас.

Реальность российской действительности и тех стран, которые еще недавно составляли с нами единое пространство, значительно изменили предсказание Э. Тоффлера. Дело не только в машине, не только в темпах жизни, которые навязывает нам техническая цивилизация. Преображается социальное и культурное бытие. Человек не просто включается в общий поток неслыханных ускорений, — он, можно сказать, катапультируется, причем многократно, в иные миры.

Итак, роль психологии в современном мире в начале нового тысячелетия решительно преобразуется. Рождается новая цивилизация, и она несет с собой множество проблем, которые невозможно понять и скорректировать без психологии. Необычайная скорость социаль-

ных и культурных преобразений, неспособность многих людей адаптироваться к новым реальностям, распад идентичности (то есть способности правильно осознавать и воспринимать себя), обнаружение новых антропологических свойств человека, — все это выдвигает психологию на передний рубеж гуманитарного знания.

Литература

- .....
- Ромек Е.А.* Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление. — Ростов-на-Дону, 2002.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. — М., 2001.
- Тоффлер Э.* Шок будущего. — М., 2001.
- Человек:* физическое и духовное самосовершенствование. — Ижевск, 2002.

Тема 5

НОВАЯ ПСИХОСФЕРА

Современные исследователи выделяют внутри общественной жизни разные сферы. Особое внимание психологов вызывает формирование новой цивилизации. Как мы в нее вписываемся? Не означают ли сегодняшние технологические изменения и социальные перевороты конец любви, привязанности, общности и участия? Не делают ли заворающие электронные чудеса человеческие отношения еще более бессодержательными и потребительскими, чем сегодня?

По мнению американского социолога Э. Тоффлера, если посмотреть вокруг, мы повсюду обнаружим свидетельства психологического истощения. Как будто бомба взорвалась в нашей общей «психосфере». Мы переживаем распад психосферы. Во всех богатых странах литания (от *лат.* просьба, моление) слишком хорошо известна: увеличивается процент подростковых самоубийств, ошеломляюще высок уровень алкоголизма, широко распространены психологические депрессии, вандализм и преступность. В США пункты первой помощи переполнены наркоманами, не говоря уже о людях с «нервными расстройствами».

Миллионы людей устали от насилия. Более того, на них постоянно наступает все увеличивающаяся армия взвинченных, странных личностей, недоумков, чудиков и психов, чье антисоциальное поведение средства массовой информации часто окружают романтическим ореолом. По крайней мере, на Западе мы видим романтизацию безумия, прославление «гнезда кукушки». В бестселлерах объявляется, что сумасшествие — это миф. К концу 70-х годов движение за развитие человеческих возможностей, распространяясь на восток от Калифорнии, породило около 8 тысяч разных «терапий», состоящих из обрывков психоанализа, восточных религий, экспериментов с сексом, различных игр.

Чтобы создать желаемую эмоциональную жизнь и здоровую психосферу для зарождающейся цивилизации будущего, мы должны признать три основных требования любой личности: потребность в общности, в структуре и смысле. Прежде всего, любое достойное общество должно породить чувство общности. Общность противостоит одиночеству, а чувство принадлежности к общности придает

людям уверенность. Однако в наше время институты, от которых зависит общность, разрушаются во всех технологических обществах. Результат — распространение чумы одиночества.

Фактор одиночества недооценивается в экономике. Сколько жен, принадлежащих к верхушке среднего класса, доведенных до отчаяния звенящей пустотой своих обеспеченных пригородных домов, пошли на рынок труда, чтобы не потерять рассудок? Сколько домашних животных покупается, чтобы нарушить молчание пустого дома? За счет одиночества существует большая часть туристического бизнеса и индустрии развлечений. Оно вносит свой вклад в употребление наркотиков, депрессию и уменьшает производительность труда. И оно создает доходную индустрию «одиноких сердец», цель которой — помочь одинокому человеку найти и окольцевать другого.

Нашей возрастающей социальной разнородностью можно объяснить феномен одиночества. Разъединяя общество, подчеркивая различия, а не сходство, мы помогаем людям индивидуализироваться, создаем возможности для каждого реализовать свой потенциал. Но мы также затрудняем человеческие контакты. Поскольку, чем больше мы индивидуализируемся, тем труднее нам становится выбрать себе спутника жизни с близкими интересами, ценностями, привычками или вкусами. Друзей найти сложно. Каждый становится более разборчивым в социальных связях. В результате возникают неудачные взаимоотношения. Или нет никаких связей вообще.

В то же время многое для пробуждения чувства общности могут сделать, скажем, сами школы. Может не стоит оценивать чисто индивидуальные успехи учащихся, а сделать так, чтобы оценки каждого учащегося зависели бы от успехов всего класса или какой-то группы в классе. Это уже в детском возрасте наглядно подтвердит мысль о том, что каждый из нас несет ответственность за других. Немного воображения и поощрения и воспитатели придумают многие другие, лучшие способы воспитания общности.

Не следует ли службы знакомств ограничить романтическими контактами? Почему не создать службы или места, куда люди могли бы придти просто, чтобы встретить друга, а не любовника или потенциального спутника жизни? Общество нуждается в таких службах... Общераспространенное опасение, что компьютеры и телекоммуникации лишат нас живых контактов и сделают отношения между людьми более отстраненными, не всегда правильно. В действительности возможен обратный результат. Хотя некоторые отношения в учреждениях или на предприятиях могут ослабеть, семейные и общинные связи, вполне вероятно, устранятся с помощью этих технологий. Компьютеры и средства коммуникации способны помочь нам в создании общности.

Людям нужна структура жизни. Жизнь, в которой нет четкой структуры, — это крах. Без структуры начинается распад. Структура

обеспечивает относительно фиксированные точки отсчета, которые нам необходимы. Вот почему для многих работа, помимо заработка, важна психологически. Люди, предъявляя четкие требования к их времени и энергии, вносят элемент структурированности, вокруг которого может быть организована остальная жизнь. Требования младенца к родителям, ответственность ухода за инвалидом, строгая дисциплина, необходимая членам церкви или, в некоторых странах, политической партии, — все это также может привносить в жизнь простую структуру.

Некоторые психиатры сегодня пытаются организовать нашу жизнь. Они говорят, что не следует годами лежать на кушетке, предлагают практическую помощь в поисках работы, подружки или друга, помогают составить бюджет, выбрать диету. Людям недостаточно понимать (или думать, что они понимают) свой маленький вклад в жизнь общества. Они также должны ощущать, каким образом они вписываются в более широкую систему понятий. Даже если жизнь бессмысленна с какой-то космической точки зрения, мы можем создать и часто создаем смысл, извлекая его из социальных связей и представляя себя частью более широкомасштабного действия — последовательного развития истории.

Психическое состояние людей в современном мире вызывает тревогу. По данным Национального института душевных заболеваний, одна треть американцев страдает клиническим душевным расстройством в «каждый данный год» и половина американцев будет болеть им хотя бы один раз в течение своей жизни.

Еще десять лет назад слово «невротик» имело отрицательный смысл. Сейчас ситуация в городах России и, в первую очередь, в Москве изменилась. Только больных тяжелыми неврозами более 500 тысяч человек, средней тяжести — около миллиона, а о легких формах уже и говорить не приходится: по различным данным — от 2 до 3 миллионов. Первая категория — это потенциальные кандидаты в «шизофреники», вторая — в число больных инфарктом или инсультом, сахарным диабетом или бронхиальной астмой. Практически все они имеют как следствие невроза какое-либо заболевание сердечно-сосудистой или пищеварительной систем.

По новейшим данным, каждый третий пациент, пришедший в поликлинику, нуждается только в психотерапевтической помощи. Еще треть — в равной степени и в психотерапевтической, и в специальной. Продолжительность больничных листов была бы на 20—40% меньше, если параллельно шла коррекция психики. Более того, большинство инфекционных заболеваний в два—три раза реже передавались бы людям со здоровой психикой (иначе говоря, без невроза).

В прежние времена увеличение числа неврозов шло весьма безобидными темпами — 1—2% в год, а теперь — 5—10%. И если раньше преобладали легкие формы неврозов, то теперь акцент сместил-

ся в сторону тяжелых. Еще 10 лет назад у десятилетнего ребенка невроз был сенсацией, сегодня психиатров не шокирует и шизофрения в 10 лет. Не говоря уже о 4—7-летних, с явными задатками невротического развития личности.

В американском «Диагностическом и статистическом справочнике душевных расстройств» сейчас насчитывается больше трехсот названий. Двадцать лет назад их было в три раза меньше. Эксперты утверждают, что, например, «дорожное бешенство» приняло опасные, эпидемические размеры на автострадах Америки.

Психиатрия вторгается в юриспруденцию, пытаясь переводить нравственность и правосудие в свои категории. Америку недавно потрясла история одной школьницы из Нью-Джерси. Во время школьного бала у нее начались родовые схватки. Она вышла во двор, родила, выбросила новорожденного в мусорный ящик, вернулась в зал и, как ни в чем не бывало, вновь стала танцевать. Психиатр, который защищал ее на суде, объяснял ее поступок как «скоропреходящее психотическое состояние».

Перед психологией и психиатрией стоят сегодня задачи непомерной трудности.

Литература

- .....
- Дружинин В.Н.* Психология семьи. — М., 1996.
Каплан Х. Сексуальная терапия. — М., 1994.
Леоргард К. Акцентуированные личности. — Киев, 1981.
Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.

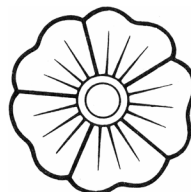
II

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Тема 6

ЗАЧЕМ НУЖНА ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Любая наука имеет свою историю. Но ведь теория постоянно развивается. Стоит ли возвращаться к давним прозрениям, если многие из них были наивными, а последующее становление дисциплины выстроило совсем иную картину знания? Уместно ли вновь оценивать то, что давно превзойдено, обрело совсем иной облик? Не правильнее ли сохранить в психологии только то, что выдержало испытание временем, что определяет облик современной науки?

Иначе говоря, нужна ли история психологии? Разумеется, нужна. Во-первых, каждое явление, каждый процесс, каждое открытие возникают не на пустом месте. У них есть предыстория. Невозможно понять человека, не проследивая истории его становления. Так, нельзя представить себе современную психологию без восстановления долгой и мучительной борьбы идей внутри этой дисциплины.

Философия в качестве самостоятельного раздела знаний имеет историю философии. Психология также выделяет автономную область собственного самопознания — историю психологии.

Но стоит ли возвращаться к тем открытиям, которые за давностью времени уже утратили свое значение? К чему, скажем, воскрешать миф о Психее в условиях информационного века? Зачем толковать об андрогинах, про которых пишет Платон, заведомо зная, что это изложение мифа?

Во-первых, психология развивается не по путеводной линейной схеме путем приращения все новых и новых знаний. Процесс ее становления весьма противоречив, он знает возвраты, пропуски, переоценки. Иная констатация кажется нерушимой, вечной, но проходит время и оказывается, что это представление неверно, неточно и не может отстоять свое право на научность. В той же мере и наоборот — то, что в определенное время было отброшено, считалось нелепым, через несколько десятилетий оказывается чрезвычайно значимым.

Приведем примеры. Первая концепция структуры человеческой души принадлежала Платону. Он выделял разум, волю и страсти. Однако при этом, по мнению греческого философа, эти компонен-

ты души выстроены в иерархической последовательности: главенствует разум, а страсти — это низменная часть человеческой психики. В XVIII в. эта схема сохранила в целом свой облик, однако она утратила иерархичность. Чувства уже не считались таким достоянием человека, которое во многом в существенном ниже разума.

Другой пример. В 20-х гг. прошлого века австрийский психолог и психотерапевт *О. Ранк* (1880—1939) в своем сочинении «Травма рождения» выдвинул психологическую концепцию, в которой решающим фактором развития выступает страх, вызванный травмой рождения. Человеческая психика, по *О. Ранку*, изначально травмирована мучительным актом рождения, разрывом с природой, образующим корень психического. Поведение человека определяется в конечном счете стремлением вернуться в потерянный рай внутриутробного развития, и это стремление с развитием культуры приобретает все более преобразованные формы.

В начале прошлого века огромной популярностью пользовалась концепция *З. Фрейда*, который не учитывал, по сути дела, внутриутробного развития и его влияния на психику человека. Изучение психического мира ребенка начиналось уже после его рождения. Огромный авторитет *Фрейда* буквально затмил, вытеснил концепцию *Ранка*. Но вот в 60-е г. прошлого века, когда родилась трансперсональная психология, разработки *Ранка* оказались весьма кстати. К его трудам вернулись. Его взгляды были восстановлены в своих правах.

История психологии — это летопись открытий и ошибок, коррекций и возвратов, компромиссов и размежеваний. Прежде чем понять внутренний мир человека, его психику, надо задуматься о самом человеке, его предназначении, человеческой природе.

Важный методологический вопрос истории психологии — время ее возникновения. Как самостоятельная наука психология появилась в конце XIX в. Термин родился немного раньше в XVIII в. в работах немецкого философа *Х. Вольфа*. Но ведь накопление психологических знаний началось еще в античности. Более того, первые научные представления о психике возникли в древнем мире (Индия, Китай, Египет, Вавилон, Греция) в недрах философии в противовес религиозному догмату о душе как особой сущности, внешним и случайным образом связанным с телом. Наконец, в последние годы в связи с появлением трансперсональной психологии родился интерес к шаманизму. У истории психологии — богатейшая предыстория. Как невозможно, по мысли *Л.С. Выготского* (1896—1934), понимание высших психических функций без знания истории их возникновения, так невозможна современная психология без ее истории.

Современные исследователи делят историю развития психологического знания на следующие этапы:

1) с древности до последней четверти XIX в., когда психология не являлась самостоятельной наукой, была составной частью философии

фии, хотя развитие представлений о психике и сознании происходило в рамках иных научных дисциплин и других форм общественной практики (т.е. физиологии, этнографии, медицины, педагогики, литературы, искусства и т.п.);

2) выделение и развитие психологии как самостоятельной науки (с последней трети XIX в. до настоящего времени)¹.

Основная тема психологической мысли античности и средних веков — проблема души. Само слово «психология», предложенное в 1599 г. немецким ученым *Р. Гокленусом*, стало в Европе общеизвестным после выхода в свет книг *Х. Вольфа* «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734).

В XVIII в. сложилась так называемая теория среды. Ее представители утверждали, что человеческое поведение формируется исключительно под воздействием социального окружения, т.е. определяется не «врожденными», а социальными и культурными факторами. Уже философы-просветители рьяно отстаивали эту идею в самой радикальной ее форме. Они считали, что человек рождается добрым и разумным. И если в нем развиваются дурные наклонности, то причиной тому дурные обстоятельства, дурное воспитание и дурные примеры. Многие были убеждены в том, что не существует психических различий между полами и что реально существующие различия между людьми объясняются исключительно социальными обстоятельствами и воспитанием. Философы имели в виду вовсе не манипулирование сознанием, не методы социальной инженерии, а социальные и политические изменения самого общества. Они верили, что «хорошее общество» обеспечит формирование хорошего человека или, по крайней мере, сделает возможным проявление его лучших природных качеств.

Литература

- .....
- Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. — М., 2002.
- Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии: Хрестоматия с комментариями по курсу «Введение в психологию». — М., 1994.
- Эббингауз Г., Бэн А.* Ассоциативная психология. — М., 1998.

---

¹ См. *Е.Е. Соколова.* Психология // Человек. Философско-энциклопедический словарь. — М., 2000. — С. 296

Тема 7

СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

В конце XIX в. психология стала претендовать на статус самостоятельной науки. Этому содействовало два фактора. Во-первых, бурное развитие физиологии, во-вторых, широкое распространение экспериментальных методов при изучении человеческой психики. *Ч. Белл* показал наличие чувствующих и двигательных нервов и установил основные законы проводимости. *И. Мюллер* (1801—1858) и *Г. Гельмгольц* (1821—1894) подвергли измерению проведение возбуждения по нерву. Они написали ряд капитальных работ, посвятив их общим закономерностям чувствительности и специально различным органам чувств.

Результаты всех этих исследований объединил, отчасти дальше развил и систематизировал в психологическом плане выдающийся немецкий философ и психолог *В. Вундт* (1832—1920). Занимаясь физиологией, ученый пришел к программе разработки психологии как самостоятельной науки, независимой от физиологии и философии. Он выдвинул идею создания экспериментальной психологии, план которой был изложен в «Лекциях о душе человека и животных» (1863). План включал два направления исследований:

- а) анализ индивидуального сознания с помощью экспериментального наблюдения субъекта за собственными ощущениями, чувствами, представлениями;
- б) изучение «психологии народов», то есть психологических аспектов культуры — языка, мифов, нравов различных народов.

В соответствии с этим замыслом Вундт сосредоточился на изучении сознания субъекта, определив психологию как науку о «непосредственном опыте». Он назвал ее физиологической психологией, поскольку испытываемые субъектом состояния изучались посредством специальных экспериментальных процедур, большинство которых были разработаны физиологией (преимущественно физиологией органов чувств — зрения, слуха и др.). Поскольку продуктами деятельности этих органов оказываются осознаваемые субъектом психические образы, то именно они, в отличие от телесной организации, рассматривались как особый объект изучения, относимый уже

не к физиологии, а к психологии. Важно было эти образы тщательно анализировать, выделяя исходные, простейшие элементы, из которых они строятся.

Психология использовала метод *интроспекции* — такой способ познания человеком своего сознания, который заключается в «непосредственном» восприятии его феноменов и законов. Человек и животное исследуют окружающую среду при помощи органов чувств: они слушают, нюхают, смотрят и трогают. В результате у них формируются относительно целостные, связанные представления об этой среде, они запоминают и сравнивают эти представления, и на основе прошлых впечатлений у них развиваются ожидания. Разумеется, мы не можем исследовать при помощи органов чувств внутренний мир человека. Наши мысли, желания, чувства и фантазии нельзя увидеть, обонять, услышать или потрогать; они не существуют в материальном смысле, тем не менее, они реальны, и мы можем наблюдать их во времени.

Интроспекция помогает нам войти в собственный внутренний мир и осуществить попытку разобраться в нем. Неужели не существует психологических фактов, которые мы могли бы установить посредством иного способа наблюдения окружающего мира? Допустим, мы видим необычайно высокого человека. Исключительный рост этого человека, без сомнения, представляет собой важный факт для нашей психологической оценки. Однако без интроспекции рост остается чисто физическим фактом. Мы начнем осознавать значение выдающегося роста для этого человека лишь после того, как представим себя на его месте. Таким образом мы ощутим его необычный рост, как будто мы с ним одного роста. Мы можем почувствовать, что рожаем определенную подозрительность у других людей.

Разумеется, метод интроспекции как основной способ психологического наблюдения имеет свои недостатки. Созерцание того, что происходит в собственном «я» исследователя, чревато двумя ошибками. Во-первых, можно неправильно определить свое душевное состояние. Евгений Онегин, вновь увидев Татьяну Ларину, находится в сомнении: «Что шевельнулось в глубине: досада, суетность или вновь — забота юности любовь?». Нам трудно понять, чем захвачена наша душа — скукой, томлением, тоской или английским сплинном? Но если мы ошиблись в распознавании нашего чувства, то еще более ошибочной будет наша интерпретация этого переживания.

«Считалось необходимым для начинающего потратить несколько лет обучения в психологической лаборатории в наблюдениях над калейдоскопической сменой состояний сознания, наступающих в каждый данный момент, и лишь после этого интроспекция приобретает научный характер. При этом предполагалось, что подобная тренировка в значительной мере повышает способность схватывать и анализировать собственные состояния сознания. Другими слова-

ми, интроспективист утверждает, что таким путем ему удастся свести сложные состояния ко все более и более простым, пока он, наконец, не достигнет элементарных, неразложимых далее состояний, которые называются ощущениями и чувствами»¹.

К началу XX в. изучение души было заменено исследованием сознания и процессов мышления. В середине XX в. в область психологии вошло исследование поведения, бессознательного и трансперсональных состояний.

Литература

.....

Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и применение. — М., 2000.

Вундт В. Основы физиологической психологии. Т. 1—3. — СПб., 1894.

Гриншпун И.Б. Введение в психологию. — М., 1998.

Тоффлер Э. Третья волна. — М., 1999.

Тоффлер Э. Шок будущего. — М., 2001.

---

¹ *Бихевиоризм.* — М., 1998. — С. 260.

Тема 8

БИХЕВИОРИЗМ

Бихевиоризм (от *англ.* behaviour — поведение) — направление в психологии, особенно распространенное в Америке, которое рассматривает поведение как объективно наблюдаемую систему реакций организма на внешние и внутренние факторы.

Основателем бихевиоризма считается *Дж. Уотсон* (1878—1958) — американский психолог, который свое учение основывал на данных биологии. Главной задачей психологии Дж. Уотсон считал исследование процессов научения. Основной предпосылкой этого психологического направления еще в 1914 г. стала идея о том, что предметом психологии является человеческое поведение. Бихевиористы выносят за скобки все субъективные факторы, которые не поддаются непосредственному наблюдению.

Такое представление, как считают многие исследователи, сложилось в русской науке в трудах И.М. Сеченова, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева. Они доказали, что область психической деятельности не исчерпывается феноменами сознания субъекта, которые познавались путем интроспекции. При подобной трактовке психики неизбежно расщепление организма на душу (сознание) и тело (организм как материальную систему). В результате сознание отъединялось от внешней реальности, замыкалось в кругу собственных явлений (переживаний), ставящих его вне реальной связи земных вещей и включенности в ход телесных процессов.

На пути своего развития от чуточку наивных формулировок Уотсона до филигранных необихевиористских конструкций Скиннера бихевиоризм претерпел довольно заметные изменения и все же речь идет скорее о совершенствовании первоначальной формулировки, чем о возникновении новых оригинальных идей.

Необихевиоризм (от *англ.* neo-behaviorism) — направление в психологии, основанное на принципах бихевиоризма. Оно опирается на тот же самый принцип, что и концепция Дж. Уотсона: он считает, что психология не имеет права заниматься чувствами, влечениями или какими-либо другими субъективными состояниями. Бихевиоризм отклоняет любую попытку говорить о «природе человека», конструировать модель личности,

подвергать анализу различные страсти, мотивирующие человеческое поведение. Всякий анализ поведения с точки зрения намерений, целей и задач Скиннер квалифицировал какдонаучный, ненаучный и как совершенно бесполезную трату времени.

Психология, по мнению Б. Скиннера, должна заниматься изучением того, какие механизмы стимулируют человеческое поведение и какие можно использовать для достижения максимального результата. Психология Скиннера — это наука манипулирования поведением. Ее цель — обнаружить механизмы «стимулирования», которые помогают обеспечивать поведение, нужное «заказчику».

Б. Скиннер считает, что похвала, вознаграждение являются более сильным и действенным стимулом, чем наказание. В результате такое поведение закрепляется и становится привычным для человека как объекта манипулирования. Например, Кэт не любит шпинат, но за то, что она все же пытается есть, мать вознаграждает ее — хвалит, одаривает взглядом, дружеской улыбкой, куском любимого пирога. Это называется «положительными стимулами». Если стимулы будут работать последовательно и планомерно, то дело дойдет до того, что Кэт начнет с удовольствием есть шпинат.

Кроме того, Б. Скиннер доказал, что с помощью правильного применения «положительных стимулов» можно в невероятной степени менять поведение как животного, так и человека, причем несмотря на «врожденные склонности» последнего. Подтвердив это экспериментально, Б. Скиннер, без сомнения, заслужил признание и известность. Одновременно он подтвердил мнение тех американских антропологов, которые на первое место в формировании человека выдвигали социокультурные факторы.

Однако следует добавить, что Б. Скиннер не отбрасывает полностью генетические предпосылки, хотя поведение, по его мнению, всецело определяется набором «стимулов». Такой набор может создаваться двумя путями: либо в ходе нормального культурного процесса, либо по заранее намеченному плану. В экспериментах Б. Скиннера не поднимался вопрос о цели воспитания, а просто подопытному животному или человеку создавали такие условия, что они вели себя вполне определенным образом.

Правда, в отличие от многих бихевиористов, Скиннер даже допускает, что «факты индивидуальной жизни» нельзя совсем «вынести за скобки научного анализа»; он добавляет также, что «проникновение в мир индивида если не полностью исключено, то во всяком случае сильно затруднено». Это суждение Скиннера звучит как уступка, однако уступка столь незначительная, что ее можно расценивать самое большее как реверанс в сторону души как предмета психологии.

Невероятную популярность Скиннера можно объяснить тем, что ему удалось соединить элементы традиционного либерально-оптимистического мышления с духовной и социальной реальностью.

Скиннер считает, что человек формируется под влиянием социума и что в «природе» человека нет ничего, что могло бы решительно помешать становлению мирного и справедливого общественного строя. Таким образом, система Скиннера оказалась привлекательной для всех тех психологов, которые относятся к либералам и находят в этой системе аргументы для защиты своего политического оптимизма. Он апеллирует ко всем тем, кто верит, что такие вожденные социальные цели, как мир и равенство, являются не просто утопией, а что их можно воплотить в жизнь. Сама идея создания более совершенного, научно обоснованного общественного строя волнует всех, кто раньше был в рядах социалистов.

Бихевиоризм абсолютно отказался от метода самонаблюдения и оценки его. Он принимает во внимание только те факты поведения животных и человека, которые можно точно установить и описать. При этом не обязательно понимать скрывающиеся за ними внутренние психические процессы. Вследствие этого в основе метода бихевиоризма лежит исследование раздражения и ответной реакции. Исходя из данных постулатов, бихевиоризм создал собственную этику и социологию. С точки зрения бихевиоризма, рассматривать поведение человека следует в определенной ситуации и на основе наблюдения выводить правила воспитания и поведения людей в их совместной жизни.

Главный тезис Б. Скиннера сводится к следующему. Без всякого сомнения, нужно принять тот факт, что ценностные суждения отсутствуют как при решении построить атомную бомбу, так и при технической экспертизе этой проблемы. Разница состоит лишь в том, что мотивы построения бомбы не совсем «ясны». По этому поводу немецко-американский философ, психолог и социолог Э. Фромм (1900—1980) заметил: может быть, профессору Б. Скиннеру мотивы и впрямь не ясны, зато многим историкам они абсолютно понятны.

Б. Скиннер не стремится изучать причины создания бомбы и предлагает нам подождать, пока бихевиоризм раскроет эту тайну. В своих воззрениях на социальные процессы он проявляет такую же несостоятельность, как и при обсуждении психических процессов. Он совершенно не способен понять скрытые мотивы тех или иных общественных явлений. А поскольку все то, что люди говорят о своих мотивах как в политической сфере, так и в личной жизни, фактически является фикцией, постольку понимание социальных и психических процессов оказывается заблокированным.

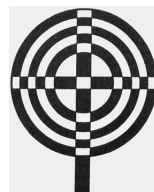
Бихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевно-

больными, хотя «положительные стимулы» продолжают свое действие. Почему «положительное стимулирование» не спасает многих и нечто вырывает их из тенет разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении? Почему многие наиболее приспособленные человеческие индивиды, которые призваны, казалось бы, блистательно подтверждать теорию воспитания, в реальной жизни глубоко несчастны и страдают от комплексов и неврозов? Ответить на эти вопросы бихевиоризм не в состоянии.

Литература

- .....
- Гуревич П.С.* Клиническая психология. — М., 2001.
Скиннер Б. Наука и человеческое поведение. — М., 1953.
Торндайк Э., Уотсон Дж. Бихевиоризм. — М., 1998.
Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1998.

Тема 9

ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ

Гештальтпсихология (от нем. Gestalt — образ, форма, приблизительный перевод с нем. — психология формы) — одно из основных направлений современной психологии. Связана с именами таких ученых, как М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер. В противовес ассоцианистам они утверждали, что образ создается через синтез отдельных элементов. Свойства целого определяются свойствами частей. По мнению психологов этого направления, сознание характеризуется контактом, чувствованием, возбуждением и образованием гештальта.

Формирование гештальта всегда сопровождается сознаванием. Мы видим, скажем, не три точки, а треугольник, который мы составляем из этих точек. Формирование полных и связанных гештальтов — условие психического здоровья и роста. Только завершённый гештальт может быть организован в целостном организме как автоматически функционирующая единица (рефлекс). Любой незавершённый гештальт составляет «незаконченную ситуацию», требующую понимания и мешающую формированию любого нового, живого гештальта. Вместо роста и развития мы имеем в данном случае стагнацию и регрессию.

Гештальтпсихологи показывают, что лиловый цвет, скажем, выглядит голубоватым на красном фоне и красноватым — на голубом. Контекст, в котором появляется элемент, называется в гештальтпсихологии «фоном», на котором выступает «фигура». При неврозе и в еще большей степени при психозе нарушается гибкость формирования фигуры фона. Для здоровой психики отношение между фигурой и фоном — это процесс постоянного, но значимого появления исчезновения.

Течение психической жизни мыслится как ассоциация элементов, группирующихся в комплексы и вызывающих друг друга в сферу сознания. Эти элементы называются представлениями. Наше восприятие внешнего мира сообщает этим внутренним представлениям определенное содержание. Душа может, через восприятия, обратиться к внешнему миру; с другой стороны, она может подчи-

нить себя внутренней последовательности идей. Представления — элементы этого психического потока — объединяются в совокупности. В этих актах нам открываются пребывающие в непрерывном формировании структурированные целостности — гештальты, которые складываются из того, что мы воспринимаем как предметы, и из того, что мы переживаем как события нашей душевной жизни.

Гештальт — пространственно-наглядная форма воспринимаемых предметов. В переносном смысле употребляется также по отношению к психическим и культурно-историческим образованиям, части которых определяются целым и которые в то же время взаимно поддерживают и определяют друг друга. Гештальт — это образования, чьи существенные свойства нельзя понять путем суммирования свойств их частей, т.е. вне последних имеют место еще гештальт-качества самих этих образований. Например, в случае акустического гештальт-образования какой-либо мелодии, вне которой имеют место также ее «комплексные качества». Высокоразвитые структуры сознания имеют тенденцию к завершенности, единству, простоте, правильности, к симметрии и включению в предпочитаемые пространственные направления (вертикальное и горизонтальное), к законченности всех кривых, короче говоря, к четкости, к наилучшему чувственному оформлению внутренней сферы наглядного.

Сформировавшиеся гештальты всегда являются целостностями, каждая из которых в свою очередь есть часть общей целостности сознания с признаками ограниченности и расчлененности, причем общая целостность сознания является в себе завершенной структурой, состоящей из относящихся к целому членов, более или менее отличных друг от друга. Ограничение (контур), являющееся основой гештальта, характеризуется степенью резкости и замкнутостью или незамкнутостью очертаний, «контура». Согласно положению о том, что части определяются целым, в случае, если меняется часть, положение или свойство целого, меняются и все другие части, положения или свойства. При описании гештальта употребляется также понятие важности. Целое может быть важным, члены — неважными, и наоборот. Фигура всегда важнее основы. Важность может быть распределена так, что в результате все члены оказываются одинаково важными (это редкий случай, который встречается, например, в некоторых орнаментах), или (что встречается чаще) так, что результатом иерархического распределения важности оказывается своего рода гештальт-доминанта: целое в большей или меньшей степени центрировано (например, центр гештальта человека — его лицо, центр гештальта лица — глаза) или конкретно направлено к

какому-нибудь доминирующему конечному пункту (например, гештальт дерева — к вершине). Члены гештальта бывают различных рангов (так, например в круге: 1) центр, 2) точка на окружности, 3) любая точка, внутри круга), выступают как основные и второстепенные части. Там, где центр еще не установился, его передвижение может сильно изменить характер гештальта, как, например, при перемене основного тона аккорда. Каждый гештальт имеет свой центр тяжести, который выступает или как центр массы (например, середина в диске), или как точка скрепления, или как исходная точка (создается впечатление, что эта точка служит началом для построения целого, как например, основание колонны), или как направляющая точка (например, острие стрелы). Из того факта, что душа способна формировать гештальты, вытекает закон «хорошего» гештальта, провозглашавший следующее: Сознание всегда предрасположено к тому, чтобы из данных вместе восприятий воспринимать преимущественно самое простое, единое, замкнутое, симметричное, включающееся в основную пространственную ось» (пример: построение картины звездного неба путем выбора таких звезд, которые легче всего сливаются в более или менее «хорошие» гештальты). Отклонения от «хороших» гештальтов воспринимаются не сразу, а лишь при интенсивном рассматривании (например, приблизительно равносторонний треугольник рассматривается как равносторонний, почти прямой угол как прямой).

Даже там, где человек вмешивается в физическую действительность с целью изменить ее (требуемый гештальт) — в том случае, если нужно не просто разрушить или уничтожить что-нибудь, — вмешательство происходит всегда таким образом, что получающиеся восприятия более или менее бессознательно изменяются в направлении хорошего или наилучшего гештальта.

Поток психической жизни можно исследовать в двух различных аспектах. С одной стороны, мы стремимся понять, каким образом импульсы порождают мотивы, каким образом мотивы — начало решениям и действиям. Мы стремимся понять также, каким образом мысли и их взаимосвязи проистекают из осознанного целеполагания со стороны того, кто мыслит. С другой стороны, мы пытаемся объективно объяснить, как один элемент сознания «следует» за другим автоматически, каким образом осуществляется механическое чередование событий психической жизни. Этот поток автоматически следующих друг за другом событий, составляющий тот фундамент, без которого невозможно существование остальной психической жизни, доступен исследованию сам по себе. Объективное объяснение сущности и последовательности элементов психической жизни может либо исходить из конкретных данных соматической жизни — механизмов восприятия, неврологических локализаций — либо основываться на психологических понятиях, в том числе тех, которые объединены в теорию ассоциативных механизмов.

Немецкий психолог *М. Вертгеймер* (1880—1943) — один из основателей гештальтпсихологии. Первые его работы посвящены экспериментальному исследованию зрительного восприятия. С помощью тахистоскопа он экспонировал с различной скоростью один за другим два раздражителя (линии или кривые). Когда интервал между предъявлениями был относительно большой, испытуемые воспринимали раздражители последовательно, а при очень коротком интервале они воспринимались как данные одновременно.

Данные, полученные в этих экспериментах, стимулировали критику ассоцианизма и заложили основы нового подхода к восприятию, а потом и к другим психическим процессам. В. Келер, К. Коффка, К. Левин выдвинули в качестве основного принципа формирования психики принцип целостности, из которых по определенным законам формируются образы и понятия. Эти исследования позволили открыть основные законы восприятия, которые стали со временем основными законами любого гештальта.

Гештальттерапия — система методов и процедур психотерапевтического воздействия на человека, основанных на теории гештальтпсихологии — области психологических исследований, ставящей во главу угла закономерности образования и функционирования целостных структур, исходя из которых объясняются их элементы и связи между ними. Главный принцип гештальттерапии — безусловное принятие человеком себя, других людей и всего остального мира такими, какие они есть; восприятие и оценка наличного состояния как вполне совершенного, не требующего изменения или улучшения.

Литература

.....

- Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. — М., 2001.
- Перлз Ф.* Опыты психологии самопознания (практикум по гештальттерапии). — М., 1993.
- Перлз Ф.* Практика гештальттерапии. — М., 2001.
- Психология* внимания // Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. — М., 2001.

Тема 10

ПСИХОАНАЛИЗ

Психоанализ (от греч. psyche — душа и analysis — решение) — философско-психологическая концепция и часть психотерапии, врачебный метод исследования, предложенный З. Фрейдом для диагностики и лечения истерии.

В психоанализе проводится различие между техникой психоанализа как методом психологического исследования бессознательных психических процессов, связанных с нею терапией, и основанной на них теорией психоанализа — совокупностью разнородных предположений о строении и функциях психического аппарата в целом. Психоанализ понимается, прежде всего, как терапевтическая практика лечения психических расстройств, затем — как метод изучения психических процессов, недоступных прямому наблюдению и, наконец, как метапсихологическое учение о бессознательной природе человеческой души.

Истоком психоанализа является фрейдизм, который придал многим гипотезам философско-антропологический статус. Рождение психоанализа явилось поворотным пунктом в судьбе психологии. Оно оказало воздействие и на психологию, и на философию, поскольку сложилось новое философское направление. Отныне психологи могли не только описывать разрозненные механизмы психики, но и пользоваться развернутой психологической дисциплиной.

Психоанализу присущ динамический взгляд на все стороны умственной жизни, сознания и бессознательного при определенной роли бессознательного.

Бессознательное — та сфера психической жизни, которая реализуется без участия сознания; совокупность всех психических феноменов, не имеющих отношения к сознанию и не обладающих, следовательно, признаком сознательности. Эта область психической реальности и определяет в основном поступки людей.

О том, что психика человека не однослойна, догадывались уже в древневосточной философии. Это относится к тибетскому буддизму, к йоге Кундалини, в которой образ «поднимающейся змеи» символизирует психическую энергию, проходящую через психические центры. В европейской философии идея многослойности психики

складывалась постепенно. Скажем, французский философ Р. Декарт полагал, что сознание и психика — это одно и то же.

Считалось, что за пределами сознания может иметь место только физиологическая деятельность мозга. Однако постепенно вызревала иная философская идея. Далекое не все, что происходит в нашей душе, в нашем внутреннем мире, проникает в разум. Можно представить себе человеческую психику как огромное шоссе, погруженное во мрак. А сознание? Его можно уподобить свету фары, которая освещает дорогу. Тонкий светлый луч среди непроглядной тьмы.

Ты зашнуровываешь свой ботинок. Делаешь это автоматически, безотчетно. Мысли твои блуждают вокруг новой прически, которую соорудила твоя соседка по парте. Но что это? Шнурок порвался... твоё сознание переключается на ботинок.

Человек — мыслящее существо. Однако это вовсе не означает, будто его сознание работает безостановочно. Огромную роль в нашем поведении играют неосознаваемые процессы психики. Бессознательное — одно из основополагающих понятий психоанализа. Это — совокупность психических состояний и процессов, которые осуществляются без участия сознания.

Концепция бессознательного была впервые выражена немецким ученым *Г. Лейбницем* (1646—1716). Он оценивал бессознательное как низшую форму душевной деятельности. Определенные психические процессы, по его мнению, лежат за пределами осознанных представлений, которые возвышаются подобно островкам над океаном темных восприятий. Иммануил Кант связывал бессознательное с проблемой интуиции, т.е. с непосредственным получением знания в форме догадки без доказательств и логики.

Однако в истории философии можно указать на многих философов, которые высказывали догадки о бессознательном... У Сократа и Платона это учение об амнезисе — знании как припоминании. У Спинозы говорится о неосознаваемых причинах, которые определяют желание. Кант связывал бессознательное с проблемой интуиции, т.е. с непосредственным получением знания в форме догадки, без доказательств и логики.

Немалый вклад в разработку понятия бессознательного внесли романтики. Они стремились обнажить темную сторону души, описать интуитивные творческие силы, на которые опирается жизнь. Едва дух оказывается бесконтрольным, он устремляется к жизни с намерением овладеть ею и подчинить ее себе. Рассудок и рациональная воля лишают жизнь ее корней и питательной почвы.

А. Шопенгауэр рассматривал бессознательное как стихийное жизненное начало, многоликое проявление воли в мире. Мировая воля — это бессознательное иррациональное начало. Феномен бессознательного в человеческой душе описан, по сути дела, и Ницше, в его рассуждениях о двух мощных первоначалах в античной культуре — апол-

лоническом и дионисийском. Последнее и есть символ бессознательного. Экстаз Диониса — это полное погружение в поток мировой жизни. Человек стремится слиться с вселенским трепетом бытия.

В 1869 г. немецкий философ *Э. фон Гартман* (1842—1906) опубликовал книгу «Философия бессознательного». Автор, ссылаясь на Шеллинга и Шопенгауэра, рассматривал бессознательное как абсолютное начало жизни во всех ее обнаружениях. Э. Гартман высказал ряд довольно интересных положений. Бессознательное образует и сохраняет организм, восстанавливает его внутренние и внешние повреждения, целеустремленно направляет его движения и обуславливает его употребление для сознательной воли. Бессознательное дает в инстинкте каждому существу то, в чем оно нуждается для своего сохранения и для чего недостаточно только сознательного мышления, например, человеку — инстинкты для понимания чувственного восприятия, для образования языка в обществе и так далее. Оно сохраняет плоды посредством полового влечения и материнской любви, облагораживает их посредством выбора в половой любви и ведет род человеческий в истории к цели его возможного совершенства. Бессознательное часто управляет человеческими действиями посредством чувств и предчувствий там, где им не могло бы помочь сознательное мышление. Философию бессознательного создавал также немецкий философ, психолог и педагог *И. Герbart* (1776—1841).

Таким образом, открытие бессознательного подготовлено длительным развитием философии. Заслуга же австрийского ученого *З. Фрейда* состоит в том, что ему удалось дать развернутое исследование этого феномена, раскрыть противоречие и конфликт бессознательного с волей человека и с окружающей его реальностью

До Фрейда исследователи полагали, что неосознанное содержание в человеческой психике кристаллизуется в сознании, а затем вытесняется из него. *З. Фрейд* принадлежит приоритет в открытии бессознательного как автономного, независимого от сознания безличного начала человеческой души. «Все вытесненное бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное»¹.

Бессознательное интенсивно вмешивается в человеческую жизнь. По мнению *З. Фрейда*, представление о том, что нашими поступками руководит Я, не более чем иллюзия. На самом деле властвует безличное начало, которое образует бессознательную основу нашей души, то есть психику. Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа и дает ему одному возможность понять в такой же мере частые, как и важные, патологические процессы психической жизни.

Психоанализ не считает сознательное сутью психики. Он рассматривает сознание как качество психики, которое может присоеди-

---

¹ *Фрейд З. Я и ОНО // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произв. — М., 1989. — С. 428.*

ниться к другим качествам или отсутствовать вовсе. Бессознательное начало Фрейд назвал ОНО и подчеркивал, что наше Я есть лишь игрушка в руках этой древней и темной силы. ОНО, в понимании Фрейда, имеет чисто природное происхождение. В нем сконцентрированы все первичные влечения человека: во-первых, сексуальные желания, а во-вторых, влечение к смерти, которое, будучи обращено вовне, оказывается устремлением к разрушению. Такая бурлящая бездна ОНО скрывается под тонкой пленкой сознания. Приглаженные образы сознания, рафинированная логика скрывают клокущий хаос, бездну.

Человеческое Я, по мысли Фрейда, изо всех сил пытается выжить в мире природы и общества. Однако побуждения индивида наталкиваются на безрассудную силу ОНО. Если Я соотносится с принципом реальности, иначе говоря, пытается приспособиться к объективным, действительным условиям жизни, то ОНО руководствуется принципом удовольствия. Так рождается непримиримая борьба между Я и ОНО. «По отношению к ОНО Я подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади».

Можно сказать, что Гегель обратил внимание на «хитрость разума», а Фрейд — «на хитрость бессознательного», т.е. на способность глубин психики реализовать собственные влечения, придавая им видимость сознательного выбора. Восприятие для Я играет ту же роль, какую в ОНО занимает инстинкт. Я представляет то, что можно назвать рассудком и осмотрительностью.

Понятие бессознательного родилось в результате обработки опыта, в котором играет роль психическая динамика. Многие сильные психические процессы не осознаются. Такие представления не могут быть осознаны, так как этому противится сила бессознательного. Между тем в психоаналитической технике нашлись средства, которыми можно прекратить действие сопротивляющейся силы и сделать данные представления сознательными. Состояние, в котором они находились до их осознания, Фрейд называл «вытеснением». Сила же, которая привела к вытеснению и его поддерживала, ощущается во время аналитической работы как сопротивление.

Итак, во фрейдизме бессознательное, ведущее борьбу с сознательным, рассматривается как основной регулятор, внутренняя пружина всей деятельности человека. Как бессознательное характеризуют произвольные воспоминания, неожиданное появление новых идей, интуиция, автоматическое действие, патологические состояния и т.п.

Иную трактовку бессознательного находим у швейцарского психолога и философа *К.Г. Юнга* (1875—1961). Эта сила уже не рассматривается как чисто природный феномен. Бессознательное родилось у истоков человеческой истории в коллективном психическом опыте. Следовательно, можно говорить о культурном генезисе бессознательного. К.Г. Юнг определил бессознательное как понятие

исключительно психологическое. Оно покрывает все те психические содержания или процессы, которые не осознаются, т.е. не отнесены воспринимаемым образом к нашему Я (Эго).

Для современной глубинной психологии бессознательное не оценивается больше как результат вытесняющей деятельности сознания: именно так трактовал эту проблему З. Фрейд. К.Г. Юнг представил бессознательное как нечто специфическое и творческое, как некую психическую перводействительность, главный источник собственных всем людям основных мотивов и архетипов переживаний. Он рассматривал бессознательное в качестве источника творческой фантазии.

Под *архетипом* К.Г. Юнг подразумевал прообраз, структурный элемент бессознательного, лежащий в основе всех психических процессов и переживаний. Те видения, которые обнаруживают в сновидениях пациенты, по мнению К.Г. Юнга, совпадают с символами, проходящими через всю историю мировой культуры. Психоаналитик ввел понятие *коллективного бессознательного*, присущего каждому народу, этносу и человечеству в целом и формирующего его творческий дух, чувства и ценности. Бессознательное, таким образом, оказывается совокупностью всех психических процессов, состояний и поведения, которые не представлены отчетливо в сознании людей.

Коллективное бессознательное — это своего рода кристаллизация первичного душевного опыта человечества. «Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума так же, как строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих»¹.

Хотя коллективное бессознательное имеет культурный генезис, оно все же передается по наследству биологически. Однако здесь нет биологизаторского упрощения. Архетипы коллективного бессознательного сами по себе не идентичны культурным образам или символам. Архетип — это не столько образ, сколько некое фундаментальное переживание, специфическое устремление человеческой психики, которое само по себе лишено какой-либо предметности. Архетип есть психический смысл в чистом виде, но не просто смысл, а первосмысл, который незримо организует и направляет жизнь нашей души.

К.Г. Юнг уподоблял архетипы осям кристаллической структуры, по которым растет кристалл в насыщенном растворе. Подобно этому на архетипах покоится вся психика человека: все сознательные смыслы имеют собственную архетипическую подоснову и так или иначе выражают соответствующий архетип. Возьмем, к примеру, архетип «священного» и архетип «тени». Священное, как показал К.Г. Юнг, — это чувство чего-то всемогущего, таинственного, ужасающего и в то

---

¹ Юнг К.Г. Архетип и символ. — М., 1991. — С. 64.

же время неодолимо притягивающего и обещающего полноту бытия. Этот архетип обнаруживается в самых разнообразных представлениях и символах, в образах богов различных религий. «Тень» — это темный бессознательный двойник нашего Я, в каком оно предстает в сновидениях, фантазиях, творчестве и традиционных мифологических образах. Исследование материка под названием «бессознательное» продолжается. Оно, судя по всему, сулит сенсационные открытия.

.....
Катарсический метод .....
..... Фрейд опирался на богатую философскую и психологическую традиции. Гипотеза о неисчерпаемости психики складывалась у многих мыслителей. Учение о бессознательных идеях, как уже отмечалось, можно обнаружить у немецкого психолога, философа и педагога И. Гербарта, интуицию о психической энергии — у немецкого ученого и писателя *Г. Фехнера* (1801—1887). Психологическая теория неврозов была разработана французами *Ж. Шарко* (1825—1893) и *П. Жане* (1859—1947). Ключевое для психоанализа понятие «вытеснение» использовалось и *А. Шопенгауэром*.

Непосредственной предтечей психоанализа оказался так называемый катарсический метод, развитый в 1882 г. венским психиатром *Й. Брейером* (1842—1925). Последний доказал, что тяжелые формы истерии могут излечиваться с помощью гипноза, если пациент сумеет вспомнить забытое травматическое переживание и соответственным образом «отреагировать» на источник невроза.

3. Фрейд отказался от использования гипноза, применив метод свободных ассоциаций, позволяющий неожиданно набрести на истоки травмы. Он разработал психологическую доктрину, призванную изучать скрытые связи и основы душевной жизни. Эта концепция базируется на гипотезе, согласно которой травматические события, аффективные переживания, несбывшиеся мечтания не растворяются полностью. Они вытесняются из сознания в сферу бессознательного. Специфический замес патологических впечатлений и представлений, особенно сексуальных, устраняется из сферы сознания. В сфере бессознательного, которая представляет собой резервуар сексуальных вожделений, разыгрывается сложная драматургия эмоций и устремлений. В результате содержания бессознательного проникают в сознание, создавая угрозу духовному единству Я, инкорпорированному в окружающий мир.

Таким образом, в основании психоанализа лежит гипотеза о преобладающей роли бессознательного в психике человека, о влиянии разнородных «комплексов», прежде всего либидо, на поведение, мысли и поступки человека. Вытесненное из сознания не угасает, не растворяется, а воздействует на психическую жизнь. Под всякими масками и облачениями бессознательное вновь проникает в сознание. Забывание, оговорки, грезы, ложные поступки, неврозы (истерии) и свидетельствуют об этом. Сознательное Я выставляет

защиту против вытеснения влечений и импульсов. Так рождаются компромиссные психические образования.

Во время беседы, путем «анализа» через свободные ассоциации, можно высветлить эти переживания, вытащив их на свет из глубин бессознательного. По мнению З. Фрейда, которое он высказал в начале XX столетия, сновидения имеют и смысл, и значение. Нам не снится то, что не является существенным отражением нашей внутренней жизни. Все сновидения можно понять, если знать ключ к их разгадке. Главный путь к пониманию подсознательного и осмыслению наиболее мощных мотивов как патологического, так и нормального поведения, лежит через истолкование сновидений. З. Фрейд не только определил природу сновидений, он настойчиво и непреклонно подтверждал одно из старейших представлений: сон есть осуществление иррациональных желаний, подавляемых во время бодрствования.

Поначалу психоанализ сосредоточился на учении о различных формах и обнаружениях психической энергии, уделяя особое внимание либидо, т.е. энергии сексуальных влечений. Предполагалось, что в отличие от влечений к самосохранению они обладают способностью к вытеснению и сложным преобразованиям. В процессе индивидуального развития либидо концентрируется в различных, телесных зонах, что и обуславливает фазы психосексуального развития: от аутоэротизма через Эдипов комплекс к внешнему развитию. Инфантильные компоненты сексуальности в ходе индивидуального развития вытесняются, обладая вместе с тем наибольшим патологическим потенциалом. Будучи базой психоневрозов, они влияют на формирование характера.

Разделение психики на сознательное и бессознательное явилось основной предпосылкой психоанализа и дало ему возможность понять частные и важные патологические процессы в психической жизни. Психоанализ не считает сознательное сутью психики, а смотрит на сознание как на качество психики, которое может присоединиться к другим качествам или может отсутствовать.

.....
**Учение
о психической
структуре**
.....

Важное место в психоанализе занимает учение о психической структуре. *Психика*, по З. Фрейду, *есть единство трех систем*, которые находятся в постоянном взаимодействии. Наиболее архаическая, безличная часть психики называется ОНО. Это резервуар психической энергии, «кипящий котел» влечений, которые стремятся немедленно реализоваться. ОНО — часть психики, связанная с соматикой, но лишенная контактов с внешним миром и не знающая различия между внешней реальностью и субъективной сферой. ОНО содержит страсти.

З. Фрейд был первым психологом, который в противоположность распространенной прежде традиции исследовал все богатство

человеческих страстей — любовь, ненависть, тщеславие, жадность, ревность и зависть. Страсти, которые ранее были «доступны» лишь романтикам и трубадурам, З. Фрейд сделал предметом научного исследования.

Следующая часть психики — Я, это то, что можно назвать рассудком. Она похожа на всадника, который должен обуздать превосходящего его по силе коня. Разница только в том, что всадник пытается сделать это собственными силами, а Я — заимствованными. Если всадник не хочет расстаться с конем, то ему не остается ничего другого, как вести коня туда, куда он хочет идти. Так и Я превращает волю ОНО в действие, будто это была его собственная воля.

Отношение Я к сознанию специфично. Люди привыкли везде применять социальные и этические оценки, и они не удивляются, когда слышат, что действительность наших страстей протекает в бессознательном. Но люди ожидают, что психические функции получают доступ к сознанию тем легче, чем они оцениваются с этой точки зрения. Однако данные психоаналитического опыта иные. Даже тонкая и трудная индивидуальная работа, обычно требующая напряженного размышления, может совершаться и бессознательно, не доходя до сознания. В Я не только самое глубокое, но и самое возвышенное может быть бессознательным.

Третья часть психики — Сверх-Я. Оно формируется на базе предписаний родителей и воспитателей, которые выражают установки социальной сферы. Хотя Сверх-Я функционирует бессознательно, оно имеет и сознательные аналоги (совесть, Идеал-Я). Психоанализ постоянно упрекали в том, что он не озабочен высоким, моральным, сверхличным в человеке.

Этот упрек был вдвойне несправедлив — и исторически, и методически: во-первых, моральным и эстетическим тенденциям в Я был приписан с самого начала импульс к вытеснению; во-вторых, потому что никто не хотел понять, что психоаналитическое исследование не могло выступать в виде философской системы с законченным и готовым сводом научных положений, а должно было шаг за шагом пробивать себе дорогу к пониманию психических сложностей путем аналитического расчленения нормальных и аномальных феноменов. Высшее существо — это Идеал-Я, репрезентация наших отношений к родителям.

Итак, жизнь человека истолкована в психоанализе как поле битвы между сферой бессознательного — Я, с помощью которого человек сам себя отождествляет (механизм идентификации), и Сверх-Я, представленного системой моральных норм и социальных запретов, отношение к чему обнаруживает совесть. Психоанализ выступил как терапия невротического характера. Фрейд, прежде всего, изучал природу инстинкта.

Инстинкт — в физиологии безусловный рефлекс. В психологии используется в основном в англоязычной литературе как синоним влечения. Фрейд употреблял слово «влечение», но применял и некоторые другие сходные понятия: побуждение, импульс, стремление и пр. Психоаналитики установили, что инстинкты в человеке имеют специфическую «поврежденность». О каждом живом существе можно в принципе сказать, что оно сложилось окончательно. Животное действует так, как записано в его инстинкте:

- пауки безошибочно мастерят орудия лова; птицы совершают дальние перелеты без навигационных приборов;
- пчелы строят соты, не подозревая о необходимости предварительного архитектурного проекта...

Жесткая генетическая запрограммированность приводит к тому, что на многие поступки, которые легко совершает человек, животное просто не способно. Они не совершают преступлений, убийств, которые предваряются расчетом, выгодой. Нет в животном мире заказных убийств. Специалисты отмечают: животное не совершает подлых поступков. Хочется возразить: а львица, которая ждет в засаде антилопу? Разве это не низость? Нет же, львица — хищник, который добывает себе пропитание. Это вовсе не то, что убийство, скажем, за деньги.

Нет среди животных такого понятия, как изнасилование. Не станет особь мучить или истязать свою жертву. У животных существует ритуал ухаживания. Подчас очень сложный. Наконец, среди животных, судя по всему, есть сердечное томление, тоска. Погибает лебедь — и его подруга складывает крылья и бросается наземь, чтобы разбиться... Волк, потеряв волчицу, остается вдовцом.

Лишь люди действуют по свободной программе. Многие их инстинкты природны и в то же время парадоксально неорганичны. Немецкий философ И. Кант дал интересный комментарий к тому факту, что ребенок, появляясь на свет, громко кричит. В грубом естественном состоянии это было бы опасно для ребенка и его матери. И. Кант откровенно признался, что не знает, как это получилось; он лишь предполагает, что в раннюю пору развития природы детеныши не кричали, а когда появилась культура, такое поведение человеческого чада оказалось возможным. Следовательно, произошел некий природный катаклизм. Философ даже мысли не допускал, что человек был всегда иноприродной особью.

У животного все отправления тела и психологические реакции на окружающий мир нормальны и естественны. Оно ищет пищу, бежит от опасности или отдыхает, насытившись... Слабая укорененность человека в природе может быть прослежена на примере инстинкта потребления. Животное знает меру. Лошадь отличает

травы съедобные и несъедобные, обычные и ядовитые — подсказывает инстинкт. Голодная кошка сначала осторожно попробует молоко. Медведь не станет есть про запас. У человека же все эти пищевые отправления нарушены. Инстинкт здесь слеп и глух.

Как показали исследования психоаналитиков, потребности человека не заданы всецело инстинктом. Он свободен в выборе пищи. И подчас платит за это гибелью. В целом разрушение организма человека связано, судя по всему, с разрастанием искусственных потребностей. Следовательно, культура человека не имеет четких внутренних ориентиров: человек может двинуться к природным истокам, но возможен и иной вариант — все больший отход от природы, искажение потребностей, разрушение естественных истоков и связей.

Почувяв опасность, животное убегает. Иногда ничто реальное ему не грозит, но оно поднимается с места: мало ли по какому поводу хрустнула ветка! Человек тоже стремится предугадать угрозу. Однако в отличие от других созданий он может испытывать страх и абсолютно беспричинно. Более того, он способен культивировать его в себе. Очевидно, страх у него вырастает из некой страсти. Она — нечто, к чему неодолимо тянется его душа, без чего бытие неполно.

Возьмем, для примера, инстинкт агрессивности. Как любое живое существо, человек готов обороняться. Однако разрушительное начало, заложенное в нем, отнюдь не исчерпывается потребностью в защите. Он терзает природу, демонстрирует разрушительные идеи и тягу к тотальному уничтожению. Многие европейские психологи писали о колоссальном уроне разрушительных тенденций, обнаруживаемых повсюду в мире, хотя, скорее всего, они не осознаются таковыми.

Человек едва ли не единственное на свете создание, которое уничтожает себе подобных. Олень, например, вступивший в схватку с соперником, отступает, признавая право сильнейшего. Два оленя сшибаются рогами, но если один повернется боком к другому, тот никогда не ударит его, а дождетя, когда соперник станет к нему рога в рога. Это даже не благородство, а стереотип поведения. Волк, признав свое поражение, подставляет победителю жизненно важную артерию: мол, губи, твоя взяла. Однако природный инстинкт подсказывает разгоряченному триумфатору: остановись, не посягай на жизнь. И только люди способны стрелять в тех, кто поднял белый флаг или руки, опустился на колени. Люди стреляют в спину, бьют лежачего...

В древней архаической истории известны этнографические иллюстрации так называемых ритуальных войн. Речь идет о том, что враждующие племена вставали друг против друга, потрясали оружием. Но постепенно этот обычай исчез. В истории неоднократно пытались уничтожить целые народы, страны. Они демонстрировали национальный, религиозный фанатизм. Обнаруживали поразительную жестокость. Психологи полагали, что этот синдром жестокости

в человеке будет изживаться в результате развертывания цивилизации. Однако история подрывала эти иллюзии.

З. Фрейд еще верил в живительные силы истории: возможно, она создаст более человеческие условия жизни, а значит уменьшит и жестокость. Он еще не расценивал разрушительное как тайну, а склонялся к мысли, что деструктивное — это результат непрожитой жизни. Иначе говоря, те тенденции, которые могли бы реализоваться в действительности, оставшись без воплощения, рожают огромную энергию уничтожения. Человечество в принципе может спастись от гибели. Однако, возможно, пройдет тысяча лет, прежде чем человек перерастет свою дочеловеческую историю.

Когда ученые сравнивают психику человека и животного, они приходят к выводу: человек в некотором роде аномальное существо. С первого взгляда видно, что в нем нарушен какой-то баланс. Возьмем, к примеру, половой инстинкт. В природе все целесообразно. Сексуальное возбуждение помогает сохранению вида. Оно рождается в определенное время, когда для продолжения рода сложились лучшие условия. Инстинкт требует утоления. Будучи реализованным, он становится безгласным. Человек может предаваться страсти едва ли не круглосуточно. Его влечение далеко не всегда преследует цель сохранения и приумножения рода.

Вся практика современной цивилизации направлена на то, чтобы люди получали сексуальные утехы без «риска расплаты» в виде потомства. Более того, половой инстинкт можно разрядить галлюцинозным образом. Благодаря этому свойству появилась целая порноиндустрия, которая позволяет зрителям испытывать сладострастие не в натуре, а фиктивно, т.е. глядя на эротические картинки. При этом биологическая природа человека все равно ощущается, но она странным образом деформируется. Выходит, природа человека «окультурена» весьма эксцентрично.

Трудно представить себе природную особь, которая испытывала бы блаженство от того, что ее терзают, мучают. Однако мазохистские чувства обычны для определенного числа людей. А для многих садизм становится нормой. Непросто получить сексуальное блаженство. Догнать жертву, опрокинуть ее, истерзать — это садистский синдром. Следовательно, для понимания феномена жестокости надо знать, что психологическая природа людей разная. Среди нас есть садисты и мазохисты, жизнелюбы и «мертволюбы».

От фрейдизма отпочковались два направления: индивидуальная психология *Альфреда Адлера* (1870—1937) и Цюрихская школа, в которой наиболее крупным психологом был Карл Густав Юнг. З. Фрейд полагал, что К.Г. Юнг внес в психоанализ множество новшеств, среди которых экспериментальное исследование психоаналитических понятий, введение понятия «комплекса», применение в анализе мифологического и антропологического материала, утверждение учебно-

го анализа как важной части в подготовке новых психоаналитиков, использование психоаналитической теории и терапии для понимания и лечения психозов.

..... Аналитическая психология — это одно из направлений неопрейдизма, основанное швейцарским психологом К.Г. Юнгом. От Фрейда он взял общий подход к психике как в энергетической системе, представление о противоречивости противоположно заряженных «полюсов». Вместе с тем у Юнга природа психического понимается иначе. Фрейд считал психику открытой системой, которая питается энергией телесных влечений. Для Юнга психика — закрытая система, количество энергии в ней всегда одинаковое. Он отверг фрейдистское положение о детском происхождении неврозов и черт характера. Для Юнга важнее анализ настоящего, нежели прошлого опыта человека. Для Фрейда символ всегда нечто, что требует рассудочного истолкования. Для Юнга образ сновидения не случаен, он прямое выражение бессознательного. Ни о какой маскировке у него нет речи.

Аналитическая психология, сохраняя связи с психоанализом, вместе с тем во многом разошлась с фрейдизмом, К.Г. Юнг не принял тотально сексуальную мотивацию человеческого поведения, из которой исходил З. Фрейд. Это вызвало преобразование фрейдовской концепции либидо. Общий подход к психике со стороны З. Фрейда, как полагал К.Г. Юнг, был механическим и автоматически причинным. Однако К.Г. Юнг был убежден в том, что человеческие существа живут не только по законам, которые основаны на физических и механических причинах.

К.Г. Юнг критиковал З. Фрейда и за то, что тот слишком жестко разграничивал «галлюцинации» и «реальность». К.Г. Юнг интерпретировал психическую реальность как нечто, переживаемое самим индивидом. В этом контексте бессознательное оценивается не в качестве врага, а скорее как нечто потенциально полезное и созидательное. Сновидения, скажем, по интерпретации К.Г. Юнга, перестают быть чем-то обманчивым, требующим расшифровки. Специфически К.Г. Юнг трактовал и символы. Несогласие с З. Фрейдом у К.Г. Юнга касалось также вопроса о балансе врожденных конституциональных факторов и внешней среды при формировании личности. Можно говорить и о принципиально разном толковании происхождения совести и морали.

Не совпадали точки зрения у З. Фрейда и К.Г. Юнга в отношении Эдипова комплекса — К.Г. Юнг проявлял большое внимание к первичным отношениям между младенцем и матерью.

Юнгу принадлежит продуктивная концепция типологии личностей. Он различает экстравертов и интровертов. Эта концепция свидетельствовала о неисчерпаемости психологического опыта людей и

об его своеобразии. У каждой личности есть основная и вспомогательная функции. Юнг различает мыслительных, интуитивных, эмоциональных и ощущающих человеческих персонажей. Развернутая Юнгом типология личности получила специфическое развитие в работах английского психолога *Г. Айзенка* (1916—1997).

Юнг разрабатывал теорию комплексов.

Комплекс (от *лат.* *complexus* — связь, сочетание) — эмоционально заряженная группа идей или образов, функции формируются у человека позднее. Комплексы никак не могут рассматриваться как действия Эго. Комплекс образуют идейную основу психического и могут подчинять себе четыре психологические функции. Например, чувствующая функция человека может определяться в основном материнском комплексе. Реакция оценки и суждения человека в этом случае будут отражать личность его матери или противоречить ей. В другом варианте интуиция может быть подчинена матери человека и он будет обладать способностью видеть во всем что-то плохое. Все, что человек воспринимает органами чувств, может вызывать в нем сексуально-эротическое возбуждение.

В психоанализе комплекс интерпретируется как совокупность полностью или частично бессознательных взаимосвязанных, эффективно окрашенных элементов (импульсов, идей, представлений), которая обуславливает структуру и направленность сознания. Комплексы накладывают отпечаток на психику и поведение человека. Они характеризуются аффектом, независимо от того, сознает это человек или нет. Они всегда относительно автономны.

Фрейд описал Эдипов комплекс, комплекс кастрации, А. Адлер — «комплекс неполноценности», К.Г. Юнг — «комплекс Электры». По мнению Юнга, комплекс — это такие психические величины, которые лишены контроля со стороны сознания. Они отщеплены от него и ведут особого рода существование в темной сфере души, откуда могут постоянно препятствовать или, наоборот, содействовать работе сознания. Комплекс всегда содержит в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо его следствием. Во всяком случае, комплексу присущи признаки конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это болевые точки, о которых не очень-то хочется вспоминать. Еще меньше хочется, чтобы о них вспоминали другие. Однако комплексы зачастую самым неприятным образом напоминают о себе сами. Они всегда содержат воспоминания, желания, опасения, обязанности, необходимости или мысли, от которых никак не удастся отделаться, а потому они постоянно мешают и вредят, вмешиваясь в нашу сознательную жизнь.

Комплексы не обязательно означают неполноценность. Они напоминают, что существует нечто несовместимое, неассимилированное, возможно, даже какое-то препятствие. Но это также и стимул к великим устремлениям, вполне вероятно даже, что это новая возможность для успеха. Следовательно, комплексы являются в этом смысле даже центром или узловым пунктом душевной жизни, без них нельзя обойтись, более того, они должны присутствовать, потому что в противном случае душевная деятельность пришла бы в состояние застоя. Но комплексы означают также и область, где по крайней мере человек терпит поражение, где нельзя что-либо преодолеть или осилить, т.е. без сомнения, это слабое место.

Все люди имеют комплексы, отмечал Юнг, но не так хорошо известно, что комплексы могут иметь нас. Цель психотерапии состоит не в том, чтобы избавиться от комплексов. Важно снизить их отрицательное воздействие на человека, указывая на ту роль, которую они играют в стереотипах поведения и эмоциональных реакциях.

Комплекс кастрации — боязнь ребенка потерять свои гениталии. Термин широко используется для выражения страха, который связан с возможностью потерять потенцию или повредить часть тела.

Комплекс неполноценности — неприятное длительно существующее чувство человека, система отрицательных эмоциональных переживаний, связанных с реальным или кажущимся отсутствием у него каких-либо ценных психологических или физических свойств и сопровождаемых соответствующими негативными психологическими симптомами: низкая *самооценка*, *заниженный уровень притязаний*, повышенная *тревожность* и *мотив избегания неудачи*.

Либи́до (лат. libido — страсть) — в психоанализе: бессознательные сексуальные влечения; в более общем плане — влечение к жизни и ее обнаружениям, близкое к платоновскому Эросу.

Само понятие «либидо» многозначно и означает желание, влечение, стремление. В разных содержательных контекстах смысл его сопрягается с удовольствием, кровожадностью, жадой наслаждения, произволом и капризом. Как понятие слово употреблялось и до З. Фрейда. В медицинской, психологической и затем философской литературе оно появилось во 2-й половине XIX в. в работах М. Бенедикта «Электротерапия» (1868), А. Молля «Исследование сексуального влечения» (1898) и др.

Прежде всего, либидо — это проявление полового инстинкта, обостренного и неустанного сексуального влечения. Все вокруг пропитано пряным ароматом Эроса. Он многолик, его присутствие обнаруживается далеко за пределами эрогенных зон: в политике, в молитвенном экстазе, в житейской суете. Эрос — глубинная, трудноутоляемая потребность человека и общества в целом. Он неизбывен, неисчерпаем. Все мы то и дело вязнем в оргастическом исступлении, в эротическом движении мысли, в сладчайших фантазийных грехах. Это, по З. Фрейду, не только страсть, но и стиль современной жизни, специфический способ существования.

Огромная заслуга З. Фрейда, как отмечал русский философ *Б.П. Вышеславцев* (1877—1954), состоит в открытии эротической природы подсознания. Половой инстинкт определяет в конечном счете первичные эмоциональные отношения между людьми. С него начинаются любовные и дружеские чувства, различные привязанности к себе самому, родственникам, сверстникам. Впрочем, не только это, но еще и тяга к родине, умозрительным понятиям, даже к Богу.

Обращаясь к изучению бессознательного, писал Н.А. Бердяев, мы находим там либидо, с рождения присущее человеку. В бессознательном мы обнаруживаем не только неудовлетворенное половое влечение, но и стремление к преобладанию и власти, смятенное сознание, уязвленное самолюбие, неугасимую обиду и зависть, вечную приговоренность к одной и той же судьбе. Признавая гениальную основную идею З. Фрейда, а его метод — плодотворным, вместе с тем Н.А. Бердяев считал, что философ неправоммерно придал либидо центральное и всеобъемлющее значение. В результате, по словам русского мыслителя, родилась ложная пансексуалистическая метафизика.

Однако нам, прошедшим через неодолимое искушение властью, социальностью, до сих пор неизвестны другие неиссякаемые источники энергии в человеке, кроме Эроса. Это она, плодоносная активность, в своем преображении рождает культуру, все многообразие воображения и творчества. Эротическая энергия определяет все виды и самых простых, тривиальных, и экстраординарных отношений между людьми. Разве есть другие импульсы? Может быть, только обратная сторона либидо — огромная разрушительная мощь...

У З. Фрейда слово «*либидо*» впервые перестало быть чисто назывным. В нем обозначился разносторонний метафизический смысл. В трактовке понятия основоположник психоанализа обнаружил себя как пронизательный философ Эроса. Именно через либидо он пытался осмыслить множество культурных, социальных и антропологических вопросов.

Сам З. Фрейд называл свои идеи метапсихологическими гипотезами. Огромная толпа, готовая к бессознательным свершениям, как выясняется, предельно эротизирована. Изнуряющий собственную плоть монах в молитвенном иступлении изживает сексуальные наслаждения. Жестоко мстит за себя, отмечал З. Фрейд, пренебрежение к либидному фактору в армии. Межэтнические коллизии вообще нельзя понять без сложного синдрома любви и ненависти. Касаясь массовых политических движений, ученый уточнял, что каждый человек либидозно связан, с одной стороны, с вождем (Христом, полководцем, политическим лидером), а с другой — с иными массовыми индивидами.

По мнению З. Фрейда, первичный эротический позыв никогда не перестает стремиться к полному удовлетворению. Ученый поместил инстинкт жизни в Эрос. Он, вслед за немецким зоологом и эволюционистом *А. Вейсманом* (1834—1914), рассматривал живую субстанцию морфологически, видя в ней две составные части: сому, ко-

торой суждено умереть, иными словами, тело, и другую часть — бессмертную, именно ту зародышевую плазму, которая служит целям сохранения вида, его размножения.

Может ли человеческое поведение иметь в своей подоснове единые неразложимые импульсы? Отвечая на этот вопрос, З. Фрейд уточнял, что ни в одной области психологии мы не бродим наугад в такой степени, как именно здесь. Каждый устанавливал столько инстинктов (или «основных инстинктов»), сколько ему было угодно, и распоряжался ими, как древние греческие философы своими четырьмя элементами: водой, землей, огнем и воздухом.

Работа З. Фрейда «Массовая психология и анализ человеческого «Я» — это, вообще говоря, комментарий к сочинению французского социолога Г. Лебона (1841—1931) «Психология толпы». Многие из того, о чем идет речь у З. Фрейда, содержится в первоисточнике. Австрийский психолог пытался понять, что такое масса, как она приобретает способность решающим образом влиять на душевную силу отдельного человека, наконец, в чем состоит душевное изменение, к которому она вынуждает человека? Основные мысли Г. Лебона известны: сознательная умственная жизнь представляет собой лишь незначительную часть бессознательной жизни: масса импульсивна, изменчива и возбудима, она легковерна и чрезвычайно поддается влиянию; масса не критична, неправдоподобного для нее не существует. Чего недостает этой картине? Конечно же, простой констатации: масса заряжена эротической психоэнергетикой. Ее переполняют синдромы любви и ненависти. Г. Лебон сравнивал толпу с индивидом, как его понимали в эпоху просвещения. Сразу бросается в глаза иррациональность массы, ее изменчивость. Однако чем питаются ее токи? Разумеется, не стремлением осознать реальность, отыскать истину. З. Фрейд был здесь весьма убедителен: энергия либидо представляет собой количественную величину, хотя в настоящее время все еще неизмеримую.

Когда мы толкуем о современных проявлениях толпы, то бросается в глаза ее двойственность. Масса все время демонстрирует сложную смесь чувств. З. Фрейд подчеркивал, что с точки зрения психоанализа это объяснимо: всякая любовь потенциально содержит в себе зерно ненависти; у толпы нет одного настроения, она обоготворяет и сокрушает, возвышает и сбрасывает с пьедестала, любит и испепеляет. Разумеется, все это можно, с точки зрения З. Фрейда, объяснить рационалистически, указать на конфликтность интересов людей, однако либидозный «вклад» здесь также весьма весом.

Рой пчел сохраняет порядок благодаря присутствию королевы. Этот образ создал К. Ясперс. Мы тоже не обретаем душевного равновесия, пока не отыщем очередного идола. Но вот что поражает: политические лидеры вообще перестали соотносить свою популярность с реальными делами. Их имидж кроится совсем по другим меркам: против кого и с кем они.

У всех наших лидеров есть бездна противников, а с врагами не договариваются, не сотрудничают, их изобличают, изо всех сил ста-

раясь вызвать ярость масс в расчете на скорую помощь слепых инстинктов. Толпа жадно внемлет тому, кто обнажит общественные язвы. Программы едва ли не всех новых партий начинаются с описания бездны, куда мы якобы летим. Истомленное сердце преисполняется сладостным предчувствием погони и возмездия за предшествующие страдания, унижения...

«Народ несется толпою» — это ремарка А.С. Пушкина. Так характеризуется очередное общественное «прозрение», которому масса обязана ее очередным «героем». Нам сегодня гораздо больше, чем З. Фрейду, известно о способности толпы к бессмысленному разрушению, о возможности ее натравливания на людей.

Не случайно масса представлялась З. Фрейду вновь ожившей первобытной ордой. Где толпа, там и миф, в котором воплощаются тайные вождения человека, в частности, его галлюцинаторный опыт и драматургия бессознательного. Индивиду психологически неуютно в разорванном, расколотом мире. Он интуитивно тянется к нерасчлененному мироощущению. Миф освящает человеческое существование, придает ему смысл и надежду. Вот почему люди так часто отступают от трезвой мысли, отдавая предпочтение миру мечты.

Миф, таким образом, является тем шагом, при помощи которого, по мысли З. Фрейда, отдельный индивид выходит из массовой психологии. Первым шагом был, несомненно, миф психологический, миф героический. Лживость мифа, по словам З. Фрейда, завершается обожествлением героя. Толпа делегирует популистских лидеров, которые балансируют на разливах народного возмущения.

Еще и теперь, подчеркивал З. Фрейд, массовые индивиды нуждаются в иллюзии, будто все они равным и справедливым образом любимы вождем. Сам же вождь никого любить не обязан. Он может быть абсолютно нарциссическим типажом. Такова в общих чертах либидозная структура массы...

Заслуга З. Фрейда заключается еще и в том, что он попытался дифференцировать массы. Одно дело — политизированная толпа, другое — войско, охваченное паникой, третье — сообщество верующих. И церковь, и войско, по его мнению, представляют собой искусственные массы, т.е. такие, для удержания которых от распада и задержки изменения их структуры необходимо известное принуждение.

Либидо, по словам З. Фрейда, — это термин из области учения об аффективности. Сущность массы австрийский психиатр усматривал в ее либидозных связях. На это указывает и феномен паники, который, как обнаруживается, лучше всего изучать на военных массах. Дело в том, что паника возникает тогда, когда масса разлагается. Ужас предполагает ослабление либидозной структуры массы.

З. Фрейд был безусловно прав: в морфологии массы есть еще много вопросов, которые следовало бы изучить.

Психологи обнаруживают прямую связь между сексуальной взволнованностью избирателей и имиджем политического лидера.

Политик с ямочкой на подбородке активизирует Эдипов комплекс и заслуживает популярность среди тех, кому ведом этот импульс. Сходство с медведем олицетворяет сексуальную мощь, а это тоже подсознательный мотив. Взвинченность природы харизматика намекает на роковые страсти. Шорох Эроса внятно слышен повсюду.

Все значительные мыслители, сподвижники и последователи З. Фрейда, пытались вывести понятие либидо за пределы сексуальной сферы. Например, К.Г. Юнг трактовал либидо как психическую энергию, волевой порыв для преодоления препятствий и трудностей в жизни человека. По мнению философа, либидо обретает различные символические формы, как правило, не осознаваемые человеком и требующие расшифровки в рамках аналитической психологии.

В полемике с Фрейдом Юнг расширил понятие либидо до психической энергии вообще, своего рода метафизического принципа психики. Философ пытался очистить психоаналитическую теорию от чисто сексуального подхода. Он утверждал, что все психические явления могут рассматриваться как обнаружения энергии, подобно тому, как все физические процессы могут пониматься как энергетические реализации.

Субъективно и психологически эта энергия, по мнению К.Г. Юнга, понимается и переживается как сильное желание. Либидо здесь обретает первоначальное значение, не сводимое только к сексуальному влечению. Оно обозначает желание или импульс, которые не подчиняются никаким авторитетам, морали или чему бы то ни было другому. Либидо — потребность организма в самом его естественном состоянии. С генетической точки зрения телесными потребностями, составляющими сущность либидо, является голод, жажда, секс и эмоциональные состояния, или аффекты.

Таким образом, в аналитической психологии либидо рассматривается как психическая энергия, которая направляет и побуждает личность к любому виду деятельности. Интерес, внимание, различного рода стимуляции оказываются разными выражениями либидо. Либидо может меняться, но оно не может быть разрушено бесследно.

Однако если либидо, связанное с одним объектом, исчезает, то следует, по мнению К.Г. Юнга, ожидать его возникновения где-то еще. Оно служит показателем динамики жизненного процесса, поступающей в психической сфере человека. Либидо непостижимо иначе, кроме как в определенной форме, т.е. оно идентично образам фантазии. Либидо «знает», куда ему направляться для обретения психического здоровья.

Обращаясь к понятию «либидо», *Ш. Бодуэн* (1893—1963) предложил для этой основной душевной устремленности термин «эмоциональный потенциал». Для *А. Адлера* движущая пружина души — это жажда власти и господства. *Э. Фромм* (1900—1980) постоянно пытался освободить учение своего наставника от эротической всеохватности. Впрочем, поздний *З. Фрейд* сам отказался от понятия «либидо» и чаще пользовался словом «эрос». Ученый, после пере-

смотр своей теории, центральной идеей которой была идея сексуальности, уже в 20-х годах создал новую концепцию, в которой страсть разрушения («инстинкт смерти») заняла точно такое же место, как и страсть любви («жажда жизни», «сексуальность»). Однако многие исследователи учения З. Фрейда по-прежнему рассматривают фрейдизм исключительно в духе сложившегося стереотипа, ограничивая его рамками учения о либидо как основополагающей страсти человека.

Сегодня психоаналитические идеи оказывают серьезное влияние на самые различные сферы образования, культуры и науки. Психоаналитическая философия распространена во всем мире. Она существует во множестве вариантов «психологическая философская антропология» (Л. Бинсвангер), «экзистенциальный психоанализ» (Ж.-П. Сартр, Э. Фромм), синтетические представления о человеке, основанные на сочетании идей психоанализа с феноменологическим учением Э. Гуссерля (Л. Раухала), психоаналитическая герменевтика (А. Лоренц, Ю. Хабермас), структурный психоанализ (К. Леви-Строс, Ж. Лакан).

Огромное значение психоанализ имеет для наук о человеке, в том числе и для исследования различных аспектов научного и художественного творчества, психологии, медицины, морали, религии. Она проникает также в такие узкоспециализированные предметные области, как лингвистика, кибернетика, теория архитектуры и даже физика. Возрастающее влияние психоанализа наблюдается в теориях и практике современного искусства: литература, театр, живопись, кино. Не менее существенным оказывается воздействие психоанализа на множество философских и социологических школ, политологию и культурологию.

Литература

- .....
- Белкин А.* Открытия и заблуждения Зигмунда Фрейда // Психоаналитический вестник. — 1996. — № 5.
- Гартман Э.* Сущность мирового процесса или философия бессознательного. — М., 1873.
- Гуревич П.С.* Этика Артура Шопенгауэра. — М., 1991.
- Крук В.М., Харитонов А.Н.* Основные источники фрейдовского классического психоанализа // Российский психоаналитический вестник. — 1994. — № 3—4.
- Лейбин В.М.* Из истории возникновения психоанализа // Вопросы философии. — 1988. — № 4.
- Лейбин В.М.* Фрейд, психоанализ и современная западная философия. — М., 1990.
- Сартр Ж.-П.* Фрейд. — М., 1992.
- Шертон Л., Соссюр Р.* Рождение психоанализа. От Месмера до Фрейда. — М., 1991.

Тема 11

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гуманистическая психология — одно из основных направлений современной зарубежной психологии, которое в значительной мере пытается противопоставить себя психоанализу и бихевиоризму. Возникло в 50—60-е годы прошлого столетия. Гуманистическая психология стремится изучить личность как целостную систему, которая в то же время открыта для развития. Если бихевиористы рассматривают отдельные события, оказывающие воздействие на личность, то гуманистические психологи видят в человеке интегративное целое. Они также утверждают, в отличие от бихевиористов, что исследования животных не могут дать развернутый материал для понимания человека.

Видную роль в последующей судьбе гуманистической психологии сыграл Эрих Фромм, который выступил как реформатор психоанализа. Э. Фромм — проницательный и глубокий психолог, сумевший раскрыть истоки человеческих страстей, мотивы человеческого поведения. Он придал психоанализу историческое измерение. Анализируя возможности раскрепощения человека, ученый проявил богатейшее социологическое воображение. Тончайшие механизмы психики он исследовал на фоне многомерного социально-исторического контекста.

В отличие от З. Фрейда, Э. Фромм считал человеческую природу обусловленной главным образом исторически, не преуменьшая при этом роли биологических факторов. Он отказался от установки З. Фрейда, будто проблема человека может быть правильно сформулирована в терминах противопоставления биологических и культурных факторов.

З. Фрейд считал, что человек всегда является «закрытой системой», «вещью в себе». По его мнению, природа наделила человека определенными, биологически обусловленными стремлениями, и развитие личности служит реакцией на удовлетворение или фрустрацию этих стремлений. Э. Фромм же показал, что основной под-

ход к изучению личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, природе и к самому себе. Согласно его воззрениям, человек — изначально социальное существо. Следовательно, ключевая проблема психологии состоит не в раскрытии механизма удовлетворения или фрустрации отдельных инстинктивных стремлений, а в отношении индивида к миру.

Различие между биологическим подходом З. Фрейда и социальным мышлением Э. Фромма значительно и радикально. З. Фрейд понял роль бессознательной психосексуальной энергии в жизни человека. Он справедливо подчеркивал, что она оказывает воздействие на все сферы деятельности личности, в том числе и в первую очередь на эмоциональную и интеллектуальную. Согласно же Э. Фромму сами по себе фрустрация или эрогенность не приводят к закреплению соответствующих установок в личности человека. Значение фантазий и физических ощущений состоит не в наслаждении и не в сублимации этих наслаждений, а в том, что они выражают стоящее за ними специфическое отношение к миру.

З. Фрейд исходил из глубокого убеждения в порочности человеческой природы. Э. Фромм отверг эту посылку. Он показал, что такие идеалы, как истина, справедливость, свобода, хотя часто оказываются пустыми словами или рационализациями, могут быть подлинными стремлениями человека. Анализ, который игнорирует эти стремления в качестве динамических факторов, всегда ошибочен. Создатель психоанализа ограниченно понимал секс, а тем более любовь, нежность. Э. Фромм, в отличие от З. Фрейда, показал, что экономические, психологические и идеологические факторы находятся в сложном взаимодействии. Они не являются простым рефлексом сексуальности. Человек реагирует на изменение внешней обстановки тем, что меняется сам. Психологические факторы, в свою очередь, способствуют дальнейшему развитию экономического и социального прогресса.

Известно, что Э. Фромм пытался гуманизировать психоанализ. По его мнению, З. Фрейд стал впервые исследовать личность как некую тотальность. Он открыл особый метод наблюдения за человеком, который позволял анализировать свободные ассоциации, ошибочные действия, символические акты поведения. Вместе с тем психоанализ — не только метод управляемой интроспекции. Его можно считать своеобразной исповедью, когда больной, направляемый специалистом, раскрывает свои мысли, желания, тягостные или предосудительные воспоминания и освобождается, таким образом, от их вредного воздействия.

Психоанализ дополняется истолкованием и критикой некоторых объективных актов поведения, смысл которых ускользнул от внимания традиционной психологии. В частности, психоанализ дал возможность доказать, что сны имеют смысл. Он даже позволил разгадать этот смысл. В классической древности, как известно, снам

придавали огромное значение, считая их предсказаниями будущего. Современная З. Фрейдю наука изгнала сны в область предрассудков и суеверий, объявила их простым «телесным» актом, своего рода судорогой спящей психики.

В своей работе «Забытый язык» Э. Фромм обратился к анализу снов и мифов, подчеркивая, что для древних миф играл совсем иную роль, нежели в наши дни. Люди, жившие в развитых цивилизациях Запада и Востока, рассматривали сны и мифы как важнейшее выражение души. Неспособность понимать их оценивалась как неграмотность. Между тем сны — это универсальное явление человеческой жизни. Оценивая обширный арсенал символов, Э. Фромм пытался типологизировать их, создавая реальную основу для сопоставления различных форм забытого языка. Эти открытия Э. Фромма во многом изменили направленность психоанализа, обеспечили новый виток его развития. Они позволили использовать методологию неотрейдизма для анализа социально-исторической динамики. Философу удалось создать целую галерею социальных типажей и характеров. Он пытался осмыслить общественные, политические коллизии века. Вполне естественно, что это привело к потребности выяснить гуманистический потенциал идей К. Маркса.

Пытался ли кто-нибудь из психологов назвать человеческие потребности? Разумеется, это начали делать еще в античности. Мыслители XVIII в. старались провести регистрацию разнообразных человеческих потребностей. Трудность проблемы заключается в том, что у человека есть и природные задатки. Как разделить в нем животное и социальное?

Наиболее интересная классификация чисто человеческих потребностей представлена Э. Фроммом. В качестве *первой* он называет потребность в общении, в межличностных узлах. Изолированный, искусственно выброшенный из общества человек теряет социальные навыки, утрачивает культурные стандарты. Видимо, способности человека закладываются в раннем возрасте и они нуждаются затем в том, чтобы их можно было раскрыть в человеческом обществе.

Вторая глубинная потребность человека — потребность в творчестве. В отличие от пассивного приспособления, присущего животному, люди стремятся преобразовать мир. Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы. Творчество неотрывно от свободы духа. Лишь свободный человек может творить.

Полнее всего сущность творческого акта раскрывает искусство, художественное творчество. Искусство вообще есть сфера, по преимуществу, творческая. Всякий творческий художественный акт есть частичное преображение жизни. В творческом художественном отношении к миру приоткрывается мир иной. Однако здесь виден трагизм всякого творчества. Он выражается в несоответствии между

замыслом и его выполнением. Великие художники обладают огромной творческой энергией, но она никогда не может быть реализована в их созданиях полностью.

Без внутренней готовности к возвышенному, к романтическому порыву личность не может подняться над повседневной прозой жизни. По мнению Э. Фромма, эта потребность продиктована наличием в каждом индивиде творческих сил, среди которых особое место занимает воображение, эмоциональность. В акте творчества человек соединяет себя с миром, разрывает рамки пассивности своего существования, входит в царство свободы.

Поиск межиндивидуальных связей, реализация творческих возможностей немислимы без *третьей* человеческой потребности — потребности в ощущении глубоких корней. Каждый человек стремится осознать себя звеном в определенной стабильной цепи человеческого рода. Американский ученый определяет такие стремления в качестве корневых, прочных психологических связей.

Четвертая потребность — стремление к уподоблению, поиску объекта поклонения. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, оказывается просто не в состоянии осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом.

Современные исследования позволяют значительно расширить представления об этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе таких эмоциональных состояний, как любовь, нежность, страдание, сочувствие, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему проявлению «открыты», «направлены» на другой объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то конкретные образы людей.

Наконец, *пятая* потребность человека заключается в стремлении к познанию, освоению мира. Человек захвачен страстью к познанию. Он проявляет интерес не только к тому, что имеет значение для реализации непосредственных практических интересов. Его интеллект направлен на постижение и таких законов, которые не продиктованы личным, корыстным интересом человека. Познание — неодолимая человеческая потребность.

Представители гуманистической психологии считают, что как бы ни были сильны сексуальные побуждения, о которых писал Фрейд, они не самые могущественные силы в человеке, а их неудовлетворенность не приводит к психическому расстройству. Наиболее мощные силы, определяющие поведение человека, берут начало в условиях его существования, в самом положении человека. Человек не может жить в состоянии покоя из-за внутренних противоречий,

побуждающих его искать равновесие, новую гармонию взамен утраченной гармонии животного с природой. После удовлетворения биологических потребностей им движут человеческие потребности. Все страсти и стремления человека — это попытки разрешить проблему его существования или, другими словами, попытки избежать психического нездоровья.

Психологи этого направления исходят из того, что человек по своей изначальной природе добр, или в крайнем случае не открыт беспредельно для зла. Агрессия, насилие, разрушительность — это феномены, рожденные человеческой историей и обществом. По мнению американского психолога *А. Маслоу* (1906—1970) универсальной человеческой характеристикой оказывается *креативность*, безграничное человеческое творчество. Однако общество далеко не всегда обеспечивает условия для развития человеческого потенциала.

Потребность — одно из ключевых понятий гуманистической психологии. Это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в каком-либо объекте, и выступающее источником его активности. Потребности выступают как форма связи человека с внешним миром.

Согласно теории деятельности (А.Н. Леонтьев) потребности связаны с деятельностью; порождая и продолжая совершенствовать предметы потребления, человек, наряду со способностями, развивает свои потребности. В процессе развития человеческой цивилизации потребности оказались связанными с предметами материальной и духовной культуры, и таким образом приобрели культурный характер. Человек, осознавая цель как потребность, убеждается, что удовлетворение потребности возможно лишь при достижении цели. Исходя из этого он соотносит субъективные представления о потребности с ее объективным содержанием. Таким образом, потребность обнаруживается в мотивах (влечениях, желаниях), побуждающих человека к деятельности и становящихся формой проявления потребности. В гуманистической психологии считается, что все потребности являются биологическими врожденными, и что они организованы в определенную систему или иерархию (пирамида А. Маслоу). Потребности в порядке их очередности: физиологические потребности (в еде и питье); потребности безопасности и защиты (потребность в жилище); потребности принадлежности и любви (потребность в других); потребность самоуважения (делать какое-либо достойное дело); потребности самоактуализации, или потребности личностного усовершенствования. В основе этой схемы лежит допущение, что доминирующие потребности, находящиеся в основе, должны быть более или менее удовлетворены до того, как человек может осознать наличие и быть мотивирован потребностями, расположенными сверху. Физиологические потребности должны быть в достаточной степени удовлетворены, прежде чем возникнут потребности безопасности; потребности безопасности и

физиологические также должны быть удовлетворены, прежде чем возникнут потребности в принадлежности и любви и т.д. Как бы высоко человек ни продвинулся в иерархии потребностей, если ниже лежащие потребности перестанут удовлетворяться, то человек вернется на исходный уровень и останется там, пока низшие потребности не будут в достаточной степени удовлетворены. Иерархия потребностей распространяется на всех людей, и чем выше человек может подняться в этой иерархии, тем большую индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье он продемонстрирует. А. Маслоу допускал исключения из данного правила: некоторые творческие люди могут развиваться и выражать свой талант, несмотря на социальные и материальные трудности, однако это именно исключения. Считается, что средний человек удовлетворяет свои потребности примерно в следующей пропорции: 85% — физиологические, 70% — безопасность и защита, 50% — любовь и принадлежность, 40% — самоуважение и только 10% — самоактуализация. Согласно теории *П.В. Симонова* (род. 1926), существует три группы человеческих потребностей, развивающихся на основании инстинктов: витальные потребности (на основании витальных инстинктов), социальные потребности (на основании зоосоциальных инстинктов) и идеальные потребности (на основании инстинктов саморазвития). Человеческие потребности, хотя и развиваются на базе инстинктов животных, отличаются от последних. Прежде всего все человеческие потребности, даже витальные, социально опосредованы и могут существенно видоизменяться под действием социокультурных факторов. Удовлетворение потребностей также связано с высоким уровнем социализации и деятельностью человека.

Свою иерархию потребностей А. Маслоу начинает с физиологических потребностей (в пище, воде, кислороде при оптимальной температуре), а завершает потребностями, которые связаны с самоактуализацией, личностной состоятельностью. Самоактуализирующаяся личность не отягощена множеством мелких пороков, вроде зависти, злобы, дурного вкуса, цинизма. Напротив, ей присуща высокая самооценка, простота, демократичность, вдохновение.

По мнению А. Маслоу, цель личностного развития — это стремление к росту, к самоактуализации. Остановка личностного роста — смерть для человека, для его «самости». Духовному росту мешают не только физиологические потребности, боязнь смерти, дурные привычки, но и давление группы, социальная пропаганда, которые уменьшают автономность и независимость человека.

В отличие от психоанализа, который рассматривал психологическую защиту как благо для личности, А. Маслоу считает ее злом. Поскольку для психоанализа развитие — это адаптация к среде, нахождение определенной экологической ниши, в которой личность находит способ уйти от давления среды, такая точка зрения оказы-

ваются для него оправданной. Но А. Маслоу отвергает такой взгляд. Он обосновывает понятие *самоактуализации*. Самоактуализация связана с умением понять себя, свою внутреннюю природу и научиться «сонастраиваться» в соответствии с этой природой, строить свое поведение, исходя из нее. При этом самоактуализация является не одномоментным актом, а процессом, не имеющим конца, это способ «проживание, работы и отношения с миром, а не единичное достижение», отмечал Маслоу. Он выделял в этом процессе наиболее значимые моменты, которые изменяют отношение человека к самому себе и к миру, моменты, которые стимулируют личностный рост и стремление к самоактуализации. Это может быть мгновенное переживание, которое А. Маслоу называл «пик-переживание» или длительное «плато-переживания». В любом случае это моменты наибольшей полноты жизни, реализации именно бытийных, а не дефициентных потребностей, а потому они так важны в развитии самоактуализации, в первую очередь самоактуализации трансцендентного типа, которая формируется у людей, для которых наиболее значимым оказывается именно трансцендентный опыт.

Трансценденцией философы называют мир, который лежит за пределами нашего земного опыта. Австрийский ученый *В. Франкл* (1905—1997) поясняет это понятие таким образом. Когда собаке делают операцию, она не отдает себе отчета в том, что происходит. Но она с предельным доверием смотрит в глаза хозяина и ветеринара. Так и человек смутно догадывается, что пределами инстинкта и разума есть еще какой-то мир, мир трансценденции. Возвышенный человек стремится к этому миру, пытается постичь его.

Американский психолог *Роджерс Карл* (1902—1987) разрабатывает определенную систему понятий, с помощью которых люди могут создать и изменять свои представления о себе и о своих близких. На основе этих понятий складывается и определенная терапия. Как и для других представителей гуманистической психологии, идея суверенности личности оказывается центральной.

Личность — одно из основных понятий психологии, означающее социально и духовно развитого человека. Личность — это предельное выражение человеческого в индивидууме. Немецкий философ *Ф. Шлейермахер* (1763—1834) подчеркивал: каждый человек должен на свой лад выражать человечество.

Слово «личность» появилось в Западной Европе не ранее XVII в. В России термин был придуман *Н.М. Карамзиным* (1766—1826). (Корень слова — лик, личина.) Карамзин считал человека общественным существом, способным к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. Личность — это хозяин собственной судьбы, собственной жизни. Человек может стать лично-

стью, если поставит перед собой такую цель. Кого можно назвать личностью? Только такого человека, который весьма своеобразен, духовно развит, обладает чувством ответственности за свои поступки.

Когда в древности хотели сказать о каком-то человеке как о значительном, использовали латинское слово «персона». Это слово подчеркивало социальность человека, его возвышение над природным миром. Поздняя античность называла человека персоной, чтобы подчеркнуть, что тот не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие качества. Именно поэтому внимание к человеку в европейской культуре называется персоналистской традицией.

Правда, некоторые исследователи полагают, что каждого человека можно назвать личностью. В английском языке — *personality*, т.е. человек, личность. Нет «серых людей». Но в таком случае сопоставление понятий «индивид», «индивидуальность», «личность» теряет смысл. У американского фантаста Р. Шекли (род. 1928) есть словосочетание «минимум человека» — набор элементарных качеств, позволяющих какому-то индивиду называть себя человеком. Можно, видимо, говорить и о «максимуме человека».

Конечно, к решению проблемы личности может быть и иной подход. Некоторые психологи называют личностью не конкретного человека, а определенную часть его духовного мира. В этом случае можно считать личностью каждого человека, отмечая лишь меру его внутреннего богатства. Однако такой подход противоречит русской религиозной философии. Ведь в этом случае речь идет лишь о том, чтобы возвращать в каждом человеке личностное совершенство. А что, если преступник «обогащает» лишь свое криминальное мастерство, а безнравственный человек настаивает лишь на своем праве не считаться с моралью? И это личность?

Размышляя о понятии личности, отечественный исследователь *Л.М. Баткин* (род. 1932) пишет:

«Общая черта для любых культур состоит только в том, что мы с необходимостью находим в каждой из них некий идеал положения отдельного человека в мире».

Еще раз подчеркнем, что личность изначально связана с социальностью, с обществом. Однако ее богатство шире, нежели культура данной эпохи. Личность — универсальное понятие духовного человека в европейской культуре. Оно вбирает в себя самобытность, множество социальных качеств, богатство души.

Осмысление проблемы личности в психологии началось в начале XX в. Американский психолог и философ *У. Джеймс* (1842—1910) полагал, что личность рождается как взаимодействие инстинктивных

и привычных граней сознания, а также личных волевых аспектов. Он считал, что составные элементы личности могут быть разделены на три класса: физическую личность (телесная организация), социальную (Джеймс писал о том, что признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас общественную личность), духовную. Под духовной личностью подразумевается полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Джеймс выстраивал также иерархию личности внутри человека. Он видел физическую личность внизу, духовную наверху и социальную — в промежутке.

Американский психолог *Э. Берн* (1910—72) рассматривал человека как ярко окрашенную энергетическую систему, полную динамических стремлений. При этом вышедшая из равновесия энергия (напряжение) проявляется в человеке физически и психически. З. Фрейд, работая с пациентами, обратил внимание на бесконечный ряд психических конфликтов и компромиссов. Один инстинкт борется с другим. Социальные запреты блокируют биологические побуждения. Пути преодоления этих противостояний оказываются разными. Поэтому Фрейд предложил рассматривать личность в виде структуры, состоящей из трех образований — бессознательного (ОНО), Я (Эго) и Сверх-Я (Супер-Эго).

Весьма оригинальную концепцию личности находим у Юнга. Он показывает богатство психологических типов и проводит различие между экстраверсией и интроверсией. Юнг называет четыре основные психологические функции: мышление, чувство, ощущение и интуицию. Каждая функция может осуществляться интровертированным или экстравертированным образом. Сочетание четырех функций в человеке составляет целостный и уравновешенный подход к миру. А. Адлер обратил внимание на изучение психологического чувства неполноценности. Осмысливая феномен личности, он подчеркивал важность борьбы за превосходство, тягу к власти.

Работавшая сначала в Германии, а затем в США *К. Хорни* (1885—1952) внесла в психологию понятие «невротическая личность». Она полагала, что невротиком может стать такой человек, который пережил обусловленные культурой трудности в обостренной форме, преломив их главным образом через сферу детских переживаний, и вследствие этого оказался не способен их разрешить или разрешил их ценой большого ущерба для своей личности.

Огромную ценность для разработки теории личности имеет концепция Э. Фромма. Он раскрыл такие понятия, как человеческая природа, показал облик здорового и больного общества, выделил человеческие потребности, рождающие нормального и невротичного человека. По мнению русского философа Н.А. Бердяева, личность — это целостность и единство. Что это означает? Скажем, один стал крупным математиком, но при этом остался равнодуш-

ным к искусству. Другой стал политиком, достиг социальных высот, но при этом превратился в дельягу и циника. Третий достиг огромных успехов в бизнесе. У него безмерное богатство, но он малообразован, беден духовно, жаден. Понятие личности предполагает гармоничное, универсальное развитие всех человеческих задатков. Но разве человек не может максимально реализовать себя в какой-то одной сфере жизни? Скажем, некто стал прекрасным математиком, но плохо разбирается в искусстве. Можем ли мы его назвать личностью? В известном смысле, несомненно. Но согласитесь, в этом случае человеческий идеал, который философы издавна называли личностью, реализован не полностью.

Личность — это вечное напряжение и искание. Н.А. Бердяев рассматривал проблему личности как основную для философии. Когда человек рождается, он осознает себя индивидом и может сказать о себе: «Я». Но означает ли это, что сформировалась личность? Нет, Я — это изначальная данность. Личность же, по мнению Н.А. Бердяева, складывается, развивается, обогащается, становится собою. В этом существенное отличие индивида от личности.

По словам Бердяева, индивидом можно назвать животное или растение. Личность же есть прорыв в духовную сферу. Человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности... Есть одаренные люди, очень своеобразные, которые вместе с тем безличны.

Роджерс считает, что тот опыт, который возникает у человека в процессе жизни и который он называет «феноменальным полем», уникален и индивидуален. Этот мир, создаваемый человеком, может совпадать или не совпадать с реальной действительностью, поскольку не все предметы, входящие в окружающее, осознаются субъектом. Степень тождественности этого поля реальной действительности Роджерс называл *конгруэнтностью*. Высокая степень конгруэнтности означает, что то, что человек сообщает другим, то, что происходит вокруг и то, что он осознает в происходящем более или менее совпадают между собой. Нарушение конгруэнтности приводит к тому, что человек либо не осознает реальность, либо не высказывает то, что он реально хочет сделать или о чем он думает. Это приводит к росту напряженности, тревожности, и в конечном счете к невротизации личности.

Представители гуманистической психологии полагают, что человеческая жизнь должна рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека. В то время как тело подсказывает ему, чем питаться и чего избегать, его совесть должна диктовать ему, какие потребности следует культивировать и удовлетворять, а каким надо позволить истощиться и зачахнуть.

Психологи-гуманисты ввели в психологию множество новых тем, они обратили внимание на экзистенциальные (трепетные), живые переживания человека.

Литература

.....

- Гриншпун И.Б.* Введение в психологию. — М., 1998.
- Гуревич П.С.* Гуманистическая психология // Гуревич П.С. Популярный психологический словарь. — М., 2001.
- Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. — СПб., 1997.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированная терапия. — М., 1997.
- Роджерс К.* К науке о личности // История зарубежной психологии. 30—60-е годы XX века. Тексты. — М., 1986.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой разрушительности. — М., 1998.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. — М., 1995.
- Фромм Э.* Душа человека. — М., 1992.

Тема 12

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Трансперсональная психология — одно из направлений современной психологии, которое обосновывает значимость духовных аспектов психики. Предметом исследования в ней являются «надличностные», «сверхличностные» состояния сознания. Это направление возникло в США в конце 60-х годов XX в. на базе трансперсонального проекта в культуре.

Основатели данного течения — известные философы, психологи и психотерапевты: А. Маслоу, С. Гроф, А. Уотс, М. Мерфи, Э. Сутич. Что же касается проблемного поля этого направления, то здесь можно назвать многие имена психологов психоаналитического, гуманистического и трансперсонального направлений, а также видных ученых — У. Джеймса, З. Фрейда, О. Ранка, В. Райха, К.Г. Юнга, К. Роджерса, Ч. Тарта, К. Уилбера, К. Прибрама и др. На протяжении человеческой истории все культуры, за исключением европейского индустриального общества, высоко ценили духовные состояния сознания. Всякий раз, когда представители этих культур хотели соприкоснуться со своими божествами, с иными измерениями реальности и с силами природы, они вызывали эти состояния. Люди также использовали их для определения и лечения болезней, развития экстрасенсорного восприятия и творческого вдохновения. Так называемые технологии священного — методы изменения сознания, разработанные древними и туземными культурами для ритуальных и духовных целей, варьировались от шаманских техник вхождения в транс до сложных практик различных мистических традиций и духовно-философских учений Востока. У. Джеймс в начале XX в. писал:

«Большинство людей живут... в весьма ограниченном круге своего потенциального бытия. Они, как правило, используют очень малую часть своего возможного сознания и ресурсов своей души, так как если бы человек, обладая телесным организмом, имел привычку пользоваться и шевелить только мизинцем».

Слово «трансперсональный» принадлежит американскому философу и психологу У. Джеймсу. Транс — первая часть сложных слов, обозначающая расположение за пределами чего-нибудь.

Трансперсональная психология отличается от гуманистической тем, что она одушевлена стремлением преодолеть границы прежнего предметного поля, которые задаются проблемами самоактуализации, творчества и гуманистической психотерапии и педагогики. Она сделала предметом своего исследования психологические изменения религиозного и мистического опыта, стремится включить в спектр психологического знания духовный поиск мировых философских и религиозных традиций. Новое предметное поле уже не замыкается христианской культурой. Оно вбирает в себя такие системы мысли и восприятия, как суфизм, буддизм, адвайта-веданта, йога, традиции североамериканских индейцев, древних цивилизаций. Все это дает основания искать корни трансперсональной ориентации в далекой истории человечества, в шаманизме, язычестве и мировых религиях, которые явились исторически первыми образцами донаучных трансперсональных практик и идеологий.

Трансперсоналисты считают, что в первобытном мировоззрении было трансперсональное, надперсональное. В нем не было расчлененности на субъектно-объектные отношения. Индивидуальное сознание было погружено в реальность природы, космоса, человеческих взаимоотношений. Оно характеризовалось также нерасчлененностью потока времени, вневременностью существования индивидуальной психики.

Сфера психики, обычно проявляющаяся в эмпирической терапии в первую очередь, — это уровень воспоминаний или биографический уровень, на котором мы обнаруживаем воспоминания из нашего младенчества и детства. В современной глубинной психологии обычно принято считать, что наша нынешняя эмоциональная жизнь сформирована событиями, которые относятся к «формирующим» годам нашей жизни, то есть к тем годам, когда мы еще не умели словесно выражать свои мысли и чувства. В формировании нашей личности важную роль играли, следовательно, материнская забота, динамика семейных отношений, травматические переживания.

Биографические сферы обычно являются наиболее доступной частью психики и, разумеется, той частью, которая нам лучше всего знакома. Однако не все важные события из нашей ранней жизни можно восстановить методом ежедневного воспоминания. Возможно, легко припомнить счастливые времена, но травмы, заложенные в основе наших страхов и сомнений в себе, находят способ ускользнуть от нас. З. Фрейд назвал этот механизм «подавлением». Он показал, как можно проникнуть в сферу бессознательного и освободить нас от подавленного эмоционального материала путем анализа сновидений, фантазий, невротических симптомов, оговорок, каждодневных поступков и других аспектов нашей жизни.

Фрейд и его последователи исследовали бессознательную часть ума посредством метода «свободных ассоциаций». Эта техника из-

вестна многим. Мы говорим все, что приходит нам в голову, позволяя словам, ментальным образам и воспоминаниям свободно изливаться и никоим образом не подвергаться цензуре. В середине XX в. новая дисциплина, которая назвала себя «гуманистической психологией», предложила множество терапевтических методов, предполагающих работу с телом. Она подразумевала полное выражение эмоций в безопасной терапевтической обстановке. «Эмпирические» подходы увеличили эффективность исследования биографического материала. Однако, как и более ранние вербальные техники, они применялись к обычным состояниям сознания.

Необычные состояния сознания позволяют по-новому понять биографический материал. При холотропном дыхании значительная часть биографического материала, который относится к первым годам жизни, часто выходит на поверхность за несколько первых сеансов. Пациенты не только получают доступ к воспоминаниям своего детства и младенчества, они часто обретают живую связь со своим рождением и пребыванием в чреве матери и начинают свое путешествие в сферу переживаний, далеко выходящих за пределы детства и младенчества.

Вместо простого припоминания ранних событий своей жизни или воссоздания из кусочков и отрывков снов и воспоминаний, в необычных состояниях сознания пациенты переживают эти события в буквальном смысле слова. Они ощущают себя двухмесячными младенцами и переживают все сенсорные, эмоциональные и физические качества такими, какими мы их узнали. Они переживают свое тело как тело младенца и воспринимают обстоятельства примитивно и по-детски наивно. Это весомый довод, чтобы поверить в то, что эти переживания достигают клеточного уровня.

Люди возвращаются в своих переживаниях в детство, принимают выражения лица, позы, жесты и поведение, характерные для маленьких детей. В переживания раннего младенчества включаются слюноотделение и сосательные движения. Особенно замечательно то, что у этих людей проявляются неврологические рефлексы, характерные для переживаемого ими возраста. Они могут ответить сосательным рефлексом на легкое прикосновение к губам и показать другие так называемые осевые рефлексы, служащие отличительными признаками обычных неврологических реакций младенца.

Можно назвать еще одно отличие между исследованием психики в обычных и необычных состояниях сознания. В необычных состояниях отбор из подсознания человека наиболее уместного и эмоционально заряженного материала происходит автоматически. При этом система «внутреннего радара» словно сканирует психику и тело, извлекая самые важные моменты и делая их доступными для сознательной части нашего ума. Терапевту не приходится решать, какие из переживаний, которые возникают в нашем сознании, можно считать важными, а какие нет.

Эта функция радара, обнаруженная в необычных состояниях сознания, открыла те аспекты биографической сферы, которые в традиционных исследованиях человеческого сознания, не ухватывались. В одно из этих исследований входит вопрос о том, как влияют ранние физические травмы на эмоциональное развитие человека. Оказывается, радарная система выносит на поверхность не только воспоминания об эмоциональных травмах. «Выскакивают» и те события, во время которых выживание или неприкосновенность физического тела находились под угрозой. Высвобождение эмоций и напряжения, которые до сих пор хранились в теле как результат ранних травм, оказалось чрезвычайно важным. Проблемы, связанные с дыханием, такие, как при дифтерии, коклюше, пневмонии или угрозе утонуть, играли решающую роль при изучении биографического материала.

Традиционная психиатрия рассматривает подобные физические травмы как потенциал, закладывающийся в органическое повреждение мозга, но она отрицает их непосредственное воздействие на эмоциональном уровне. Люди, эмпирические оживляющие воспоминания о серьезных физических травмах, приходят к полному осознанию шрамов, оставленных этими событиями на их психике. Они также понимают, насколько велик вклад этих травм в те проблемы, которые существуют у человека сегодня. Речь идет о таких психосоматических недугах, как астма, мигрень, депрессия, фобии или даже садомазохистские наклонности. К тому же восстановление в памяти этих ранних травм и их проработка несет в себе терапевтический эффект. Он приносит либо временное, либо постоянное освобождение от симптомов.

Еще одно важное открытие трансперсональной психологии — память об эмоциональных и физических переживаниях сохраняется не в виде изолированных кусочков, а в форме сложных констелляций, которые называются СКО (системы конденсированного опыта). Каждая СКО состоит из эмоционально заряженных воспоминаний, которые относятся к различным периодам нашей жизни. Общим знаменателем для них оказывается одно и то же эмоциональное качество или физическое ощущение. Каждая СКО имеет много слоев, каждый из которых пропитан своей центральной темой, ощущениями и эмоциональными качествами. Трансперсоналисты обладают возможностью отождествлять эти индивидуальные слои в соответствии с различными периодами жизни человека.

Любая из СКО имеет характерную для нее тему. Например, единичная констелляция СКО может содержать в себе все основные воспоминания о событиях, которые связаны с оскорблениями, унижениями и стыдом. Общим знаменателем для другой СКО может быть ужас переживаний клаустрофобии, удушья и чувств, связанных с гнетущими и ограничивающими обстоятельствами. Отвержение и эмоциональные лишения, которые рождают недоверие

к другим людям — также весьма распространенный мотив СКО. Особо важными считаются системы, которые включают в себя переживания угрозы жизни или воспоминания о тех случаях, когда наше физическое здоровье находилось в опасности.

Но это вовсе не означает, что СКО содержат лишь негативный материал. Они могут также хранить в себе конstellации положительных переживаний: ощущения безмятежного покоя, блаженства или экстаза. СКО уходят своими корнями глубже, чем индивидуальное бессознательное.

Каждая из конstellаций накладывается на определенный аспект переживания рождения и закрепляется за ним. СКО служат организации не только индивидуального бессознательного. Они участвуют в активности всей человеческой психики. СКО воздействуют на каждую из областей нашей эмоциональной жизни. Они могут влиять на то, как мы воспринимаем самих себя, других и окружающий мир. Они являются движущими силами, которые стоят за нашими эмоциональными и психосоматическими симптомами и подготавливают почву для тех трудностей, что складываются в отношениях между людьми.

Между СКО внутреннего мира человека и событиями внешнего мира существует постоянная взаимосвязь.

Путешествуя за пределы биографических событий раннего детства, трансперсоналисты входят в сферу опыта, которая связана с биологическим рождением. Ступая на эту новую территорию, мы начинаем испытывать эмоции и физические ощущения необычайной силы, которые часто превосходят то, что мы привыкли считать возможностями человека. Здесь трансперсоналисты сталкиваются с эмоциями двух полярных противоположностей — со странным переплетением рождения и смерти, как будто эти два аспекта человеческого опыта некогда являли собой единое целое. Вместе с ощущением угрожающего жизни ограничения приходят решимость бороться за освобождение себя и за выживание.

Поскольку большинство людей отождествляют подобные переживания с травмой биологического рождения, *С. Гроф* (род. 1931) относит их к *перинатальной* сфере психики.

Этот термин является греко-латинским словом, состоящим из приставки *peri* — что значит «близко» или «около» и корнеобразующего слова *natalis* — что переводится как «связанное с деторождением». Слово «перинатальный» обычно используется в медицине для описания биологических процессов, происходящих незадолго до рождения, во время рождения и сразу после него.

Однако поскольку традиционная медицина отвергает тот факт, что ребенок обладает способностью записывать в своей памяти связанные с рождением переживания, этот термин не используется в традиционной психиатрии. Исследования термина «перинатальный» по отношению к сознанию — это открытие трансперсоналистов.

Исследования в необычных состояниях сознания позволили получить неопровержимые доказательства того, что воспоминания о перинатальных переживаниях мы храним в своей психике, иногда на глубинном клеточном уровне. Люди, не обладающие интеллектуальными знаниями о своем рождении, могли с удивительной точностью пережить такие моменты рождения, как, например, использование щипцов, прохождение через родовой канал и самые ранние материнские ответы младенцу.

Перинатальные переживания включают в себя примитивные эмоции и ощущения, такие, как тревога, биологическая ярость, физическая боль и удушье, тесно связанные с процессом рождения. Люди, переживающие опыт рождения, как правило, проделывают соответствующие движения, в точности воспроизводя положением конечностей и вращением тела механику определенных родов. Трансперсоналисты наблюдают это даже среди тех, кто никогда не изучал процесс рождения и не наблюдал его в своей взрослой жизни. Кроме того, на участках кожи, которых касались щипцы, где стенка родового канала давила на голову и где пуповина обвивалась вокруг шеи, неожиданно появлялись кровоподтеки, припухлости и другие сосудистые изменения. Все эти подробности подтверждались, если имелись записи о рождении или свидетели из персонала.

Ранние перинатальные переживания не ограничиваются процессом рождения. Глубинные перинатальные воспоминания могут помочь нам проникнуть в ту сферу, которую Юнг назвал коллективным бессознательным. Переживая муки прохождения через родовой канал, мы можем отождествиться с такими же событиями, переживаемыми людьми других времен и культур, или даже с процессом рождения, переживаемым животными или мифологическими персонажами. Мы можем также почувствовать глубокую связь со всеми теми, кого в свое время кто-то оскорблял, заключал в тюрьму, мучил или еще каким-либо образом делал жертвой. Кажется, что наша связь с универсальным переживанием эмбриона, который борется за свое существование, почти мистически объединяет нас со всеми существами, находящимися или находившимися в аналогичных обстоятельствах.

Перинатальные феномены происходят в четырех различных эмпирических паттернах, которые С. Гроф называет *Базовыми Перинатальными Матрицами (БПМ)*. Каждая из четырех матриц связана с одним из четырех последовательных периодов биологического рождения. На каждой из данных стадий ребенок испытывает переживания, характеризующиеся особыми эмоциями и физическими ощущениями. Во всех этих стадиях прослеживается специфическая связь с символическими образами. Они представляют собой строго индивидуальные психодуховные программы, отражающие то, как мы переживаем свою жизнь. Они могут проявляться как в индиви-

дуальной и социальной психопатологии, так и в религии, искусстве, философии, политике и других сферах жизни.

Матрица БПМ-I, которую можно назвать «амниотической вселенной», имеет отношение к тем переживаниям, что связаны с временем пребывания в чреве матери до начала родов. Вторая матрица, БПМ-II, или «космическая поглощенность и отсутствие выхода», относится к переживанию того момента, когда схватки уже начались, но шейка матки еще не раскрылась. Третья матрица, БПМ-III, «борьба смерти и возрождения», отражает те переживания, которые связаны с прохождением по родовому каналу. Четвертая и последняя матрица, БПМ-IV, на которую мы можем ссылаться как на «смерть и возрождение», относится к переживанию момента, когда ребенок покидает тело матери. Каждая перинатальная матрица имеет свои особенные биологические, психологические, архетипические и духовные аспекты.

..... Основные характеристики этой матрицы, а также вытекающие из нее образы отражают естественный симбиоз между матерью и ребенком, имеющий место в период его внутриутробного развития. Важно помнить, что в это время мы настолько связаны с матерью, что почти являемся ее органом. При этом условия для ребенка близки к идеальным. Плацента постоянно снабжает его кислородом и питательными веществами, необходимыми для роста, а также уничтожает все ненужные продукты. Околоплодными водами эмбрион защищен от громкого шума и толчков, а в материнском теле и матке поддерживается относительно постоянная температура. Там присутствует атмосфера безопасности, защищенности и мгновенного удовлетворения всех нужд и без всяких усилий.

Картина жизни в утробе матери может показаться весьма безоблачной, но это не всегда так. В наиболее удачных случаях оптимальные условия нарушаются лишь изредка и на короткое время, например, мать может съесть какую-то пищу или выкурить сигарету. Она может провести некоторое время в очень шумном окружении или создать дискомфорт для эмбриона и для себя, проехав в машине по неровной дороге. Как и любой человек, она может простудиться или заболеть гриппом. Вдобавок ко всему половая активность, особенно в последние месяцы беременности, может в некоторой степени ощущаться эмбрионом.

В худших случаях жизнь в материнском чреве может вызывать чрезвычайные неудобства. На существование эмбриона могут воздействовать перенесение матерью тяжелых инфекционных заболеваний, заболевания эндокринной системы и обмена веществ, а также сильный токсикоз. Здесь также можно упомянуть о «токсичных эмоциях», таких, как сильное беспокойство, напряжение или

вспышки гнева. На качество беременности могут повлиять связанные с работой стрессы, хронические интоксикации, пагубные привычки или жестокое обращение с будущей матерью.

Во время необычных состояний сознания многие люди чрезвычайно ярко описывают свои переживания того времени, когда они находились в матке. Они воспринимают себя маленькими, с характерной для эмбриона непропорционально большой головой по сравнению с телом. Они чувствуют окружение околоплодной жидкости, а также присутствие пуповины. Если человек воссоединяется с теми периодами эмбриональной жизни, где не было беспокойств, то такое переживание ассоциируется с блаженным состоянием сознания, где между субъектом и объектом не возникает ощущения двойственности. Это то «океаническое состояние», в котором нет границ и в котором мы не проводим различий между нами самими и материнским организмом или между нами самими и внешним миром.

Это переживание себя в качестве эмбриона может развиваться в нескольких направлениях. Океанический аспект эмбриональной жизни может способствовать возникновению отождествлений с различными водными жизнеформами, такими, как киты, дельфины, рыбы, медузы или даже водоросли. Ощущение нахождения вне границ, переживаемое нами в материнской утробе, может способствовать также появлению чувства единства с космосом. Можно отождествиться с межзвездным пространством, с различными космическими телами, с целой галактикой или же со вселенной во всей ее полноте. Некоторые отождествляются также с переживанием астронавтов, плавающих в невесомости и прикрепленных к «материнскому кораблю», обеспечивающему им жизнь «шлангом-пуповиной».

Тот факт, что хорошая матка безоговорочно удовлетворяет нужды эмбриона, является основой символизма, такого, как нескончаемые дары «матери-природы», выражающиеся в красивой, безопасной и сытой жизни. Когда мы в необычных состояниях переживаем себя эмбрионом, то эти переживания могут внезапно смениться великолепными видами тропических островов с пышной растительностью, фруктовых садов, полей со зреющей кукурузой или ухоженных огородов, расположенных на террасах Анд. Эмбриональное переживание раскрывается также в архетипических образах коллективного бессознательного, и вместо неба астрономов и природы биологов мы сталкиваемся с небесными сферами и райскими садами из мифологий различных культур мира. Таким образом, символизм БПМ-I как в сокровенном смысле, так и логически сплетает воедино различные эмбриональные, океанические, космические, природные, райские и божественные элементы.

Переживания БПМ-I обладают сильными мистическими обертонами: они ощущаются как священные или святые. Здесь, во избежание религиозного жаргона, возможно, наиболее точно подошел

бы используемый Юнгом термин «нуминозный». Когда у нас бывают такого рода переживания, то нам кажется, что мы встретились с измерениями реальности, которые относятся к высшему порядку. Это важный духовный аспект БМП-I, часто описываемый как глубокое чувство космического единства и блаженства, тесно связан с переживаниями, которые могут возникать в нас во время пребывания в хорошей матке, — с покоем, умиротворенностью, безмятежностью, радостью или блаженством. Наше обыденное восприятие пространства и времени, как нам кажется, угасает, и мы становимся «чистым бытием». Передать это состояние словами невозможно. Можно лишь сказать, что оно «неописуемо» или «невыразимо».

Описание космического единства часто изобилует парадоксами, нарушающими аристотелевскую логику. Например, в повседневной жизни мы принимаем тот факт, что вещи, с которыми мы сталкиваемся, не могут одновременно быть ими самими и не быть ими самими, или же то, что они не могут быть чем-либо еще, кроме того, чем они являются. «А» не может быть «не А» или «Б». Однако переживание космического единства может «ничего в себе не содержать, хотя и охватывать все существующее». Или в то же самое время, когда наше сознание расширилось настолько, что могло бы охватить всю вселенную, мы можем ощущать себя «не имеющими эго». Мы можем испытывать застенчивость и ущемленность из-за своей незначительности, однако чувствовать при этом свою значимость и важность, доходящие иногда до отождествления себя с Богом. Мы можем воспринимать себя как существующих и в то же время несуществующих и видеть все материальные объекты пустыни и саму пустоту наполненной формой.

В этом состоянии космического единства мы ощущаем обладание прямым, непосредственным и немедленным доступом к знанию и мудрости вселенской значимости. Это обычно не означает конкретной информации с техническими деталями, которую можно применить на практике, а скорее включает в себя сложные прозрения в природу существования. Они, как правило, сопровождаются чувством убежденности в том, что знание в конечном счете более уместно и «реально», чем способность восприятия и убеждения, присущая нам в повседневной жизни. В древних Упанишадах говорится об глубоких проникновениях в основные тайны бытия как о «знании Того, что дает знание всего».

Экстаз, связанный с БПМ-I, можно назвать «океаническим блаженством». Далее в разделе о БПМ-III, мы встретимся с совершенно новой формой экстаза, связанной с процессом смерти-возрождения. Гроф называет его «вулканическим экстазом». Он дикий, «дионисийский», ему присущи всепоглощающие волны взрывной энергии и сильные импульсы к лихорадочной деятельности. Напротив, океаническую энергию БПМ-I можно назвать «аполлоновской»: наряду

с безмятежностью и умиротворенностью она включает в себя спокойное растворение всех границ. Когда мы закрываем глаза и отгораживаемся от всего остального мира, она проявляется как независимое внутреннее переживание, имеющее названные характеристики. Когда же мы открываем глаза, она превращается в ощущение слияния или «становления единым» со всем, что мы воспринимаем вокруг себя.

В океаническом состоянии мир предстает во всей красоте и неопишемом сиянии. Утрачивается потребность в интеллектуальном осмыслении вселенной, она оказывается не загадкой, которую надо разгадать, а переживаемой мистерией. При этом трудно найти повод для выражения отрицательных чувств. Абсолютно все кажется совершенным. Но в этом чувстве идеальности, совершенства есть и противоречие. Его выразил однажды *Рам Дасс* (род. 1931) словами, которые он услышал от своего гуру: «Мир абсолютно совершен, включая твое собственное недовольство им, а также все то, что ты пытаешься сделать, чтобы изменить его». В переживании океанического блаженства весь мир представляется дружественным, а зло кажется преходящим, неуместным и даже несуществующим.

Эти ощущения океанического блаженства можно сравнить также с «пиковыми переживаниями» А. Маслоу. Они переданы следующим образом: ощущение целостности, единения и слияния; отсутствие усилий и легкость; полное использование своих возможностей; свобода от блоков, заторможенности и страхов; спонтанность и выразительность; бытие здесь и теперь; бытие с чистой душой и духом; отсутствие желаний и нужд; одновременное проявление инфантильности и зрелости и неопишуемая красота. В то время как наблюдения океанического блаженства основаны преимущественно на переживаниях, связанных с регрессией, описания Маслоу отражают его исследования спонтанных пиковых переживаний, происходящих в жизни взрослых.

Перинатальные беспокойства имеют свои отличительные эмпирические характеристики, и если они не являются экстремальными, такими, как внезапный выкидыш, попытка аборта или серьезные токсические состояния, то их симптомы относительно незаметны. Обычно их легко можно отличить от более драматических и неприятных обнаружений, связанных с процессом рождения, таких, как образы войны, садомазохистские сцены, ощущение удушья, агонизирующая боль, давление, сильная тряска и спастические сокращения больших мышц. Поскольку большинство внутриутробных беспокойств связано с химическими изменениями, то преобладающие темы здесь — загрязненная или опасная окружающая среда, отравление, а также различные негативные влияния.

Чистая океаническая атмосфера может стать темной, мрачной и зловещей, и может показаться, что в ней скрывается множество подводных опасностей. Некоторые из этих опасностей предстают в виде гротескных творений природы, другие в виде омерзительных, агрес-

сивных и недоброжелательных демонических призраков. Человек может отождествляться с рыбами и другими водными жизнеформами, которым угрожает загрязнение рек и океанов промышленными отходами, или с невылупившимся цыпленком, над которым перед тем, как ему появится на свет, нависла опасность задохнуться от собственных экскрементов.

Аналогичным образом видение звездного неба, характерное для переживания «хорошей» матки, может затянуться уродливой пленкой или туманом. Видимые беспокойства имеют сходство с искажением изображения при неисправности телевизоров.

Сцены загрязнения воздуха промышленными выбросами, химическая война, токсичные отходы, а также отождествление с заключенными, умирающими в газовых камерах концлагерей, принадлежат к характерным переживаниям «плохой» матки. Можно также почувствовать осязаемое присутствие злых существ, влияние внеземных цивилизаций и астрологические поля. Растворение границ, создающее чувство мистического единства с миром во время безмятежных эпизодов внутриутробной жизни, сменяется теперь ощущением замешательства и угрозы. Мы можем почувствовать себя открытыми и уязвимыми перед грозными атаками, а в своей крайней степени это переживание вызывает параноидальные искажения, связанные с восприятием мира.

.....
Двери в трансперсональное переживание при БПМ-I
.....

Перинатальный мир БПМ-I часто служит входом в трансперсональные сферы психики. Отождествляясь с переживаниями либо «хорошей», либо «плохой» матки, мы можем также переживать особые трансперсональные феномены, имеющие с этими состояниями общие эмоции и физические ощущения. Иногда в этих переживаниях можно уйти во времени далеко назад и увидеть эпизоды из жизни наших человеческих и животных предков. Кроме того могут возникнуть кармические моменты и «флэши» из других периодов человеческой истории. Порой мы можем превзойти ограничения, отделяющие нас от остального мира, и почувствовать слияние с другими людьми, группами людей, с животными и растениями и даже с неорганическими процессами.

Особый интерес среди этих переживаний представляют встречи с различными архетипическими существами, особенно с благостными и гневными божествами. Состояния океанического блаженства часто сопровождаются видениями божеств, дарующих счастье, таких, как Богиня Мать-Земля и различные другие аспекты Матери-Богини, Будда, Аполлон. Переживания внутриутробных беспокойств часто связаны с демонами из различных культур.

Психологические и духовные аспекты БПМ-I, сопровождаются характерными физическими симптомами. В то время как переживания «хорошей» матки приносят ощущение хорошего самочувствия, проживание внутриутробных травм включает в себя множество

неприятных физических состояний. Наиболее распространены среди них симптомы, напоминающие сильную простуду или грипп, — боли в мышцах, озноб, дрожь и ощущение общего недомогания. Нередко возникают также симптомы, ассоциируемые с похмельем, такие, как головная боль, тошнота, бурление в животе и газы. Это может сопровождаться неприятным привкусом во рту, который пациенты описывают по-разному: разлагающаяся кровь, йод, металлический привкус или просто «яд».

БПМ-I несет в себе также весьма интересные ассоциации с воспоминаниями из постнатальной жизни. Положительные аспекты этой матрицы представляют собой естественную основу для записи из нашей жизни всех переживаний удовлетворенности (позитивные СКО). Во время систематической эмпирической работы люди часто открывают глубокую связь между океаническим блаженством БПМ-I и воспоминаниями счастливых периодов младенчества и детства, таких, как беззаботные и радостные игры со сверстниками или эпизоды гармоничной семейной жизни. Пылкие любовные романы и отношения между влюбленными с присутствием чувственных и сексуальных наслаждений также связываются с положительными эмбриональными периодами.

Многие переживания, связываемые с этой матрицей, могут быть вызваны красивыми видами природы, такими, как красочные восходы и закаты, спокойствие океана, захватывающее дух величие снежных вершин или таинственность северного сияния. Аналогичным образом размышление о непостижимой тайне звездного неба, нахождениеazole гигантской секвойи, которой три тысячи лет, или созерцание экзотической красоты тропических островов могут пробудить чувства, связанные с БПМ-I. Похожие состояния сознания могут вызываться человеческими творениями высокой эстетической и художественной ценности, такими, как вдохновенная музыка, великие живописные полотна или архитектура древних дворцов, храмов и пирамид.

Однако наступает, наконец, новая фаза. Эмбрион должен подвергнуться феноменальному переходу из симбиотического водного организма к совершенно иной форме жизни. Даже самые благополучные роды могут показаться тяжким испытанием, поистине героическим путешествием, связанным со значительными эмоциональными и физическими напряжениями. С началом родов во вселенной ребенка внутри матки возникают серьезные беспокойства. Первые признаки заметны и обнаруживаются в виде гормональных влияний. Эмбрион начинает испытывать сильный физический дискомфорт и ситуацию критического положения.

..... Биологической основой БПМ-II являются
БПМ-II
..... прекращение пребывания в материнской
утробе и столкновение с сокращениями матки. Сначала эти изменения преимущественно химические, а затем они приобретают меха-

нический характер. Та же самая матка, которая во время нормальной беременности была относительно спокойной и предсказуемой, теперь совершает сильные периодические сокращения. Весь прежний мир эмбриона неожиданно рушится и сокрушает его, вызывая беспокойство и огромный физический дискомфорт. Каждое сокращение сжимает маточные артерии и препятствует прохождению потока крови между матерью и эмбрионом. Для эмбриона эта ситуация оказывается тревожной, поскольку она означает прекращение снабжения кислородом и питанием, обеспечивающим ему жизнь, а также прерывание столь значимой связи с материнским организмом. В это время шейка матки все еще закрыта.

Время, проводимое в данной трудной ситуации, для каждого человека свое. Для некоторых это обходится минутами, а для других — многими часами. Такое тупиковое положение до того момента, как шейка матки раскроется, является обычным делом, но в некоторых случаях процесс родов может задерживаться и на более поздних стадиях и не проходить так, как нужно.

Субъективно переживание начала родов несет в себе сильную тревогу и ощущение нависшей угрозы. Кажется, что вся наша вселенная находится в опасности, но источник этой угрозы остается тайной, ускользающей от наших попыток постичь ее. Поскольку первоначальные изменения по своей природе являются химическими, они могут ощущаться как болезнь или интоксикация. В крайних случаях человек может ощущать паранойю или чувствовать себя во враждебном окружении.

По мере развития и углубления переживаний угрозы у человека может возникнуть видение гигантского водоворота, ощущение нахождения в нем и безжалостного затягивания в самый его центр. Также может показаться, что земля разверзлась и поглощает невольного путешественника в темные лабиринты жуткого подземного мира. Еще одна разновидность тех же самых переживаний — ощущение того, что тебя пожирает архетипическое чудовище, ловит ужасающий спрут или огромный тарантул. Это переживание может достигать фантастических масштабов, словно туда затягивает не только тебя одного, но весь мир. Вся атмосфера в целом напоминает апокалипсис, разрушающий спокойный внутриутробный мир и сменяющий океаническую и космическую свободу эмбриона агонией при попадании в ловушку и ощущением поглощения неизвестными внешними силами.

Человек, переживающий полное развитие БПМ-II, ощущает себя помещенным в клетку вызывающего клаустрофобию мира кошмаров. Визуальное поле становится темным и зловещим, и общая атмосфера напоминает невыносимые душевные и физические муки. В тот же самый период полностью теряется связь с линейным временем, и все происходящее кажется вечным и словно не имеющим конца. Под влиянием БПМ-II человек выборочно настраивается на самые

худшие и безнадежные аспекты существования. Он начинает осознавать населяющие его психику мрачные, чудовищные и злые состояния. Вся наша планета кажется апокалиптическим местом, наполненным ужасом, страданиями, войнами, эпидемиями, катастрофами и стихийными бедствиями. В то же самое время в человеческой жизни невозможно найти никаких положительных аспектов, например, любви и дружбы. В этом состоянии человек видит красивых детей, играющих друг с другом, и думает о том, как они состарятся и умрут, а увидев восхитительную розу, представляет себе, как через несколько дней она завянет.

БПМ-II в самом мистическом смысле соединяет людей со страданиями мира и помогает им отождествиться со всеми принесенными в жертву, попранными и угнетенными. В глубоких необычных состояниях, управляемых этой матрицей, мы действительно можем ощущать себя тысячами молодых людей, погибших во всех войнах человеческой истории. Мы можем отождествиться со всеми заключенными, страдающими и умирающими в тюрьмах, камерах пыток, концентрационных лагерях или психиатрических больницах мира. Среди тем, чаще всего связанных с этой матрицей, встречаются сцены голода, а также дискомфорта и опасности, исходящих от мороза, льда и снега. Еще один типичный аспект БПМ-II — атмосфера нечеловеческого, гротескного, причудливого мира автоматов, роботов и механических устройств. Образы человеческих безобразий, уродств и бессмысленного карточного мира притонов также принадлежат характерному символизму этой матрицы.

Люди, которые, как правило, настраиваются на БПМ-II, имеют тенденцию видеть человеческое существование полностью бессмысленным. Они могут чувствовать, что, поскольку все непостоянно, жизнь в самой своей основе лишена какого-либо смысла. Любые старания во имя какой-то цели наивны, пусты и в конечном счете являются обычным самообманом. С этой точки зрения любые усилия, стремления или мечты о будущем попросту обречены на провал. В крайних случаях человеческие существа представляются не чем иным, как вызывающими жалость вечными жертвами, участвующими в донкихотских битвах против сил, больших, чем они сами, и не имеющих никакого шанса победить.

Во время рождения нас выбрасывает в мир, где нет выбора, и мы можем быть уверены только в одном — в том, что однажды умрем. Старая латинская поговорка точно выражает это положение человека: «Смерть неизбежна, неведом лишь час». Над нашей головой нависает призрак смерти, постоянно напоминающий о бренности существования. Мы приходим в этот мир голыми, в боли и страданиях, ничего не имея и в большинстве случаев таким же образом и уходим из него. Все, что бы мы ни делали в нашей жизни или с нашей жизнью, это не меняет основополагающего уравнивания. Это самое жестокое и обескураживающее сообщение БПМ-II.

Переживания этой матрицы типично открывают глубокую связь между агонией рождения и смерти. Видение сходства между этими двумя ситуациями обычно вызывает чувство крайнего нигилизма и приводит к экзистенциальному кризису. Нередко это отражается в видениях, показывающих бессмысленность и абсурдность жизни и тщетность любых попыток что-либо изменить. Перед нами могут предстать картины жизни и смерти королей, выдающихся полководцев, пленительных кинозвезд и других людей, добившихся необычайной известности и удачи. Когда приходит смерть, эти люди ничем не отличаются от других. Это глубокое экзистенциальное откровение, которое человек осознает через данную матрицу, часто помогает ему понять глубочайший смысл такого выражения, как «Ты есмь прах и в прах обратишься» или «Так исчезает слава мира сего».

.....
Индивидуальные
эмоции и культурные
отражения БПМ-II
.....

Крайне важно отметить глубокие параллели между способностью восприятия, впечатанной в человеческое сознание во время «безвыходной» стадии рождения, и философией экзистенциализма, таких, как *С. Кьеркегор* (1813—1955), *А. Камю* (1913—1960) или *Ж.П. Сартр* (1905—1980). Эти философы мучительно ощутили и ярко выразили основные темы данной матрицы, так и не сумев увидеть единственно возможное решение — духовное раскрытие и преображение. Многие из людей, встретившихся в своей психике с элементами БПМ-II, ощутили глубокую связь с экзистенциальной философией, которая мастерски изображает безнадежность и абсурдность этого состояния. Сартр для одной из своих самых знаменитых пьес выбрал название «Выхода нет». Стоит упомянуть, что на жизнь Сартра важное влияние оказал вызвавший затруднения и неудачно завершившийся психоделический опыт с веществом под названием мескалин, активным алкалоидом из мексиканского кактуса пейот, который используется в таинствах индейцев. В личных записках Сартра было отмечено, что его сеанс был сосредоточен на переживаниях, которые часто связывались с БПМ-II. Обнаруживается, что на симптомы страдания людей, такие, как депрессия, потеря инициативы, ощущение бесцельности, отсутствие интереса к жизни и неспособность чему-либо радоваться, как правило, оказывает влияние этот аспект бессознательного.

Даже тем из нас, кто не испытал клинических депрессий, известны подобные чувства — изоляции, отчуждения, беспомощности, безнадежности, и даже метафизического одиночества. Большинство из нас познали также чувство неполноценности и вины, когда обстоятельства нашей жизни, как казалось, подтверждали, что мы бесполезны, что мы ничего не стоим и просто никуда не годимся. Эти чувства часто совершенно не стыкуются с вызвавшим их событием, и осознание приходит только тогда, когда проходит достаточно времени, чтобы обеспечить нас мерой объективности. И все

же, когда мы переживаем эти эмоции, мы бываем убеждены, что они уместны и оправданны, даже если достигают метафизических размеров описанного в Библии первородного греха. Однако мысль о том, что эти чувства могут быть связаны с тем, что оставлено в нашем сознании БПМ-II, нам в голову не пришла.

Переживания БПМ-II лучше всего можно охарактеризовать следующей триадой: страх смерти, страх никогда не вернуться назад и страх сойти с ума. Клеточная память о рождении может проявиться в актуальном сознании с такой силой, что человек без всяких сомнений убеждается в том, что над ним нависла биологическая смерть.

Потеря ощущения линейности времени, связанная с данной матрицей, может привести к убеждению, что этот невыносимый момент будет длиться вечно. Ошибка присуща всем традиционным религиям, где вечность понимается скорее не как переживание нахождения вне времени и в смысле окончательного выхода за его пределы, а как интервал времени. В БПМ-II это чувство полной безнадежности и мысль о невозвращении попросту принадлежит к эмпирическим характеристикам этого состояния и исход этого переживания непредсказуем. Парадоксально то, что самым быстрым выходом из этой ситуации является полное принятие безнадежности столь неприятного положения, что в действительности означает сознательное принятие изначальных ощущений эмбриона.

Мир БПМ-II с присущим ему всепроникающим ощущением опасности, космического поглощения, абсурдного и гротескного восприятия мира и потери линейности времени настолько отличается от повседневной реальности, что, когда мы встречаемся с ним, нам кажется, что мы находимся на грани помешательства. Мы можем ощутить, что утратили контроль над психикой или же перешагнули через грань и находимся под угрозой навсегда остаться психопатом. Прозрение по поводу того, что крайняя форма этого переживания всего лишь отражает травму начальных стадий рождения, иногда может помочь нам справиться с ситуацией, а иногда — нет. Облегченный вариант этого состояния — наше убеждение в том, что через переживание БПМ-II мы обретаем полное и окончательное понимание абсурдности существования и того, что мы никогда больше не сможем вернуться к снисходительному обману, который требуется для преуспевания в этом мире.

.....
Духовные образы
и прозрения, связанные
с БПМ-II
.....

Так же как и первая перинатальная матрица, БПМ-II обладает богатыми духовными и мифологическими измерениями. Архетипические образы, выражающие качество переживаний, принадлежащих этой категории, можно найти в любых культурах мира. Мотив невыносимых духовных и физических страданий, которые никогда не прекратятся, находит свое выражение в образах ада и преисподней, присутст-

вующих в большинстве культур. Атмосфера мрачной преисподней подавляюща. Природа там отсутствует, а если имеется, то испорченная, зараженная и опасная. Это завалы и зловонные реки, дьявольские деревья с шипами и ядовитыми плодами, области, покрытые льдом, пламенеющие озера и реки крови. Человек может стать свидетелем, а иногда и участником пыток и претерпевать боль от ударов кинжалами, копьями и вилами демонов, кипеть в котлах и замерзать в холодных местах, ощущать, как его душат и давят. В аду есть только негативные эмоции — страх, отчаяние, безнадежность, вина, хаос и замешательство.

Мучительные архетипические образы представляют вечные страдания и проклятие. Особенно тесно соприкасались с этим измерением древние греки. Их трагедии, выстроенные вокруг тем, связанных с вечными проклятиями, с виной, переходящей из поколения в поколение, и невозможностью избежать этой судьбы, в точности отражает атмосферу БПМ-II. Персонажи греческой мифологии, символизирующие вечные муки, изображены почти что героями. Например, Сизиф, находясь в царстве теней, тщетно пытается толкать огромный камень в гору, но, каждый раз теряя его, он снова обретает надежду добиться успеха. Иксиона прикрепляют к горящему колесу, вращающемуся в преисподней целую вечность. Тантала изводят муками жажды и голода, когда он стоит в пруду с чистой водой, а над его головой свисают роскошные грозди винограда. Прометей же страдает, прикованный к скале и терзаемый орлом, который пожирает его печень.

В христианской литературе БПМ-II нашла свое отражение в «темной ночи души», предсказанной такими мистиками, как св. Иоанн Креститель, который видел в ней важную стадию своего духовного развития. Здесь особенно уместна история об изгнании Адама и Евы из рая и происхождении первородного греха. В Книге Бытия Бог особым образом связывает эту ситуацию с муками рождения, когда завещает Еве: «В болезни будешь рожать детей». Потеря божественной сферы описана в истории падения ангелов, которая привела к созданию полярности между небесами и адом. Христианские описания ада показывают особую связь с переживаниями БПМ-II.

В необычных состояниях у многих людей бывают прозрения по поводу того, что религиозные учения об аде резонируют с переживаниями БПМ-II, и это придает на первый взгляд неправдоподобным теологическим понятиям оттенок правдоподобия. Связью между бессознательными воспоминаниями можно объяснить, почему образы ада и преисподней воздействуют на детей так же сильно, как и на взрослых. Описание Библией мученических пыток Иова и страдания, отчаяния и унижения распятого на кресте Христа тесно связаны с БПМ-II.

В буддийской духовной литературе символизм БПМ-II обнаруживается в рассказе о «Четырех знаках непостоянства» из жизне-

описания Будды. Это относится к четырем событиям, оказавшим влияние на *Будду Гаутаму* (623—544 до н.э.) и предопределившим его решение оставить семью в королевском дворце и отправиться на поиски просветления. Во время путешествия за пределами города на него неизгладимое впечатление произвели четыре сцены. Вначале он увидел беззубого дряхлого человека, у которого были седые волосы и сгорбленное тело, — так выглядела встреча Будды со старостью. Далее он столкнулся с лежащим в придорожной канаве человеком, тело которого было истерзано болью, и это представляло его встречу с болезнью. Третьей была встреча с человеческим трупом, давшая ему полное осознание существования смерти и непостоянства. И последним событием была его встреча с бритоголовым монахом, облаченным в коричневатую-желтую робу и излучавшим нечто такое, что, казалось, превосходило все страдания, унаследованные плотью. Это явило собой мгновенное осознание непостоянства жизни, факта смерти и существования страдания, давшее Будде импульс к отречению от мира и отправлению в духовное путешествие.

В эмпирической работе с БПМ-II люди часто сталкиваются с кризисом, сходным с тем, что пережил Будда после «Четырех знаков непостоянства». Во время таких эпизодов бессознательное снабжает человека образами старости, болезни, смерти и непостоянства, окончательно предопределяющими духовный кризис. Он видит пустоту бездуховной жизни, ограниченной искусственными удовольствиями и мирскими целями. Это откровение является важным шагом к духовному раскрытию, которое начинается с раскрытием шейки матки, когда безвыходная ситуация БПМ-II меняется.

..... Люди часто относят «Ад» Данте (1265—1321) к драматическому описанию БПМ-II. Всю «Божественную комедию» в целом они рассматривают как рассказ о преображающем путешествии и духовном раскрытии. К другим произведениям, передающим ощущения этой сферы, относятся романы и рассказы *Ф. Кафки* (1883—1924), отражающие глубокую вину и мучения, работы *Ф. Достоевского* (1821—1881), наполненные описаниями душевных страданий, безумия и бесчувственной жестокости, а также те места в очерках *Э. Золя* (1840—1902), где описываются самые мрачные и отталкивающие аспекты человеческой природы. Элементы второй перинатальной матрицы присутствуют в рассказах *Э. По* (1809—1849), например в «Колодце и маятнике». Проклятие «Летучего голландца» и Вечного жиды Агасфера, обреченных всю жизнь скитаться по миру, также является удачным примером из области литературы.

Живопись, отражающая атмосферу БПМ-II, включает в себя образы ада в христианском, мусульманском и буддийском искусстве, а также изображение Христа в терновом венце, восхождение на Голгофу и распятие. К этой категории определенно принадлежат кош-

марные создания причудливого мира *И. Босха* (ок. 1460—1516), образы ужасов войны *Ф. Гойи* (1746—1828) и многие другие образы, созданные сюрреалистами. Особенно впечатляюще полотна Г. Гигера, швейцарского художника, поистине являющегося гением в перинатальной сфере. Гигер был награжден Золотым Оскаром за свои образы персонажей к фильму «Чужой», вызывающие ужас и содержащие в себе яркие перинатальные черты. Для фильма «Чужие», являющегося продолжением первого фильма, он создал фантастический архетипический образ Пожирающей Матери — ужасной паукообразной самки неземного происхождения со своим дьявольским инкубатором. Многие из перинатальных тем можно обнаружить в фильмах Федерико Феллини, Ингмара Бергмана, Джорджа Лукаса, Стивена Спилберга и многих других режиссеров XX в.

БПМ-II и роль жертвы в повседневной жизни Как и БПМ-II, эта матрица воссоединяет с воспоминаниями более поздних периодов жизни, обладающими качествами, похожими на описанные здесь переживания. Записанные в памяти события, связанные с БПМ-II, это различные неприятные ситуации, где мы ощущаем себя в опасности и лишенными надежды, где на нас наваливается чудовищная разрушительная сила и подчеркивается наша роль беспомощных жертв. Особенно значимы воспоминания тех случаев, в которых физическое здоровье и выживание находилось под угрозой: будь то хирургическое вмешательство, физическое посягательство, автомобильная катастрофа или увечье, полученное на войне. По причине их сходства с определенными аспектами родовой травмы эти воспоминания имеют тенденцию записываться в память таким образом, что стыкуются с БПМ-II.

Когда мы переживаем подобные травмирующие события, то событие, происходящее в настоящем, относит нас назад к соответствующему перинатальному материалу, активизируя тем самым нашу старую душевную и физическую боль. Теперь мы реагируем не только на настоящую ситуацию, но и на раннюю, коренную травму нашей жизни. Этим можно объяснить глубину психологического поражения, а также длительные негативные воздействия, такие, как войны, стихийные бедствия, нахождение в концлагерях или захват террористами. Для того чтобы эффективно работать с подобными состояниями, необходимо создать поддерживающую окружающую среду и использовать методы, позволяющие людям переживать и прорабатывать не только относительно недавние травмы, полученные в зрелом возрасте, но и лежащие в основе первичные воспоминания о принесении в жертву, связанные с БПМ-II.

На более тонком уровне вторая перинатальная матрица может включать в себя воспоминания о тяжелых психологических травмах, в частности, о разлуке, отвержении, лишениях, событиях, подрывающих душевное равновесие, а также о ситуациях, где человека огра-

ничивают и подавляют сначала в родной семье, а потом и в жизни вообще. Таким образом, нахождение в роли жертвы в своей семье, в классе, в интимных отношениях, на рабочем месте и в обществе усиливает и закрепляет память о безвыходной стадии рождения и делает ее (память) более психологически уместной и доступной для сознательного переживания. БПМ-II связана также с различными неприятными ощущениями и напряжениями в тех частях тела, которые Фрейд называл эрогенными зонами или зонами удовольствия. На оральном уровне эти ощущения могут выражаться в виде жажды или голода. В анальной области в виде неприятных ощущений в прямой кишке и заднем проходе, связанных с запором, колитом или геморроем, в мочеполовом тракте в виде сексуальных расстройств или боли, вызванной инфекцией или хирургическим вмешательством, а также проблемами с мочеиспусканием.

.....
Борьба смерти
и возрождения —
БПМ-III
.....
Каждое маточное сокращение на третьей перинатальной матрице проталкивает головку ребенка в шейку матки, все больше расширяя ее. Когда шейка матки окончательно раскрывается и головка ребенка опускается в область таза, то происходит великая перемена не только в биологическом, но и в психологическом переживании рождения. Безвыходная ситуация БПМ-II сменяется медленным прохождением по родовому каналу, характеризуемым БПМ-III.

И хотя тот или иной участник эксперимента в действительности никогда четко не видел родового канала, он ощущал его сокрушительное давление на голову и все тело и каждой своей клеткой знал, что вовлечен в процесс рождения. Напряжение достигало таких масштабов, что он даже не мог представить, что человек способен это выдержать. Он ощущал безжалостное давление на лоб, виски и затылок, словно оказался в стальных тисках. Напряжение в его теле вызывало ассоциацию с грубой механической обработкой. Ему казалось, что его пропускают через чудовищную мясорубку или гигантский пресс с зубцами и цилиндрами. В его памяти промелькнул созданный *Ч. Чаплиным* (1889—1977) в фильме «Новые времена» образ человека, ставшего жертвой мира технологии. Казалось, что через его тело проходят невероятные энергии, которые конденсируются и высвобождаются в виде мощных разрядов.

На биологическом уровне третья матрица имеет общие черты с БПМ-II, в частности, продолжение сокращений матки и общее ощущение ограничения и сжатия. Дополнительным источником удушья может быть пуповина, перекрученная вокруг шеи или зажатая между головкой ребенка и стенкой таза.

И хотя борьба за выживание продолжается, теперь появляется чувство надежды и вера в то, что этой борьбе придет конец.

Ребенок может испытывать все чувства и ощущения ребенка и при этом полностью отождествиться с рожаящей матерью, а также соединиться с архетипом рожаящей женщины.

.....
**Переживание рожде-
ния и сексуальность**
в БПМ-III
.....

Помимо переживаний сильной физической боли, тревожности, агрессивности, странного чувства возбуждения и движущей энергии, эта матрица характеризуется сексуальным возбуждением, что, несомненно, является самым неожиданным аспектом всего процесса рождения. Понятно, что это заслуживает объяснения, ибо содержит в себе важные доводы для понимания тех моментов, которые представляют собой весьма странные формы сексуального поведения людей. Нетрудно заметить, что поскольку в процессе родов сильно задействованы области гениталий, то и переживания матери могут включать сексуальные моменты. Более того, накопление и высвобождение напряжения в данном процессе следует естественному циклу, очень сходному с сексуальным оргазмом. Многие из женщин, роды которых проходили идеально, часто описывают это как самое сильное сексуальное переживание в своей жизни. Но намного труднее понять или поверить в то, что роды вызывают сексуальные чувства у самого ребенка.

Сексуальные чувства присутствуют еще до того, как ребенок родился. Наблюдения людей, переживающих в необычных состояниях сознания БПМ-III, обеспечивают нас данными. Эти свидетельства наводят на мысль о том, что в человеческом теле затаен механизм, переводящий чрезвычайное страдание (особенно если это связано с удушьем) в возбуждение, напоминающее по форме сексуальное. Об этом механизме рассказывали пациенты, имеющие садомазохистские наклонности, а также бывшие военнопленные, подвергавшиеся пыткам, и люди, которые пытались повеситься, но остались живы. Во всех этих ситуациях агонию можно близко соотносить с экстазом, ведущим к трансцендентным переживаниям, как и в случае флагеллантов и религиозных мучеников.

Но что это означает в терминах повседневной реальности? Для начала надо понимать, что наше первое переживание сексуальности случилось в опасном, угрожающем жизни контексте. Наряду с этим там присутствовали также переживания страдания и постоянной боли, и чувство тревоги, и слепой агрессивности. Вдобавок к этому, во время прохождения через родовой канал ребенок соприкасается с различными биологическими продуктами, включая слизь, кровь, а также возможно кал и мочу. Эта связь в сочетании с другими элементами образует естественную основу для развития различных сексуальных расстройств и отклонений в дальнейшей жизни. Усиленные травмирующими переживаниями младенчества и детства, переживания БПМ-III могут стать почвой для развития сексуальных нарушений, а также для насилия, садомазохизма, ассоциаций сексуальности с мочой и калом и даже криминальной сексуальности.

.....

Титаническое измерение БПМ-III

Как и предыдущие матрицы БПМ-III имеет свой символизм, включающий мирские, мифологические и духовные темы. Они подразделяются на пять различных категорий: агрессивные, садомазохистские, сексуальные, демонические и скатологические. Однако всем им присущ один и тот же мотив: столкновение со смертью и борьба за рождение. Наиболее часто, наряду с архетипическим символизмом, переживания третьей матрицы представляют собой смесь связанных с рождением ощущений и эмоций.

Возможно, наиболее поразительным аспектом этой матрицы является атмосфера титанической борьбы, нередко достигающей размеров катастрофы. В ней четко отражаются колоссальные конфликтующие энергии, вовлеченные в процесс рождения, которые мы пытаемся разрядить. Эти переживания могут достичь невероятной силы, казалось бы превышающей все, что в состоянии вынести человек. Человек способен пережить такие последовательности событий, где энергия чрезвычайно сконцентрированная и сосредоточенная, протекает сквозь тело подобно электрическому току. Эта энергия может создавать пробку или короткое замыкание, распространяя огромное напряжение во все части тела, которое затем может взрывным образом разрядиться. Для многих людей подобное ассоциируется с образами современной технологии и разрушениями, производимыми человеком — гигантскими электростанциями, кабелями высокого напряжения, ядерными взрывами, запуском ракет, артиллерийским обстрелом, воздушными налетами и другими сценами войны. Здесь мы можем вспомнить о таких катастрофах, как последний день Помпеи или извержение вулкана Кракатау. Несколькими реже в этих образах отражается разрушительная сила воды. Сюда включаются сцены зловеющих океанских штормов, огромных волн, вызванных приливом, наводнений, или разрушений дамб с последующим затоплением целых городов. Некоторые люди описывали мифологические образы, такие, например, как гибель Атлантиды, конец Содома и Гоморры или даже Армагеддон.

Агрессивные и садомазохистские аспекты третьей перинатальной матрицы являются, как это представляется, неизбежными следствиями, вытекающими из ситуации, с которой ребенок встречается в родовом канале. Направленная наружу агрессия отражает биологическую ярость организма, выживанию которого грозит удушение. Она необъяснима с точки зрения современной психологии и уж конечно не имеет никакого этического смысла. Это сравнимо с тем состоянием сознания, которое бы проявилось у каждого из нас, если бы нас погрузили в воду, лишив тем самым дыхания. Когда данный аспект матрицы активизируется в необычных состояниях сознания, он находит свое выражение в многочисленных сценах войн, революций, избиений, бойни, пыток и различного рода злоупотреблений, в которых мы играем активную роль.

Существует также связанная с этой матрицей форма агрессии, направленная внутрь, которая обладает качеством саморазрушения. Эта выраженная в саморазрушительных фантазиях и импульсах агрессия, по всей видимости, является интернализацией сил, изначально угрожавших нам снаружи — сокращение матки и сопротивление в родовом канале. Память о таких переживаниях живет в нас в виде ощущения эмоционального и физического ограничения и неспособности полностью радоваться жизни. Иногда она обретает форму жестокого внутреннего судьи, требующего наказания, — той безжалостной части суперэго, которая может двигать человека к крайностям саморазрушения.

Здесь важно отметить некоторые различия между переживаниями, связанными со второй и третьей матрицами. В то время как в БПМ-II мы являемся исключительно жертвами, в БПМ-III мы можем поочередно отождествиться то с жертвой, то с преступником. Вдобавок к этому, мы иногда можем быть зрителями, наблюдающими эти сцены снаружи, как это описывается в рассказе человека, одновременно переживающего себя и евреем и нацистским палачом. Люди, соприкоснувшиеся с этим аспектом рождения, часто рассказывали о своих отождествлениях с жестокими милитаристскими лидерами и тиранами, такими, как Чингис-хан, Гитлер, Сталин.

Садомазохистские ассоциации этой матрицы отражают связь между вызванной и причиненной болью, страданиями и сексуальным возбуждением, которые обсуждались выше. Этим объясняется и характерное для садомазохизма переплетение сексуальных чувств и боли. Садизм и мазохизм никогда не существуют как явления, полностью отделенные друг от друга. Напротив, они переплетены в человеческой психике и представляют собой две стороны одной медали. Как можно догадаться, в образы, связанные с садомазохистскими переживаниями, включаются сцены изнасилования, сексуальных убийств и садомазохистских практик, состоящих как в жестоком обращении с другими, так и в жестоком обращении к самому себе.

По мере того как сила переживаний, связанных с этой матрицей, увеличивается, эмоции и ощущения, бывшие изначально полярными противоположностями (например, боль и удовольствие), начинают сливаться. В конечном счете они могут слиться в единое недифференцированное состояние сознания, содержащее всевозможные измерения человеческих переживаний. Мучительные страдания и изысканные удовольствия становятся одним и тем же. Обжигающий жар ощущается как ледяной холод. Жестокая агрессия и страстная любовь соединяются воедино, агония смерти становится экстазом рождения. Когда страдание достигает своего апогея, ситуация странным образом прекращает нести в себе качество страдания и агонии. Вместо этого сама сила данного переживания преобразуется в дикий экстатический восторг, который можно описать как «дионисиев» или «вулканический экстаз».

Вулканический экстаз или восторг может принять даже трансцендентные масштабы. В отличие от океанического блаженства, связанного с БПМ-I, этот вулканический тип включает в себя огромное взрывное напряжение, обладающее как агрессивными, так и саморазрушительными элементами.

Эта форма экстаза может переживаться при родах, катастрофах или в ритуалах, использующих мучительные процедуры, такие, скажем, как практика флагеллантов или танец Солнца у американских индейцев, в котором человек добровольно подвергается сильной физической боли в течение продолжительного времени. Определенный уровень вулканического экстаза может достигаться в церемониях аборигенов, куда включаются танцы и громкая возбуждающая музыка, или в современных копиях — определенных рок-концертах.

Сексуальные аспекты БПМ-III обычно переживаются как обобщенный эротизм, ощущаемый не только в области гениталий, но и во всем теле. Многие утверждают, что этот экстаз похож на начальную фазу сексуального оргазма, хотя превышает его в тысячу раз. Однако в данном случае эти ощущения могут продолжаться в течение длительного периода, сопровождаясь неистовыми эротическими образами. Отраженная здесь сексуальность характеризуется огромной силой инстинктивного побуждения и не имеет определенной цели или стремления. Разумеется, это не тот эротизм, который мы переживаем в романтических отношениях с глубоким взаимным уважением, пониманием и чувством любви, доходящими в сексуальном союзе до кульминации. Здесь делается акцент на эгоистическом удовлетворении примитивных сексуальных побуждений, часто содержащих в своей природе отклонения от нормы, без какого-либо малейшего уважения к партнеру.

Образы и переживания БПМ-III часто обладают порнографическими чертами или связывают секс с опасностью и безнравственностью. В этот период люди могут отождествиться с владельцами гарема, сутенерами и проститутками или с любым из множества исторических и легендарных сексуальных персонажей, как, например, Казанова, Дон Жуан или Мария-Тереза. Они могут обнаружить, что являются очевидцами или участниками сцен, происходящих в Сохо, Пигаль или в других знаменитых районах с «красными фонарями». Поскольку эта матрица содержит также динамический духовный аспект, то мы можем столкнуться здесь с противоречивыми на первый взгляд переживаниями, связывающими секс с запредельностью. Здесь мы можем обнаружить ритуалы плодородия, фаллические культы и храмовую проституцию.

То, что, по всей видимости, является самым странным в смысле переживаний БПМ-III, так это эмоциональная близость смерти и сексуальности. Казалось бы, угроза смерти стирает любые возбуждающие чувства, однако тот момент, где эта матрица имеет отно-

шение к противоположному, видится истинным. Наблюдения из клинической психиатрии, переживания людей, которых истязали в концлагерях и тюрьмах, и документы Международной амнистии подтверждают тот факт, что между сексуальным экстазом, рождением ребенка и чрезвычайной угрозой неприкосновенности тела и выживанием существует тесная взаимосвязь. В процессе смерти-рождения мотивы, относящиеся ко всем этим трем областям, чередуются или даже сосуществуют в различных состояниях.

.....
Столкновения с гротеск-
ным, сатанинским
и скатологическим
(БПМ-III)
.....

Иногда аспекты БПМ-III переживаются в карнавальной атмосфере, наполненной яркими красками, экзотическими костюмами и возбуждающей музыкой. Характерное сочетание мотивов смерти, макабра и гротеска с радостным и праздничным является весьма точным символическим выражением состояния сознания, непосредственно предшествующего возрождению. На этой стадии агрессивные и сексуальные энергии, которые были подавлены в течение длительного времени, высвобождаются. Память о явной угрозе ослабляет свою власть над телом и психикой.

Переживания, происходящие на заключительной стадии процесса смерти-возрождения, дают также интересные проникновения в суть определенных форм колдовства и сатанинских практик. Борьба в родовом канале может ассоциироваться с видениями, напоминающими ритуалы черной мессы и ведьмовские шабашы. Вторжение сатанинских элементов в это особое время связано, по всей видимости, с тем фактом, что БПМ-III разделяет с данными ритуалами странное сочетание эмоций и физических ощущений. Наряду с сексуальным возбуждением, борьба в родовом канале включает в себя нестерпимую боль, а также встречу с кровью и физиологическими выделениями. Это может близко подвести ребенка к смерти, однако содержит обещание освобождения и перехода к другому существованию. Все эти элементы тесно переплетены с образом служения князю тьмы. Связь между такими практиками и перинатальным уровнем бессознательного должна быть принята во внимание в любом серьезном исследовании извращений сатанинского культа — явления, казалось бы, привлекающего внимание как профессионалов, так и обычной публики. Еще одно важное переживание той же категории — это обольщение злыми силами, мотив, который можно найти в духовной литературе многих религий мира.

По причине того, что на завершающих стадиях родов новорожденный тесно соприкасается с выделениями тела, а иногда даже мочой и калом, скатологические столкновения могут быть во многом преувеличены и включать все продукты, которые может предложить биология. Поскольку при рождении мог иметь место хотя бы минимальный контакт с этими материалами, человек, пережи-

вающий этот аспект, может увидеть себя ползающим по канализационным системам и валяющимся в грязи, пьющим кровь или получающим удовольствие от сцен гниения и разложения.

Особенно богаты и разнообразны мифологические и духовные аспекты этой матрицы. Титанический аспект может быть выражен в архетипических образах противоборства сил добра и зла или в разрушении и сотворении мира. Еще одной формой борьбы за обретение равновесия между добром и злом является архетипический Страшный Суд. Агрессивные сцены часто связываются с образами разрушительных божеств, таких, как Кали, Шива, сатана, Коатликуэ или Марс. Особенно характерно сильное отождествление с мифологическими персонажами, представляющими смерть и перерождение, которые можно найти в каждой крупной культуре: Осирис, Дионис, Персефона, Вotan, Бальдер и многие другие. В нашей культуре вариацией на эту тему является история смерти и воскрешения Иисуса Христа. Часто у людей, встречающихся с БПМ-III, бывают видения распятия или же сами они полностью отождествляются с распятым Христом. Также эта стадия изобилует сценами жертвоприношения и самопожертвования, сопровождающимися соответствующими божествами, в частности ацтекскими и майянскими.

Наряду с видениями сцен вакханалий здесь могут присутствовать образы мужских и женских божеств, связанные с сексуальностью и деторождением. Ранее уже упоминалось о мотивах, сочетающих в себе духовность и сексуальность, таких, как ритуалы плодородия, фаллические культы, храмовая проституция, ритуальное изнасилование и ритуалы аборигенов, в которых подчеркиваются чувственные и сексуальные аспекты. Скатологические мотивы выражены в мифологии такими образами, как элидский царь Авгий или Тласольтеотль, Пожирательница Грязи — ацтекская богиня деторождения и плотской похоти

Переход от БПМ-III к БПМ-IV часто ассоциируется с видениями уничтожающего пламени, которое разрушает все, что в нашей жизни является растленным и гнивающим, подготавливая нас к обновлению и возрождению. Интересно, что на соответствующей стадии родов многие матери ощущают, что их гениталии охвачены огнем. Переживая это состояние в пассивной роли, люди могут почувствовать, как их тела горят или что они проходят через огонь очищения. Это особенно удачно выражено в мифе о птице Фениксе, которая, достигнув пятисотлетнего возраста, сжигает себя на погребальном костре. Затем из ее пепла встает другая птица Феникс. Очищающий огонь также характерен для религиозных образов чистилища.

..... Возможно, что начиная с эры человеческой истории, БПМ-III являлись неиссякаемым источником вдохновения для художников многих жанров. Эти примеры столь многоплановы, что здесь можно предложить лишь скудный выбор. Атмосфера сильных эмоций, граничащих с помешатель-

ством, мастерски изображена в романах Достоевского, а также во многих пьесах *У. Шекспира* (1564—1616). Дионисиев элемент и жажда власти отражены в трудах Ницше. Рисунки дьявольских военных машин, выполненные Леонардо да Винчи (1452—1519), кошмарные видения Ф. Гойи, связанное со смертью искусство Гансруди Гигера и целые школы сюрреалистической живописи являются великолепными визуальными представлениями БПМ-III. Аналогичным образом оперы немецкого композитора *Р. Вагнера* (1813—1883) наполнены мощными секвенциями, выражающими атмосферу этой матрицы. Среди них — оргиастические сцены на горе Венеры из оперы «Тангейзер», магические огненные секвенции из «Валькирий», и в особенности принесение в жертву Зигфрида и сожжение Вальгаллы в заключительной сцене «Гибели богов». Сочетание высокой драмы, секса и насилия, характерные для этой матрицы, являются формулой успеха для многих современных режиссеров.

.....
Связь с постнатальными переживаниями и БПМ-III
.....

Как и другие перинатальные матрицы, БПМ-III имеет особую связь с постнатальной жизнью. Для людей, бывших свидетелями или участниками войны, воспоминания о реальных ужасах смешиваются с титаническими, агрессивными и скатологическими аспектами этой матрицы. И наоборот, переживание войны в реальной жизни может активизировать в бессознательном соответствующие перинатальные элементы, которые позднее могут привести к серьезным эмоциональным проблемам, что свойственно для солдат, видевших много сражений. Особая форма возбуждения, смешанная со страхом и опасностью, связывает БПМ-III с захватывающими, но опасными ситуациями, такими, как прыжки с парашютом, автомобильные гонки, катание с «американских горок», экзотические приключения на охоте, бокс и борьба. Эротические аспекты БПМ-III с СКО, включающими в себя сильные сексуальные переживания в особых обстоятельствах, например изнасилование, прелюбодеяние и другие сексуальные приключения, связанные с высоким риском, а также посещение «красных кварталов». Скатологическая грань связывается с принудительным приручением к туалету, детским недержанием мочи и кала, посещением помоек и других нечистот, а также наблюдение сцен разложения или выпадения из тела внутренностей во время войны и при автомобильных катастрофах.

Переживания БПМ-III сопровождаются также особыми проявлениями фрейдовских эрогенных зон. Они связаны с широким диапазоном действий, приносящих внезапное облегчение, удовольствие и расслабление после длительного напряжения и стресса. На оральном уровне в эти действия включаются откусывание, разжевывание и глотание пищи, а также очищение через рвоту. В анальной области в них включаются естественные процессы дефекации и испускания газов. В уретральной области — мочеиспускание после дли-

тельной задержки. И наконец, явления, соответствующие гениталиям, — это сексуальный оргазм, а также ощущения, встречающиеся у женщин на второй клинической стадии родов.

Третья матрица представляет собой огромный резервуар проблематических эмоций и неприятных ощущений, которые могут в сочетании с более поздними событиями младенчества и детства способствовать развитию разнообразных нарушений. Среди них — определенные формы депрессий и состояний, включающих в себя агрессивность и неистовое, саморазрушающее поведение. В матрице содержатся также корни сексуальных расстройств и отклонений, неврозы навязчивых состояний, фобии и истерические проявления. Это касается того, какие из множества возможных форм эмоциональных расстройств проявятся на самом деле, а также определяется природой дальнейших биографических переживаний, которые могут выборочно усилить агрессивные, саморазрушительные, сексуальные или скатологические аспекты БМП-III.

Как только агонизирующая борьба за выход из родового канала начинает приближаться к завершению, напряжение и страдания достигают своего апогея. За этим следует подобное взрыву освобождение — младенец, наконец, вырывается из тазового отверстия и делает свой первый вдох. Обычно этот момент содержит в себе обещание огромного облегчения, но та степень, с которой это на самом деле происходит, зависит от особых, связанных с рождением обстоятельств, таких, как возможность удачного контакта с матерью, связь через зрительный контакт, и других факторов.

**Переживание смерти
и возрождения —
БМП-IV.**

**Биологические
реальности**

Биологическая основа БМП-IV — это кульминация борьбы в родовом канале, сам момент рождения, а также ситуация, следующая сразу же за рождением. Путешествие по родовому каналу приближается к концу, и появляются на свет голова, плечи, а затем и все тело. (Разумеется, при обратном положении плода первыми появляются ноги). Все, что остается от изначального союза с матерью, — это соединение посредством пуповины.

Когда мы делаем первый вдох, наши легкие и дыхательные пути раскрываются. Кровь, снабжавшаяся кислородом и питанием и очищавшаяся от токсичных продуктов через материнское тело, теперь перенаправляется в легкие, желудочно-кишечную систему и почки. С завершением этого основополагающего физического акта отделения мы начинаем свое существование в качестве отдельной анатомической единицы.

Поскольку физиологический баланс снова устанавливается, то эта новая по сравнению с двумя предыдущими стадиями ситуация несет в себе значительное облегчение. Однако по сравнению с тем, как все обстояло до начала процесса рождения (БМП-I), некоторые

условия здесь хуже. Биологические нужды, которые удовлетворялись автоматически, пока мы находились в полном союзе с материнским телом, теперь приходится удовлетворять самостоятельно. В течение пренатального периода чрево постоянно обеспечивало безопасность. После того как мы родились, защищающая фигура матери присутствует не всегда. Мы больше не ограждены от перепадов температуры, беспокоящих шумов, изменения интенсивности света или неприятных тактильных ощущений. Наше благополучие теперь зависит от качества материнской заботы, но даже самая лучшая мать не может воспроизвести условия «хорошей» матки.

Как и в случае первых трех матриц, люди при переживании последней часто соприкасаются с весьма точными подробностями переживания своего настоящего рождения. Не имея прежде никаких интеллектуальных знаний об обстоятельствах их рождения, они могут обнаружить, что родились при помощи щипцов, или в обратном положении, или с пуповиной, обвитой вокруг шеи. Часто эти люди могут узнать, какая анестезия использовалась при родах. Несколько реже они в подробностях переживают особые события, происшедшие после их рождения. Во многих случаях у нас есть возможность проверить точность таких сообщений.

БПМ-IV также обладают отличительным символическим и духовным измерением. Психологически переживание момента рождения принимает форму опыта смерти-возрождения. Теперь страдания и агония, с которыми мы столкнулись в БПМ-II и БПМ-III, доходят до кульминации в виде «смерти эго» — переживания полной аннигиляции на всех уровнях: физическом, эмоциональном, интеллектуальном и духовном.

Согласно фрейдистской психологии, эго является той частью нас, которая позволяет нам правильно воспринимать внешнюю реальность и успешно функционировать в повседневной жизни. Люди, имеющие такое представление об эго, часто взирают на его смерть как на пугающее и страшно негативное событие — как на потерю возможности функционировать в этом мире. Однако то, что в данном процессе истине умирает, так это та часть нас самих, которая придерживается параноидального в своей основе взгляда на себя и на окружающий мир. А. Яоме (1915—1973) называл данный аспект, подразумевающий чувство абсолютной отделенности от всего остального, «эго, заключенным в кожу». Этот аспект состоит из внутреннего восприятия нашей жизни, которое мы усвоили за время борьбы в родовом канале и в различных болезненных столкновениях после рождения.

В этих ранних ситуациях кажется, что над нами смыкается враждебный мир, изгоняя нас из единственной известной жизни, и вызывая сложную душевную и физическую боль. Эти переживания выковали в нас «ложное эго», продолжающее воспринимать мир враждебным и выносящее это отношение в дальнейшие ситуации, даже когда

обстоятельства совершенно не требуют этого. Эго, умирающее в четвертой матрице, отождествляется с принуждением быть всегда сильным, сохранять контроль и быть постоянно готовым к возможным опасностям, даже к тем, которые мы никогда не могли бы предвидеть, а также и чисто воображаемым. Это дает нам возможность почувствовать, что обстоятельства никогда не бывают благоприятными, что все время чего-то недостает и что мы должны гоняться за различными проектами, чтобы что-то доказать себе или другим. Таким образом, уничтожение ложного эго помогает нам развивать более реалистичное видение мира и строить такие стратегии приближения к нему, которые наиболее соответствуют ему и оправдывают себя.

Переживание смерти эго, отмечающее переход от БПМ-III к БПМ-IV, как правило драматично и катастрофично, нас могут одолевать образы из прошлого и настоящего, и, оценивая их, мы можем почувствовать, что все, что мы ни делали, было неправильным, и что мы являемся абсолютными неудачниками. Мы убеждены в своем жалком положении и бессилии и в том, что никакие наши действия не смогут изменить ситуацию. Нам кажется, что весь наш мир рушится и мы теряем все значимые отправные точки в нашей жизни — личные достижения, возлюбленных, поддерживающие системы, надежды и мечты, что все обращается в ничто. Путь к свободе от переживаемого отчаяния и безнадежности лежит через смирение — через то самое, с чем борется наше эго. Переживание полного личного смирения является необходимой предпосылкой для соединения с трансперсональным источником. Выздоровляющим алкоголикам и наркоманам это известно как момент, когда человек признает полное бессилие и открывает Высшую Силу.

После того как мы ударяемся о дно, нас неожиданно приковывает видение ослепительно белого или золотого света сверхъестественного сияния и красоты. Здесь присутствует ощущение расширяющегося вокруг нас пространства, и мы испытываем преисполненность чувством освобождения, избавления, спасения и прощения. Мы чувствуем очищение, словно только что избавились от всех тягот нашей жизни — вина, агрессивность, тревожность и другие формы беспокоящих чувств как бы исчезают. Мы можем почувствовать, как нас переполняет любовь к нашим братьям-людям, высокое понимание теплоты человеческого контакта, солидарность со всей жизнью и чувство единства с природой и вселенной. Высокомерие и оборонительная позиция постепенно исчезают, стоит нам лишь обнаружить силу смиренности, подсказывающую нам служить людям. Высокие амбиции, а также стремление к материальному благополучию, статусу и власти вдруг начинают казаться детской, абсурдной и бесполезной суетой.

Когда мы, будучи взрослыми, в терапии, направленной на регрессию, в психодуховном кризисе или усиленной медитации сталкиваемся с БПМ-IV, то это, как правило, не ограничивается пере-

живаниями биологических и эмоциональных аспектов рождения. Тема смерти-возрождения включает в себя множество других типов переживания, разделяющих то же самое качество эмоций и ощущений. Типичным образом мы видим сочетание первоначальных воспоминаний о рождении, символические образы рождения, сцены из человеческой истории, отождествление с различными животными и мифологические секвенции. Все это может переплетаться с воспоминаниями более поздних событий, отражающих параллели между БМП-IV и определенными типами переживаний в нашей жизни.

Духовный и мифологический символизм, связанный с БМП-IV, изобилен и разнообразен, и, так же как в других матрицах, здесь могут приходиться образы из различных культурных традиций. Смерть эго может переживаться как принесение себя в жертву индийской богине Кали или ацтекскому солнечному богу Уицилопочтли. Или же человек может отождествиться с младенцем, брошенным своей матерью во всепожирающее пламя библейского Молоха вместе с другими детьми, встретившими свою смерть в этом ритуале жертвоприношения. Видения птицы Феникс или отождествления с ней — частые события в необычных состояниях сознания. Также возможны переживания духовного возрождения в виде союза с особыми божествами, например, с ацтекским Кетцалькоатлем, египетским Осирисом или Адонисом из греческой традиции. Смерть и воскресение Христа — одна из распространенных форм переживаний, связанных с четвертой матрицей. Блаженство, связанное с этим духовным открытием, изобилующим поразительными прозрениями, можно отнести к прометеевскому экстазу.

.....
Празднование
мистерии путешествия
и БМП-IV
.....
Человек, прошедший невероятные испытания второй и третьей матриц и радующийся переживанию возрождения, связанному с четвертой матрицей, обычно испытывает чувство ликования. Это может воплощаться в героических персонажах из мифологии, таких, как святой Георгий, поражающий Змея, Тезей, побеждающий Минотавра, или младенец Геракл, разделяющийся с удавами, нападшими на него при рождении. Одни люди рассказывают о видении ослепительного света со сверхъестественным излучением божественного разума, или о переживании Бога как чистой духовной энергии, пронизывающей все вокруг. Другие описывают полупрозрачную небесно-голубую дымку, красивые радуги или захватывающее видение замысловатых узоров, напоминающих павлиньи перья. Там могут быть величественные образы явлений божественных сущностей с чертами ангелов и других небесных существ. Это время также весьма подходит для появления Великой Богини матери из различных культур, излучающей любовь и защиту, — Девы Марии, Исиды, Кибелы или Лакшми.

В некоторых случаях духовное возрождение может быть связано с особыми переживаниями — союз Атмана-Брахмана, описанный в

древних индуистских текстах. Здесь человек ощущает глубокую связь со своей самой сокровенной духовной сущностью. Иллюзия индивидуального «я» (джива) увядает, и человек радуется воссоединению со своим божественным «Я» (Атман), которое также является Вселенским «Я» (Брахман), космическим источником всего бытия. Это прямой и непосредственный контакт с Вездесущим, с Богом, или с тем, о чем в Упанашадах говорится как о Тат твам аси («Ты есть То»). Подобное осознание фундаментальной тождественности сознания индивида с творческим принципом вселенной является одним из наиболее глубоких переживаний, какие только может иметь человек. Духовное возрождение, как оно переживается через БПМ-IV, может вновь привести к океаническому блаженству БПМ-I, и посредством этого ощутимо космическое единство.

Данный символический союз с матерью, который, как правило, очень близок к переживанию безмятежного существования внутри матки («хорошая» матка). Они часто чередуются или даже сосуществуют. Переживание БПМ-IV может сопровождаться чувствами слияния со всем остальным миром, напоминая таким образом переживание единства, которое мы обсуждали в контексте БПМ-I. В этом состоянии окружающая нас реальность обладает качеством божественного. Когда мы чувствуем единение со всем существующим, то над всеми остальными интересами одерживает верх понимание ценности естественной красоты и простой, естественной жизни. Мудрость учителей и философских учений, подчеркивающая эти ценности (философские труды Ж.Ж. Руссо, Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо, а также учения даосизма и дзен-буддизма), кажется, говорит сама за себя и является неоспоримой.

При самых идеальных обстоятельствах смерть эго и возрождение могут иметь далеко идущие последствия. Это освобождает нас от параноидальной, самооборонительной позиции по отношению к миру, которую мы можем иметь в результате определенных аспектов нашего рождения и последующих болезненных переживаний. Нам кажется, будто с нас срывают фильтры и искажающие линзы, ограничивающие наше восприятие себя и мира. Вместе с переживанием возрождения все наши сенсорные проходы внезапно раскрываются. Виды, звуки, запахи, вкусы и тактильные ощущения — все это предстает намного более сильным, живым и приятным. Мы можем вдруг почувствовать, что как бы видим мир впервые. Все вокруг нас, даже самые обычные и знакомые сцены, кажутся нам необычайно будоражащими и вдохновляющими. Люди рассказывают при этом о совершенно новых путях к тому, как научиться ценить своих возлюбленных, наслаждаться звуками музыки, красотой природы и прочими удовольствиями, которые дарит нам мир.

Высшие побуждающие силы, такие, как стремление к справедливости, правильное понимание гармонии и красоты и желание

творить ее, терпимость и уважение, возникшие по отношению к другим людям, а также чувство любви, становятся в нашей жизни все более важными. И более того, мы воспринимаем их как непосредственное, естественное и логичное выражение нашей истинной природы и вселенского порядка. Их невозможно объяснить в терминах психологических защит, таких, как фрейдистское «формирование реакции» (казаться быть любящим, когда на самом деле испытываешь агрессию и ненависть) или «сублимация» примитивных инстинктивных побуждений (затрата длительного времени на помощь другим как способ справиться с сексуальным напряжением). Интересно, что между этим новым осознанием и тем, что А. Маслоу называет «метаценностями» и «метамотивациями», существуют поразительные параллели. Он регулярно наблюдал подобные перемены в людях, имевших спонтанные мистические или «пиковые переживания». Такого рода положительные последствия больше всего ощущаются в течение нескольких дней или даже недель после духовного прорыва и имеют тенденцию со временем угасать. Однако на более тонком уровне они навсегда преобразуют человека.

Человек, удачно завершивший процесс смерть-возрождение, испытывает чувство глубокого расслабления, тихого наслаждения, безмятежности и внутреннего покоя. Правда, в некоторых случаях этот процесс не следует полным курсом и результаты во временном состоянии напоминают манию. Подразумеваемый человек может ощутить чрезмерное возбуждение, гиперактивность и эйфорию, доходящие до абсурда. Например, после незавершенного прорыва в БПМ-IV и первого натиска космических прозрений некоторые люди начинают носиться туда-сюда и кричать о своих открытиях, пытаясь поделиться ими со всеми подряд. А кое-кто может считать их прозрелическими, требовать особых почестей, пытаясь устраивать празднования и строить грандиозные планы по изменению мира.

Подобное часто случается в спонтанных психодуховных кризисах, где понимание, поддержка и руководство, как правило, недоступны. Когда и вместо искреннего мистического прозрения открытие своей божественности остается привязанным к эго тела, то оно вместо искреннего мистического прозрения может принять форму психотической мании величия. Этот вид поведения указывает на то, что человек не воссоединился полностью с БПМ-IV и должен проработать и интегрировать некоторые проблематичные элементы из БПМ-III. После того как эти остаточные негативные аспекты БПМ-III, полностью разрешены, возрождение переживается в своей чистой форме, как тихий восторг с безмятежностью и покоем. Это состояние является вполне удовлетворительным и самодостаточным и не требует никаких немедленных действий.

Общие знаменатели, связывающие воспоминания из более поздней жизни с переживаниями БПМ-IV, включают в себя элементы

побед, успехов в трудных делах и удачный выход из опасных ситуаций. Мы неоднократно видели, что, переживая момент рождения, многие люди проигрывают в памяти конец войны или революции, выживание в катастрофе или преодоление главного препятствия. На другом уровне они могут напоминать также о расторжении неудачного брака и о начале новых любовных отношений. В некоторых случаях в виде сжатого пересмотра могут воспроизводиться целые серии последующих успехов в жизни.

Как представляется, легким рождением закладывается легкая программа легкого преодоления всех трудных жизненных ситуаций. Различные осложнения, такие, как продолжительные и болезненные роды, использование щипцов или сильная анестезия, по всей видимости, предопределяют наличие жизненных проблем, связанных с различными планами на будущее. То же справедливо и в отношении стимулированных, преждевременных родов и кесарева сечения.

В терминах фрейдовских эрогенных зон БПМ-IV связывают с удовольствием и удовлетворением, следующими за высвобождением напряжения. Таким образом, на оральном уровне физический аспект этого состояния напомнил бы утоление жажды или голода или облегчение, ощущаемое нами, когда мы устраняем сильный дискомфорт в желудке при помощи рвоты. На анальном и уретральном уровнях это выглядит как удовлетворение, вызванное дефекацией и мочеиспусканием после длительной задержки. На генитальном уровне это состояние соответствует удовольствию и расслаблению после хорошего полового оргазма. Для рожаящей же женщины это было бы оргазмическим высвобождением, которое может переживаться сразу же после разрешения от бремени.

..... Другие миры — .....
..... другие реальности .....
.....
Та область бессознательного, которую мы связываем с этими четырьмя перинатальными матрицами, представляет интерфейс между нашей индивидуальной психикой и тем, что Юнг называл коллективным бессознательным. Переживания, связанные с матрицами, часто сочетают в себе воспоминания различных аспектов биологического рождения с последовательностью событий из человеческой истории или мифологии и отождествление с различными животными. Эти элементы принадлежат к трансперсональным владениям — сфере новой картографии, пролегающей за пределами биографической и перинатальной сфер. Это самая спорная в настоящее время область изучается современными исследователями сознания.

Трансперсональные переживания поставили под сомнение убеждение в том, что человеческое сознание ограничено диапазоном наших чувств и средой, в которую мы вошли, появившись на свет. В то время как традиционная психология утверждает, что наше ментальное функционирование и наши переживания являются прямым

результатом способности мозга к отбору, определению смысла и хранению информации, собранной нашими чувствами, трансперсональные исследователи выдвигают свидетельства наличия при определенных обстоятельствах доступа к фактически неисчерпаемым источникам информации о вселенной, которые могут иметь аналогии в физическом мире, а могут и не иметь.

Литература

.....

- Гроф С.* За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. — М., 2001.
- Гроф С.* Холотропное дыхание. — М., 1996.
- Гуревич П.* Астрология образов // Архетип. — 1995. — № 2. — С. 131—135.
- Тарт Ч.* Пробуждение. Преодоление препятствий к реализации возможностей человека. — М., 1997.
- Уилбер К.* Никаких границ. — М., 1998.
- Уолш Р.* Основания духовности. — М., 2000.

III

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тема 13

ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Общей психологией называют теоретические и экспериментальные исследования, которые выявляют наиболее общие психологические закономерности, научные принципы и методы психологии, ее основные понятия и категориальный строй. Это область знаний считается фундаментальной основой развития всех отраслей психологического знания.

Границы, отделяющие общую психологию от других разделов психологии, очерчены нечетко. Иногда под общей психологией понимают изучение психических процессов (познавательных, эмоциональных, волевых), психических свойств (способности, характер, темперамент) и психических состояний у нормального взрослого человека. В западной психологии часто противопоставляют общую психологию и психологию личности или дифференциальную и индивидуальную психологию. Отечественные психологи относят рассмотрение личности к числу основных задач общей психологии.

Наряду с разработкой конкретных проблем общая психология в качестве фундаментальной научной дисциплины занимается изучением вопросов методологии теории и истории психологической науки. Общепсихологические закономерности используются в различных областях прикладной психологии, которые, в свою очередь, «поставляют» материал для общей психологии¹.

Мы можем понять и исследовать только то, что воспринимается нами как объект. Душа как таковая не есть объект. Она объективируется благодаря тем своим проявлениям, которые делают ее доступной внешнему восприятию, т.е. благодаря сопутствующим соматическим явлениям, осмысленным жестам, поведению, поступкам. Все эти доступные восприятию явления — результаты функционирования психической субстанции. На их основании мы если и не воспринимаем психическую субстанцию непосредственно, то по

¹ См.: *Психологический словарь* / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. — М., 1997. — С. 232.

меньшей мере делаем вывод о ее существовании. Но психическая субстанция или душа как таковая в итоге не становится объектом. Наш опыт осознанных переживаний убеждает нас в том, что душа существует. Исходя из объективных наблюдений над сходными обнаружениями психической жизни у других людей или из сообщений этих людей, мы представляем себе, что их переживания могут быть аналогичными нашим. Но эти объективированные переживания всего лишь внешние проявления. Мы можем сколько угодно пытаться объективировать душу посредством символов или аналогий, но она все равно останется не объективируемым до конца обрамлением бытия (в философской традиции это принято обозначать термином «объемлющее», внутри которого пребывают все отдельные объективные факты).

Психическая субстанция или душа не являются вещью. Говорить о «душе» как об объекте — значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но в той же мере (а с некоторых точек зрения — прежде всего) она означает бессознательное. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как «бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа — это становление, развертывание, различение. В ней нет ничего окончательного и завершенного.

Мы тем яснее познаем психическую действительность, чем выше уровень ее развития. Именно высокоразвитое и сложное способствует разъяснению примитивного и простого, но отнюдь не наоборот. Поэтому для исследовательских целей общей психологии (в отличие, скажем, от клинической психологии) лучше всего подходят люди высокой культуры, живущие богатой душевной жизнью. Высокая степень дифференциации встречается редко. А потому наше познание направляют именно редкие случаи — не диковинные отклонения от нормы, а классические крайности, достигшие своего полного развития. Исключительные неординарные случаи особенно значимы для психологии, ибо именно в их свете мы точнее понимаем средние, стандартные случаи. Мера психической дифференциации — фундаментальный фактор, оказывающий постоянное влияние на все явления душевной жизни.

Психическая жизнь характеризуется гигантским разнообразием, вплоть до высочайших проявлений гениальности. Для одних героин служит источником тупого, животного наслаждения, для других возбудителем шумной радости, наконец, для третьих — катализатором богатейших, сказочных озарений, практически для всех — началом распада психики и личности. Одна и та же болезнь — к примеру, шизофрения — у одних ограничивается всего лишь бредом ревности и преследования, тогда, как у других — скажем, у шведского

писателя *Ю.А. Стриндберга* (1849—1912) — то же содержание может достичь необыкновенно богатого развития, а изменчивые витальные чувства порождают настоящий поток оригинального поэтического творчества. Симптоматика любого психического расстройства находится в соответствии с тем уровнем душевного развития, которого достиг больной.

Вообще говоря, психические явления (в том числе и аномальные) возможны только при наличии определенной психической дифференциации. Это относится как к степени сложности психического содержания, так и к форме отдельных событий психической жизни. Например, навязчивые идеи и явления деперсонализации (утрата адекватного восприятия своей личности) появляются только в тех случаях, когда налицо относительно высокий уровень дифференциации. Навязчивые идеи, требующие высокого уровня самосознания, не встречаются у детей, но обычны у высокодифференцированных личностей. То же относится к обширной группе субъективных жалоб на заторможенность, которым подвержены легкоранимые, склонные к самоанализу индивиды.

Понятие дифференциации требует дальнейшего разбора.

Во-первых, оно означает приумножение качественных форм опыта.

Во-вторых, оно означает расчленение обобщенного, туманного психического опыта на некоторое число отчетливо определенных переживаний, что сообщает опыту в целом богатство и глубину. Из отдельных феноменов низкого уровня в результате такой дифференциации рождаются феномены более высокого уровня; смутная инстинктивная жизнь обогащается новым содержанием. Рост дифференциации приводит к большей ясности и осознанности. Неопределенные ощущения и чувства уступают место отчетливым мыслям. Из недифференцированного состояния первоначальной невинности возникают бесчисленные противоречия и конфликты психической жизни.

В-третьих, понятие дифференциации предполагает анализ и синтез предметного сознания, что позволяет расширить возможности мышления, понимания, образа действий, различения и сопоставления.

В-четвертых, оно означает рефлекслирующее осознание личностью самой себя. К. Ясперс предлагает различать фактическую дифференциацию как субъективный опыт, который не обязательно становится достоянием сознания, и осознанную дифференциацию, проявляющуюся в наблюдении над самим собой. Человек, подверженный навязчивой идее, может и не пытаться понять, что с ним происходит. Но обычно дифференцированность и осознание собственных переживаний сопутствуют друг другу. Иногда простая регистрация разнообразных несущественных ощущений может создать ложное впечатление роста дифференциации.

В-пятых, мы обязаны знать, на каком именно уровне развития происходит дифференциация. Это имеет решающее значение для лучшего понимания личности.

Культурная среда, в которой человек живет и растет, может лишь активизировать или затормозить те или иные психические процессы. «Культура ничего не создает, она только видоизменяет природные данные сообразно с целями человека»¹. У культурных форм поведения есть естественная основа. Анализ высокодифференцированной психической жизни позволяет осветить более низкие уровни развития.

Литература

.....

Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. — М., 1996.

Немов Р.С. Психология. В 3 кн. Кн. 1 «Общие основы психологии». — М., 1996.

Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. — М., 1986.

Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. — М., 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб., 2000.

Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997.

---

¹ *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики // Психология аномального развития ребенка: Хрестоматия. — М., 2002. — С. 14.

Тема 14

ТЕЛО И ДУША

Человеческое тело в широком смысле этого слова есть основа душевной жизни. Тело и душа образуют жизненное единство в противоположность единству духовному. Тело оказывает влияние на душевное начало, которое в свою очередь воздействует на тело силой воображения, чувствами, аффектами, настроениями. На свете более шести миллиардов неповторимых человеческих тел. Для человека его собственное тело как синтез телесного и духовного оказывается центральным объектом переживаний, наглядным воплощением его Я, по аналогии с которым он образует свой образ человека и мира. Но много ли человеку известно о своем теле, своем организме? Число открытий в этой области к началу XXI в. достигло значительных величин. И все-таки познание тела и телесности продолжает вызывать обостренный интерес. Это особенно характерно для прошлого века. Данная тенденция сохраняет себя и в наступившем столетии.

Многие феномены, связанные с телесностью, в значительной степени игнорировались философской антропологией и психологией, а сейчас стали предметом интенсивного изучения. В связи с постоянным вытеснением из сферы психологического знания таких понятий, как аффект, болезнь, смерть, устранилось и философское постижение телесности. Конечно, сама проблема имеет в истории психологии солидные традиции. Мы можем рассуждать о постижении человеческого тела в античной философии, в эпоху Средневековья, в период Возрождения.

Однако первым, кто аранжировал эту тематику в современном звучании, был, очевидно, нидерландский философ *Б. Спиноза* (1632—1677). Конечно, телесную организацию человека он объяснял законами механистического детерминизма. Решая проблему соотношения телесного и духовного, Спиноза утверждает параллелизм этих двух субстанций. В «Этике» он пишет о том, что ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому. Человек, по мнению Спинозы, существует как единство во взаимосвязи тела и души. Тело принадлежит атрибуту протяжения, а душа — атрибуту мышления. Человек явлен посредством этих двух атрибу-

тов. Но эти атрибуты не связаны друг с другом, фактически не воздействуют друг на друга. Это означает, что тело не может влиять на душу, ни душа на тело. Внутренняя взаимосвязь обусловлена существованием души. Но она не может быть выражена через взаимосвязь частей тела. Именно на эту философскую идею обращает внимание Ж. Делёз (1925—1995) в своих попытках найти истоки современной трактовки телесности¹.

Несмотря на эти традиции, «телоцентричным» современная культура стала не сразу². В лучшем случае эта тематика находила свое отражение на полях философских маргиналий (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Арто, Ф. Кафка). Так, в статьях А. Арто (1896—1948) о театре театр текста заменяется театром действия, которое воздействует на бессознательное³. Арто манипулирует тремя основными стадиями дыхания — мужским, женским и средним, демонстрируя таким образом некие манифестации телесности.

Злободневность названной проблематики определяется наступлением нового этапа в рассмотрении телесности, которым ознаменовались последние десятилетия прошлого века. Отличительные черты этого этапа определяются признанием чрезвычайной сложности телесной реальности. Процессы взаимодействия тела и психики теперь не подвергаются сомнению. С одной стороны, выделение и изучение основных признаков телесности как феномена невозможно вне изучения биологических и физиологических механизмов жизнедеятельности тела (организма). С другой стороны, жизнь тела немыслима вне психики.

Множественность потенциальных и уже развернувших свой потенциал подходов в психологии к изучению человеческого тела рождает крайне противоречивые, противостоящие друг другу концепции. Это нередко актуализирует историко-психологические темы, придает им новое звучание или новую аранжировку. Человеческое тело подвергается пуританскому осуждению, но вместе с тем вслед за Ш. Бодлером (1821—1867) говорится о «величье наготы». «Человек телесный» противопоставляется «человеку духовному».

Человек осознает собственное тело как собственное бытие. Тело — это единственная часть мира, которую можно почувствовать изнутри. В то же время его поверхность доступна внешнему восприятию. Конечно, существует различие между ощущением себя как тела и восприятием себя как объекта, но оба ощущения неразрывно взаимосвязаны. Восприятие тела как объекта, который строит себя для меня, и ощущение состояние собственной «телесности»

---

¹ Делёз Ж. *Спиноза* // Делёз Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. — М., 2000.

² См.: *Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков*. — СПб., 2000.

³ Арто А. *Театр и его двойник*. — М., 1993.

одинаковы и неразделимы, но их возможно различать: чувственные ощущения переходят в осознание физического состояния. Осознание существования нашего тела — в норме представляющее собой незаметный нейтральный фон для сознания и не оказывающее никакого влияния на его деятельность — в целом подвержено разнообразным необычным изменениям: половое возбуждение, страх или боль настолько глубоко затрагивают телесную природу человека, что способны полностью поглотить личность и либо побудить ее к активным усилиям, либо полностью уничтожить ее.

Интерес к этой теме определяется также особенностями современного цивилизационного развития. Компьютерная революция сопряжена с наступлением на человеческое тело. Белковая форма жизни оказывается под угрозой в связи с массовым внедрением машин и механизмов. Перспективы генной инженерии, совершенствование средств, ведущих к искусственному производству потомства, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, — все это, разумеется, разрушает традиционное представление о биологической природе человека. И вместе с тем, как никогда ранее, показывает чрезвычайную сложность человека, его уникальность, как явления природы, хрупкость. Многие исследователи подчеркивают, что бурный натиск техногенного мышления содержит в себе скрытый некрофильский импульс. Некоторые ученые проводят эксперименты, вживляя в биологический организм различные механизмы.

Существует тенденция слияния человека с компьютером. Так, одна американская компания разработала микросхему под названием VeriChip, которую предлагает имплантировать под кожу всем желающим. Такой микрочип способен нести информацию медицинского характера (допустим, попал человек в аварию — врачи считывают медицинскую карту со списком противопоказаний), с его помощью можно проследить за потерявшимися детьми и даже за преступниками. Это, разумеется, не виртуальная реальность, но заметный шаг к тому, чтобы связать все человечество в единую сеть.

Не менее интересен другой проект — MIThril. По существу, он представляет собой персональный компьютер, вшитый в одежду или кожу человека. «Умная» система будет постоянно изучать своего владельца (его привычки, поведение, распорядок дня), вести свой собственный график, входить в Интернет и вовремя делать подсказки. Например, напомнит вам о дне рождения любимой тетушки или подскажет оптимальный маршрут передвижения по городу. Роль монитора при этом будут выполнять очки пользователя. А в перспективе — и сетчатка глаза.

Можно упомянуть также проект, который можно характеризовать как саморазвивающийся цифровой образ. Встроенная в компьютер видеочкамера отцифровывает образ пользователя. Микрофон

записывает его речь. Этот процесс идет постоянно, изо дня в день, и программа начинает выстраивать виртуальный образ, все более приближая его к оригиналу. Машина копирует не только ваш внешний вид, но и мимику, интонации голоса, особенности поведения. Наступает момент, когда кибер-двойник становится самостоятельным — теперь он может реагировать на внешнюю ситуацию так же, как отреагировал бы оригинал.

В этом контексте о Майкле Джеконе писали в прессе, что он не простое человеческое тело, а киборг, состоящий наполовину из человеческого тела, а наполовину из компьютерных устройств. «Вообще, — пишет, скажем, В.П. Руднев, компьютерная революция постепенно корректирует телесность человека. Раньше руки создавали орудия. Но когда они создали компьютер, они перестали быть нужны, теперь нужны только пальцы, чтобы набирать информацию (вот символ постиндустриального общества — общества информации). Но скоро и пальцы не понадобятся, останется только человеческий голос, записывающий в компьютер свою тоску по утраченной телесности»¹.

В истории философии мы находим множество различных значений понятия «тела». Античные философы (Сократ, Платон, Аристотель, Марк Аврелий, Сенека, Эпиктет, Плутарх, Эпикур, Плотин) рассматривали тело как физический, материальный субстрат, который подчинен духовному, идеальному, душевному. Аристотель считал, что душа — форма человеческого тела, душа нуждается в материи, которая ей подходит². В религиозно-философской традиции (Библия, св. Григорий Нисский, св. Иоанн Златоуст, Преп. Максим Исповедник, св. Николай Кавасила, Блаженный Августин, Фома Аквинский, Веды, Упанишады, Бхагават-Гита, Шри Ауробиндо Гхош) появляются понятия «тело» и «плоть», которые соотносятся с темой души, духа, Бога, греха, страдания, смерти, бессмертия. Рождается также различие «тела» и «телесного».

Возьмем, к примеру, ранневизантийского мыслителя *Немезия Эмесского* (вторая половина V в. — начало VI вв.). Размышляя о теле, он видит его как смешение четырех стихий. Он полемизирует с Аристотелем, который хочет составить тела животных из одной крови³. Одновременно он затрагивает проблему соединения души и тела.

Итак, каким образом, с одной стороны, тело, соединившись с душой, остается все-таки телом, а с другой — душа, будучи сама по себе бестелесной и субстанциальной, соединяется с телом и становится частью живого существа, сохраняя в то же время свою сущность неслитной и неповрежденной?»⁴.

---

¹ Руднев В.П. Тело // Руднев В.П. Словарь культуры XX века. — М., 1999. — С. 317.

² Аристотель. О душе // Сочинения. Т. 1. — М., 1976. — С. 384.

³ Немезий Эмесский. О природе человека. — М., 1998. — С. 46

⁴ Там же. — С. 40.

Средневековый человек был убежден, что он создан по образу и подобию Творца и похож на Бога не только душой и духом, но и телом (так по крайней мере истолковывал Августина и Тертуллиана П.А. Флоренский)¹. Мыслители, ориентированные на неоплатонизм, рассматривали тело как темницу и оковы души, а человека — как бессмертную душу. Те же философы, которые тяготели к аристотелевской традиции, полагали, что человек есть единство души (формы) и тела (материи). После длительных мировоззренческих противостояний в средневековой культуре утвердились целостные представления о бестелесности и бессмертии человеческой души, о телесном воскрешении.

Тема человеческого тела занимала немалое место в творчестве таких философов, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Вольтер, П. Гольбах, К. Гельвеций, Л. Фейербах. Уже отмечалось, что данная проблема рассматривалась в творчестве Б. Спинозы. Тело у него описывается как некая идея существования и порядка взаимосвязи существенных частей, пропорцией движения и покоя. «Душа как идея этого тела так связана с ним, что она и это тело образуют единое целое»².

К. Маркс писал о том, как важно изучать «действительного, телесного человека, стоящего на прочной, хорошо округленной земле, вбирающего и излучающего из себя все природные силы»³.

В русской религиозной философии отчетливо проведено различие между «телом» и «плотью». «Понятие о плотском не следует смешивать с понятием о телесности»⁴.

Тело с аскетической точки зрения есть «храм духа», тогда как «плоть и кровь царства Божия не наследует». Плоть, по мысли *В. Соловьева* (1853—1900), есть животность возбужденная, выходящая из своих пределов, перестающая служить материей или скрытою (потенциальной) основой духовной жизни, чем по существу своему должна быть жизнь животная, как с физической, так и с психической своей стороны⁵.

Основополагающая теоретическая психологического анализа телесности состоит в том, что разум и тело, психологические и физиологические процессы, с одной стороны, функционально идентичны, а с другой стороны, антитетичны. Их функциональная идентичность связана с тем фактом, что тело и разум действуют как единое целое, обеспечивая работу организма, и являются единым целым на глубинном уровне биоэнергетических процессов. Антитетичность отражается в том, что на поверхности разум может оказывать влия-

---

¹ См.: *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. — М., 1990. — С. 298, 746—749.

² *Спиноза Б.* Об усовершенствовании разума. — М., Харьков, 1998. — С. 92.

³ *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е издание. Т. 42. — С. 162.

⁴ *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соч. в 2 т. — М., 1988. Т. 1. — С. 140.

⁵ Там же. — С. 141.

ние на тело, а тело, разумеется, воздействует на мыслительные и умственные процессы.

В психологии XX в. стремление реабилитировать тело и телесность оказалось в значительной мере преобладающим. В рамках подобной установки сформулированы весьма интересные теоретические положения, связанные с культом тела как основы человеческой идентичности. Однако, эта установка в значительной степени исчерпала себя. Отождествляя себя с телом, человек не может достичь предельной самоактуализации. Поэтому в современной психологии назрела потребность критического анализа данной установки, что позволяет вернуться к весьма важным традициям философской антропологии, позволяющим осуществлять человеческую идентификацию на уровне души и духа.

В истории психологии можно выделить, таким образом, четыре типологических подхода к телесности. Некоторые исследователи исходят из примата тела. Они полагают, что именно тело служит фундаментом человеческой идентичности, а телесные органы рожают определенные психологические феномены. Такой подход можно обнаружить у З. Фрейда и других его последователей (В. Райх, Ш. Ференци). Другой подход предполагает примат души. Тело при этом рассматривается как простое вместилище духа, который «облагораживает» тело и позволяет «отличаться» от животного организма. Элементы такого подхода находим у русских философов XIX в. и в работах *М. Шелера* (1874—1928).

Третий подход к проблеме телесности связан с представлением о дуализме души и тела, своеобразном психофизиологическом дуализме. В этом аспекте уже упоминались работы Б. Спинозы. Наконец, можно указать на своеобразную «диалектику» подхода к этой проблеме. Предполагается, что ни один из названных элементов (душа и тело) не обладает статусом полной суверенности, примата или автономности. Тело одухотворено, а душа телесна, ее невозможно «развоплотить» в научном анализе, а дух «обесплотить».

Литература

.....

Газарова Е. Психология телесности. — М., 2002.

Дельгадо Х. Мозг и сознание. — М., 1971.

Лоуэн А. Предательство тела. — Екатеринбург, 1999.

Подорога В. Феноменология тела. — М., 1995.

Спирова Э.М. Клинические и психологические аспекты лечения наркомании. — М., 2003.

Тема 15

ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

По стальным рельсам мчатся мощные локомотивы. В небо уходит космический корабль. Льется сталь в сталелитейном цехе. Зерно сыпается на току. Ученый завершает многолетний труд. Все это плоды человеческих рук и ума, воплощение многообразной работы человека.

Деятельность — это осмысленная активность, преобразование, творчество. Именно через деятельность и происходит развитие как человека, так и общества.

Деятельность — это и отношение человека к окружающему миру, изменение и подчинение его.

Мы можем говорить здесь о специфическом для человека способе отношения к внешнему миру. Все живые существа, кроме человека, пытаются приспособиться к природе. Они могут обнаружить только такие реакции, которые помогают им выжить, руководствуясь инстинктом. В отличие от животного, человек относится к природе не пассивно, а деятельно.

Человеческая активность многолика. Она проявляется в разных сферах и имеет разнообразный характер. Французский философ *Вольтер* (1694—1778) полагал, что не только в человеке, но и в любом животном существует принцип деятельности, как и во всякой машине. Это, по его словам, первый двигатель. Он как изначальная движущая сила непреложно и вечно управляется волей Верховного Существа, без чего все было бы хаосом, без чего не существовало бы самого мира. «Человек от рождения стремится к действию, как огонь стремится ввысь, а камень — вниз». Психическая жизнь — это непрекращающийся процесс деятельности множества человеческих индивидов.

«Деятельность — есть наше определение», — писал И. Кант. Если бы нам предложили назвать главное определяющее качество человека, мы, возможно, назвали бы деятельность. Конечно, человек обладает разумом, и это возвышает его над природой. Однако разум без человеческой активности практически бесплоден. Замыслы людей

реализуются благодаря преобразовательной деятельности человека, которая соотносится с законами природы и общества. Деятельность — это форма активного отношения человека к природе и обществу.

В истолковании русского философа *П.А. Флоренского* (1882—1937) деятельность обнаруживается во множественном числе: речь идет о деятельности. Когда мы говорим слово «орудие», то ближайшим образом нам припоминаются молоты, пилы, плуги или колеса. Это в грубейшем смысле слова орудия технической цивилизации. *П.А. Флоренский* называл их для большей определенности машинами или инструментами. Продукты человеческой деятельности рассматриваются не как технические инструменты, а как «проявления орудие строительной деятельности нашего духа»¹.

Анализ деятельности и составляет решающий пункт и главный метод научного познания, психического отражения, сознания. В изучении форм общественного сознания — это анализ бытия общества; в изучении индивидуальной психики — это анализ деятельности индивидов в данных общественных условиях, которые выпадают на долю каждого из них. «Теория деятельности, созданная *С.Л. Рубинштейном* и *А.Н. Леонтьевым*, не только раскрывает структуру и содержание психологической деятельности и ее связь с потребностями, но и помогает понять, каким образом исследование внешней деятельности, поведения, может стать методом исследования внутренних состояний психики»².

Всякая деятельность имеет мотивацию. Это динамический процесс физиологического и психологического управления поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость.

Мотив — устойчивая внутренняя психологическая причина поведения человека, его поступков.

Мотив достижения успеха — устойчивая мотивационная черта личности. У человека существует потребность добиваться успехов в различных видах деятельности, особенно в ситуациях соревнования с другими людьми. В то же время человек стремится действовать так, чтобы избежать неудачи, особенно там, где результаты его деятельности воспринимаются и оцениваются другими людьми.

..... Творчество — процесс человеческой дея-
Творчество ..... тельности, в результате которого рождаются
новые ценности и новые предметы материального мира. В истории психологии творчество рассматривали как божественную одержимость (*Платон*), как «животное дыхание бессознательного» (*Э. Гартман*), как мистическую интуицию (*Бергсон*), как выражение инстинктов (*Фрейд*), как раскрытие божественной мощи (*Бердяев*).

¹ *Флоренский П.А.* Богословские труды. — М., 1977. — С. 102.

² *Григорович Л.А., Маркинковская Т.Д.* Педагогика и психология. — М., 2001. — С. 2.

Творчество это то, что идет изнутри, из бездонной и необъяснимой глубины. Творчество есть деятельность, в результате которой рождается нечто новое. Оно отличается при этом неповторимостью, оригинальностью. Можно спросить: а разве любая человеческая деятельность не предполагает новизны? В известной мере, это, конечно, так. Деятельность — это рождение того, что отсутствовало в природе. В этом смысле она всегда отличается новизной, если сопоставлять ее результаты с тем, что есть в природе.

В самой человеческой деятельности можно найти акты необыкновенной изобретательности, радикальной новизны. Есть также деятельность, где творческое начало выражено не так явно. Скажем, человек, который изобрел колесо, был, безусловно, гением. Но ведь людям нужно не одно колесо, которое, возможно, соорудил этот самый безымянный творец. Когда колесо было уже изобретено, надо воспроизводить его в массовом масштабе. Это тоже деятельность, но ее, строго говоря, нельзя назвать творчеством.

Напомним потрясающую строчку: «И звезда с звездой говорит...». Слова здесь простые, известные. Однако сразу рождается в сознании образ безмерного космического пространства. У Лермонтова это жизнеописание небесной переклички. Это также определенное настроение. Ваша душа как бы прикасается к перекличке звезд. Рождается настроение печали, смиренности духа, ощущение одиночества.

Как известно, феномен творчества развернуто исследован русским философом Н.А. Бердяевым в его книге «Философия творчества». Он отмечает, что в Евангелии нет ни одного слова о творчестве. Если бы пути творчества были оправданы и указаны в Священном писании, то творчество было бы послушанием, то есть не было бы творчеством. Тайна творчества сокровенна. «И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества»¹.

В творчестве сам человек раскрывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную в него божественную мощь. По словам Н.А. Бердяева, идея Творца о человеке головокружительно высока и прекрасна. Так высока и прекрасна божественная идея человека, что творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве заложена в человеке, как печать его богоподобия².

Творческая тайна сокрывается человеку и открывается человеком. Творческие порывы сопровождают всю историю человека. Человек совершенно свободен в откровении своего творчества. Мы стоим перед неизбежностью оправдать себя творчеством, а не оправдать свое творчество.

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. — М., 1994. — С. 112.

² Там же. — С. 113.

С этих позиций Н.А. Бердяев критикует современную ему науку о познании — гносеологию. По его мнению, критическая гносеология обостряет кризис культуры и творчества, обнажает антагонизм между культурой и творчеством. Критическая гносеология обосновывает и оправдывает все виды творчества дифференцированной культуры, но этим не раскрывает, а закрывает творческую природу человека. Творческий акт оказывается изъятым из первичного бытия и переносится во вторичную сферу сознания... Творчество обращено к иной стороне двойственной природы человека и из иной стороны рождается. По мысли Н.А. Бердяева, от творчества нельзя ждать прироста, восхождения бытия, откровения человека. Творчество в немецкой философии оказывается не раскрытием природы человека, а прикрытием ее¹.

Н.А. Бердяев считал, что творчество болезненно и трагично в существе своем. Цель творческого порыва — достижение иной жизни, иного мира, восхождение в бытии. Во всяком творческом акте есть абсолютная прибыль, прирост. Подобная суть бытия, совершающийся в нем прирост, достигнутая прибыль без всякой убыли говорят о творящем и творчестве. Творчество в мире возможно лишь потому, что мы творим. Человек обязан обогатить саму божественную жизнь. Творческий акт присущ лишь лицу как свободной и самостоятельной мощи. Творчество человека подобно творчеству Бога, не равно, не тождественно, но подобно. Человек не есть абсолютное и потому не может обладать абсолютной мощью. В своем творчестве человек связан с другими людьми и всем миром существ, но он не всеислен. Познание творческой эпохи — активное, не пассивное, оно предполагает творческое усилие и потому открывает творчество. Творческие порывы нового человека являются симптомом зарождения нового бытия и нового познания.

Н.А. Бердяев отмечает, что творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит. Творчество рождается из свободы. Творчество необъяснимо. Творчество — тайна. Тайна творчества есть тайна свободы. Тайна свободы бездонна и неизъяснима тайна творчества.

«Творец может быть демоничен, и демонизм его может отпечатлеться на его творении. Но не может быть демонично великое творение, творческая ценность и породивший ее творческий экстаз. Я думаю, что в природе Леонардо да Винчи был демонический яд. Но в творческом акте сгорел демонизм Леонардо, претворился в иное, в свободное от «мира» бытие. В Джиоконде, в Вакхе, в Иоанне Крестителе просвечивает демонизм леонардовской природы. Но обречены ли сгореть в адском огне великие творения леонардовского гения? Нет, в этих творениях уже сгорело зло леонардовской природы, и демонизм его претворился в иное бытие, пройдя через творческий экстаз гения. В Джиоконде есть

---

¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. — М., 1994. — С. 127.

вечная красота, которая войдет в вечную божественную жизнь. Творческая жизнь есть жизнь вечная, а не тленная»¹.

По словам Бердяева, творчество антагонистично, с одной стороны, совершенству человека, с другой — совершенству культуры. Лишь творческая религиозная эпоха, как полагает философ, выйдет из тисков личного совершенства и совершенства ценностей культуры...

Один из центральных моментов творчества — объяснение, как возникают новые идеи. Способность не проходить мимо случайностей, замечать их и давать им соответствующее истолкование — важная сторона творчества. Когда *У. Гершель* (1738—1822) в 1781 г. открыл планету Уран, оказалось, что многие астрономы уже наблюдали это небесное тело (не менее 200 зарегистрированных наблюдений), но выяснилось, что некоторые физики встречались с этим видом излучения и рассматривали его как помеху, из-за которой портятся фотографические пластинки.

Разумеется, случай благоприятствует подготовленному уму. Способность к научным открытиям проявляется у людей, с детства отличавшихся любознательностью и получивших такую подготовку и образование, которые не подавили умение видеть события и процессы под неожиданным углом зрения. Творчество — индивидуальный акт, глубоко личный, несомненно, подверженный влиянию предрассудков, предвзятых мнений. Критерии оценки нового в науке одинаковы для всех ученых мира. Новое открытие проверяется путем сопоставления его с уже известными, устоявшимися взглядами в науке. Одно из условий научного открытия — способность обращать внимание на странности, на необычные, пусть кажущиеся незначительными, события. Некоторые считают, что догадка всегда связана со слепой верой, отказом от критического суждения. Однако догадка может быть «дикой», сделанной «наугад», но она может быть основанной на глубоком размышлении.

Научное открытие периодического закона *Д.И. Менделеева* (1834—1907), как показал в своих исследованиях академик *Б.М. Кедров* (1903—1985), было свидетельством творческого мышления. Необходимым условием этого прозрения был обширный фактический материал, который великий химик собирал около 15 лет. Фактической «преградой» к выявлению закона оказался способ субъективного отражения этого материала в сознании. По мнению самого Менделеева, в системе элементов им сопоставлялось лишь сходное, а не различное. И только мысль о сравнении химически более разных элементов по величине атомных весов привела к выделению «ключевого признака» — атомного веса.

---

¹ *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. — М., 1994. — С. 167.

Согласно *А. Кестлеру* (1905—1983), творческий потенциал проявляется в искусстве, науке и юморе. При одинаковой логической структуре этих проявлений (установление скрытых сходств и подобию) различна эмоциональная окраска творческого процесса. Комическое сравнение несет на себе печать агрессивности, поэтический образ окрашен сочувствием и восхищением, а научное рассуждение бесстрастно. Одинаковая структура творческого процесса обуславливает зыбкость границ между наукой и искусством. Математик говорит об «изыщном решении», хирург — о «красивой операции», литературный критик о «двумерных персонажах».

Попытки связать творческую одаренность с таинственными явлениями психики предпринимались давно. Так, *Е.П. Торренс* (род. 1915) в числе особенностей творческой личности назвал «тягу к таинственному». *Г. Мёрфи* (1895—1979) написал две статьи о соотношении творческого потенциала и парапсихологических феноменов, в частности, привел исторические материалы, свидетельствующие о том, что Марк Твен, Гёте и Шуман обладали парапсихологическими способностями.

Главным условием творчества служит самотворчество. Поскольку человек — исток и смысл всякой творческой акции, то наиболее значимым творчеством можно считать самоактуализацию человека, его личностный рост. Творить себя — значит в каждом своем стремлении и в каждом поступке стремиться к максимуму выражения своей человечности — стремиться к максимально доступной тебе доле святости, добра и любви, постоянно стараться пребывать в бодрствующем состоянии предельной внимательности и открытости ко всему окружающему. Творчество — это не только особая деятельность, это прежде всего способ жизни. И тем не менее все перечисленные условия необходимы, но не достаточны, они не дают никакой гарантии тому, что человек может стать творцом или жить творчески. Пока существует человечество, творчество всегда будет самой таинственной и самой великой загадкой его бытия.

..... Игра тоже является формой деятельности.
Игра как форма деятельности
..... Но она также может служить модусом человеческого бытия. Было бы ошибкой сказать, что феномен игры не получил освещения в философской, культурологической, социологической, педагогической или психологической литературе. Список работ, посвященный различным аспектам игры, выглядит весьма основательно. «Однако до сих пор активно, много и многопланово изучаемая игра остается загадкой для понимания, недостаточно исследованным явлением социальной сферы. Представленная в разных формах, разная по содержанию, по характеру, позициям играющих, она проходит реально через всю жизнь человека. Игра ребенка, игра в театре артиста и зрителя, «игра» в ритуале, спортивная и игра в карты, деловая, компьютерная и игра военная,

игра своей роли в общении дома, на работе — имеют разное содержание, структуру, смыслы и т.д. И все-таки есть нечто общее, что определяет единую природу игры как особого типа деятельности, как особого необходимого и важного в организации жизнедеятельности человека явления»¹.

Многие европейские философы и психологи усматривают источник культуры в способности человека к игровой деятельности. Игра в этом смысле оказывается предпосылкой происхождения культуры. Различные версии такой концепции находим в творчестве Г. Гадамера, Е. Финка, Й. Хейзинги. В частности, *Г. Гадамер* (1900—2002) анализировал историю и культуру как своеобразную игру в стихии языка, внутри которой человек оказывается в радикально иной роли, нежели та, которую он способен нафантазировать.

Голландский историк культуры *Й. Хейзинга* (1872—1945) в книге «*Homo Ludens*» (1983) отмечал, что многие животные любят играть. По его мнению, если проанализировать любую человеческую деятельность до самых пределов нашего познания, она покажется не более чем игрой. Вот почему автор считает, что человеческая культура возникает и разворачивается в игре. Сама культура носит игровой характер. Игра рассматривается в книге не как биологическая функция, а как выявление культуры и анализируется на языке культурологического мышления.

Хейзинга считает, что игра старше культуры. Понятие культуры, как правило, сопряжено с человеческим сообществом. Человеческая цивилизация не добавила никакого существенного признака к общему понятию игры. Все основные черты игры уже присутствуют в игре животных. «Игра как таковая перешагивает рамки биологической или, во всяком случае, чисто физической деятельности. Игра — содержательная функция со многими гранями смысла»².

Каждый, по мнению Хейзинги, кто обращается к анализу феномена игры, находит ее в культуре как заданную величину, существовавшую прежде самой культуры, сопровождающую и пронизывающую ее с самого начала до той фазы культуры, в которой живет сам. Важнейшие виды первоначальной деятельности человеческого общества переплетаются с игрой. Человечество все снова и снова творит рядом с миром природы второй, измышленный мир. В мифе и культе рождаются движущие силы культурной жизни.

Хейзинга делает допущение, что в игре мы имеем дело с функцией живого существа, которая в равной степени может быть детерминирована только биологически, только логически или только

---

¹ *Научная проблема: игра как органически необходимый компонент человеческого поведения, ее социально-психологические и социокультурные характеристики // Мир психологии. Научно-методический журнал. — 1998. — № 4. — С. 3.*

² *Хейзинга Й. Homo Ludens. — М., 1992. — С. 10.*

этически. Игра — это прежде всего свободная деятельность. Она не есть «обыденная» жизнь и жизнь как таковая. Все исследователи подчеркивают незаинтересованный характер игры. Она необходима индивиду как биологическая функция. А социуму нужна в силу заключенного в ней смысла, своей выразительной ценности.

Голландский историк культуры был убежден в том, что игра скорее, нежели труд, была формирующим элементом человеческой культуры. Раньше, чем изменять окружающую среду, человек сделал это в собственном воображении, в сфере игры. «Хейзинга оперирует широким понятием культуры. Она не сводится к духовной культуре, не исчерпывается ею, тем более не подразумевает преобладающей ориентации на культуру художественную. Хотя в силу глубокого идеализма в вопросах истории Хейзинга генезис культуры трактуется односторонне, видя основу происхождения культурных форм во все времена в духовных чаяниях и иллюзиях человечества, в его идеалах и мечтах, тем не менее функционирующая культура рассматривается Хейзингой всегда, во все эпохи, как целое, система, в которой взаимодействуют все: экономика, политика, быт, нравы, искусство»¹.

Понятное дело, уязвимость концепции Хейзинги не в идеализме как таковом. Правильно подчеркивая символический характер игровой деятельности, Хейзинга обходит главный вопрос культурогенеза. Все животные обладают способностью к игре. Откуда же берется «тяга к игре»? Немецкий этнограф *Л. Фробениус* (1873—1928) отвергает истолкование этой тяги как врожденного инстинкта. Человек не только увлекается игрой, но создает также культуру. Другие живые существа таким даром почему-то не наделены.

Пытаясь решить эту проблему, Хейзинга отмечает, что архаическое общество играет так, как играет ребенок, как играют животные. Внутри игры мало-помалу проникает значение священного акта. Вместе с тем, говоря о сакральной деятельности народов, нельзя ни на минуту упускать из виду феномен игры. «Как и откуда поднимались мы от низших форм религии к высшим? С диких и фантастических обрядов первобытных народов Африки, Австралии, Америки наш взор переходит к ведийскому культу жертвоприношения, уже беременному мудростью упанишад, к глубоко мистическим гомологиям египетской религии, к орфическим и элевсинским мистериям»².

Когда Хейзинга говорит об игровом элементе культуры, он вовсе не подразумевает, что игры занимают важное место среди различных форм жизнедеятельности культуры. Не имеется в виду и то, что культура происходит из игры в результате эволюции. Не следует

---

¹ *Тавризян Г.М., О. Шпенглер, Й. Хейзинга: две концепции кризиса культуры.* — М., 1989. — С. 206.

² *Хейзинга Й.* Указ. соч. — М., 1992. — С. 39.

принимать концепцию Хейзинги в том смысле, что первоначальная игра преобразовалась в нечто, игрой уже не являющееся, и только теперь может быть названа культурой.

Культура возникает в форме игры. Вот исходная предпосылка названной концепции. Культура первоначально разыгрывается. Те виды деятельности, которые прямо направлены на удовлетворение жизненных потребностей (например, охота), в архаическом обществе предпочитают находить в себе игровую форму. Человеческое общество поднимается до супербиологических форм, придающих ему высшую ценность посредством игр. В этих играх, по мнению Хейзинги, общество выражает свое понимание жизни и мира.

«Стало быть, не следует понимать дело таким образом, что игра мало-помалу перестает или вдруг преобразуется в культуру, но скорее так, что культуре в ее начальных фазах свойственно нечто игровое, что представляется в формах и атмосфере игры. В этом единстве культуры и игры игра является первичным, объективно воспринимаемым, конкретно определяемым фактом, в то время как культура есть всего лишь характеристика, которую наше историческое суждение привязывает к данному случаю»¹.

В поступательном движении культуры гипотетическое исходное соотношение игры и не игры не остается неизменным. По словам Хейзинги, игровой момент в целом по мере развития культуры отступает на задний план. Он в основном растворяется, ассимилируется сакральной сферой, кристаллизуется в знании и в поэзии, в правосознании, в формах политической жизни. Тем не менее во все времена и всюду, в том числе и в формах высокоразвитой культуры, игровой инстинкт может вновь, как полагает голландский историк, проявиться в полную силу, вовлекая отдельную личность или массу людей в вихрь исполинской игры.

Концепция игрового генезиса культуры поддерживается в современной философии не только Хейзингой. Обратимся к работе известного феноменолога Э. Финка (1905—1975) «Основные феномены человеческого бытия». В типологии автора их пять — смерть, труд, господство, любовь и игра. Последний феномен столь же изначален, сколь остальные. Игра охватывает всю человеческую жизнь до самого основания и существенным образом определяет бытийный склад человека, а также способ понимания бытия человеком.

Игра, по мнению Финка, пронизывает другие основные феномены человеческого существования. Игра есть исключительная возможность человеческого бытия. Играть может только человек. Ни животное, ни Бог играть не могут. Лишь сущее, конечным образом отнесенное к всеобъемлющему универсуму и при этом пребывающее в промежутке между действительностью и возможностью, существует в игре.

---

¹ Хейзинга Й. Указ. соч. — М., 1992. — С. 39.

Эти утверждения нуждаются в пояснении, поскольку они противоречат привычному жизненному опыту. «Каждый знает игру по своей собственной жизни, имеет представление об игре, знает игровое поведение ближних, бесчисленные формы игры, знает общественные игры, цирцеевские массовые представления, развлекательные игры и несколько более напряженные, менее легкие и привлекательные, нежели детские игры, игры взрослых; каждый знает об игровых элементах в сфере труда и политики, в общении полов друг с другом, игровые элементы почти во всех областях культуры»¹.

Трактуя игру как основной феномен человеческого бытия, Финк выделяет ее значительные черты. Игра в его трактовке — это импульсивное, спонтанно протекающее вершение, окрыленное действие, подобное движению человеческого бытия в себе самом. Чем меньше мы сплетаем игру с прочими жизненными устремлениями, чем бесцельней игра, тем раньше мы находим в ней малое, но полное свое счастье. По мнению Финка, дионисийский дифирамб Ф. Ницше «Среди дочерей пустыни», зачастую недооцениваемый и неправильно толкуемый, воспеваает как раз чары и оазисное счастье игры в пустыне и бессмысленности современного бытия.

Финк считает, что человек как человек играет, один среди всех существ. Игра есть фундаментальная особенность нашего существования, которую не может обойти вниманием никакая антропология. Следовало бы, утверждает автор, когда-нибудь собрать и сравнить игровые обычаи всех времени и народов, зарегистрировать и классифицировать огромное наследие объективированной фантазии, запечатленное в человеческих играх. Это была бы история «изобретений», совсем иных, нежели традиционные артефакты культуры, орудий труда, машин и оружия. Они (эти «изобретения») могут показаться менее полезными, но в то же время они чрезвычайно необходимы.

С игрой у Финка связано происхождение культуры, ибо без игры человеческое бытие погрузилось бы в растительное существование. По мнению Финка, человеческую игру сложно разграничить с тем, что в биолого-зоологическом исследовании поведения зовется игрой животных. Человек — природное создание, которое неустанно проводит границы, отделяет себя от природы. «Животное не знает игры фантазии как общения с возможностями, оно не играет, относя себя к воображаемой видимости»². Поскольку для человека игра объемлет все, она и возвышает его над природным царством. Здесь возникает феномен культуры.

Психология игры представлена различными школами психоанализа, аналитической психологии, гештальтпсихологии, генетиче-

---

¹ Финк Э. Основные элементы человеческого бытия // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и посл. П.С. Гуревича. — М., 1988. — С. 361.

² Там же. — С. 371.

ской эпистемологии *Ж. Пиаже* (1896—1980), различными течениями гуманистической психологии. Игра как объект изучения четко отделяется от других сфер деятельности и жизнедеятельности человека. Психологический анализ выявил ряд общих особенностей динамики игровых форм на жизненном пути личности, среди которых наиболее отчетливо проявились в игровых биографиях:

1) изменение количества и разнообразия (нарастание, а затем, начиная с подросткового возраста, снижение) игровых форм жизнедеятельности;

2) уменьшение по мере взросления времени, занятого игрой;

3) нарастание индивидуальных различий в игровых формах жизнедеятельности личности по мере взросления человека.

Игра имеет громадное значение для развития личности ребенка. В игре воссоздается общий смысл человеческого труда, норм и способов взаимоотношений людей. В ней в идеальной форме воспроизводится смысл человеческой деятельности и система тех отношений, в которые вступают взрослые люди в их реальной жизни¹. Д.Б. Эльконин следующим образом определял значение игры для развития различных психических процессов ребенка:

- игра является той деятельностью, в которой происходит преодоление «познавательного эгоцентризма», недостаточной ограниченности своей точки зрения от других возможных;
- игра выступает как такая деятельность, в которой происходит формирование предпосылок к переходу умственных действий на новый, более высокий этап умственных действий на речь;
- в игре происходит существенная перестройка поведения ребенка — оно становится произвольным.

Одна из особенностей деловой игры состоит в том, что она может выступать в качестве имитационной схемы той ситуации в широком смысле (объекта, поля предметов, системы, процессов и т.п.), которая интересует специалистов². При этом в качестве модели деловая игра обладает «знаковыми возможностями» широкого диапазона. Если употребление знаковых средств можно четко фиксировать (например, с помощью правил оперирования), то ограничивать и контролировать действия игроков значительно труднее. Отсюда проистекает относительная свобода поведения играющих. Перед ними выбор, свободный в некоторых пределах. Каждое решение игрока ограничивают прежде всего его собственные действия³.

Другая особенность деловой игры в том, что в ней органично реализуются формы игрового сознания. Само по себе игровое соз-

---

¹ Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах. — М., 1995.

² См.: Розин В.М. Что такое игра? (от игр маленьких детей до игр деловых) // Мир психологии. Научно-методический журнал. — 1998. — № 4. — С. 31.

³ Там же. С. 31.

вание в плане серьезной деятельности дает немного. Однако в соединении с моделирующей функцией оно становится эффективным инструментом решения ряда деловых проблем и задач. В деловой игре можно создавать разнообразные ситуации, существенно отклоняющиеся от оригинала, но все же удовлетворяющие органической логике его существования. Это могут быть ситуации экстремальных режимов поведения системы, логически мыслимых, но необычных состояний и отношений, различные «предметные монстры» и уроды.

Как отмечает *В.М. Розин* (род. 1937), во многом искусство концептуализации деловой игры состоит в построении такой игровой реальности, в которой можно разыгрывать разнообразные конфликты и проблемы, относящиеся к данной деловой сфере. «Игра подразумевает одновременную реализацию (а не последовательную смену во времени) практического и условного поведения. Играющий должен одновременно и помнить, что он участвует в условной (не подлинной ситуации)... и не помнить этого... «действует» особая психическая установка играющего, который одновременно верит, и не верит в реальность разыгрываемого конфликта»¹. Поскольку деловым играм часто присущ элемент состязательности и против играющего действует «противник», постольку можно утверждать, что игровой материал не пассивен, он изменяется, погружает играющего в новые ситуации, влияет на него.

Учебная деловая игра — это вариативная, динамично развивающаяся форма организации целенаправленного взаимодействия деятельности и общения всех ее участников при осуществлении педагогического руководства со стороны преподавателя. Сущность этой формы составляет взаимосвязь имитационного моделирования и ролевого поведения участников игры в процессе решения ими типовых профессиональных и учебных задач достаточно высокого уровня проблемности. «Деловая игра раскрывает личностный потенциал обучающегося: каждый участник может продиагностировать свои собственные возможности в отдельности и в совместной деятельности с другими участниками. Студенты становятся творцами не только профессиональных ситуаций, но и «создателями» собственной личности. Они решают задачи самоуправления, ищут пути и средства оптимизации профессионального общения, выявляют свои недостатки и предпринимают меры по их устранению. В этом им помогает преподаватель»².

---

¹ *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. — М., 1970. — С. 80—85.

² *Филатов О.К.* Информатизация технологии обучения в высшей школе. — М., 2001. — С. 141.

Игра предметная — это детская игра с предметами человеческой материальной и духовной культуры, в которой ребенок использует их по прямому назначению.

Игра ролевая — совместная групповая игра, в которой ее участники распределяют, берут на себя и исполняют различные социальные роли: матери, отца, воспитателя, врача, ребенка, ученика и т.п.

Игра символическая — вид игры, в которой реальность воспроизводится в виде символов и знаков, а игровые действия выполняются в абстрактной символической форме. *Игра детская*, в которой ребенок воспроизводит сюжеты из событий реальной жизни людей, рассказов, сказок и т.п.

Литература

.....

Григорович Л.А., Марцинковская Т.Д. Педагогика и психология. — М., 2001.

Гуревич П.С. Обществознание. — М., 2000.

Коссов Б.Б. Творческое мышление, восприятие и личность. — М., 1997.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. — М., 1977.

Розин В.М. Психология: теория и практика. — М., 1997.

Тема 16

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Сознание — высшая психическая форма активного воспроизведения бытия, его чувственного переживания и преобразования. Этот уровень психического отражения саморегуляции присущ только человеку как конкретно-исторической личности. Психология изучает происхождение, структуру и функционирование сознания. «Сознание — высшая, свойственная лишь человеку, форма отражения объективной реальности, способ его отношения к миру и самому себе, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей. Сознание представляет собой единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия. Оно возникает в процессе трудовой, общественно-производственной деятельности людей и неразрывно связано с языком, который так же древен, как и сознание»¹.

Сознание отличается богатством и разнообразием своих форм. Э. Кассирер выделял три функции символического сознания — экспрессивную, репрезентативную и концептуальную, которые находятся внутри человеческого духа. *Первая* является дотеоретическим видом сознания и полнее всего выражается в мышлении людей, находящихся на уровне мифологического мировоззрения, когда символ и символизируемый объект не разделены, символ еще не является посредником между объектом и наблюдателем. *Второй* присуще появление «свойств», «характеристик», ее основным инструментом является язык. Поток образов упорядочивается путем вербализации огромного количества впечатлений, которые «накатывают» на индивидов. Тем не менее эта вербализация не является полностью независимой функцией: символ находится «на привязи» у объекта, который он обозначает. На *третьем* уровне символического созна-

¹ Михайлов Ф.Т. Сознание // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — М., 2001. — С. 521.

ния символ приобретает полную свободу, он никаким образом не связан с объектом. Примером может служить математика.

Термин «сознание» имеет тройное значение. Во-первых, он подразумевает *осознание (интериоризацию) собственных переживаний* — в противоположность потере сознания и всему тому, что бывает за пределами сознания. Во-вторых, он подразумевает *осознание объекта*, знание о чем-то предметном и внешнем — в противоположность неосознанным субъективным переживаниям, в рамках которых «Я» и объект пребывают во все еще не дифференцированном состоянии. В-третьих, он подразумевает *самосознание*, осознание личностью собственного «Я» в противоположность бессознательному, в рамках которого субъект и объект переживаются как отдельные сущности, но личность не осознает различия между ними сколько-нибудь отчетливо.

Без сознания — понимая под сознанием любую форму внутреннего переживания, в том числе и такую, когда Я и объект не дифференцируются или когда переживание ограничивается всего лишь неосознанным чувством, не направленным на какой-либо определенный объект, — психическая субстанция не может проявить себя. Где нет сознания в указанном смысле, там нет и психической субстанции.

Но психическая жизнь не может быть полноценно понята только как сознание. Она также не может быть понята средствами одного только сознания. Реальный опыт душевных переживаний необходимо дополнить теоретическим фундаментом, выходящим за пределы сознания. Все, имеющее непосредственное отношение к феноменологии и объективной констатации фактов, обусловлено действительным опытом психической жизни и не нуждается в теории. С другой стороны, любая попытка объяснения эмпирических данных предполагает построение теоретических рамок и допущение некоторых механизмов и сил, внешних по отношению к сознанию.

«Прямые, доступные непосредственному наблюдению данные психического опыта, — пишет К. Ясперс, — аналогичны пене на поверхности моря. Океанские же глубины недоступны и могут быть изучены лишь непрямым, теоретическим путем. Но проверка теоретических допущений осуществляется на основании вытекающих из них следствий. Их ценность состоит не в их непротиворечивости и самодостаточности, а в том, насколько успешно они могут мыслиться в форме психических или физических символов или аналогий»¹.

.....
Сознание
и бессознательное
.....
Бессознательное мыслится как производное от сознания. Оно может быть идентифицировано с автоматическим поведением, забытым опытом, воспоминаниями. Бессознательное мыслится как «бытие» — как истинный, глубинный смысл бытия, то есть как психическая реальность.

---

¹ Ясперс К. Указ. соч. — М., 1997. — С. 35.

3. Фрейд в ряде статей уподоблял сознание органу чувств, способному воспринимать внутренние, т.е. душевные, психические события и отличать их от внешних восприятий. Он также считал, что сознание может быть обращено как к окружающему миру, вовне, так и к внутренней психической деятельности. Сознание имеет интегративную функцию, которая позволяет переводить бессознательное в сознательное.

Сознание органически вплетено в духовный опыт человечества. Оно обладает способностью к рефлексии, к мышлению. Это важное свойство человека, которое отличает его от животных. Мы до сих пор не можем с полной определенностью ответить на вопрос об источнике сознания, не можем объяснить, как и почему оно возникло. Оно в целом развилось от неопределенного, непрочного к стабильному и прочному. Сознание — отличительная черта человека, сила, которая управляет нами. Появление сознания — это пробуждение от неререфлективного состояния гармонической бессознательности, столкновение с проблемами бессознательного. Когда размышляют о том, что же, собственно говоря, представляет собой сознание, то обычно наиболее глубокое впечатление производит тот в высшей степени удивительный факт, что каким-либо событием, происходящим где-нибудь в космосе, вызывается одновременно внутреннее отображение таким образом, как будто бы оно происходило и внутри. Это и означает — осознавать...

По мнению Юнга, наше сознание не создает самое себя, а поднимается из неизвестной нам глубины. Оно постепенно пробуждается в ребенке, а затем каждое утро пробуждается из глубин сна, из бессознательного состояния. Оно подобно ребенку, который ежедневно рождается из своей материнской первопричины — бессознательного.

Сознание поддерживает взаимоотношение психических содержания Я. Сознание не тождественно психическому. Есть множество психических комплексов, из которых далеко не все по необходимости связаны с Я. Сознание и бессознательное образуют противоположность психической жизни.

С появлением сознания разрушается мир первичной гармонии. Предсознательное единство биологического организма и природы распадается на две половины — объект и субъект. Эта двойственность является психологической основой религии, в ней начало всех философий, из нее происходит научный поиск. Она служит той почвой, на которой произрастают мораль и искусство. Всегда существует опасность отрыва сознательного от бессознательного, возможность забыть об его источнике как вместилище инстинктов. Только взаимная связь между сознательным и бессознательным является условием их созидательного смысла. В марксистской философии и психологии сознание определялось как высший уровень психического отражения мира. Однако, согласно *С.Л. Рубинштейну* (1889—1960), сознание не

только отражение мира, но выражение отношения к нему, единство знания и переживания и регулятор деятельности. Его школой были дифференцированы качества сознания как процесса, состояния, структуры и, наконец, личностной жизненной способности, чему до самого последнего времени не уделялось никакого внимания — индивидуальное сознание рассматривалось безличностно (только соотносительно с общественным сознанием).

В контексте фрейдистской парадигмы была определена структура сознания, одновременно раскрывавшая движущие силы личности и динамические механизмы самого сознания. Эта структура считается структурой личности, но принципиально в ней наличие противоречия Я (Эго), Сверх-Я (Супер-эго) и Оно. Однако, вопреки Фрейду, происходит не вытеснение нерешенного противоречия, а, напротив, репрезентация его из бессознательного в сферу сознания, где оно и становится проблемой, решаемой субъектом (а не психотерапевтом). Происходит не символизация (как двусмысленность) вытесненных влечений, а репрезентация в проблемах личностных смыслов. Эта репрезентация не обязательно имеет рефлексивный и категориальный характер — она образует сферу или неосознанный уровень, который при определенных внешних или внутренних условиях может стать осознанным.

Идя от гуссерлевской феноменологии, *А.Н. Леонтьев* (1903—1979) проанализировал структуру сознания в категориях смыслов и значений. Эта структура сознания выстроена по другому основанию, чем вышеперечисленные. Однако, следует учитывать, что понимание смысловой семантики сознания в отечественной психологии принципиально отлично от фрейдовского символизма (подразумевания, двусмысленности, мифологичности и трансфера).

Сближение психологии с этикой позволило обратиться к ценностным механизмам сознания, которые отличны от когнитивных (познавательных) и вместе с тем связаны с ними в сфере познания социальной человеческой действительности. Дильтеевская понимающая психология позволяет раскрыть собственно психологический аспект эмоционально-ценностного понимания действительности. Вместе с тем, ценности связаны и с более высоким уровнем сознания и более активной позицией личности по отношению к действительности, чем только ее понимание. Сознание обладает проективной жизненной функцией, которая обобщает позиции личности в ценностно-жизненных категориях и принципах — в мировоззрении. Здесь ценности выполняют не функцию ориентации, а функцию личностных опор, ее духовно-нравственную определенность, которая позволяет ей устоять при потере жизненных, рольных опор, сохранить свою идентичность и качество субъекта. Абстрактность ценностей не препятствует осуществлению ими функции психологической поддержки личности.

Одной из важнейших функций сознания является способность репрезентации в настоящем всего того в мире, что совершалось в другом времени и пространстве, сочетающаяся с высочайшей изобретательностью и замыканием своего внутреннего мира. Замкнутость внутреннего мира, охраняющая самоидентичность и автономность и способность «выхода за свои пределы» — две полярные способности сознания, дающие ему гигантское смысловое пространство функционирования.

Функция целеполагания, присущая сознанию, была перенесена из философии в психологию вместе с несколько расширенной структурой деятельности. Однако только процессуальное понимание самой деятельности, выход за пределы структурной парадигмы, определение деятельности как происходящей во времени позволили ввести в число функций сознания регуляторную, ориентированную на изменчивость хода деятельности и возможностей, продвижения субъекта. Вслед за этим, чуть позднее, появилось понятие саморегуляции, основой которой стало не безличное самодвижение деятельности, а роль осуществляющего ее субъекта.

Так называемая коммуникативная функция сознания стала предметом внимания психологов сравнительно недавно, хотя работы *М.М. Бахтина* (1895—1975), актуализировавшего проблему диалогичности сознания были написаны ранее, не говоря о идеях диалогичности мышления Сократа и Платона. Однако, во-первых, диалог не исчерпывает всех коммуникативных функций сознания; во-вторых, и это главное, необходимо различать коммуникативные особенности и механизмы сознания, имеющие личностный характер, и механизмы того же сознания, подчиняющиеся уже социально-психологическим закономерностям. Наконец, в-третьих, коммуникация сознаний не непосредственна, она опосредована реальным практическим общением; в-четвертых, кроме общения, коммуникация — в широком смысле слова — чаще всего опосредована, связана, вплетена в деятельность. Исходя из всего сказанного, в качестве концептуальной основы для объяснения и исследования этого аспекта сознания наиболее конструктивной представляется теория социальных представлений (репрезентаций) *С. Московичи* (род. 1925). Она имеет преимущества по отношению к теории кооперации (или обратимости операций) *Ж. Пиаже*, выходя за рамки когнитивистского подхода в область онтологии и механизмов индивидуального и общественного сознаний¹.

Ряд отечественных психологов (*Ф.В. Бассин*, *Л. Брудный*, *Д.Н. Узнадзе*, *В.П. Зинченко* и др.) разрабатывали отдельные, но очень значимые для понимания полифункциональной сущности сознания проблем.

---

¹ См.: «Социальное мышление», а также «Теория социальных представлений» *С. Московичи*.

Сознание индивидуальное — понятие традиционно связывавшееся с общественным сознанием принципом дихотомии или производности (выведения индивидуального сознания из общественного, культуры и т.д.). Основным критерием определения индивидуального сознания является его определение как **сознания личности** (в противоположность безличному его определению). Только при таком подходе возможно раскрытие его многоуровневости — бессознательное, неосознаваемое, сознательное, надсознательное, его многофункциональности (отражение, отношение, переживание, знание, регулятор деятельности отношений и жизни в целом) и его многомодальности — как процесса, свойства, структуры, способности личности. Основными методологическими проблемами и принципами, ведущими к уточнению его определений и раскрытию сущности являются проблема социальной детерминации сознания, проблема его развития (наиболее разработанная в антропогенетическом и онтологическом аспектах), проблема связи его отражательных, коммуникативных и других характеристик.

Коммуникативные концепции сознания — концепции сознания, в которых подчеркивается связь сознания с речью. Создатель психоанализа З. Фрейд определял различие между подлинно бессознательным и сознательным в том, что первое совершается при помощи материала, остающегося неизвестным (непознанным), в то время как второе связывается с представлениями слов, выражается в речи. Согласно определению *П.В. Симонова* (род. 1926), сознание представляет собой знание, которое в абстрактной форме может быть передано другим людям. На основе нейрофизиологических исследований головного мозга была показана решающая роль функционирования речевых структур головного мозга в феномене сознания. Связь сознания с речью продемонстрирована в исследованиях на людях, выходящих из состояния комы; также роль левого, речевого полушария в механизмах сознания была показана в исследованиях на больных с перерезкой мозолистого тела, соединяющего полушария мозга (Р. Сперри).

Измененные формы сознания — необычные состояния сознания. Это понятие внес в психологию американский философ и психолог У. Джеймс. В работе «Многообразии религиозного опыта» он писал:

«Сообразно с общим постулатом современной психологии, нет ни одного состояния сознания — ни нормального, ни патологического, начиная с самых низменных и кончая самыми возвышенными, которое не было бы обусловлено каким-нибудь органическим процессом»¹.

Термин исходит из убеждения, что существуют различные уровни, или состояния сознания. Состояние сознания можно изменять

---

¹ *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. — М., 1993. — С. 21.

искусственно (например, с помощью гипноза) или естественным образом (во время сна). Считается, что состояние сознания человека оказывает влияние на психологическую активность, например, на уровне мотивации.

Существует множество измененных форм сознания (таких, например, как сны и сновидения), которые не выходят за рамки нормы и присущи всем людям. Другие состояния зависят от определенных условий. Для того чтобы визуализировать психотические состояния, мы прибегаем к разным сравнением с нашими собственными переживаниями (связанные со сновидениями, состояние засыпания, состоянием усталости). Некоторые психиатры подвергают себя интоксикации (мескалином, гашишом, ЛСД), тем самым переживая непосредственную модель психотического опыта, возможно, родственного тому, который соответствует состоянию некоторых душевнобольных.

С. Гроф подчеркивает, что концепция английского физика *Д. Бом* (1917—92) показывает, что некоторые важные аспекты реальности недоступны опыту и изучению при обычных обстоятельствах, имеют прямую значимость для изучения необычных состояний сознания. Индивиды, испытавшие различные необычные состояния сознания, в том числе высокообразованные и искушенные ученые разных специальностей, часто сообщают, что они входили в скрытые области реальности, которые кажутся аутентичными, в некотором смысле имплицитными для повседневной реальности и превышающими ее по порядку. А в содержание этой «неявной реальности» входят, кроме всего прочего, элементы коллективного бессознательного, исторических событий, архетипических и мифологических явлений, динамики прошлых воплощений¹.

Известный американский нейрофизиолог *К. Прибрам* (род. 1919) полагал, что необходимыми условиями сознания являются жизнь и перемещение в пространстве. Следовательно, термин «сознание» не может относиться ни к растениям, ни к кристаллам, ни к компьютерам. Сознание происходит из взаимодействия организма с окружающей средой. Функция мозга заключается в том, чтобы вырабатывать коды, с помощью которых информация становится коммуникативной. Некоторые коды голографичны. Так, мысленный образ возникает тогда, когда система становится достаточно сложной и действует не только как самосодержащая единица, но и как открытый, «параллельный» себе механизм. Для открытых систем с памятью характерны процессы, благодаря которым они получают способность выбирать и желать, а не только автоматически реагировать на стимулы.

---

¹ Гроф С. За пределами мозга. — М., 2001. — С. 107.

Литература

.....

- Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. — М., 1988.
- Бескова И.А.* Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ). — М., 2001.
- Бессонова Л.А.* Сознание // Популярная энциклопедия. Психианализ. — М., 1998. — С. 443—445.
- Гроф С.* За пределами мозга. — М., 2001.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. — М., 1993.
- Коляда С.* Моделирование бессознательного. — М., 2000.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания. — М., 1989.

Тема 17

МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

Интеллект (от *лат.* intellectus — ум, рассудок) — общий умственный потенциал человека, степень реализации способностей, которые он целесообразно использует для приспособления к жизни. Интеллект выражает все умственные функции человека, всю совокупность его познавательных умений: ощущения, восприятие, память, представление, мышление, воображение. Благодаря интеллекту человек может сравнивать, вырабатывать абстракции, образовывать понятия, суждения, осуществлять умозаключения.

Предпосылками интеллекта можно считать способность к запоминанию и память, механизмы, лежащие в основе двигательных навыков, речевого аппарата и т.д. Эти предпосылки часто смешивают с умственными способностями как таковыми. Человек, который ничего не помнит, не может говорить или слишком быстро утомляется, естественно, лишен возможности проявить свой интеллект. Но в подобных случаях речь идет о расстройстве какой-то определенной физиологической или психической функции, о расстройстве же интеллекта здесь говорить трудно.

Обладание большими знаниями само по себе, несомненно, указывает на наличие определенных способностей, выходящих за рамки одной только способности к воспроизведению содержания памяти. Вместе с тем существует взаимная независимость способности к обучению и собственно интеллект (способности к суждению). Человека можно научить массе сложнейших вещей. Но не следует смешивать способность к обучению с интеллектом. Объем багажа знаний зависит не только от способности к обучению или интересов индивида, но и от социальной среды. Для того чтобы оценить человека в аспекте его интеллекта (умственных способностей), используется множество разнообразных критериев. Существуют не просто большие или меньшие степени развития умственных спо-

способностей, а некое глубоко укорененное «древо», объединяющее в себе многочисленные и разнообразие способности.

Психологи издавна ставили вопрос: существует ли способность к разнонаправленной реализации собственного потенциала вообще. В средние века шел спор о том, подчинена ли воля интеллекту или, наоборот, интеллект зависит от воли. Первую точку зрения развивал *Фома Аквинский* (1225 или 1226—74), вторую — *Д. Скот* (1266—1308) и *У. Оккам* (ок. 1285—1349). Современные психологи считают, что воля относится к области психического, а интеллект — к сфере духа. Поэтому интеллект «выше» воли. Феноменология интеллекта (умственных способностей) отличается большим разнообразием. Некоторые люди быстро схватывают существо вопроса. Однако такая гибкость не является обозначением блестящих умственных способностей. Практическая смысленность и абстрактный интеллект — это не одно и то же. Помимо способности к суждению принимается в расчет также спонтанность и наличие инициативы.

Человеческое существо с самого своего рождения погружено в социальную среду, которая воздействует на него в той же мере, что и среда физическая. Более того, подобно тому, как это делает физическая среда, общество не просто воздействует на индивида, но непрерывно трансформирует саму его структуру, ибо оно не только принуждает его к принятию фактов, но и предоставляет ему вполне установившиеся системы знаков, изменяющие мышление индивида, предлагает ему новые ценности и возлагает на него бесконечный ряд обязанностей. «Начнем с основного положения, — отмечает *Л.С. Выготский* (1896—1934), — которое нам удалось установить при анализе высших психических функций и которое состоит в признании естественной основы культурных форм поведения¹.

Чего не хватает сенсомоторному интеллекту, чтобы превратиться в понятийное мышление? *Ж. Пиаже* называет три основных условия перехода от сенсомоторного плана интеллекта к плану рефлексивному. Это, прежде всего, увеличение скоростей, позволяющее слить в одновременный комплекс знания, каждое из которых связано с определенной фазой в последовательности действия. Затем осознание уже самого действия в отличие от просто желаемых его результатов; сама констатация этого, понятно, усиливает поиск успешных результатов. И наконец, расширение расстояний, позволяющее дополнить действия, направленные на реальность, символическими действиями, которые направлены на представления и выходят, следовательно, за пределы близкого пространства и близкого времени².

---

¹ *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики // Психология аномального ребенка: Хрестоматия в 2 т. Т. 1. — М., 2002. — С. 14.

² *Пиаже Ж.* Уровни организации интеллекта // Психология аномального ребенка. — М., 2002. — С. 564.

Интеллектуальная активность, как показано в работах *Д.Б. Богоявленской* (род. 1932), является психологическим механизмом высших форм творчества, которые характеризуются как ситуативно нестимулированная продуктивная деятельность. В отличие от традиционного понимания интеллектуальной активности как синонима мыслительной деятельности или ее тонуса в трудах *Д.Б. Богоявленской* обоснована ее трактовка как интеллектуальной инициативы, что потребовало теоретического анализа самой категории активности. Выделение интеллектуальной активности в качестве единицы анализа творчества позволило впервые провести анализ процесса творчества с позиции целостной личности и преодолеть существующий ранее разрыв между мотивационной и операциональной его сторонами. Интеллектуальная активность — интегральная характеристика личности, объединяющая ее интеллектуальную и мотивационную сферы.

.....
Человек
рассуждающий
.....

Человек обладает способностью удваивать реальность. Я сижу в студенческой аудитории и мечтаю искупаться в озере. Никакого озера вокруг меня нет. Меня окружает иная обстановка. Прекрасный водоем возникает в моем воображении. Что же такое мышление, на которое способен человек, обладающий сознанием? Мышление — это внутреннее, активное стремление человека овладеть своими собственными представлениями (образ озера в моих мечтах), понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями и ожиданиями. Мышление обладает разными ресурсами. Оно может быть безусловно логичным. Но в разворачивании ума участвуют и эмоции. Когда вы спорите, вы не только выдвигаете рассудочные доводы, но нередко подключаете и свои чувства.

Вот почему можно ввести еще одно понятия — сфера мышления. Это образное выражение, означающее совокупность всех возможностей мышления, которыми располагает человек, группа людей, народ. Рассуждающий человек опирается прежде всего на знание. Представьте себе ситуацию: вы вступили в дискуссию, не имея ровно никаких сведений о предмете спора. Ну, допустим, заговорили о нильских крокодилах. Вы припоминаете нечто определенное, какую-то картинку. Но для эффективного участия в споре этого явно недостаточно. Живыми вы их не видели и сами за ними не наблюдали...

И тем не менее мышление психолога или философа часто оказывается продуктивным. Почему так бывает? Прежде всего, потому что они опираются на многовековую мудрость людей, на огромное знание. В сфере мышления совершается духовный процесс — ум лихорадочно актуализирует знание, которое находится в нем как бы в резерве. Он роется в сокровищнице памяти. Это своеобразное блуждание духа, когда рождаются некие представления, которые сменяются другими. Мыслящий человек пытается как-то сгруппировать возникшие в его сознании ассоциации, закрепить предполагаемую, угаданную или обнаруженную связь между ними.

Постоянная перегруппировка всех возможных содержаний сознания дает разные результаты. Какие-то мыслительные связи возникают, а какие-то, напротив, разрушаются. Например, в моей голове рождается представление, что на нильском крокодиле можно заплыть далеко-далеко, если удастся удачно его оседлать. Однако данная связь представлений распадается, как только я начинаю понимать, что у меня неожиданно возникла непропорциональная связь с дельфином. Крокодил — не дельфин, соображаю я, на нем далеко не уплывешь, — проглотит недолго думая.

.....
Мышление как высшая психическая функция
.....

Мышление человека — это высшая психическая функция, составляющая часть его интеллекта и осуществляющая познание окружающего мира. Мышление как процесс познания представляет собой познавательную (когнитивную) деятельность, в которой различают когнитивный мотив, цели, задачу (проблему), действия и операции. В познавательном мотиве отобразены интеллектуальные интересы личности, желание узнать (или выучить) новое об окружающем мире.

Мышление является высшим познавательным психическим процессом, который характеризуется обобщенным и опосредованным отражением действительности. *Свойства мышления:*

- 1) мышление обеспечивает обобщенное отражение действительности;
- 2) с помощью мышления осуществляется опосредованное познание объективной действительности;
- 3) мышление всегда связано с решением той или иной задачи;
- 4) мышление нерасторжимо с речью.

Выделяют несколько видов мышления по форме, по характеру, по степени развернутости, по степени новизны. Существование двух сигнальных систем часто связывают с двумя основными типами теоретического мышления: вербальным и образным. С.Л. Рубинштейн в своей концепции мышления специально подчеркивал единство мышления и речи: процесс облечения мысли в слова — это и есть мыслительный процесс. С.Л. Рубинштейн также подчеркивал роль образных элементов, полагая, что чувственно данный предмет, фигурирующий в речи, как правило лишь означает (или обозначается) словом; все обозначенное словом всегда тянет за собой груз не вобранного в речь и сохраняющегося в том числе и в образной форме; содержание слова — лишь светящаяся точка над остающимся в тени массивом того, что им обозначается.

По степени новизны выделяют две формы мышления: дивергентное и конвергентное (Дж. Гилфорд). *Дивергентное* мышление — это мышление «идущее одновременно в различных направлениях», оно варьирует способы решения проблем и может привести к неожиданным выводам и следствиям, в то время как *конвергентное* мышление проявляется в том случае, когда человек решает задачу, тре-

бующую от него на основе множества различных начальных условий выбрать единственно верное решение. По мнению *В.Н. Дружинина* (1955—2001), дивергентное мышление является одним из важнейших качеств творческой личности и связано с креативностью — общей творческой способностью человека. В возрастной психологии изучают развитие мышления у ребенка, как постепенное становление у него интеллектуальных функций (школа Ж. Пиаже).

По форме выделяют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и абстрактно-логическое. *Наглядно-действенное* мышление — особый вид мышления, суть которого заключается в практической преобразовательной деятельности, осуществляемой с реальными предметами. *Наглядно-образное* — это мышление, в процессе которого используются внутренние образы. *Абстрактно-логическое* мышление осуществляется в форме понятий, суждений и умозаключений.

Понятие — это отражение общих и существенных свойств предметов и явлений; принято различать общие и единичные понятия.

Суждение — это форма мышления, основанная на понимании субъектом многообразия связей конкретного предмета или явления с другими предметами или явлениями.

Умозаключение является высшей формой мышления и представляет собой формирование новых суждений на основе преобразования уже имеющихся.

Наглядно-образное и наглядно-действенное мышление относят к практическим, а понятийное (вербальное) и образное к теоретическим. Мышление связывают с интеллектом: высокий уровень развития мышления (особенно теоретического) обеспечивает быстрое решение интеллектуальных тестов и высокий коэффициент интеллекта.

..... Уточнение некоего содержания сознания, когда оно принимает все более определенную форму, называется *мыслью*. Да, я точно убежден, что крокодил — не лучшее средство продвижения по Нилу, хотя к этой мысли пришел не сразу. Были кое-какие ложные ассоциации, но я все-таки понял, что немного погорячился, а вот сейчас утвердился в собственном мнении. Что же теперь? А теперь надо продвигаться к следующей мысли...

Мышление как процесс

..... Рождаясь в голове, мысль немедленно обретает словесное выражение. «Ничего не откладывая на завтра...», «Учение — свет», «Дорогу осилит идущий...». Стало быть, мышление — это немая, внутренняя речь, язык же есть озвученное мышление. Однако, когда человек мыслит, то, что и как он думает в данный момент, в значительной степени зависит от его настроения. Мы же отправились на дискотеку, нам было весело. Но вот к нам присоединился некий очкарик. Он сразу вознамерился затеять дискуссию. «Ребята, — сказал он, — что вы думаете о наших звездных братьях». Нашел тоже время и место...

Но разве нам не знакомо иное состояние? Заговорили, скажем, о первой любви. Вы ощутили в себе неожиданное вдохновение. Ка-

залось, за спиной выросли крылья. Обычно вы с трудом подбираете слова, фразы перемежаются невольными паузами. Но в этот момент скованность исчезла. Мысль вдруг оформилась в простые и ясные предложения. Кстати, другие ребята неожиданно смолкли, подавленные вашей эрудицией и убежденностью. Вообще-то, во всем этом оказалась виноватой одна девушка, которая как раз в момент спора заглянула в аудиторию.

Абстрактное и конкретное мышление Мышление, направленное на реальные предметы, называется *конкретным*. Мы говорим исключительно о нильских крокодилах, и ни о каких других. Дальше этого объекта мысль не устремляется. Но мышление может быть и *абстрактным*. Поначалу речь шла конкретно о первой любви. Но вдруг мой сосед по столу придал дискуссии глубинное направление. «А что такое любовь вообще?», — спросил он, приглашая нас к разговору, а, возможно, и спору. Мы стали уточнять это понятие. Попутно переключились на другие вопросы, которые имеют отвлеченный характер.

Вы, конечно, догадались, что конкретное и абстрактное мышление в реальности не разделены нерушимыми границами. Вы легко переходите от конкретного разговора к абстракции, скажем, от картины известного художника к изобразительному искусству вообще. Но в то же время, говоря об изобразительном искусстве в целом, вы умышленно обращаетесь и к конкретным произведениям, то есть к реальным объектам.

Архаические состояния психики За те несколько тысячелетий, пока существуют великие цивилизации, в мире успело произойти великое множество изменений, затронувших всю совокупность обстоятельств человеческой жизни. Изменились религиозные представления человека, его обычаи, знания, способности; изменилась и среда его обитания. Но фундаментальная предрасположенность человека, судя по всему, не претерпела сколько-нибудь заметных трансформаций.

Фундаментальные принципы человеческого бытия положили начало развитию цивилизаций. Но до этого должно было господствовать совершенно иное состояние психики — состояние, имеющее мало общего с тем, что присуще современному человеку и преобладает на протяжении нескольких последних тысячелетий. Предполагается, что такое архаическое состояние психики свойственно племенам, сохраняющим первобытный образ жизни вплоть до последнего времени. В последнее время проблемы психической жизни первобытных людей обратили на себя внимание этнологов и социологов. Были осуществлены попытки выявить и систематизировать различия между миром первобытных людей и тем миром, в котором мы живем. В итоге удалось перейти к различению двух типов мышления и сознания.

Мы стремимся к отчетливому, осознанному мышлению, ясным определениям, дифференциации объекта и субъекта, реальности и воображения, установлению границ между вещами как таковым. При этом наша мысль постоянно соотносится с эмпирической реальностью. Но существует и другой, не логический (или дологический) тип мышления. Для него характерны такие качества, как образность, наглядность, насыщенность конкретными и символическими значениями. Дологическое мышление допускает замену одних вещей другими и объединение образных представлений; в итоге гетерогенные феномены сливаются в единую картину, а эмпирические целостности расщепляются на гетерогенные связи и смыслы. Такой протейческий взаимообмен форм и образов становится истинной реальностью, замещающей в этой функции эмпирические пространство и время.

Мышление представляет собой активную целенаправленную деятельность, в процессе которой осуществляются переработка имеющейся и вновь поступающей информации, отчленение внешних, случайных, второстепенных ее элементов от основных, внутренних, отражающих сущность исследуемых ситуаций, раскрываются закономерные связи между ними. Мышление не может быть продуктивным без опоры на прошлый опыт, в то же время оно предполагает выход за его пределы, открытие новых знаний.

В зависимости от степени новизны продукта, получаемого на основе мышления, его делят на продуктивное и репродуктивное. *Продуктивное* мышление характеризуется высокой новизной своего продукта, своеобразием процесса его получения и существенным влиянием на умственное развитие. *Репродуктивное* мышление характеризуется меньшей продуктивностью, но оно играет важную роль. На основе этого вида мышления осуществляется решение задач знакомой структуры. Оно обеспечивает понимание нового материала, применения знаний на практике, если при этом не требуется их существенного преобразования. Возможности репродуктивного мышления определяются наличием исходного минимума знаний.

Литература

.....

Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. — Самара, 1999.

Гуревич П.С. Интеллект // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. — М., 2001. — С. 210.

Косов Б.Б. Творческое мышление, восприятие и личность. — М., 1997. *Мышление: процесс, деятельность, общение* / Под ред. А.В. Брушлинского. — М., 1982.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. — М., 1958.

Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. — Томск, 1996.

Тема 18

ЧУВСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Восприятие — в психологии это понятие раскрывает совершающееся в субъекте превращение многообразия раздражений в чувственное восприятие. Так называется чувственный образ внешних структурных характеристик предметов и процессов материального мира, который непосредственно воздействует на анализаторы (органы чувств) животного и человека. Восприятие характеризуется рядом признаков: оно может казаться знакомым или чуждым или обладать тем или иным эмоциональным качеством или настроением.

Восприятие — осмысленный и означенный процесс, в котором синтезируются разнообразные ощущения, получаемые от предмета или явления. Продуктом восприятия является образ предмета. Основные свойства предмета — предметность, целостность, константность и категориальность. *Константность* восприятия — это способность воспринимать предметы относительно постоянными по форме, цвету, величине и другим признакам независимо от условий восприятия. Восприятие — этап познания, обеспечивающий непосредственно-чувственную ориентировку в окружающем мире. Поэтому оно связано с мышлением, памятью и другими интеллектуальными процессами. *Категориальность* восприятия обеспечивается тем, что образ получает словесное (знаковое) обозначение и имеет обобщенный характер. Существенное влияние на восприятие оказывает жизненный опыт, потребности, интересы, желания, чувства человека, его отношение к предмету. *Апперцепцией* называется зависимость восприятия от прошлого опыта, содержания деятельности и индивидуальных особенностей человека.

Восприятия классифицируются (как и ощущения) на зрительные, осязательные, кинестетические, обонятельные, вкусовые. Во всех видах восприятия участвуют двигательные ощущения. Обычно в создание образа «вносят вклад» различные восприятия.

Восприятие может быть нормальным или аномальным. Различают восприятия, адекватные реальности, и иллюзии. Не исключено, к примеру, изменения интенсивности. Звуки слышатся громче, цвета видятся ярче, красная крыша кажется охваченной пламенем, дверь закрывается с пушечным грохотом, ветки обламываются с треском, похожим на выстрел, ветерок шумит подобно буре. Возможно также ослабление интенсивности. Окружающее кажется покрытым дымкой, все утрачивает вкус или кажется одинаковым.

Можно говорить также о качественных сдвигах восприятия. При чтении белая бумага внезапно начинает казаться красной, а буквы зелеными. Лица людей приобретают характерный коричневый оттенок, окружающие начинают походить на китайцев или индейцев.

Изучение фундаментальных механизмов мышления находит свое выражение в поисках общих закономерностей восприятия и мышления. В гештальтпсихологии *М. Вертгеймер* (1880—1943) и *К. Дункер* (1903—1940) распространили принцип целостности восприятия на мышление. Процесс мышления трактуется как динамика переходящих друг в друга феноменальных полей, ситуаций. Процессы восприятия достаточно многообразны.

К. Ясперс выделяет несколько аномальных характеристик восприятия:

1. *Отчуждение воспринимаемого мира.* Восприятие людей, переживающих эту аномалию, странно, своеобразно, жутко. Описания всегда метафоричны, так как это опыт нельзя выразить непосредственно. Больные не думают, что мир на самом деле переменялся. Они только ощущают, что все для них стало иным. Мы всегда должны помнить, что в действительности они могут видеть, слышать и чувствовать со всей остротой и ясностью. Таким образом, мы сталкиваемся с расстройством самого процесса восприятия, а не отдельных элементов, равно как и неспособности оценивать смысл и выносить суждения. Охваченные страхом, утратившие покой больные — страдающие обычно и другими серьезными расстройствами — начинают переживать собственные ощущения как истинную реальность и в итоге теряют чувствительность к доводам разума. Мир ускользает от них. Ничего не остается. Страшно одинокие, они подвешены между бесконечностями. Они будут жить вечно, поскольку времени больше нет.

Приведенные описания показывают, что чисто чувственному восприятию предметов сопутствует определенное настроение, определенная эмоциональная атмосфера. Важным моментом, обуславливающим возможность усматривать в чувственном не просто чувственное, но также и повод понять психическое, является способность к эмпатии, то есть к тому, чтобы разделять чувства других людей. Патологические феномены состоят либо в отсутствии способности к эмпатии (другие люди кажутся умершими, больным представляется,

что только они видят окружающее, они больше не сознают существование чужой психической жизни), либо в мучительно-навязчивой эмпатии (чужая психическая жизнь захватывает беззащитную жертву), либо, наконец, в фантастически-обманчивой эмпатии.

2. *Расщепление восприятия.* Это понятие относится к феноменам, которые описывают больные, страдающие шизофренией.

3. *Обманы восприятия.* Имеются ввиду различные иллюзии и галлюцинации.

Субстратом восприятий можно считать ощущения, которые образуют непрерывный комплекс в пространстве и во времени.

..... *Ощущение* — простейший психический процесс, состоящий в отражении отдельных свойств предметов и явлений материального мира и их внутренних состояний организма при непосредственном воздействии раздражителей на соответствующие рецепторы.

Классификация ощущений основывается на свойствах раздражителей, вызывающих ощущения, и свойствах рецепторов, на которые действуют раздражители. На основании пяти основных органов чувств выделяют пять видов ощущений: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Ощущения имеют как свои специфические свойства, так и общие. К общим относятся качество ощущения, интенсивность ощущения, продолжительность ощущения и пространственная локализация. Минимальная сила раздражителя, способная вызвать едва заметное ощущение, называется *нижним абсолютным порогом чувствительности* данного анализатора. *Верхним порогом чувствительности* анализатора называется максимальная сила раздражителя, при которой еще возникает адекватное действующему раздражителю ощущение. Ощущения связаны с процессами восприятия.

Ощущения — продукт переработки центральной нервной системой значимых раздражителей, поступающих из организма или внешней среды. Они существуют благодаря чувствительности — способности клеток реагировать на факторы, имеющие сигнальное значение. В филогенезе различают древнюю чувствительность — протопатическую (реакции на температуру, влажность, химический состав среды и т.п.) и новую чувствительность — эпикритическую, которой обладают только клетки нервов.

Классификация ощущений совпадает с классификацией видов чувствительности. По критерию вида раздражителя различают чувствительность к механическим, химическим, температурным, оптическим и другим стимулам. По видам рецепторов различают ощущения:

- 1) экстероцептивные, возникающие при воздействии внешних раздражителей на рецепторы, расположенные на поверхности кожи (глаза, уши и т.п.);

- 2) проприоцептивные (кинестетические), отражающие движения и положения тела благодаря работе рецепторов, расположенных в мышцах, сухожилиях и суставах;
- 3) интероцептивные (органические), сигнализирующие о состоянии организма и отдельных его органов через работу расположенных в них рецепторов.

Внимание — это направленность и сосредоточенность психической деятельности субъекта на каком-либо реальном или идеальном объекте — внутреннем образе, внешнем предмете, рассуждении или действии. Внимание обеспечивает четкость и ясность сознания; осознание смысла психической деятельности в тот или иной момент времени. Под *направленностью* внимания понимают выделение из окружения значимых для субъекта предметов, явлений или выбор определенного вида психической активности; также в понятие направленности входит сохранение избранного вида активности на определенный промежуток времени. Под *сосредоточенностью* — углубленность в деятельность, связанную с отвлечением от всего постороннего. Направленность и сосредоточенность тесно связаны друг с другом. Направленность связана с переходом от одного занятия к другому, а сосредоточенность с углубленностью в занятие.

Круг проблем изучения внимания выделился в результате дифференциации более широкого философского понятия апперцепции (восприятия) — Лейбниц, Кант, Гербарт. В современной психологии выделяют три вида внимания: *непроизвольное* — привлекается предметом или явлением без сознательного намерения человека; *произвольное* — возникает в результате сознательного намерения, и сохранение его требует значительных усилий (свойственно только человеку); *постпроизвольное* — сохраняется соответствие направленности деятельности сознательно принятым целям, но ее выполнение не требует специальных умственных усилий. Вниманию присущи различные качества: объем, распределение, устойчивость и переключаемость.

Значительный вклад в развитие представлений о внимании был внесен русским психологом *Н.Н. Ланге* (1858—1921), французским психологом *Т. Рибо* (1839—1916) и рядом других исследователей. Физиологической основой внимания служит ориентировочная реакция. Оригинальную моторную теорию внимания выдвинул Н.Н. Ланге, связав его с движениями, которые производит человек при восприятии или представлении предмета. Рибо рассматривал внимание как ряд приспособительных рефлексов.

Непроизвольное внимание возникает и поддерживается независимо от сознания человека. Существует четыре основные группы причины, вызывающих непроизвольное внимание. Первая — интенсивный внешний раздражитель (громкий крик, яркий свет). Вторая группа причин связана с соответствием внешних причин внутреннему состоянию человека (внимание голодного человека привлечет запах пищи и даже разговор о еде). Третья группа причин связана с общей направленностью личности, внимание человека привлекает то, что входит в сферу его интересов. К четвертой группе причин относят чувства, которые вызывает в человеке соответствующий раздражитель (наше внимание привлекает то, что вызывает у нас приятные ощущения).

Произвольное внимание — направляется и поддерживается сознательно поставленной целью, связано с речью. Основной функцией произвольного внимания является активное регулирование протекающих психических процессов. Этот вид внимания связан с волей человека и был выработан в процессе трудовых усилий. Приняв решение заняться каким-либо видом деятельности, человек может сосредоточиться на нем, направляя свое внимание даже на то, что ему не интересно. Согласно теории Л.С. Выготского произвольное внимание формируется у ребенка в процессе его общения со взрослым. Развитие произвольного внимания у ребенка проявляется вначале в подчинении своего поведения речевой инструкции взрослых, а потом и в подчинении своего поведения собственной речевой инструкции.

Кроме двух основных видов, *Н.Ф. Добрынин* (1890—1981) выделил еще и послепроизвольное (постпроизвольное) внимание. Этот вид внимания, подобно произвольному, носит целенаправленный характер и первоначально требует волевых усилий, но затем человек «втягивается» в работу, и его внимание поддерживается содержанием и процессом деятельности.

В современной психологии производится экспериментальное исследование внимания. К числу основных характеристик внимания, определяемых экспериментально, относятся:

- 1) избирательность внимания;
- 2) объем внимания (определяется количеством «одновременно» отчетливо воспринимаемых объектов);
- 3) переключаемость внимания, определяющая его способность быстро переходить от одного объекта к другому;
- 4) концентрация (определяется степенью сосредоточенности человека на объекте);
- 5) устойчивость определяется длительностью концентрации внимания на объекте.

Виды и свойства внимания. В зависимости от внутренних условий выделяют три разновидности непроизвольного внимания. *Первая разновидность* — детерминанты вынужденного внимания лежат, предположительно, в видовом опыте организма. Поскольку науче-

ние в этой форме внимания играет незначительную роль, ее называли врожденной, естественной или инстинктивной. Список характеристик объектов вынужденного внимания обычно начинают с интенсивности впечатления. Наше внимание привлекают громкие звуки, яркий свет, сильные боли и едкие запахи, резкие вкусы, холод и жар, интенсивные толчки и надавливания. Так, даже если мы чем-то заняты, удар грома, взрыв, выстрел и вой сирены неминуемо обратят наше внимание на себя. Вечером на улице мы невольно замечаем светящиеся вывески ресторанов, вспышки рекламных стендов и надписей, ярко освещенные витрины и блестящие предметы, выставленные в них. В магазинах нам может, как говорится, ударить в нос запах кофе или корицы, духов, краски или мыла. Застольную беседу прерывают чрезмерно горячая пища, боль в зубе, избыток соли или горчицы. Важнейшей характеристикой объектов, привлекающих и отвлекающих внимание, является движение. Человек замечает слабый прочерк падающей звезды на ночном небосклоне, порхающую бабочку и муравья, ползущего по ноге. В толпе, пытаясь привлечь внимание знакомого, мы машем ему рукой. Говорят, что опытные бойцы на фронте, выглядывая из окопов, поднимают и опускают голову очень медленно. Ритмичное повторение слабого стимула также может привлечь внимание. Нам мешает заснуть капающий кран, муха, бьющаяся о стекло, и мышь, тихо грызущая корку хлеба. С другой стороны, внимание привлекает внезапное, новое, неожиданное и странное — все, что как-то выпадает из рутинного хода событий и обычного окружения. Так, мы замечаем остановку едва слышного тикания часов, новые ботинки или прическу коллеги, высокого человека в толпе, одинокое дерево на поляне, тишину после обильного снегопада. В плане мысли и воображения к событиям и состояниям вынужденного внимания относят догадку, внезапно пришедшую в голову, навязчивые идеи ипохондриков, переживание горя, любовные страдания и сексуальные фантазии.

Диапазон и сила чувств, испытываемых человеком в случаях вынужденного внимания довольно велики. Если субъект сопротивляется отвлечению, то внимание сопровождается удивлением и неудовольствием. Если же намеренно или по обыкновению он остается пассивным, погружаясь в процесс переживаний, то характер эмоций определяется содержанием объекта внимания. Привлечение внимания может перейти в развлечение, доставляющее в одних случаях удовольствие и наслаждение, в других же — отвращение и ужас, а иногда в амбивалентную смесь того и другого. В пределе наступает состояние пассивной абсорбции, при которой субъект полностью и самозабвенно как бы сливается с объектом мысли или восприятия, растворяясь в нем и покорно подчиняясь его течению. Внешняя и внутренняя деятельность уменьшается до минимума или принимает автоматический характер. Некоторые авторы считают эту

форму внимания первичной или низшей. По мнению *П.Ф. Кантерева* (1849—1922), в таком состоянии пребывает наголодавшийся младенец, когда сосет грудь матери, и ребенок более старшего возраста, который долго и пристально смотрит на пламя свечи или светящиеся угли в печке. У взрослых же оно наступает при сильном страдании и наслаждении. «Такое внимание есть однопредметное, без всякой примеси анализа и сопоставлений и заключается в простом переживании известного состояния со всецелым погружением в него. Человек весь уходит в переживание положения и более ничего не делает, ни о чем не думает, не только о постороннем переживаемому состоянию, но даже и о том, что переживает, что поглотило его внимание», — пишет *П.Ф. Каптерев*.

Вторая разновидность непроизвольного внимания определяется как зависимая не столько от видового, сколько от индивидуального опыта субъекта. Она складывается на той же инстинктивной основе, но как бы в отсроченном порядке, в процессе стихийного научения и прилаживания человека к определенным условиям жизни. В той мере, в какой эти процессы и условия совпадают или не совпадают у представителей различных возрастных и социальных групп, образуются общие и индивидуальные зоны объектов внимания и невнимания. Внимание этого вида можно назвать невольным. Принудительный характер и эмоциональное воздействие впечатлений, мыслей и представлений, его вызывающих, здесь сравнительно невелики, могут быть редуцированы полностью, необязательны для всех людей вообще и для данного индивида в разное время. В отличие от стимулов вынужденного внимания, которые, по выражению американского психолога *Э. Титченера* (1867—1927), берут наше сознание штурмом, объекты невольного внимания как бы проскальзывают в фокальную область сознания в моменты относительного бездействия, периоды отдыха и актуализации потребностей. В этих условиях внимание привлекают ближайшие объекты, голоса, люди или животные; мужчины замечают женщин и наоборот. При голоде и жажде человеку невольно бросаются в глаза вывески и витрины продовольственных магазинов, кафе и ресторанов. Объекты невольного внимания, хотя бы ненадолго, возбуждают какие-то постоянные интересы субъекта, отвлекая его от выполнения текущих дел и обязанностей. Длительное и устойчивое состояние невольного внимания обеспечивается и подкрепляется стабильными интересами, которые философы и классики психологии называют страстями. Сферы действия страстей и соответствующие объекты невольного внимания образуют и поставляют войны, политические интриги, любовные и родительские отношения, игры, охота, мода, алкогольные напитки и кулинария. В исключительных случаях рождения гениев страстью становится занятие определенной деятельностью, продукты которой оказываются значимыми и полезными для всего человечества.

Третью разновидность произвольного внимания — внимание привычное одни авторы считают следствием или особым случаем произвольного внимания, другие же — формой, переходной к нему. Побудительный аспект объектов привычного внимания заключается в их сходстве или согласии с текущими и предшествующими, в том числе целевыми, содержаниями сознания. Со стороны субъекта эта форма внимания обусловлена установками, актуализируемыми простым намерением выполнить ту или иную деятельность. Так, водитель, сев за руль автомобиля, готов к восприятию дорожных знаков и событий, которые могут произойти на шоссе и тротуарах. В этих случаях иногда говорят о профессиональном внимании, подчеркивая необходимое участие произвольного внимания в прошлом, когда данная установка, навык или умение с трудом складывались или формировались. Обычным примером мимовольного срабатывания привычного внимания является ответ на вопрос, что будут замечать во время совместной прогулки на лоне природы разные специалисты. Геолог увидит разломы скальных пород, внимание ботаника привлечет редкое растение, энтомолог заметит какую-нибудь мушку, а философ или психолог, возможно, — ничего.

Вынужденное, невольное и привычное внимание как разновидности произвольного внимания объединяет то, что их побудительные причины лежат вне фокального сознания субъекта. В этом смысле произвольное внимание определяют как пассивное. Его субъективные условия закреплены в виде психофизиологических установок, отчасти врожденных, отчасти трансформированных или сложившихся заново по ходу научения и приспособления индивида к природной и социальной среде.

Источники внимания произвольного целиком определяются субъективными факторами. Произвольное внимание служит для достижения заранее поставленной и принятой к исполнению цели. Круг объектов произвольного внимания потенциально безграничен, поскольку не определяется особенностями стимуляции, спецификой организма и интересами субъекта. Сознательное намерение обратить и сосредоточить свое внимание на чем-либо — отличительная черта всех случаев произвольного внимания. Однако реализация этого намерения происходит при различных условиях. В зависимости от характера этих условий и, шире, от системы деятельности, в которую включены акты произвольного внимания, выделяют несколько его разновидностей.

К разновидностям произвольного внимания относится внимание выжидательное. Его значение и специфика исследовались преимущественно в области психологии восприятия; в ситуациях, когда испытуемый предупрежден о появлении объекта и должен заранее подготовиться к его опознанию. Некоторые авторы отрицают существование такой формы внимания; другие же, напротив, утверждают, что именно при отсутствии объекта восприятия само-

стоятельный статус и определенная функция внимания могут быть установлены и показаны наиболее убедительным и ярким образом. Волевой характер выжидательного внимания человека проступает особенно выпукло в ситуациях решения так называемых задач на бдительность, когда испытуемому приходится отвечать как можно быстрее на каждое из сравнительно редких и кратковременных появлений малозаметной цели. Мучительное усилие и напряжение выжидательного внимания совершаются кратковременными толчками или волнами, каждая из которых продолжается не более нескольких секунд. В паузах между ними наступает или полное бездействие, или переход к произвольному вниманию — привычному при благоприятных условиях и невольному при отвлечениях.

Особые виды внимания описаны в практиках медитации, «умной» молитвы и психотерапии. В отличие от вышеуказанных, стихийно складывающихся типов внимания, они требуют специальной личностной подготовки, системы изоциренных и длительных упражнений и опираются на ряд строгих предписаний. Одна группа техник медитации предполагает развитие способности концентрации на одном, неважно каком, объекте мысли или восприятия. Другая же, напротив, требует полной открытости сознания. Последний вид внимания получил название обнаженного (*bare*), поскольку подразумевает непрерывное, бесстрастное и бездумное наблюдение любых содержаний сознания без каких-либо задержек и реакций. Отмечается сходство этой культивированной разновидности интеллектуального внимания с вниманием психоаналитика в процессе клинической беседы и с вниманием пациента в ситуации отчета свободных ассоциаций. В обычной жизни подобное состояние непреднамеренной констатации может возникнуть у усталого пассажира автобуса, когда он бездумным и неподвижным взором скользит по пролетающим мимо деревьям, домам, витринам и вывескам магазинов.

Литература

- .....
- Бодалев А.А.* Восприятие человека человеком. — М., 1965.
- Дормашев Ю.Б.* Психология внимания. — М., 1999.
- Коссов Б.Б.* Проблемы психологии восприятия. — М., 1971.
- Психология* внимания: Хрестоматия / Под редакцией Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. — М., 2001.
- Психология* индивидуальных различий: Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. — М., 2000.
- Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. — М., 1996.
- Ясперс К.* Общая психопатология. — М., 1997.

Тема 19

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ И ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Память — это способность к сохранению и воспроизведению опыта прошлого; одно из основных свойств нервной системы, которая выражается в способности весьма долго хранить информацию о событиях внешнего мира и делать ее достоянием сознания и поведения; форма психического отражения реальности, которая заключается в закреплении, сохранении и воспроизведении человеком, социальной общностью и человечеством своего опыта.

Люди минувших эпох живы для нас благодаря особого рода общественной практике — мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы мы его подменяли или сочиняли. Те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследие. Мы находимся во власти их заветов и в каждом новом поколении стоим перед задачей осмысленного отношения к заветам, которое одно только может уберечь от слепой покорности авторитету, с одной стороны, и от предательского беспамятства — с другой»¹.

Аристотель предложил весьма оригинальный подход к памяти. Он отметил, что память присуща и животному, и человеку. Однако воспоминание свойственно только человеку. Оно представляет собой как бы своеобразное отыскивание образов и есть только у тех, кто способен размышлять. Античный философ сформулировал правила успешного воспоминания, которые через много столетий подтвердила экспериментальная психология.

Ф. Бэкон (156—1626) делил искусство запоминания, или сохранения, на два учения: учение о вспомогательных средствах памяти и учение о самой памяти. По его мнению, основным вспомогательным средством памяти является письменность. Без такой помощи память не может справиться с материалом достаточно обширным и сложным. Ф. Бэкон отмечал, что исследование памяти ведется вяло

---

¹ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. — М., 1991. — С. 3—4.

и медленно. Правда, существует какое-то подобие искусства памяти, но вполне может, как он полагал, существовать и более совершенная теория укрепления и развития памяти, чем та, которую предлагает это искусство. Искусство памяти в изложении Ф. Бэкона опирается на два понятия: предварительное знание и эмблемы. Предварительным знанием Ф. Бэкон называл своего рода ограничение бесконечности исследования. Когда мы пытаемся вызвать в сознании что-то, не обладая при этом никаким представлением о том, что мы имеем, то такого рода поиски требуют огромного труда: ум не может найти правильного направления исследования, блуждая в бесконечном пространстве.

Много внимания феномену памяти уделяли представители английского эмпиризма. Дж. Локк (1632—1704) считал, что память — это своеобразная кладовая идей. По мнению И. Канта, память отличается от репродуктивного воображения тем, что она способна произвольно воспроизводить прежнее представление, что душа, следовательно, не становится просто игрой воображения. Фантазия, т.е. творческое воображение, не должна вмешиваться в это, ибо в таком случае память стала бы неверной. Способность быстро запоминать, легко вспоминать и долго помнить — таковы формальные достоинства памяти. Однако, как полагал И. Кант, эти свойства редко встречаются в совокупности. Когда кто-нибудь считает, что в его памяти что-то содержится, но не может довести это до сознания, то он говорит, что не может припомнить.

Ряд интересных мыслей о памяти содержится в трудах русского философа В.С. Соловьева. В частности, он писал:

«Вечная память, успокоение со святыми, всеобщее Воскресение жизни — вот чего желает, вот в чем помогает настоящее поколение отошедшему — для него и в том же самом ожидает от него помощи — для себя; взаимное отношение переходит в область абсолютного блага, перестает быть своекорыстным и становится чисто нравственным, понимается и осуществляется как совершенное «Добро».

З. Фрейд отметил зависимость феноменов памяти от личности человека. Он показал, что из памяти вытесняется все, что не согласуется с подсознательным влечением индивида. И напротив, память сохраняет все приятное и психологически комфортное. Парадоксальность состоит в том, что фрейдовская теория памяти на самом деле оказалась теорией забывания. З. Фрейд считал, что накопленный или по крайней мере значимый опыт индивида перестает быть доступным сознанию в результате вытеснения. Его механизм приводится в действие потребностью в уменьшении тревоги. Память, стало быть, выполняет биологическую и психологическую функцию. В первом случае она позволяет организмам реагировать на обстоятельства настоящего. В результате простые, естественные, инстинк-

тивные реакции заменяются более сложными, избирательными, благоприобретенными.

Современные психологические эксперименты не подтверждают полностью выводов З. Фрейда. Однако в опытах С. Грофа преодолевается амнезия младенчества и очень раннего детства, которая не уменьшалась при самом «глубинном» анализе.

Феномен памяти рассматривал и Э. Фромм. Он отмечал, что воспоминание может происходить либо по принципу обладания, либо по принципу бытия. Самым важным, что лежит в основе различия этих двух форм, является тип устанавливаемой связи. При воспоминании по принципу обладания такая связь может быть чисто механической, когда, например, связь между двумя последовательными словами определяется частотой их употребления в данном сочетании или же чисто логической как связь между противоположными или пересекающимися понятиями; основанием для установления связи могут быть временное и пространственные параметры, величина, цвет; связи могут устанавливаться также в рамках конкретной системы мышления.

Вспоминание по принципу бытия представляет собой активное воспроизведение слов, мыслей, зрительных образов, картин, музыки, т.е. конкретный факт, который нужно вспомнить, соединяется с множеством других, связанных с ним фактов. В этом случае устанавливаются не механические или чисто логические связи, а связи живые. Одно понятие связывается с другим в результате продуктивного акта мышления (или чувствования), которое мобилизуется при поиске нужного слова.

В книге «Иметь или быть?» Э. Фромм привел простой пример. Если слова «головная боль» ассоциируются у меня со словом «аспирин», то возникает логическая ассоциация. Если же это слово вызывает у меня такие ассоциации, как «стресс» или «гнев», то я связываю данный факт с его возможными причинами, к пониманию которых я пришел в ходе изучения самого явления. Последний тип воспоминания представляет собой акт продуктивного мышления. Наиболее впечатляющим примером этого типа живого воспоминания является предложенный З. Фрейдом метод свободных ассоциаций.

Люди, не очень склонные к сохранению информации, могут убедиться: для того, чтобы память хорошо работала, им необходимо испытать сильный и непосредственный интерес. Например, известны случаи, когда люди вспоминали слова давно забытого или иностранного языка, если это было им жизненно необходимо. Э. Фромм ссылается на собственный опыт. Не будучи наделен хорошей памятью, он тем не менее вспоминал содержание сна своего пациента, который анализировал две недели или даже пять лет назад, если Э. Фромму приходилось снова лицом к лицу встретиться с этим человеком и сосредоточиться на его личности. А ведь всего за пять

минут до этого, когда в том не было необходимости, он был абсолютно не в состоянии вспомнить содержание сна.

Вспоминание по принципу бытия предполагает оживление в памяти того, что человек видел или слышал ранее. Каждый может, согласно Э. Фромму, испытать, что такое продуктивное восстановление в памяти, если попытается представить себе какого-то человека, которого он когда-то видел, или какой-нибудь пейзаж. Ни то ни другое невозможно вспомнить сразу: необходимо воссоздать этот предмет, мысленно оживить его. Такое восстановление в памяти не всегда бывает легким. Ведь чтобы вспомнить того или иного человека или определенный пейзаж, мы должны были в свое время смотреть на него достаточно внимательно. Когда такое вспоминание совершается, человек, чье лицо мы вспоминаем, предстает перед нами настолько живым, а пейзаж — настолько отчетливым, словно они сейчас физически присутствуют перед нашим взором.

Типичным примером того, как происходит восстановление в памяти лица или пейзажа по принципу обладания, Э. Фромм считал манеру большинства людей рассматривать фотографии. Фотография служит им лишь вспомогательным средством для опознания человека или места, вызывая, как правило, такую реакцию: «Да, это он» или «Да, мне случалось бывать здесь». Таким образом, для большинства людей фотография становится своего рода отчужденной памятью.

Записи, по мнению Э. Фромма, представляют собой еще одну форму отчуждения памяти. Записывая то, что я хочу вспомнить, я приобретаю уверенность в том, что владею информацией, и потому не стараюсь удерживать ее в своей голове. Я уверен в своей собственности — ибо, только потеряв записи, я теряю также и память об этой информации. Я утрачиваю свою способность к запоминанию, ибо мой банк памяти превратился в отчужденную в виде записи часть меня самого.

Учитывая, какую массу сведений приходится держать в памяти людям, живущим в современном обществе, хранение некоторой части этой информации в виде записей, записей и книг неизбежно. Наблюдая за собой, можно легко убедиться в том, что при ведении всякого рода записей снижается способность к запоминанию. Э. Фромм приводил следующие примеры. Сегодня продавец лишь в редких случаях станет выполнять элементарное сложение двух-трех чисел в уме. Вместо этого он немедленно потянется к счетной машине.

Другой пример относился к учебной деятельности. Преподавателям хорошо известно, что те студенты, которые на лекции записывают каждое предложение, по всей вероятности, поймут и запомнят меньше, чем те, кто полагается на свою способность понять и, значит, запомнить хотя бы самое существенное.

Далее. Музыканты знают, что тем, кто очень легко читает ноты с листа, труднее запомнить музыкальный текст без партитуры. А. Тос-

канини (1867—1957), который, как известно, обладал феноменальной памятью, служит прекрасным примером музыканта, ориентированного на способ бытия.

Э. Фромм приводил и такой пример. Работая в Мексике, он заметил, что память людей неграмотных или редко прибегающих к письму намного превосходит память хорошо образованных жителей развитых стран. Помимо всего прочего, этот факт позволяет предположить, что грамотность отнюдь не является тем благом, которым ее представляют, особенно если люди используют ее только для того, чтобы поглощать информацию, обедняющую их воображение и способность к переживанию.

Можно назвать различные теории памяти: философская теория анамнезиса (воспоминания), истоки которой есть у Платона; психологическая теория, известная со времен Аристотеля; ассоциативная (от слова «ассоциация») концепция Нового времени; психологическая и психоаналитическая теория прошлого века.

Память — процесс запоминания, сохранения и последующего воспроизведения индивидом его опыта. В психологии предложены теории, объясняющие процесс памяти. Ассоциативная психология (Д. Юм, У. Джемс, Г. Спенсер) предложила принцип ассоциации для объяснения процессов запоминания и воспроизведения (выделяют ассоциации по смежности, по сходству, по контрасту). Смысловая теория памяти (А. Бине, К. Бюллер) на первый план вывела наличие или отсутствие смысловых связей, объединяющих запоминаемый материал в смысловые структуры. Исследованиями памяти занимались многие известные ученые: *Г. Эббингауз* (1850—1909), разработавший метод заучивания бессмысленных слогов, *Г.Э. Мюллер* (1850—1934), изучивший законы закрепления и воспроизведения следов памяти у человека. По характеру психической активности различают двигательную, эмоциональную, образную и словесно-логическую память. По характеру целей деятельности выделяют произвольную и произвольную память. По продолжительности закрепления и сохранения материала — кратковременную, долговременную и оперативную.

Двигательная память — это запоминание, сохранение и воспроизведение различных движений.

Эмоциональная память — это память на чувства.

Образная память — это память на представления, образы, картины природы; сюда же относят память на звуки, вкус и запах.

Словесно-логическая память — это запоминание и воспроизведение вербального материала.

Кратковременная память — это вид памяти, характеризующийся очень кратким сохранением воспринимаемой информации (от нескольких секунд до нескольких минут). Объем кратковременной памяти ограничен (7 ± 2 единицы).

Оперативная память — вид памяти, обслуживающей актуальную деятельность человека.

Долговременная память — вид памяти, в которой информация хранится длительное время. Соответственно определению выделяют следующие процессы памяти: запоминание, сохранение, воспроизведение и забывание.

Запоминание — процесс запечатления и последующего сохранения воспринятой информации. Выделяют по степени активности два вида запоминания: *непроизвольное* (непреднамеренное) и *произвольное* (преднамеренное). При произвольном запоминании человек ставит перед собой цель запомнить конкретную информацию и использует специальные мнемонические приемы для ее запоминания. По степени осмысленности также выделяют два вида запоминания: осмысленное и механическое. *Механическое* — это запоминание без осознания логической связи между различными частями воспринимаемого материала, а *осмысленное* — это запоминание, построенное на понимании внутренних логических связей между отдельными частями материала. Осмысленное запоминание более продуктивное, позволяет запомнить больший объем материала и на более долгий срок сохранить его в памяти.

Извлечение материала из памяти осуществляется с помощью двух процессов: воспроизведения и узнавания.

Воспроизведение — это процесс воссоздания информации, воспринятой нами ранее, но не воспринимаемой в данный момент. Воспроизведение также может быть *преднамеренным* и *непреднамеренным*. В первом случае человек ставит перед собой цель припомнить конкретную информацию, во втором случае информация воспроизводится в памяти неожиданно для субъекта.

Узнавание — это процесс, который происходит в момент восприятия объекта, представление о котором у человека было сформировано ранее. Процессы узнавания различаются по степени определенности: от случаев *неопределенного* узнавания до случаев *полного* узнавания.

Забывание — психический процесс, выражающийся в невозможности восстановить ранее воспринятую информацию. Физиологической основой забывания является корковое (угасательное) торможение. Наряду с нормальной памятью, известны случаи феноменальной памяти, а также расстройства памяти.

Амнезии — это нарушения памяти, выражающиеся в невозможности сохранять и воспроизводить ранее приобретенные знания. Физиологической основой памяти являются механизмы реверберации и консолидации нервных процессов.

Консолидация — процесс, приводящий к физическому закреплению энграммы в нейронах и синапсах.

Реверберация — механизм консолидации, основанный на многократном пробегании нервных импульсов по замкнутым цепям нейронов.

Один из виднейших физиологов XIX в. *Э. Геринг* (1834—1918) отстаивал теорию, согласно которой память должна рассматриваться как общая функция всей органической истории. Это не только феномен нашей сознательной жизни, память — явление, распространяющееся на всю сферу живой природы. Принимая и развивая эту теорию, *Р. Семон* (1859—1918) строит на ее основе новую общую схему психологии. Согласно Р. Семону, единственный научный подход к психологии — трактовка ее как «мнемической биологии». «Мнема» была определена немецким ученым как принцип сохранения и изменения всех органических случайностей.

Память и наследование — два аспекта одной и той же органической функции. Каждый стимул, действующий на организм, оставляет в нем «ропись» («энграмму»), определенный физиологический след. Все будущие реакции организма зависят от цепи этих «рописей», от взаимосвязанных их комплексов. Однако даже если мы примем общий тезис Геринга и Семона, мы будем еще весьма далеки от объяснения роли и значения памяти в нашем человеческом мире.

Антропологическое понятие мнемы, или памяти, — это нечто совсем иное. Трактую память как общую функцию всей органической материи, мы подразумеваем лишь, что организм сохраняет следы прежнего опыта, которые оказывают влияние на его последующие реакции. Однако для памяти в человеческом смысле недостаточно «скрытого остатка предшествующего воздействия стимула». Само по себе наличие, общая сумма этих остатков может исчерпать явление памяти. Память включает процесс узнавания и идентификации — мыслительный процесс большой сложности. Прежние впечатления должны не просто повторяться — они должны быть упорядочены и локализованы, а также соотнесены с различными моментами во времени. Такое размещение невозможно без понимания времени как общей схемы — упорядоченной последовательности, включающей в себя все отдельные события. Осознание времени обязательно предполагает понятие такой упорядоченной последовательности, соответствующей той другой схеме, которую мы называем пространством.

Память как простое воспроизведение ранее прошедших событий существует и в жизни высших животных. В какой степени они зависят от идеальных процессов, сравнимых с теми, которые мы находим у человека, — это трудная, порождающая много споров проблема. В своей книге *Р. Йеркс* (1876—1956) посвятил исследованию данной проблемы особую главу. Есть ли в действиях этих животных, писал он, имея в виду шимпанзе, нечто сходное с воспоминанием, припоминанием, узнаванием предыдущего опыта или же для них с глаз долой означает из головы вон? Могут ли они предвидеть,

ожидать, воображать — и на основе таких знаний готовиться к будущим событиям? Могут ли они решать проблемы и вообще приспосабливаться к ситуациям в окружающей среде с помощью символических операций, аналогичных нашим вербальным символам, так же, как посредством ассоциаций, функционирующих подобно знакам!

Йеркс склоняется к утвердительному ответу на эти вопросы. Однако даже если мы принимаем все эти свидетельства, основной вопрос остается нерешенным. Ибо речь здесь идет не столько о факте наличия идеальных процессов у человека и животных, сколько о форме этих процессов. Мы не можем описать человеческое воспоминание как простой возврат к событию, как слабый образ или копию прежних впечатлений. Это как не простое повторение, а скорее возрождение прошлого — оно включает творческий и конструктивный процесс. Недостаточно просто собрать разрозненные данные прошлого опыта: мы действительно должны пересобрать, организовать и синтезировать их, сфокусировать в мысли. Именно такого рода пересобирающее воспоминание и есть специфически человеческая форма памяти, отличающая ее от всех других явлений животной и органической жизни.

Конечно, в нашем обыденном опыте мы находим много форм воспоминаний или памяти, которые очевидно не соответствуют данному описанию. Многие, а возможно и большинство явлений памяти могут быть совершенно адекватно описаны на основе обычного подхода сенсуалистических школ, то есть объяснения простых механизмов «ассоциации идей». Многие психологи убеждены, что нет лучшего способа проверить память человека, чем узнать, как много слов и слогов, лишенных смысла, он в состоянии сохранить в памяти и повторить по пришествию некоторого времени.

Опыты, основанные на этой предпосылке, казалось, дали точное измерение человеческой памяти. Одним из важнейших вкладов французского философа *А. Бергсона* (1859—1941) в психологию можно считать отрицание им всех этих механических теорий памяти. Согласно его точке зрения, развитой им в книге «Материя и память», память — гораздо более глубокое и сложное явление. Она предполагает «интернализацию» и интенсификацию, она означает взаимопроникновение всех элементов нашей прошлой жизни. В работе *А. Бергсона* эта теория стала новым метафизическим исходным пунктом, краеугольным камнем его философии жизни.

Символическая память — процесс, с помощью которого человек не просто повторяет свой прошлый опыт, но и перестраивает его. Воображение становится необходимым элементом подлинного воспоминания. Потому-то *И.В. Гёте* (1749—1832) и назвал свою автобиографию «Поэзия и правда». Это не значит, что он включил в рассказ о своей жизни какие-то моменты воображения и вымысла. Он хотел открыть и описать истину своей жизни, но эта истина мог-

ла быть обретена только так, что отдельным разрозненным фактам жизни была придана поэтическая — т.е. символическая — форма. И другие поэты сходным образом описывали свое творчество. Быть поэтом, провозглашал *Г. Ибсен* (1828—1906), значит вершить суд над собой. Поэзия — одна из форм, в которой человек может вынести приговор себе и своей жизни. Это и самопознание, и самокритика — самокритика не в моральном смысле: это не признание или осуждение, а новое и более глубокое понимание, переосмысление личной жизни поэта.

Поэтическое творчество, однако, не единственная, и далее, возможно, не самая характерная форма символической памяти. Великим примером автобиографии была и остается «Исповедь» *Августина Блаженного* (354—430). Здесь уже другой тип самоисследования. Августин не рассказывает о событиях своей частной жизни, которые ему вряд ли важно было запоминать и фиксировать. Рассказанная Августинем драма — это религиозная драма человечества. Его собственное обращение — только повторение и отображение универсального религиозного процесса — человеческого грехопадения и спасения. Каждая строка в книге Августина имеет не только историческое, но и скрытое символическое значение. Августин не мог представить свою жизнь и рассказать о ней без символического языка христианской веры. Так он стал одновременно и великим религиозным мыслителем, и основателем новой психологии, нового метода самонаблюдения и самоанализа.

Воображение — это психический процесс, выражающийся в построении внутренних образов. Воображение является необходимым элементом творческой деятельности человека, поскольку воображение позволяет представить образы продуктов деятельности до того, как последняя будет завершена, а также создать программу действий в неопределенной проблемной ситуации. Воображение тесно связано с мышлением, также как и мышление, оно позволяет прогнозировать будущее. В отличие от мышления, опережающее отражение действительности, происходящее в процессе воображения, осуществляется в виде конкретных образов, а не обобщенных понятий. Если в процессе мышления формируются понятия, то в процессе воображения — внутренние образы.

Воображение — это представление, лишённое реального предмета, или необоснованное предположение; равным образом деятельность, порождающая такое представление или предположение. Воображение, как состояние или процесс в нервной системе человека, может оказывать на организм глубокое влияние — сделать человека больным («мнимый больной») или, наоборот, здоровым. С

точки зрения психологии акты воображения относятся к области преднаходимого. Воображение употребляется также в смысле переоценки и высокомерия — «воображающий о себе человек».

Во внутренних образах получают свое отражение как особенности визуализируемого объекта, так и некоторые психологические и личностные характеристики субъекта. Выделяют два основных вида воображения: пассивное и активное. *Пассивное* воображение подразделяется на преднамеренное и непреднамеренное, а *активное* воображение — на творческое и воссоздающее. Пассивное воображение не связано с активностью субъекта; при *непреднамеренном* воображении — оно представляет собой «поток» мысленных образов; *преднамеренное* воображение — это образы фантазии, преднамеренно вызванные, но не связанные с волей, направленной на воплощение их в жизнь.

Воображение, имеющее в своей основе создание образов, соответствующих описанию, называется *воссоздающим*. *Творческое* воображение предполагает самостоятельное создание новых образов, которые реализуются в оригинальных и ценных продуктах деятельности. Основная тенденция воображения — это отражение реальной действительности в новых, неожиданных, непривычных сочетаниях и связях. В процессе воображения происходит преобразование образов и создание новых образов на базе предшествующих. Существует несколько механизмов воображения. Механизм агглютинации — предполагает «склеивание» в новом образе различных в повседневной жизни не соединяемых качеств, свойств, частей (избушка на курьих ножках). Гиперболизация — предполагает увеличение или уменьшение существующих предметов (мальчик с пальчик), а также изменение количества частей предмета и их смещение (дракон с семью головами). Другие механизмы — заострения, подчеркивания определенных элементов образа, схематизации, типизации и др. Процессы воображения, как и другие психические процессы, являются функцией коры больших полушарий, так же они связаны с работой гипоталамо-лимбической (эмоциональной) системы. К формам воображения многие авторы относят мечты, грезы, фантазии в художественном и научном творчестве, гипнагогенные образы и образы сновидений. В психотерапии термин «активное воображение» рассматривается несколько в ином значении, как методика, позволяющая посредством работы с образной сферой получить информацию о собственных неосознаваемых психических процессах.

Воображение — это способность вызывать в сознании и произвольно комбинировать образы предметов и событий. На определенных этапах истории воображение считали важнейшей составной частью творческого процесса. Признание воображения как самостоятельной духовной способности осуществил Платон. Однако он сопроводил это понятие негативной характеристикой. По его мнению, воображение — источник ложных, иллюзорных образов. Поэтическое вообра-

жение возбуждает в нас страсти. Воображение не в состоянии породить образ подлинной красоты, который можно было бы получить из «припоминания» предыдущих состояний души. Платоновское недоверие к возможностям воображения оказало сильное влияние на его дальнейшую интерпретацию. Только в XVIII в. оно было по сути дела реабилитировано. Современное представление о воображении, вобравшее в себя трактовки психоанализа, феноменологии, учения об архетипах К. Юнга, демонстрируется работами *Г. Башляра* (1884—1962) и его последователей¹.

Воображение *активное* (в аналитической психологии) — методика работы с образной сферой человека, позволяющая получить доступ к своему собственному неосознаваемому психическому материалу. Методика в психотерапию введена К.Г. Юнгом. Похожую методику использовал *П.Д. Успенский* (1878—1947), именуя ее «состоянием полусна». Особенностью методики является сочетание элементов непреднамеренного воображения и активности субъекта, сохраняющего высокий уровень осознанности. Суть методики в наблюдении субъектом за течением собственных непреднамеренно вызываемых образов и анализ им возникающих при этом ощущений.

■ **Интуиция** (от *лат.* *intuitus* — взгляд, вид) — рассматривание, видение, созерцание, а также (с древних времен) духовное видение, нечто вроде вдохновения, постижения истины непосредственно, без участия сознания.

Кант описывает интуицию в «Критике научного разума» как «естественное и свободное соответствие силы воображения законам разума». Человеку следует стремиться к тому, чтобы иметь не только правильные мысли, но и соответствующие впечатления. Именно ощущение действительности и правильные представления о ней поставляют информацию для интуиции. Гёте узнал о понятии «*scientia intuitiva*» от Спинозы, и сам дал определение интуиции как «точной фантазии». Интуиция — это прямое переживание действительности, или, говоря словами, И.В. Гёте, «откровение, развивающееся изнутри человека». Интуиция близка состояниям (вдохновения, духовного видения, откровения), которые коренятся в бессознательном слое психики человека. Тот, кто точно осознает и ясно мыслит, имеет шанс на то, что обе эти способности объединятся и между ними, как между двумя электрическими полюсами, пробежит искра. Чтобы понять, что такое интуиция, и как она возникает на бессознательном уровне, важно знать, что ощущения, в противоположность оценивающим чувствам, — это объективно воспринимае-

---

¹ См.: *Махов А.Е.* Воображение // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — С. 142—143.

мые и, в принципе, измеряемые чувственные реакции. Ощущения возникают благодаря различным чувственным раздражителям. Различия раздражителей воспринимаются через сравнения. Например, крупнее — мельче, тяжелее — легче, светлее — темнее, быстрее — медленнее, больше — меньше, сложнее — проще и т.д. Предполагается, что каждую секунду нашими органами чувств воспринимается минимум 10 млн битов (80 процентов — визуально, как зрительное восприятие цветов и форм) информации. Из этого гигантского количества неосознаваемых ощущений лишь от 20 до 30 становятся осознаваемыми, то есть примерно одна трехсоттысячная.

Поскольку ощущения всегда воспринимаются в неосознаваемых сравнениях, они производят сравнительные суждения. Многочисленные повторения приводят к неосознаваемым переживаниям-гештальтам. (Согласно гештальтпсихологии, понятие «гештальт» всегда означает структуру, например — мелодии. Таким образом, гештальт — это нечто «не телесное» Большинство переживаний гештальтов остаются неосознаваемыми (например, психосоматические телесные ощущения), но лишь до тех пор, пока не становятся безжизненными. Неосознаваема большая часть шумов, например бой часов, в отличие от телефонного звонка. И напротив: быстро осознаваемым становится переживание — гештальт определенной мелодии, определенного впечатления от пейзажа, конкретного лица, фигуры или позы какого-то человека. Неосознаваемые ощущения образуют свой гештальт в соответствии с простой, с точки зрения структуры, но бесконечно дифференцированной системой психических отношений (константный — вариативный, директивный — рецептивный)

Чувства — это нечто совсем иное, по сравнению с чувственными ощущениями (симпатичный — несимпатичный, радостный — угрюмый, веселый — печальный и т.д.). Такие чувства являются личными оценками («Я нахожу ее симпатичной», «Это я нахожу неприятным», «Это ужасно»). Оценочные чувства всегда субъективны, поэтому они мешают объективным ощущениям и блокируют переживания-гештальты. Оценочные чувства тормозят способность к интуиции. Хотя каждый человек обладает необъятным архивом переживаний-гештальтов, этот архив остается недоступным как источник интуиции до тех пор, пока оценочные предвзятые чувства водят нас по ложному пути¹.

Не только чувства, оценивающие какой-то предмет или человека, но прежде всего неправильные (невротические) чувства себя блокируют доступ к переживаниям-гештальтам. Никто как будто не оспаривает сегодня тот непреложный факт, что интуиция — благо-

---

¹ См.: Люшер М. Какого цвета ваша жизнь. Закон гармонии в нас: Практическое руководство. — М., 2003. — С. 162.

словенный человеческий дар. Однако в традиционной теории познания она все еще выглядит вольноотпущенницей беспокойного рассудка.

Об интуиции вспоминают, когда всепроникающий ум достигает пределов усталости, когда обнаруживают себя неосознанно идущие мыслительные процессы. Тогда она и оказывается востребованной. Подспудная работа сознания начинает плодоносить, искра озарения венчает аналитическую работу интеллекта, демонстрируя неисчерпаемый потенциал размышлений. Так разум берет на вооружение тончайшие механизмы бессознательного творчества, внезапного просветления.

Приведем такой пример. Кибернетику (так называется наука о контроле и коммуникации в мире машин и животных) «изобрел» в 1948 г. физик *Н. Винер* (1894—1964) (греческое слово «*kybernetes*» — означает «рулевой» или «правитель»). Наука сложная, но импульсом к ее созданию явилось наблюдение за поплавком в сливном бачке. Когда бачок наполнен водой, поплавок свободно плавает на ее поверхности. Проявив немного изобретательности, вы могли бы использовать данную систему для контроля при закрывании кранов в ванной, когда вода достигает определенного уровня и вы, сидя в ванне, не беспокоитесь, что вода достигает определенного уровня, не тревожитесь, что вода перельется через край.

Конечно, в науке и в производстве процесс, который нужно контролировать, может оказаться во много раз сложнее, чем закрывание кранов в ванной. Это, может быть, скажем, какой-нибудь химический процесс, который развивается при соблюдении многих условий. В этом случае, чтобы контролировать все возможные ситуации, вы можете прибегнуть к использованию какой-нибудь компьютерной программы. Однако карты с несколькими пробитыми в ней дырками вполне достаточно, чтобы обеспечить осуществление компьютерных программ и заставить компьютер выполнять функции прораба, который наблюдает за тем, что работа была выполнена хорошо.

Известно, что большинство научных открытий совершается самым непредвиденным образом. Мышление действительно тесно связано с творческим порывом. Известно, что *А. Эйнштейн* (1879—1955) любил играть на скрипке, и за этим занятием он нередко пытался найти эмоциональный подъем для преодоления затруднений мысли. Не случайно говорят, что его теория относительности — плод гениальной интуиции. Немецкий химик *А. Кекуле* (1829—1896) не находил себе покоя, разгадывая формулу молекулы бензола. В ней явно не хватало атомов водорода, чтобы компенсировать валентность шести атомов углерода, расположенных по прямой линии (так изображались тогда формулы органических соединений). Он заснул. «Атомы извивались у меня перед глазами... извивались как

змеи... Одна из змей схватила собственный хвост, и этот образ стал неотступно вертеться в моей голове... Как будто от вспышки света я проснулся: весь остаток ночи я работал над следствиями, вытекающими из этой гипотезы. Вот так Кекуле пришла идея представить формулу бензола в виде кольца, что положило начало химии красителей и фармацевтических соединений.

Р. де Беккер приводит множество примеров творческих снов. *Н. Бор* (1885—1962) «увидел» свою знаменитую модель атома в сновидениях о планетах, вращающихся вокруг Солнца. «Божественная комедия» Данте, вторая часть «Фауста» Гёте были навеяны снами. Под влиянием снов творили Моцарт, Вагнер, Л. Толстой, По, Сен-Санс, Ван Гог, Гейне, Вольтер, Лафонтен.

Австрийский физиолог *О. Леви* (1873—1961) получил Нобелевскую премию за открытие, которое было результатом двойного сна. Он бился над загадкой механизма, с помощью которого нервная система регулирует сердечные сокращения. Ему приснилось, что он открыл принцип воздействия химических веществ на нервную систему. Ученый очнулся, сделал некоторые записи и опять уснул. На следующую ночь он спал тревожно, но в середине ночи ему снится тот же сон. На этот раз ученый не стал полагаться на записи, а встал и напрямик отправился в лабораторию, чтобы начать эксперимент.

Порой теоретическая догадка оказывается столь индивидуальной, внезапной, точно рождается бессмертное художественное произведение. Выходит, великие творения науки и искусства в чем-то сходны? Однако, согласно современным взглядам, между ними остается существенное различие. Научное, творчество выстраивается по непреложной логике собственного развития. Открытие, подготовленное теоретическим прогрессом, по существу ждет своего автора. Не родился бы, скажем, *И. Ньютон* (1643—1727), разве его законы вошли бы в современную физику? Разумеется, они родились бы, но были бы сопряжены с другими именами.

А вот если бы не было *В.А. Моцарта* (1756—1791), разве другие композиторы создали бы что-нибудь подобное его опере «Дон Жуан»? Конечно, нет. Они сотворили бы совсем иной художественный мир. Гениальный математик *Э. Галуа* (1811—1832), которого преступно убил на дуэли профессиональный военный, в ночь перед поединком собрал все свое мужество и подготовил записку для Парижской Академии наук. Он набросал основы теории групп, которая стала одним из важнейших событий в истории математики.

Сравним этот случай с поступком австрийского композитора *Ф. Шуберта* (1797—1828). Измученный бессонницей и головными болями, которые преследовали его почти три года, заболев брюшным тифом и предчувствуя скорую смерть, *Ф. Шуберт* присел за письменный стол и как обычно без фортепиано написал «Струнный концерт до мажор». Трагическая дуэль отняла у *Э. Галуа* его

открытия, но она не сумела обокрасть математическую науку. Многие ученые пришли к тем же результатам. Но кто бы мог другой написать Вторую симфонию Ф. Шуберта или вторую часть квинтета, которая считается вершиной мировой симфонической музыки?..

Разумеется, воображение одинаково значимо как для ученого, так и для художника. В науке, как и в творчестве, возможны взлеты вдохновения. Напомним о «Болдинской осени» А.С. Пушкина или об «Оверовской весне» *В. Ван Гога* (1853—1890). Художник за короткий срок создал 90 полотен, т.е. в среднем по полотну в день. Сюжет не имел здесь окончательного значения. Мастер рисовал все, что видел: поле, людей, деревенские дома. Художник как будто судорожно выжимал краску из тюбика сразу на полотно, в лихорадочном порыве писал все быстрее до рокового выстрела в него из пистолета...

Что же происходит в акте творческого озарения? Одни исследователи (и таких большинство) говорят о роли интуитивных эмоций. Другие отдают приоритет строгой мысли. Кто-то относит это к фантазии и выдумке, а кто-то, напротив, прокламирует только устремление к истине... Некоторые настаивают на свободе самовыражения, на самоотрешенности и творческих муках. Иные же, наоборот, предостерегают от стихийных усилий и толкуют об интеллектуальной самодисциплине.

Итак, никому не приходит в голову принижать достоинство интуиции. Ей воздают должное, но только в определенных пределах, когда она выверена разумом. Однако интуиция вовсе не является «выхлопным клапаном» для познающего ума. Она служит вполне самостоятельным и самостоятельным средством мировосприятия. Интуитивное познание сродни мистическому опыту. В то же время мистика невозможна без интуитивности. Она приоткрывает некую реальность, которая предстает в своей целостности и разъемности. Интуиция кажется фрагментарной только по отношению к логической конструкции. На самом деле она всеохватна и всепроникающа. Вот почему в наивном дофилософском сознании есть здоровый реализм, универсальное чувство бытия, которое в известной мере было рассечено и умерщвлено развитием рассудочного знания.

Интуиция — базисный природный дар человека. Фантазируя, предвосхищая события, он как бы реализует собственную природу. Именно так трактовал данную проблему известный немецкий философский антрополог *А. Гелен* (1904—1976). Для человека, по его мнению, важен не только наличный жизненный опыт, но и возможный опыт, который он приобретает благодаря собственной фантазии. Поэтому А. Гелен рассматривал человека как фантазирующее существо, способное войти в реальность через интуицию.

Именно современные мыслители, психоаналитики, осмысливая последствия того факта, что человеческое мышление не поддается

моделированию, пытаются понять, не потускнел ли присущий нам дар воображения? Куда делись фантазеры, создатели воздушных замков? Почему наша повседневность утратила поэтическое измерение? Даже наши сны стали будничными, тревожными. А помнится, Сократу приснился лебедь, опустившийся на его грудь... В философии XX в. огромную роль интуиции признают многие философские направления (интуитивизм, феноменология, философская антропология), но особенно психоанализ. В аналитической психологии интуиция — одна из четырех психических функций в юнгианской типологии. Это иррациональная функция, помогающая нам увидеть возможности, скрытые в настоящем. В отличие от ощущения (sensation — функции, связанной с восприятием существующей реальности опосредованно через органы чувств), через интуицию реальность воспринимается бессознательно, т.е. через проблески инсайтов неизвестного происхождения.

Интуиция предполагает наличие внимания и открытости. Чтобы быть способным на это, человек должен быть необремененным и уверенным в себе. Но каким образом творческий человек, художник, политик, менеджер, домохозяйка или мать могут быть открытыми и уверенными в себе? Несмотря на любые задачи, которые человек должен выполнять, он останется необремененным до тех пор, пока будет испытывать чувство внутренней свободы и удовлетворения. Несмотря на всю неопределенность в окружающем мире, человек будет чувствовать себя гармонично, если он сможет обрести уверенность в себе и самоуважение. Интуицию, по мнению *М. Люшера* (род.1923), можно развить, если человек учится полностью отдавать себя творческой задаче и исключает переоценки себя (самовосхищение, высокомерие и т.д.) и недооценки себя (сомнение в себе, чувство неполноценности и т.д.) Интуиция блокируется неправильными чувствами себя.

Существуют различные виды интуиции. У шахматного мастера совсем другая интуиция, чем у композитора, интуиция менеджера отличается от интуиции изобретателя. Каждый обладает индивидуальным архивом неосознанного опыта, а мышление каждого включает в себя разнообразные представления-гештальты. Человек, мыслящий понятиями, может обладать теоретическими интуициями. Если представления-гештальты интуитивно соединяются в целостную систему соотнесенных понятий, возникает теоретическое познание. Это как озарение, которое нашло на Ф. Кекуле в состоянии усталости, близком к трансу, а в результате была предложена цикличная формула бензола. Это закон гравитации, мгновенно открытый Ньютоном.

Тот, кто при выполнении какой-то деятельности мыслит образами, обладает практической интуицией. Технические изобретения — от молотка до компьютера, возникли из желания упростить выполнение какой-то деятельности или происходящих процессов, из стремления сделать деятельность или процесс более эффективными. Так

как подобные новшества приносят прибыль, то внедряются специальные методы содействия интуитивным «озарениям»: от «мозговых атак» до синектики. Целенаправленное пробуждение интуитивных озарений особенно развито в области техники и маркетинга.

Тот, кто мыслит, глубоко сопереживая и принимая какие-то чувства, у того обычно возникает психологическая интуиция. Знание людей, оценка и понимание других предполагает дифференцированное понимание себя самого. Благодаря богатому беспристрастному собственному опыту мы интуитивно ощущаем другого человека. Рациональное знание людей не дает такой возможности. Тесты — это либо интуитивные мосты к пониманию, либо вспомогательные средства для эмпирических сравнений.

Кто способен к мышлению, основанному на воображении, кто может выразить свои фантазии художественными или музыкальными средствами, тот обладает художественной интуицией. Человек, создающий художественный образ, будь то художник, композитор, архитектор или писатель, черпает материал для своих произведений из богатства собственных переживаний-гешталтов. Они находятся в распоряжении творческой личности, если человек намеренно, с постоянной настойчивостью поддерживает в себе установку на поиск. Кто живет в непрерывном творческом процессе, может согласиться с Пикассо: «Я не ищу, я нахожу». Одно известного скульптора спросили, где он взял такое гениальное произведение? — «Я нашел его в камне», — ответил скульптор. «Но как вы догадались, что оно там спрятано?» У писателя, к примеру, художественная и психологическая интуиция могут соединиться с теоретической интуицией. Менеджер может обладать практической и психологической интуицией, в зависимости от того, составляет ли он план маркетинговых исследований, или же ему нужны идеи для решения проблем, связанных с социальным климатом на предприятии, или решением кадровых вопросов.

Литература

- .....
- Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. — М., 1998.
- Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики. — М., 1947.
- Махов А.Е.* Воображение // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — С. 142—146.
- Оганесян Н.Р.* Психолого-педагогические проблемы мышления и воображения. — М., 1997.
- Психология памяти: Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова.* — М., 2000

Тема 20

ВНУТРЕННИЙ МИР ЛИЧНОСТИ

Внутренний мир личности может быть описан через различные ключевые слова.

Темперамент — это характеристика индивида, его динамических особенностей: интенсивности, скорости, темпа, ритма психических процессов. Темперамент характеризует личность со стороны ее активности и эмоциональности. *Активность* обнаруживается в энергичности (медлительности), стремительности (инертности), быстроты (инфантильности), а *эмоциональность* в особенностях проявления чувств, настроений, желаний. Темперамент — это аспект человеческого характера, склонность к специфическим реакциям и настроениям. Принято считать, что темперамент человека в значительной мере имеет генетическую природу, что новорожденные младенцы от нескольких матерей по-разному реагируют на одинаковые стимулы.

Темперамент — это совокупность особенностей личности, индивидуальных особенностей личности, определяемых способом, силой, ритмом, скоростью и характером протекания психических процессов и состояний.

Известно, что с древних времен делались неоднократные попытки свести многочисленные различия между человеческими индивидуальностями к определенным категориям. Производились попытки сломать очевидное единообразие человечества заострением характеристик определенных типических различий.

Сохраняет свое значение классификация, предложенная *К. Галеном* (ок. 130 — ок. 200), древнегреческим врачом, жившим во втором веке нашей эры. Он выделял четыре основных темперамента: сангвиник, флегматик, холерик и меланхолик. Идея, лежащая в основе такого деления, восходит к V в. до н.э., к учению *Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н.э.) о том, что человеческое тело состоит из четырех элементов: воздуха, воды, огня и земли. Несомненно, именно Галену принадлежит заслуга в создании психологической

классификации людей, просуществовавшей уже два тысячелетия, классификации, основанной на воспринимаемых различиях эмоциональности или аффективности. Интересно, что первая попытка типологизации была связана с эмоциональным поведением человека, очевидно, потому, что аффективность — общая и наиболее впечатляющая черта поведения вообще.

Аффект — всякое эмоционально окрашенное состояние, приятное или неприятное, смутное или отчетливое, которое проявляется в общей душевной тональности или в сильной энергетической рядке.

По З. Фрейду, всякое влечение находит свое выражение на двух уровнях: на уровне аффекта и на уровне представления, т.е. конкретного содержания мыслительного акта. Аффект — это качественное выражение количества энергии влечения и ее разновидностей (влечение к агрессии, к овладению, к разрушению, к жизни, к смерти, к самосохранению, сексуальное влечение и т.д.): чем больше энергии, тем сильнее аффект.

Понятие «аффект» приобрело большое значение уже в первых работах З. Фрейда о психотерапии истерии и о терапевтическом значении отреагирования, т.е. аффективной разрядки. Источником истерического симптома З. Фрейд считал событие, которое нанесло человеку травму, не разрешившуюся адекватной разрядкой (зажатый аффект). Способ лечения состоит в том, чтобы вызвать воспоминание, сопровождающееся новым переживанием такого аффекта, что ведет наконец к разрядке (отреагированию).

Изучая истерию, З. Фрейд заключил, что аффект не обязательно связан с представлением; они могут существовать отдельно друг от друга, т.е. аффект без представления и представление без аффекта. Истерия возникает тогда, когда в процессе вытеснения представление и аффект отделяются друг от друга. З. Фрейд выделил три способа и соответственно механизма преобразования аффекта в истерию:

- 1) обращение аффекта (конверсионная истерия);
- 2) смещение аффекта на представления, более или менее далекие от первичного конфликта (навязчивые состояния);
- 3) преобразование аффекта (невроз страха, меланхолия, по структуре сходные с конверсионной истерией, с той только разницей, что в данном случае аффект не подвергается конверсии, а преобразуется непосредственно в страх).

Термин «аффект» используется в двух смыслах. Нередко аффектом называют эмоциональные отзвуки сильного переживания, но чаще понятие аффекта предполагает количественные параметры, что указывает на относительную самостоятельность этого понятия во всех его многообразных проявлениях. В этом смысле аффект

рассматривается как субъективное выражение определенного количества энергии влечений. З. Фрейд иногда пользовался даже словосочетанием «квант аффекта», подчеркивая тем самым его количественный характер: квант аффекта — «...это влечение, отделенное от представления; различные количества энергии находят свое выражение в процессах, ощущаемых нами как аффекты».

Как соотносится «аффект» с категориями «сознательное» и «бессознательное»? Можно ли говорить о бессознательном аффекте? З. Фрейд не видел сходства между так называемым бессознательным аффектом (например, бессознательным чувством вины) и бессознательными представлениями. По его мнению, бессознательное представление и бессознательное чувство существенно различны, и их различие он пояснял так: «Вытесненное бессознательное представление остается в системе бессознательного как вполне реальное образование, тогда как на месте бессознательного аффекта мы видим лишь неразвившуюся возможность».

Размышляя о том, что же, собственно, представляет собой аффект, З. Фрейд заключил, что это «повторения раннего и, быть может, даже доиндивидуального, жизненно важного опыта», которые можно сопоставить с «всеобщими, типичными, врожденными истерическими припадками...».

К.Г. Юнг рассматривал реакцию, отягощенную аффектом, как ключ к обнаружению комплекса, т.е. «психического фрагмента», «отколовшегося» от психики человека вследствие травмирующих воздействий (этот комплекс препятствует осуществлению преднамеренных, волевых действий и нарушает деятельность сознания). По мысли К.Г. Юнга, аффект, вспыхивая помимо воли человека, показывает «величину» раны, нанесенной его психике. В своих экспериментах с тестом словесных ассоциаций он исходил из той посылки, что аффект возникает в момент ослабления адаптационных возможностей психики человека, обнаруживая тем самым причину этого ослабления.

Однако аффекты ни в коем случае не являются единственным различительным знаком человеческой психики. Характерологические данные могут основываться и на других психологических феноменах. В предшествующие века, когда понятие «психология» в том виде, в каком мы ее понимаем сегодня, отсутствовало, все остальные психические функции, кроме аффектов, были неизвестны. Аффекты можно увидеть на поверхности. «С этой целью первобытный, далекий от психологии человек, относящийся к своим и чужим аффектам, как к единственному существенному критерию, должен развивать проблематическое состояние сознания, в котором ценными признают и другие факторы кроме аффектов»¹.

---

¹ Юнг К.Г. Психологические типы. — М., 1995. — С. 610.

Типы темперамента в психологии соответствуют типам нервной системы.

Сангвиник: быстро возникают и сильно проявляются ощущения, образы, эмоции, но внутренне бывают недостаточно глубокими и продолжительными. У него веселый нрав. Он оптимист и шутник, полон надежд, быстро воспламеняется и столь же быстро остывает, хороший собеседник, контактный, но работа его быстро утомляет.

Меланхолик: внешние проявления эмоций бывают менее яркими, но более глубокими и длительными; у него мрачные настроения, сложная и напряженная внутренняя жизнь, повышенная тревожность, мнительность, ранимая душа, хорошо контролирует свое поведение и речь.

Холерик: вспыльчивый, горячий, порывистый, активный, энергичный, резкий, стремительный, ему присущи резкие перепады настроений, срывы и стрессы в поведении, бывает агрессивным. Малая чувствительность, пластичность, инертность; скорее экстраверт, затруднения в переключении внимания, устойчивость в стремлениях и интересах.

Флегматик: низкий уровень активности, медлительность, трудно приспосабливается к новому, спокойствие и невозмутимость в затруднениях, постоянство чувств и настроений. Низкая чувствительность и эмоциональность. Энергичен и работоспособен. Отличается терпеливостью, выдержкой, самообладанием. Интроверт, трудно сходится с людьми. При рассмотрении темпераментов речь идет о структуре свойств всей личности.

Воля — способность человека самостоятельно обуславливать и регулировать собственные поступки, преодолевая при этом внешние и внутренние препятствия. Понятие воли было изначально введено для объяснения побуждения таких действий, которые рождаются по личным решениям человека, но не отвечают его желаниям. Затем оно стало использоваться для объяснения свободного выбора человека, когда возникает конфликт между его желаниями. В этом значении понятие воли соотносится с личностью, которая обладает склонностью к выбору, к борьбе мотивов. Воля сознательна, в ней выражаются такие качества человека, как настойчивость, решительность, выдержка, смелость. В русском языке понятие «воля» иногда ассоциируется с такими феноменами, как вседозволенность, свобода.

А. Шопенгауэр придал понятию воля более широкое значение. Воля не зависит ни от каких установлений: она неизменна, тождественна самой себе, свободна в своих проявлениях, сама утверждает или отрицает себя. Человек — прежде всего существо волящее, а

потом уже познающее, мыслящее. Такое воззрение, по мнению Шопенгауэра, творит особую нравственность, которая порождает героев и святых. Понятие воли в рассуждениях А. Шопенгауэра возникает не в житейском смысле. Воля трактуется не в психологическом, а в бытийственном смысле. Немецкий философ утверждал, что в основе всего, что нас окружает, лежит беспредельное и вездусущее начало — Воля. Такого понимания воли в прежней философии не было. Предполагалось, что косная природа не обладает никакой волей, поскольку она немыслящая материя, а побуждения, порыв — это исключительные свойства сознательной личности.

У Шопенгауэра, напротив, и растения и минералы одушевлены волей. Магнитная стрелка неизменно направляется к северу. Тело падает всегда вертикально. Тепло и холод влияют на состояние вещества. В растительном царстве воля воплощает стремление, желание, бессознательное вожделение. Верхушка дерева тянется к свету, стремится постоянно расти только вертикально. Корень вожделеет влаги. Семя, брошенное в землю, пустит стебель вверх, цветок — сквозь асфальт. Все это, по мнению Шопенгауэра, проявления воли. И фиксирует это волевое начало язык. Люди говорят: вода кипит, огонь горит. По мысли А. Шопенгауэра, это вовсе не образы, а реальные побуждения, возникающие в сфере стихий, минералов, предметов.

Но много ли можно сказать о воле, если наблюдать, скажем, за скалой? Что ни говори, а в человеке она обнаруживается с большей неповторимостью и конкретностью. Именно воля определяет сознание человека, а не наоборот. Более того, если задуматься над человеческой природой, над тем, что есть сущность человека, то, пожалуй, можно назвать волю. Она, как ничто иное, предельно раскрывает существо человека.

Действенность волевых импульсов, осуществляемых на внесознательном уровне, бывает либо внутренней (таков случай возникающих в памяти четко очерченных образов, либо внешней (связанной с двигательной функцией). Психология предоставляет в наше распоряжение лишь небольшое число фундаментальных понятий, связанных с волевыми и инстинктивными переживаниями. Исходя из общей феноменологической картины этих переживаний, можно наглядно представить их в форме восходящего ряда, внутри которого могут возникать разрывы, обуславливаемые появлением качественно новых элементов. В итоге мы различаем:

- а) переживание первичного, лишённого содержания, не имеющее определенной направленности влечения;
- б) переживание естественного инстинктивного поведения, бессознательно направленного к некоторой цели; переживание волевого акта, имеющего осознанную цель и сопровождаемого осознанным представлением о средствах и последствиях достижения этой цели.

Влечения, инстинктивные побуждения, целенаправленные представления суть мотивы, определяющие поведение человека; как таковые они находятся в непрерывной борьбе. Данным мотивам, представляющим собой, так сказать, исходный материал, противопоставлено решение, возникающее как результат взвешивания «за» и «против», колебаний и конфликта. Это личностное «я хочу» или «я не хочу». Это осознание своей воли представляет собой не поддающийся редукции феномен — наряду с переживанием инстинктивного побуждения и переживанием раздвоенности или противопоставления.

О воле или волевых актах можно говорить только при наличии переживания, связанного с выбором и решением. Когда такого переживания нет и инстинктивное побуждение вступает в действие, не будучи сдерживаемо волевым актом, можно говорить об инстинктивном поведении. Если при этом в основе поведения лежит возможный волевой импульс, мы испытываем ощущение, будто нами «управляют» или нас «заставляют» что-то делать. Если же такой основы нет, за себя говорит чисто биологическая необходимость, не имеющая никакого отношения к воле.

Помимо феноменов влечения, инстинктивного побуждения, борьбы и волевого импульса существует осознание инстинкта и воли, действующих через разрядку двигательной энергии или через психические следствия. Эти следствия затем переживаются как обусловленные волей или вызванные особого рода импульсом, т.е. исходящие от меня, принадлежащие мне и отличные от других спонтанных феноменов, таких, как сокращение мышц. Благодаря особому рода внутренним проявлениям воли внимание произвольно или произвольно направляется на определенное содержание, которое в результате становится более ясным и осмысленным.

Обладатель аномально возбудимого темперамента (холерик) реагирует быстро и оживленно на любое воздействие. Он мгновенно «воспламеняется», но его возбуждение столь же быстро угасает. Он ведет беспокойную жизнь, любит крайности. Возникает картина избыточно жизнерадостной или возбудимой, склонной к спешке, беспокойной, устремленной к крайностям души. Противоположный полюс представлен флегматическим темпераментом, обладателя которого ничто не способно вывести из состояния умиротворенного покоя. Его реакции либо вообще никак не проявляются, либо бывают очень медленными и обладают длительным последствием.

Аномально веселый человек (эйфорик) излучает безграничное счастье. Он высказывает безгранично легкомысленное отношение ко всему, что с ним происходит, он всем доволен и ни в чем не сомневается. Счастливое настроение сопровождается явной возбужденностью, в том числе двигательной. С другой стороны, человек с аномальной склонностью к депрессии относится ко всему весьма болезненно, его настроение всегда мрачно, он во всем видит толь-

ко худшее и всячески стремится не выходить из состояния покоя и неподвижности.

Предрасположенности, связанные с типом проявления волевых импульсов. Фундаментальные волевые проявления у различных людей варьируют в широких пределах вне зависимости от содержания. Слабовольным любое волевое усилие дается с большими трудностями. Такие люди стремятся пустить все на самотек. Безвольные, то есть те, кто вообще лишен какой бы то ни было силы воли, просто-напросто отражают, как эхо, любое оказываемое на них воздействие. Они не способны к сопротивлению и послушно, не заботясь о собственной выгоде или пользе, следуют за складывающимися обстоятельствами или за другими людьми.

Они могут выказывать мгновенные вспышки энергии, но никогда не концентрируются на чем-то определенном надолго (за возможным исключением случаев, когда застой в окружающей среде принуждает их к этому). Они послушны каждому новому импульсу, исходящему из беспрерывно изменяющегося их самих мира. Они меняют свою окраску вместе со средой. Далее, волевые качества вносят необычайную интенсивность и исключительное упорство во все свои действия. Их деятельность развивается, сметая все преграды, отодвигая все остальное в сторону. Кажется, что они не могут позвать другому руку, не сломав ее, не могут взяться за какую-нибудь задачу и не решить ее.

Исследованиям воли и волевых качеств личности в отечественной психологии специально посвящен цикл работ под руководством *В.И. Селиванова* (1906—1996). Основная проблема, связанная с теоретическим определением воли, заключается в альтернативе, связать ли волю с организованностью, целостностью, направленностью поведения человека или с преодолением трудностей, препятствий, противоречий. Одни авторы считают, что воля связана, прежде всего, с преодолением внутренних противоречий, с борьбой мотивов, которая разрешается волевым выбором, или, напротив, с разрешением внешних противоречий и трудностей. Общее признание, что воля является чертой характера волевой личности, но в последнее десятилетие исследование проблемы воли оказалось направлено на волевые проявления личности в деятельности, в частности, на способности удержать целостный контур деятельности, провести в деятельности последовательную стратегическую линию.

..... *Эмоция* — важнейшая составная часть психики животных и человека. Природные эмоции оказываются врожденными, а высшие эмоции человека формируются в процессе воспитания. Эмоции — это переживание ситуаций в их отношении к потребностям. При успешном удовлетворении потребностей возникают положительные эмоции, а при неудачах — отрицательные. К природным эмо-

циям относятся: радость, возбуждение, любопытство, ожидание, надежда, интерес, удивление, горе, страдание, депрессия, гнев, агрессия. Эмоции выступают в роли регуляторов общения и деятельности. Они выражаются в жестах, мимике, позе, интонации и другими способами, общепринятыми в культуре народа.

Эмоции, как и другие психические процессы, состояния и качества, оказываются многоаспектными феноменами. Поэтому их можно классифицировать по различным основаниям: генезису, силе проявления, этапам развития, видам потребностей. Высшие эмоции человека — социальные чувства — классифицируются на нравственные, интеллектуальные, практические, эстетические. Они обусловлены социальными отношениями и изменяются по мере развития общества.

Чувства — внутренние состояния человека, его эмоциональные переживания (радость, печаль, взволнованность, отвращение и др.)

О том, что чувства — неотъемлемое свойство человека, знали еще в древности. Китайский поэт Юань Цуй (343—289 до н.э.) писал:

Я чувства сдерживаю и скрываю,
Но разве должен я скрывать обиду?
Ты можешь обтесать бревно, как хочешь,
Но свойства дерева в нем сохраняются.

В отличие от эмоций и аффектов, которые рождаются в конкретный миг и могут быстро угаснуть, чувства гораздо более стойки и мотивированны. Они способны порождать великие страсти. «Из этих двух чувств, то есть сознания своей силы и сознания своего ничтожества, рождаются самые великие страсти: сознание своего ничтожества побуждает нас вырваться за рамки собственной личности, а чувство своей силы поощряет в этом и одобряет надеждой» (Л. де Вовенгарт).

Слово «чувство» в истории психологии осмысливалось в основном в рамках изучения страстей души. Начиная с XVIII в. оно становится специальным философским и психологическим понятием.

Известно, что в своих чувствах человек может ошибаться, ведь, как писал Ф. Бэкон, «чувство само по себе слабо и заблуждается...». Не случайно еще некоторые античные философы считали, что чувства могут быть истинными и ложными, и в зависимости от того, на какие чувства мы опираемся в познании, у нас формируются истинные или ложные представления о мире. Если чувства будут не истинны, — считал римский поэт и просветитель *Лукреций Кар* (I в. до н.э.), — то весь наш разум окажется ложным».

Мысль о том, что чувственное познание есть первая ступень процесса человеческого познания и что чувства служат нам определенным ориентиром в этом процессе, высказывали многие авторы. В частности, *М. Монтень* (1533—1592) писал: «Всякое познание пролагает себе путь в нас через наши чувства. Чувства — наши господа. Знание начинается с ними и ими же завершаются». *Дж. Бруно* (1548—1600) так изобразил процесс познания: «Чувство поднимается к воображению, воображение к разуму, разум — к интеллекту, интеллект — к мысли». Чувства отвечают на вопрос: «что?». (Т. Гоббс). Фактически о том же, но в более афористической форме, писал испанский мыслитель *Б. Грасиан* (1601—1658): «В двадцать лет царит чувство, в тридцать — талант, в сорок — разум».

Смысл познания М. Хайдеггер видел в упорядочении чувств, в отыскании реальной связи между ними. Сделать это сами чувства не могут, здесь требуется работа разума. «Однако ведь в аффекции через наши чувства нам всегда было дано многообразие представлений. Чтобы предлагаемая нами «мешанина», текучка этого многообразия установилась и чтобы таким образом предмет смог предстать, многообразие должно быть упорядоченным, то есть связанным. Связь между тем никогда не может исходить от чувств»¹.

В отличие от тех, кто решительно отрицает или хотя бы сомневается в истинности человеческих чувств, И. Кант утверждал: «Чувства не запутывают... Чувства не господствуют над рассудком... Чувства не обманывают...»

По мысли В.С. Соловьева, «отдельное, чисто субъективное чувство, отдельная мысль или фантазия без всякого общего необходимого предмета, наконец, непосредственная животная похоть, очевидно, не могут служить образующими факторами общечеловеческой жизни, как таковой; значение положительных начал для этой жизни может иметь только такое чувство, которое стремится закрепить свое непосредственное состояние объективным его выражением»².

Способность чувствовать, переживать свойственна не только индивиду, но даже целой культуре, цивилизации, которые, подобно человеку, могут переживать недостаток или, наоборот, избыток чувств. К. Поппер писал по этому поводу: «Это хорошо видно из того, каким образом я использую такое понятие, как «напряжение цивилизации», в котором частично выражается неудовлетворенная эмоциональная потребность. Это понятие связано с определенным чувством беспокойства и, следовательно, является психологическим. В то же время она представляет собой и социологическое понятие, поскольку характеризует это чувство не только как неприят-

---

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993. — С. 368.

² Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. — М., 1988. — Т. 2. — С. 146.

ное или выбивающее из колеи и т.п., но также связывает его с определенной ситуацией в обществе»¹.

Понятие «чувство» имеет особый смысл в юнгианской психологии. Это одна из четырех психологических функций (наряду с ощущением, мышлением, интуицией), которая информирует человека о ценности той или иной вещи. Это рациональная функция, с помощью которой человек оценивает отношения и ситуации.

Чувство следует отличать от эмоций, возникающих при наличии возбужденного комплекса. Создав концепцию чувства и определив ее как функцию сознания, Юнг внес главный вклад в теорию чувств.

Чувство нередко путают с ощущением. Изначально боль и наслаждение — ощущения (чувство комфорта, чувство зуда, чувства изнеможения). Однако боль, кроме чистого ощущения, имеет дополнительную размерность чувства, поскольку она связана с неудовольствием.

Во-первых, возникает сближение чувства с ощущением. Мы часто используем выражение «Я чувствую», когда имеем в виду «Я ощущаю». Например, чувство холода, хорошее самочувствие, чувство удовольствия от прикосновения к гладкой поверхности ткани — первичны все эти ощущения.

Во-вторых, чувства часто путают с интуитивной оценкой. Чувство уверенности, правоты, как и чувство гнилости или сомнительности чего-то, оказываются обнаружениями интуиции. Обычно мы предпочитаем говорить «Я чувствую», а не «Я вижу», или «Я нахожу», или «Мне кажется», хотя эти выражения гораздо больше соответствуют интуитивным утверждениям. Высказывания «Он хорошо чувствует живопись» или «Он может почувствовать подноготную человека» скорее характеризуют не чувства, а интуицию.

В-третьих, чувство часто не отличают от эмоции, эффекта или страсти (чувство гнева, волнения, влюбленности, грусти).

Эмоции — очень важные состояния: они одновременно разрушают и создают, дают человеку опыт осознания своего тела. Короче говоря, эмоция включает в себя как аффект, так и чувство, и не только их: чувство представляет собой часть активности, связанную главным образом с сознанием. Аффект в основном является физиологическим обнаружением.

В-четвертых, чувствующая функция, о которой говорит Юнг, отличается от чувства, которые мы испытываем. Можно испытывать чувства, но при этом не обладать способностью управлять ими, способностями использовать чувствующую функцию. Чувствующая функция чувствует (оценивает и определяет свое эмоциональное отношение) не только к мыслям, но и к чувствам. Мы можем чувствовать свои мысли, определять их ценность и значение. Мы мо-

---

¹ *Поннер К.* Открытое общество и его враги. — М., 1992. — Т. 2. — С. 116.

жем почувствовать, что даже наиболее сильные ощущения или интуитивные озарения на самом деле малозначащи или не заслуживают внимания. Между чувством и чувствующей функцией такая же разница, как между содержанием и процессом, который организует и выражает это содержание.

Чувство — индивидуальное свойство сознания, ограниченное пространственными и временными рамками. Чувство, прежде всего процесс, происходящий между каким-нибудь данным содержанием, причем процесс, придающий содержанию известную ценность. Чувство — разновидность суждения, отличающаяся, однако, от интеллектуального суждения постольку, поскольку его цель состоит в установлении не логической связи, а субъективного принятия или отвержения.

Чувство утраты чувств — чувство бесчувствия. Оно встречается при некоторых периодических психопатиях, при депрессиях, а также на начальных стадиях любых процессов. Речь идет не об апатии в собственном смысле слова, а о горестном чувстве отсутствия каких бы то ни было чувств. Больные жалуются, что они больше не чувствуют радости или тоски, не испытывают любви к своим близким, безразличны ко всему на свете. Пища не доставляет никакого удовлетворения, если она плоха, то они этого не замечают. Они чувствуют себя опустошенными, мертвыми. Их покинула всякая радость жизни. Они жалуются на неспособность участвовать в окружающей жизни, на утрату интересов. Это субъективное чувство пустоты причиняет больным огромные страдания.

Но тот самый страх, которого, как они воображают, они не чувствуют, может быть объективно распознан на основании соматических симптомов. В относительно легких случаях больные жалуются на «оцепенелость» или «приглушенность» чувств, на чувство отчужденности.

Литература

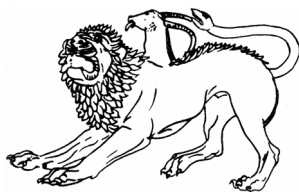
- .....
- Виллонас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. — М., 1980.
- Гуревич П.С.* Клиническая психология. — М., 2001.
- Гуревич П.С.* Психология, — М., 1999.
- Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. — М., 1991.
- Психология эмоций (тексты).* — М., 1993.
- Юнг К.Г.* Психологические типы. — М., 1995.
- Ясперс К.* Общая психопатология. — М., 1997.

IV

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тема 21

ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Социальная психология — отрасль психологии, содержащая в себе знания об общении, взаимодействии, взаимоотношениях и взаимовлиянии людей, ставящая и решающая соответствующие проблемы.

Социальная психология — это отрасль психологии, которая изучает закономерности поведения людей, обусловленные фактом их включения в социальные группы, а также психологические характеристики самих этих групп. В течение долгих столетий социально-психологические воззрения формировались в лоне философии. Прежде всего, философы рассматривали социальные отношения, которые складываются между людьми, живущими в обществе. Все мы, обитающие в этом мире, связаны между собой определенными узами. Мать лелеет свое дитя. Если она откажет ему в опеке, он просто погибнет. Но мать и не собирается бросать на произвол судьбы свое родное чадо. Между ней и ребенком с самого его зарождения сложились кровнородственные отношения. Не будь таких уз, человечество вообще не могло бы существовать. Представьте себе, что было бы, если бы новорожденных сразу помещали в то место, где нет ни любви, ни заботы, ни взаимного общения, ни воспитания?

Социальная психология возникла на стыке психологии и социологии. Она изучает массово-психологические процессы. Человек создал общество по многим причинам. Во-первых, человек в противоположность животному, который в своих инстинктах имеет «встроенный» мир приспособления к окружающему и живет полностью внутри природы, не обладает таким инстинктивным механизмом. Приглядитесь к жизни пчел, и вы обнаружите поразительный порядок в биологическом мире. Вот молодые пчелы выполняют функции сторожей. Они толпятся у входа в улей и не пускают посторонних. Однако проходит некоторое время и их функции меняются. Они летят на поиски меда. Вот пчелиная матка, которая руководит всей жизнью улья. Никто не смеет ослушаться ее «указаний». А вот пчелы-разведчицы. Они находят «перспективные» участки для медосбора и затем указывают другим, куда надо лететь, чтобы собрать мед...

Пчела не проглатывает тот мед, который несет в улей. Она должна отдать, донести свою сладкую капельку до общих запасов. Выходит, в улье царит закон, все обязанности распределены. Пчела, если она задумает сбежать из улья, вряд ли выживет... Вот вам образец общественного устройства.

Но это только на первый взгляд. Функции пчел жестко распределены. Улей — точно единый биологический организм. Однако все действия в улье обусловлены инстинктом. Может быть, человек мог бы жить по таким же законам? Увы, голос инстинкта у людей ослаблен. Выпав из природы, они вынуждены заново искать возможности совместной жизни. И эта совместная жизнь основана не на инстинкте. Она свободна, сознательна...

Если человек теряет контакт с социальной группой, в которой он живет, он начинает бояться полной изоляции. Человек боится быть полностью изолированным от человечества, которое находится внутри него и представлено в его сознании. Поэтому он ищет возможности многообразных связей между людьми.

Во-вторых, человек обладает чудодейственным даром — способностями к многообразным видам деятельности. Он деятелен по природе. Человек активен и свободен во всех своих поступках. Деятельность — это свойственная только человеку форма отношения к окружающему миру. Еще раз напомним, что именно благодаря активности человека сложились объективные причины возникновения общества.

В-третьих, человек имеет дар общения. По своему историческому происхождению, по способу жизнедеятельности, по характеру развития человек является общественным существом. Эти свои качества он приобретает в процессе совместных с другими людьми деятельности и общения, которые для каждого из нас являются жизненной потребностью.

Наконец, человек как общественное создание имеет специфические, чисто человеческие потребности: он стремится к познанию, к счастью, свободе, творчеству, к единению с другими людьми.

Человек способен к самопознанию. Это увлекательный и сложный процесс. Внутреннее ядро человека от него самого скрыто. Для того чтобы познать себя, он сопоставляет себя с другими и таким образом постигает собственную сущность. Человек взращивает в себе духовность. Наконец, искания истины, свободы, самоутверждение невозможны без чувства ответственности.

Общество не является однородным. В нем нетрудно обнаружить неравенство. Возьмем, к примеру, культуру Древней Греции. Ряд сельскохозяйственных общин объединились в город-государство. Здесь развернулась борьба за власть между прежней родоплеменной знатью (аристократами — «лучшими людьми»), новыми богачами (олигархами) и народом.

Во всех обществах, которые изучают обществоведы, существуют богатые и бедные, знатные и незнатные, аристократы и простые люди. Вот почему общество распадается на разные социальные

группы, называемые стратами. Это понятие заимствовано из геологии. Когда геологи изучают геологические пласты, они могут выделить различные слои. Их называют стратами. В обществе тоже видны социальные пласты.

Деление общества на разные группы называют социальной стратификацией. При этом можно выделить разные признаки такого членения. Прежде всего, люди отличаются тем, что принадлежат к разным социально-профессиональным группам. Например, в одном обществе можно выделить земледельцев, рабочих, чиновников, людей, которые занимаются умственной, художественной деятельностью. В другом — можно обозначить, скажем, квалифицированных или неквалифицированных рабочих, организаторов производства и т.д. С другой стороны, в обществе можно видеть разные возрастные страты. Есть люди совсем юные, есть взрослые, зрелые и пожилые. Можно представить себе схему общества на основе этих признаков.

Но в обществе живут и представители разных национальностей. Легко дифференцировать общество по национальному признаку. Выделить группы представителей тех наций, которые составляют основное население, а также национальные меньшинства. Как видим, общество можно представить в самых разных ракурсах. В обществе, которое постоянно развивается, положение человека может резко измениться. Этот процесс называется мобильностью. Получив образование, человек может стать специалистом в конкретной области экономики. Но иной человек может и потерять профессию, если в результате технических преобразований она окажется ненужной. Скажем, с появлением компьютеров, исчезла массовая потребность в печатных машинках.

Создав общество, люди создали и новую форму коллективной, совместной жизни — социальную. Словом «социальный» называют все межличностное, что связано с узами людей, с разными формами их общения. В обществе люди объединены благодаря целенаправленной и разумно организованной совместной деятельности. Но общество может быть формальным объединением, а может быть и подлинной общностью. В таком случае необходимо понять, что такое общность? В самом широком смысле общность — это естественная (органическая) совместная жизнь людей, связанная одинаковым происхождением, сходными взглядами, общей судьбой и устремлениями. В более узком смысле общность — это совокупность, группа людей, объединенных общими признаками. Причем если семья есть общность, членом которой соединяет любовь, имущество, труды и судьбы, то народ — это носитель такого общего духа, который отражается в языке, культуре и исторической судьбе.

Социальная психология имеет солидные традиции. Уже в истории философии складывались концепции, имеющие отношение к психологическим процессам внутри общества. Возьмем, к примеру, Платона. Он полагал, что расовое вырождение объясняет происхождение разобщенности внутри правящего класса и, вместе с этим, указывает на источник исторического развития. Внутренний разлад

человеческой природы, сумасшествие души приводит к сумасшествию правящего класса¹. Немало социально-психологических прозрений можно найти в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, К. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля.

В середине XIX в. психология развивалась в русле постижения психического мира индивида. Лишь иногда исследователи пытались исследовать характерные формы взаимодействия людей. После того как социология стала самостоятельной наукой, интерес к массово-психологическим процессам заметно усилился. Во второй половине XIX в. можно фиксировать попытки создания самостоятельных социально-психологических концепций. Назовем концепции «психологии народов» (М. Лацарус, Г. Штейнталь, В. Вундт. Особое место занимали концепции «психологии масс» С. Сигеле, Г. Лебон), теория «инстинктов социального поведения» (У. Маг-Дугалл).

Обнаружилось, в частности, внимание к психологии народов. Ее создателями можно считать *М. Лацаруса* (1824—1903) и языковеда *Г. Штейнталья* (1823—1893). Они утверждали, что главная сила истории — народ, или дух целого, который выражает себя в искусстве, религии, языке, мифах, обычаях. Эти идеи получили развитие в работах *В. Вундта* (1832—1920). Его десяти томная «Психология народов» отличается обилием материала по этнографии, истории языка, антропологии.

Самостоятельное существование социальная психология как особая дисциплина начала в 1908 г., когда одновременно появились работы английского психолога *У. Маг-Дугалла* (1871—1938) и американского социолога *Э. Росса*. Эти авторы употребили словосочетание «социальная психология». После Первой мировой войны и в других странах началась разработка комплексов социально-психологических проблем в производстве, армии, пропаганде.

В настоящее время социальная психология существует в различных вариантах, позволяющих изучать большие социальные общности и психологические аспекты этих общностей. Она включает в себя новые области знания, в том числе психоисторию, политическую психологию, психологию экстремальных ситуаций, психологию рекламы, имиджелогию.

Литература

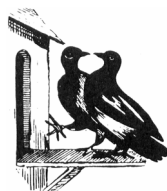
.....

- Андреева Г.М.* Социальная психология. — М., 2001.
Кемеров В.Е. Введение в социальную психологию. — М., 1996.
Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. — М., 1979.
Социальная психология за рубежом. Вып.1. — М., 1974.
Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969.
Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. — 1985.

---

¹ См.: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. — М., 1992. — С. 119.

Тема 22

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБЩЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ

Общение — специфический для людей способ взаимных отношений, форма бытия человека во взаимосвязях с другими людьми. Общение — взаимодействие между людьми, главным образом непосредственные. Понятие общения используется и для характеристики взаимодействий между различными социальными и культурными системами («межнациональное общение», «общение культур» и др.), т.е. в плане более широком, нежели межличностная связь между людьми. В любом случае общение не может осуществляться, минуя межиндивидуальные контакты.

Одна из глубинных потребностей человека — стремление к уподоблению, поиск объекта поклонения. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, оказывается просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентаций, которые дали бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом.

Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в психоаналитической концепции Фрейда, возникшей на основе патопсихологического наблюдения, а затем были распространены на «нормальную» духовную жизнь. Фрейд рассматривал идентичность как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью.

Современные исследования позволяют расширить представление об этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе таких эмоциональных состояний, как любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему проявлению открыты, направлены на другой объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

В процессе развития культуры складываются разнообразные предметные и знаковые средства, с помощью которых люди осуществляют контакты между собой. В ходе общения люди обмениваются

ся информацией. Она может быть знаковой, чувственной, образной, практической. Интеллектуальная информация кодируется знаками, абстрактными символами, уравнениями. Коммуникацией называется обмен информацией между людьми, в котором участвуют интеллектуальные, эмоциональные и волевые качества личности.

Кто я такой? Некий парадокс состоит в том, что я ничего не могу сказать о себе, не соотнеся себя с другим. Вот почему «участное мышление» преобладает во всех великих системах осознанно и отчетливо. Шопенгауэр полагал, что наша личность является первым и важнейшим условием счастья. Жизненные ориентации человека вырастают из его субъективности, из глубин его существования, из мира желаний, страстей. Индивид прежде всего хочет чего-то, реализует собственные вожеления. А раз так, то следует подчеркнуть именно эту спонтанность, независимость личности, отличие ее от стандартного мира других. В себе самом человек черпает истинное духовное и жизненное богатство.

«Вступая в общество, — пишет Шопенгауэр, — нам приходится отречься от 3/4 своего «Я», чтобы сравниться с другими. Истинный, глубокий мир, по его мнению, обретается в изоляции, в уединении»¹. Человек может находиться в совершенной гармонии только с самим собой — таков вывод. Чтобы подчеркнуть самодостаточность личности, ее отчужденность от других, Шопенгауэр уточняет: достичь такой гармонии нельзя ни с другом, ни с возлюбленной. Немецкий философ мыслит развертывание субъективности через разединение с «другими».

Читая русского философа М.М. Бахтина, трудно отделаться от впечатления, что он полемизирует непосредственно с А. Шопенгауэром. Он задумывается именно над этой проблемой: что произойдет с личностью, которая преднамеренно изолирует себя. Удастся ли ей воплотить идеал тотальной одиночества? Или вопреки тому, что сказано у Шопенгауэра, как раз последовательное выстраивание собственного индивидуального мира неукоснительно рождает диалог?

В работе «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин написал: «Человек никогда не найдет всей полноты только в себе самом»². Нет, речь идет здесь вовсе не о том, что каждый человек зависит от другого, не о формуле социальности. Мысль эта — открытие... В ней ключ прежде всего к самому человеческому бытию. Оно хрупко прихотливо, легко поддается деформации. Чтобы сохранить себя, ощутить окликнутость бытием, надо впитать в себя живые взволнованные голоса других...

Человеческое бытие хрупко, но стойкость его зависит от душевной и умственной отзывчивости. Услышать голос. Далекий, возможно

---

¹ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. — М., 1989. — С. 10.

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979. — С. 208.

неслышимый. Но такой нужный лично мне, как весть иного равноправного сознания. Войти в мир другой человеческой вселенной. Ощутить посторонний голос как особую точку зрения на мир и на самого себя, как бытие другого человека.

Но дело не только в том, что человек не найдет всей полноты лишь в себе самом. Он вообще и не сможет вопреки Шопенгауэру остаться с самим собой. Бахтин отмечает, что человек не становится одиноким. Ведь он сосредоточивается на себе, направляя на себя лично всю мощь собственного сознания. Стало быть, возникает феномен самоосознания, предвестие диалога. Человек тяготеет своим одиночеством, стало быть, он не самодостаточен. Понять личностное богатство человека можно, только выявив в нем потенциал этой общительности.

Человек обладает чудесным даром — сознанием. Кажется, нет ничего проще — вы общаетесь с другим человеком, посылаете ему пучок информации. Он воспринимает ее и шлет вам ответ. Всепроникающий, прозрачный для сознания способ общения. Однако коммуникация, едва возникнув, тут же дает сбой. На пути вашего сообщения возникают различные преграды. Смысл сообщения оказывается преображенным.

Известно, что любая область знаний имеет в своем основании некое утверждение, развивая которое можно построить целый каркас дисциплины. Скажем, современная культурология начинается с утверждения, что все культуры, существующие на земле, равноправны. Каким в таком случае может быть введение в психологию общения? Изложение начнем с такого постулата: «Сообщение и его образ в сознании человека неадекватны». Иначе говоря, то, что я сейчас пишу, о чем толкую, не может быть воспринято читателем так, как мне хотелось бы...

Это кажется парадоксом. Зачем же я вообще трачу слова, если доподлинно известно, что коммуникация невозможна. Мои мысли, мои сигналы запечатлеваются в голове читателя в превратном виде. Впрочем, этот парадокс давно известен юристам. Если на месте преступления оказался человек, который с предельной точностью описывает разыгравшиеся тут события, значит, это лжесвидетель. Нормальный очевидец обязательно что-нибудь приврет, непременно добавит кое-что от себя и даже многократно нарушит протокольную точность.

Странное существо — человек. Он не способен даже воспринять посланную ему информацию в том виде, в каком она родилась. Нельзя ли, тотчас же просится мысль, как-нибудь подкорректировать человека? Устранить этот очевидный изъян? Что было бы, если индивид мог абсолютно адекватно воспринять посланную ему информацию? Он перестал бы быть человеком. Американский психолог и психиатр Э. Берн (1902—70) замечает, как бы отвечая на этот во-

прос, что тогда человек напоминал бы счетную машину, делающую совершенно точные и однозначные вычисления по мере поступления на ее клавиши данных из внешнего мира. Человек оказался бы куском глины, который сохраняет верный и неизменный отпечаток любого предмета, оказавшегося на его пути.

Сообщение на своем пути встречает преграды. Психика человека многомерна. Вот, скажем, познавательные барьеры. Один человек живет умом, другой — сердцем. Число людей, способных к абстрактному мышлению, крайне ограничено. Философы-антропологи подсказывают, что, несмотря на огромные усилия человечества расширить круг людей, причастных к образованию, число людей, способных заниматься науками, аналитическим мышлением, не увеличивается. Оно составляет примерно четырнадцать процентов от всей человеческой популяции. Многие люди вообще не способны воспринимать слова, которые оканчиваются на «ство» или «ация» (общество, рационализация).

Это означает, что у них не развито абстрактное сознание. Далее, один индивид сохраняет в своем сознании бездну информативного материала. Новое сообщение сразу встраивается в этот корпус знаний и находит свою нишу. Другой вообще не располагает такой сокровищницей. Полученные сведения не закрепляются, им не за что зацепиться. Под влиянием информации у человека формируются представления. Но иной субъект не способен сохранять четко оформленные идеи. Его учить трудно или совсем бесполезно. Таких людей называют умственно отсталыми.

Уровень подготовленности людей тоже различен. С одним можно потолковать о Хайдеггере, величайшем, хотя и трудно понимаемом — «темном» философе XX в. Другой способен оценить только обсуждение вчерашнего футбольного матча. У одного есть способность к абстракции. Он понимает отвлеченные истины. Другой, точно собака, откликается на конкретный сигнал. При фразе «Скоро наша мамочка придет» пес поднимается и виляет хвостом. У собаки нет абстрактного воображения. Он приветствует «мамочку» безотносительно к тому, что произойдет это только в будущем.

Мы теперь ведаем о многочисленных нарушениях ментальности (способности мысли создавать картины мира). Еще Платон подметил, что познание может дать поразительно неверные результаты. В «Государстве» античный мудрец пишет примерно следующее. Представим себе, что человека бросили в подземелье. Он закован и повернут спиной к входу. Теперь подумаем, как он воспринимает мир. То, что находится за пределами пещеры, человек не видит. (Разве у нас есть гарантии, что реальность представлена перед нами во всей своей универсальности? Может быть, мы наблюдаем то, что нам открыто?)

Итак, человек в пещере. Что он видит? Он наблюдает тени, которые маячат на стене скалы. И ничего другого. Что же получается?

Именно эти тени он воспринимает как реальность. (Думай, психолог, думай!) Проверь себя, не прикован ли ты к пещерной скале? Слава Богу, наконец-то тебя освободили. Оковы сняты. Ты вышел из пещеры на свет. Глаза твои слезятся. Перед тобой некий мир. Конечно, ты воспринимаешь его как призрачный. Ты же привык к другой реальности вещей. Так что осторожнее, пожалуйста, с перерождением мира.

Но дело не только в этом. Наши чувства ведут мысли на поводу. Нам кажется, что мы рассуждаем последовательно, логично. А на поверхности оказывается, что это псевдомышление. Сознание угодливо обслуживает работу чувств. Оно приискивает аргументы, чтобы собственное вождение, свой импульс были «оправданы». А ведь это мы хорошо знаем по Фрейдю. Слушай, слушай пациента. Как он логичен, как последователен. А ведь он изо всех сил, мобилизуя все свои умственные ресурсы, пытается оправдать собственную патологию.

Кроме познавательных барьеров можно назвать также барьеры психологические. Вот что пишет по этому поводу швейцарский психолог К.Г. Юнг: «Представим себе двух молодых людей, совершающих прогулку за городом. Они подходят к замечательному замку, и оба хотят осмотреть его изнутри. Интроверт (человек с доминирующей ориентацией на внутренний мир — П. Г.) говорит: «Интересно, как он выглядит изнутри». Экстраверт (человек с доминирующей ориентацией на внешний мир — П. Г.) отвечает: «Давай войдем», — и направляется прямо к воротам. Интроверт пытается его удержать: «Но, может быть, нам не разрешат», — говорит он, мысленно уже представляя себе полицейских, штрафование, собак. На это экстраверт отвечает: «Хорошо. Давай спросим. Они наверняка нас пустят». В воображении ему рисуется старый добрый охранник, гостеприимные синьоры и возможность романтических приключений. Наконец, благодаря силе оптимизма экстраверта, они оказываются в замке»¹.

Далее, по словам Юнга, наступает развязка. Замок внутри был перестроен, и в нем нет ничего, кроме пары комнат с коллекциями старых манускриптов. В этом случае манускрипты становятся главной радостью для интровертированного молодого человека. Только заметив их, он сразу преображается и полностью погружается в их созерцание, лишь изредка издавая крики восторга. Он вовлекает в разговор сторожа, с тем чтобы извлечь из него как можно больше информации, и, когда результат не слишком его удовлетворяет, он просит позвать хранителя для того, чтобы задать свои вопросы ему. Робость молодого человека исчезла, объекты предстают теперь в соблазнительном свете, и у мира в целом появляется новое лицо. Но тем временем настроение экстравертированного молодого чело-

---

¹ *Знаменитые случаи из практики психоанализа.* — М., 1995. — С. 186.

века опускается все ниже и ниже. Его лицо удлиняется, он уже начинает зевать. Увы, им навстречу не вышел добрый охранник, их не встретили с рыцарским гостеприимством, и нет ни проблеска надежды на приключения — только замок, превращенный в музей. Но ведь манускрипты можно рассматривать и дома...

В то время как воодушевление одного растет, настроение другого падает, замок навевает на него скуку, манускрипты напоминают ему о библиотеке, библиотека ассоциируется с университетом, а университет — с учебой и приближающимися экзаменами. Он мрачно смотрит не на так давно столь интересный и заманчивый замок. Объект становится негативным. «Разве это не замечательно — восклицает интроверт, — то, что мы натолкнулись на эту потрясающую коллекцию?» «Знаешь, мне это место уже надоело до смерти», — отвечает ему другой, уже не скрывая собственного сарказма. Интроверта это раздражает, и мысленно он клянется, что больше никогда не пойдет на прогулку с экстравертом. Последнего же раздражает поведение его товарища, и про себя он думает, что всегда знал: его друг — не считающийся с другими эгоист, который в угоду своему эгоистическому интересу готов потратить целый весенний день, в то время как можно было бы замечательно провести время под открытым небом.

На пути понимания адекватного содержания, сообщения, таким образом, рождаются барьеры.

Теперь попробуем разобрать приведенный случай. Что случилось? Оба часто бродили вместе, составляя счастливый симбиоз, до того момента, когда они открыли роковой замок. Затем, сначала всегда думающий, обладающий, так сказать, прометеевским характером интроверт предложил осмотреть замок изнутри, а думающий всегда потом экстраверт открыл дверь. В этот момент типы поменялись местами: интроверта, который поначалу сопротивлялся идее войти, теперь нельзя заставить выйти, а экстраверт проклинает то мгновение, когда его нога ступила на порог замка. Первый теперь погрузился в объект, а последний — в свои негативные мысли. Как только интроверт увидел манускрипты, он стал их пленником. Его робость исчезла, объект полностью им завладел, чему он нисколько не сопротивлялся. Экстраверт же, напротив, ощутил возрастающее сопротивление по отношению к объекту и тоже стал пленником, но только своей излучающей сарказм субъективности. Интроверт стал экстравертированным, а экстраверт — интровертированным. Но экстраверсия интроверта отличается от экстраверсии интроверта и наоборот. До тех пор пока оба прогуливались в радостной гармонии, они не ссорились друг с другом, потому что каждый вел себя естественно и в соответствии со своим характером. Каждый положительно относился к другому, потому что их установки были дополнительны. Однако дополнительные они были лишь постольку, поскольку

установка одного включала в себя установку другого. Мы можем видеть это из короткого разговора у ворот. Оба хотели войти в замок. Сомнение интроверта не шло вразрез с желанием экстраверта. А инициатива экстраверта также оказалась на руку интроверту. Таким образом, установка одного включала установку другого, что имеет место всегда, когда человек ведет себя в соответствии со своей установкой, поскольку эта установка до некоторой степени связана с коллективной адаптацией. То же самое верно и для установки интроверта, хотя здесь началом всегда является субъект. Она просто направлена от субъекта к объекту, в то время как установка экстраверта направлена от объекта к субъекту.

Но в тот момент, когда в случае с интровертом объект привлекает субъекта и завладевает им, установка последнего теряет свой социальный характер. Он забывает о присутствии друга, как бы перестает включать его в себя; объект полностью поглощает его, и он уже не видит, какую скуку это наводит на его друга. Точно так же и экстраверт теряет всякое внимание к другому, как только его ожидания оправдались. Он уходит в себя, в свою субъективность и предается унынию.

Теперь барьеры социально-психологические. Скажем, фильм *С. Ростоцкого* (1922—2001) «А зори здесь тихие» триумфально прошел по всем экранам мира. Он был прекрасно принят даже в Китае. Но вот в мусульманских странах он не произвел положительного впечатления, а скорее наоборот. Дело в том, что в этом регионе не существует обычая совместной помывки людей. Мужчины никогда не моются вместе. А в фильме, как мы помним, есть замечательная сцена бани. Молодые женщины, которым предстоит по сюжету погибнуть, радостно плещутся на деревенском полоке, демонстрируя свои женские прелести. Это, разумеется, вызывает отрицательную реакцию у людей мусульманской веры.

Однажды в Риме я наблюдал такую сцену. Какой-то пассажир итальянец сдавал в камеру багаж. Работник, тоже итальянец, отказывался принять этот груз и отпихивал чемодан. Оба итальянца отчаянно жестикулировали как будто персонажи неореалистического фильма. Вдруг пассажир вскочил на подножку и ударил служащего по лицу. И тут произошло самое неожиданное. Работник взял чемодан и покорно понес его в складское помещение. На лице у него было написано: «Так сразу бы и сказал...»

У народов мира есть свои традиции, свои представления. Скажем, среди некоторых племен Африки до сих пор идеальными считаются черные зубы или непомерная толщина талии, что вообще было свойственно архаичным временам — толщина являлась положительным признаком внешности женщины равно как объем мускулов у мужчин, исходя из соображений естественного отбора сильнейших в борьбе за выживание в трудных условиях первобытной жизни. Изысканность линий тела и лица — это уже продукт цивилизации и мифологий.

На осмысление и восприятие сообщения оказывает воздействие ментальность. Говорят о ментальной настроенности разных эпох, разных народов, разных социальных групп. Сопоставляют мыслительные установки людей. Что же означает слово «ментальность»? Само понятие происходит от латинского слова *mens* — ум, мышление, образ мыслей, душевный склад. Ментальность или менталитет — это относительно целая совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества.

К примеру, различны типы мышления в европейской и африканской культурах. По мнению отечественного ученого В.А. Бейлиса, одним из главных понятий африканской культуры оказывается понятие гармонии, кооперации. Об этом свидетельствуют символы кооперации, которые существуют в различных африканских языках и этнических группах. В частности, у народа акан символом кооперации является изображение двух крокодилов, у которых головы обращены в разные стороны, но которые имеют общий желудок. Символ народа эве — изображение пяти маленьких разных голов на каждом из пяти пальцев руки и одной большой головы на ладони. Психологи-африканисты делают вывод о существовании уникальной социальной философии, которую называют «мыизм» (от слова «мы»).

Африканский мир управляется «мы-законом» и «мы-логикой». Такой закон можно назвать гомономным (*греч.* «мы» и «закон»). Для африканца непонятно суждение *Р. Декарта* (1596—1650): «Я мыслю, следовательно, существую». Согласно мистической логике, следовало бы сказать: «Я существую, потому что существуем мы, а поскольку мы существуем, существую и я». И это относится не только к узкой общине, но и к более широкой общности, в которой ради обогащения жизни взаимодействуют боги, души, природа, предки, старейшины, молодежь.

Ментальность как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологий. Она выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Общественные настроения переменчивы, зыбки, ментальность же отличается более устойчивым характером. Она включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Ценности осознаваемы, они выражают жизненные установки, самостоятельный выбор святынь. Ментальность же восходит к бессознательным глубинам психики. В этом смысле она не всегда артикулируется ее носителями. Чаще всего ментальность реконструируется исследовательским путем сопоставления с другой ментальностью.

Еще один вид психологических барьеров — эстетический. Дело в том, что каждый вид искусства имеет собственную условность.

Надо знать художественный язык сообщений, чтобы адекватно его расшифровать. Как уже говорилось, молодой человек, затянутый в трико, поднимает над собой воздушную девушку и отбрасывает ее. Она начинает кружиться. И на языке балета это означает: «Я тебя люблю».

Когда был изобретен кинематограф, первые фильмы представляли собой запись театральных спектаклей. Но вот неожиданно камера приблизилась к лицу героини. И стали видны ее выразительные глаза, боль души и уникальность переживаний. Потом в кино это будут называть крупный план. Однако первые зрители не понимали, что хотел сказать режиссер. Вот стояла женщина, теперь от нее осталась одна голова. Куда же делось туловище?

Итак, сообщение, посланное другому человека, проходит череду психологических барьеров и на выходе приобретает иное содержание. В нем возникают новые смыслы, прежнее содержание во многом деформируется. Можно представить и такую ситуацию: сообщение понимается совершенно в обратном значении. Это называется эффектом бумеранга. Бумеранг — изогнутый палец, чаще всего серповидной формы. Описав кривую, бумеранг возвращается к метателю. Был распространен у австралийцев, в Юго-Восточной Азии, Южной Индии, Древнем Египте, Мексике. Эффект бумеранга — это метафора. Когда сообщение приобретает противоположный смысл, нежели тот, который был вложен метателем (инициатором сообщения), говорят об эффекте бумеранга.

Литература

.....

Гулдинг М.М., Гулдинг Р.Л. Психотерапия нового решения. Теория и практика. — М., 1997.

Гуревич П.С. Культурология. — М., 2003.

Кениг К. Когда нужен психотерапевт. — М., 1998.

Ялом И. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. — М., 1997.

Тема 23

ФЕНОМЕН СОЦИАЛИЗАЦИИ

Понятие «социализация» обозначает взаимодействие человека с обществом. Оно имеет междисциплинарный статус и широко используется в психологии, социологии, педагогике, философии. Немалый вклад в разработку проблем социализации внесли социальные психологи. Понятие социализации было впервые описано в конце 40-х — начале 50-х годов в работах американских психологов и социологов (А. Парк, Д. Доллард, Дж. Кольман, В. Уолтер). Представление о социализации как процессе полной интеграции личности в социальную систему, в ходе которой происходит ее приспособление, сложилось в американской социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон). В традициях этой школы понятие «социализация» раскрывается через термин «адаптация», который обозначает приспособление живого организма к условиям среды. Так возникли понятия социальной и психической адаптации, результатом которой является приспособленность личности к различным социальным ситуациям, микро- и макрогруппам.

Различают следующие уровни адаптации:

- 1) целенаправленный конформизм, когда приспособляющийся человек знает, как он должен действовать, как вести себя, но, внешне соглашаясь с требованиями социальной среды, продолжает придерживаться своей системы ценностей (А. Маслоу);
- 2) взаимная терпимость, при которой взаимодействующие субъекты проявляют взаимную снисходительность к ценностям и формам поведения друг друга (Я. Щепанский); аккомодация как наиболее распространенная форма социальной адаптации возникает на основе терпимости и проявляется во взаимных уступках, что означает признание человеком ценностей социальной среды и признание средой индивидуальных особенностей человека (Я. Щепанский); ассимиляция, или полное приспособление, когда человек полностью отказывается от своих прежних ценностей и принимает систему ценностей новой среды (Ж. Пиаже).

Иначе осмысливается данная проблема представителями гуманистической психологии. В ней социализация представлена как про-

цесс самоактуализации Я-концепции, самореализации личностью своих потенций и творческих способностей, как процесс преодоления негативных влияний среды, мешающих ее саморазвитию и самоутверждению. Здесь субъект рассматривается как самостоятельная и саморазвивающаяся система, как продукт самовоспитания.

Философы-антропологи показали, что человек — уникальное коммуникативное, то есть общительное существо. «Человеческий мир в первую очередь характеризуется, собственно тем, что здесь между существом и существом происходит что-то такое, равное чему нельзя отыскать в природе»¹. Почему человек социален? Что заставляет его выстраивать многообразные социальные связи? Свободен ли человек от общества? Как осуществляется вхождение человека в мир культуры, — таковы вопросы данной темы.

..... Благодаря тому очевидному влиянию, ко-
..... **Роль воспитания** ..... торое оказывают социальные ситуации и отношения на психическую жизнь, а также благодаря терапевтическому использованию открывающихся в этой связи возможностей старая проблема воспитания все еще сохраняет свою актуальность. Нам важно знать, какова потенциальная роль воспитания, а также каковы его пределы. Нет сомнения, что духовный образ эпохи или общества в значительной степени определяется общим уровнем воспитания. По данному вопросу практически невозможно прийти к более точным формулировкам. В связи с этим с незапамятных времен утвердились все крайние, но в равной степени ошибочные точки зрения: «все определяется воспитанием» и «все дается от рождения».

Одни говорят: «воспитание может сделать из человека все что угодно». Другие возражают: «Человека могут изменить только направленные воздействия на наследственность, и результаты проявятся не ранее чем через несколько поколений». «Дайте нам воспитание, — говорил немецкий просветитель *Г. Лессинг* (1729—1781), — и мы изменим характер Европы меньше чем за столетие». Согласно противоположному взгляду все врожденное неизменно, а воспитание только «вуалирует» его качества. Каждая из этих сторон в чем-то права. Конечно, воспитание способно развить те возможности, которые и так содержатся в потенциале личности. Оно не в силах изменить сущность человека. С другой стороны, никто не знает, какие именно возможности дремлют в каждом человеке. Поэтому воспитание способно привести к совершенно неожиданным результатам.

Итак, характер воздействия любой новой формы воспитания непредсказуем. Последствия непременно будут содержать в себе элемент неожиданности. Для воспитания исключительно важны следующие фундаментальные обстоятельства: человек становится тем, что он есть, благодаря непрерывности культурной традиции; прояв-

---

¹ Бубер М. Два образа веры. — М., 1999. — С. 153.

ления сходных предрасположенностей благодаря осознанным действиям выказывают значительную изменчивость во времени, и даже целые нации на протяжении нескольких веков полностью меняют свой характер. Невозможно заранее очертить границы воспитания в целом. В каждой данной исторической ситуации их следует наблюдать конкретно.

Процесс социализации происходит постепенно. Тем не менее можно выделить его отдельные стадии, которые составляют в целом социальные стандарты. Социализация — это непрерывный процесс, длящийся в течение всей жизни. Он распадается на этапы, каждый из которых «специализируется» на решении определенных задач, без проработки которых последующий этап может либо вовсе не наступить, либо оказаться искаженным или заторможенным. В процессе социализации личность как бы «примеривает» на себя и выполняет разные социальные роли.

Еще в 30-е годы Л.С. Выготский говорил о социализации как о преобразовании интерпсихического в интрапсихическое в ходе совместной деятельности и общения, как об интериоризации или присвоении индивидом общественного опыта, культурных знаков (культурно-историческая концепция развития высших психических функций).

Механизмы социализации включают: механизм самоограничения, механизм проекции, механизм идентификации.

Механизм самоограничения. Речь идет о такой ситуации, когда человек понимает, что его достижения менее значительны, чем достижения других. Он страдает, его самоуважение понижается. Некоторые люди в такой ситуации прекращают деятельность, то есть отступают перед трудностями, ограничивают возможности своего Я.

Механизм проекции. Речь идет о психологическом механизме, благодаря которому собственное содержание бессознательного приписывается другому лицу. Мы склонны считать, что мир таков, каким мы его видим, что и люди таковы, какими мы их себе воображаем. Собственные мысли, чувства, переживания люди переносят на других людей. Проекцию в этом смысле можно рассматривать как переложение субъективного внутреннего содержания на внешний объект. Этот процесс имеет бессознательный характер. Он обнаруживает себя как спонтанный, а не волевой акт.

Механизм проекции показывает, как раздражение или аффект, переживаемый кем-то, могут получить ложную направленность. Вспомним А.С. Грибоедова (1790 или 1795—1829): «Ах! Этот человек всегда причиной мне ужасного расстройства!» Но действительно ли «этот» субъект служит подлинным источником тех или иных болезненных чувств? Или в силу различных психологических закономерностей в качестве виновника оказывается другое лицо или обстоятельство?

Механизм идентификации. Это процесс осмысления своего «Я» в процессе социализации, поиск образца. На заре советского радио пришла кому-то в голову мысль: а что если организовать в эфире уроки утренней гимнастики? Придумано — сделано. Стал диктор призывать граждан начинать утро с бодрых телодвижений. Утро в ту пору, как известно, встречало слушателей прохладой, но только никто почему-то не торопился внять призывам диктора.

Еще одна затея: давайте поручим вести утренний комплекс популярному радиокomentатору. «Кудрявая, что ж ты не рада?» Это же мастер репортажа, к тому же огромный престиж. Пусть спровоцирует физкультурный энтузиазм. Стал рассказывать прославленный комментатор, как надо достать до пятки. А кудрявым это неинтересно. Внимают, конечно, радиоголосу, но популярность гимнастики, можно сказать, нулевая...

Отказался вскоре знаменитый король репортажа вести оздоровительный комплекс. Обратились к Николаю Гордееву. Выручи, дорогой, некому... И из эфира полился звонкий, жизнерадостный голос. Встрепенулся народ, прислушался. Что такое? В воображении слушателей рождался привлекательный образ. Вот он, подтянутый, энергичный человек, убежденный в том, что жизнь прекрасна, когда утро начинается с гимнастики.

Но что удивительно: кое-кто мгновенно стал до пяток доставать. Да что там пятка — мелочь. Некоторые девушки просто влюбились в Николая Гордеева. Такому можно и про себя напомнить в жанре письма на радиостудию. Неплохо вступить в переписку, а там глядишь... Дружба-то начинается с улыбки, как это позже выяснилось.

Николай Гордеев — кудесник, герой своего времени... Только упаси вас Бог спросить — сам-то он занимался спортом? Читателю скажем по большому секрету — нет, не занимался. Любимым его занятием было лежание на диване и отвлеченное размышление о жизни. Что делать, у каждого свои склонности. Фигуру тоже имел далеко не спортивную. А юных радиослушательниц чаровал воображаемым стройным станом, готовностью утро встретить прохладой, а рабочий день — героическими свершениями. Такой уж в эфире складывался образ...

Кто тут обманщик? Неужто Гордеев? Совсем даже нет. Все это выдумали сами радиослушатели. Нельзя, нельзя обольщаться голосом. Как же нельзя, когда мы каждый день это делаем? С убеждением и полной внутренней готовностью.

Теперь уже во многих странах есть психологические службы, так называемый телефон доверия. Вам плохо, вы на грани отчаяния? Немедленно звоните нам. У нас такая замечательная коллекция голосов! Утешительные, бодрые, проникающие в душу. Только послушай, какие удивительные обертоны...

Однажды в программе «Пионерская зорька» прозвучала фраза про эвенкийских мальчиков. Она мгновенно соткала в сознании

ребят какой-то экзотический образ. Казалось бы, что тут феноменального? В стране есть и другие дети — буряты, казахи, удмурты. Но про этих, как оказалось, нам пока неинтересно. А вот эвенкийский мальчик это вообще нечто удивительное. Со всех концов страны пошли на радио письма. Ребята писали эвенкийскому мальчику. Редакция целый год поддерживала переписку. Сколько новых тем появилось! А ведь об этом никто и не помышлял.

Но вот вопрос: почему образ не похож на своего прототипа? Как происходит процесс отчуждения сущности от явленного на экране? Отчего конкретный человек на экране вдруг вызывает массовое возбуждение, а другой — совсем даже нет? В 1943 г., например, американская радиозвезда Кэт Смит обратилась к радиослушателям с призывом приобретать военные облигации и добилась невероятного успеха. Миллионы женщин мгновенно отождествили себя с образом, который диктовался звучащим из приемников голосом и который одновременно вырос из внутреннего мира каждой радиослушательницы.

Богатую актрису, не имеющую семьи, сочли за скромную и бережливую хозяйку, за мать, встревоженную опасностью, которая угрожает ее детям. Так что же создатели передачи сознательно стремились к такой мистификации? Ничего подобного! Она возникла стихийно, в результате коллективного заблуждения слушателей. Случай с Кэт Смит, с ее радиомарафоном может до конца объяснить лишь реальная ситуация, сложившаяся в Америке в канун военного кризиса, когда миллионы смятенных людей искали спасения в символе прочного домашнего быта...

Когда Ангелина Вовк появилась на телеэкране, обнаружился массовой запрос аудитории на юную, интеллигентную современницу, скромную, сдержанную. Здесь «высокое соприкосновение» произошло сразу. Зритель как будто ждал ее на мерцающем экране. И увидев... Остальное мы знаем по Пушкину: «Ты вдруг вошел, я в миг узнала...»

Полагаю, что теледиктор Валентина Печорина тоже не занималась самоанализом, не пыталась создать имидж. Это опять произошло стихийно. Сколько на экране эмансипированных женщин, деловых, раскованных. И как мало домовитых, воплощающих в своем облике уют человеческого быта... Сами себе не всегда признаемся, что тоскуем по уюту, по домашности. А вот за этой ухоженной, домовитой женщиной наблюдаем с удовольствием. Веди нас, Печорина, по маршрутам незатейливых домашних секретов. Рассказывай, как благоустроить покосившийся быт. Верим тебе, чаруй дальше... Впрочем, теперь наша звезда в Америке, лишены мы ее чар...

Так что же, нельзя все это предугадать? И насчет одухотворенности, и насчет домовитости... Может быть, и можно. Да только кто об этом думает? От диктора требовали чего угодно, только не индивидуальности. Следи за дикцией. Улыбайся, но сдержанно. Не

забывай — ты полномочный представитель советского телевидения. И главное прилежание...

Вот это последнее качество нагляднее всего продемонстрировала, как мне кажется, *Алла Стаханова*. Но для экранного имиджа этого мало. Нужна еще некая особость. Думаю об этом с горечью. Алла рано ушла из жизни. В последние годы занималась журналистикой, иногда появлялась на экране. Но уже в качестве редактора. Замечательная была женщина. Эти строчки я посвящаю ее светлой памяти.

Человек — существо мятущееся, постоянно меняющее собственные представления о себе самом. Индивид живет в мире напряженных противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора. Ему необходимо соотносить свое поведение с персонифицированным образом. Девочки играют в «дочки-матери». Это непреходящий, постоянно воспроизводимый ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в *Джоне Ленноне*. Пусть зыбкая, но мода. Государственный человек стремится уподобиться вышестоящему... Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему сложившихся ритуалов, стереотипов, готовых образов.

Отчего же на экране человек становится совсем иным? Вот он вошел в студию, присел к столику. Появилось изображение — но что за чудо? — сразу «убежало» от своего прототипа. Тень обрела собственную «плотность». «Не узнаю теперь я сам себя...» Вроде бы тот самый, а по существу, совсем не он. Кого винить? Магию телевидения, ясное дело. Здесь таинство личности, тончайшие механизмы человеческого воплощения, сотворения образов. И магия общения...

..... Человек воспринимает мир как поток персонифицированных образов, постоянно соотносит себя с другими людьми, с их индивидуальными свойствами, обликом, характером. Индивид, собственно, и формируется, отождествляя себя с конкретным образом, персонажем, реальным или выдуманным кумиром.

Психологи натолкнулись на это явление. Они подчеркивали, что поведение человека в значительной степени обусловлено тем, как он оценивает себя, свои социальные роли. Оказалось, например, что многие представители средних слоев населения склонны в собственной оценке причислять себя к более состоятельным людям и соответственно следовать другим стандартам мыслей и поступков. Иначе говоря, выяснилось, что поведение человека регулируется не только присущими ему социальными ролями, но и тем, как он сам «определяет» себя. Например, тщетно искать в поступках скромной консьержки черты того образа жизни, который присущ людям ее профессии, если она сама мысленно отождествляет (идентифицирует) себя с кем-то, кому присущи неожиданные мотивы, необычные ценностные ориентации.

В процессе социализации человек соотносит себя не только с конкретными социальными ролями, но и с особым рода персонифицированными представлениями, которые созвучны его собственным личностным ориентациям. Это могут быть, например, литературные герой, реальные исторические личности, «условные» социально-психологические или культурно-исторические типажи («романтик», «деловой человек», «сильная личность» и т.д.). Подобные идеальные образные конструкции, развертывание которых связано с интенсивной работой воображения, имеют для индивида ярко выраженную значимость.

В процессе социализации обнаруживается и стремление к исповедальности.

.....
Стремление человека к исповедальности
..... Современная культура не располагает к откровенности. Даже в самой семье зачастую нет раскованности и родственного участия. Как подчеркивает отечественный психолог *В. Леви*, если приглядеться к людям, которые стоят на перекрестке, то увидим, что многие из них находятся в состоянии внутреннего монолога. Они жестикулируют, пытаются выразить собственные душевные состояния. Это наглядно демонстрируемый эффект невысказанности.

Человеку свойственно анализировать свои душевные переживания. В каждой культуре есть некие механизмы, которые обслуживают человеческие потребности. В религиозной культуре огромную психотерапевтическую роль играет исповедь. Ребенок признается в собственных прегрешениях, хотя речь идет лишь о конфетке, тайно взятой из вазы. Дело не в самом проступке, а в постоянной глубинной обостренной потребности человека рассказывать о своих состояниях, о работе души.

Философская и психологическая литература богата произведениями исповедального жанра. Вот, скажем, «Исповедь» *Августина Аврелия* (IV—V вв.), одного из самых знаменитых и влиятельных отцов христианской церкви. Обычно такие произведения рождаются на историческом, культурном или экзистенциальном переломе. Но в них речь идет о сокровенном, личном. Тем они и интересны. «Исчерпывающее откровение мятущейся души — наедине с собою, наедине со всеми: прошлыми, будущими, настоящими — друзьями, врагами, близкими. Но прежде всего — сам перед собою», — пишет отечественный исследователь *В. Рабинович*.

В чем самосознание личности? Человек одинок. Он незащищен. Но он и могуч духом. Он знает, что выйдет из покаянного исповедания иным, осознавшим глубины своего естества. «Разве не перешел я, подвигаясь к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло — куда оно ушло? — и все-таки его уже не было. Я был уже не младенцем, который не может произнести слова, а

мальчиком, который говорит, был я. И я помню это, а впоследствии я понял, откуда я выучился говорить. Старшие не учили меня, предлагая мне слова в определенном и систематическом порядке, как это было немного погодя с буквами. Я действовал по собственному разуму, который Ты дал мне, Бог мой», — писал Августин Аврелий.

Исповедь и покаяние во имя целостного человека — вот смысл «Истории моих бедствий» П. Абеляра (XII в.). Она начинается такими словами: «Человеческие чувства часто сильнее возбуждаются или смягчаются примерами, чем словами. Поэтому после утешения в личной беседе я решил написать тебе, отсутствующему, утешительное послание с изложением пережитых мною бедствий, чтобы, сравнивая с моими, ты признал свои собственные невзгоды или ничтожными, или незначительными, и легче переносил их».

Далее Абеляр рассказывает о своей страсти к Элоизе. Он признается, что они не упустили ни одной из любовных ласк с добавлением и всего того, что могла придумать любовь. Затем, как читатель очевидно знает, Абеляр был осклопен. Отметим лишь то место, в котором несчастнейший из горемычных пишет: «Я все думал о том, какой громкой славой я пользовался и как легко слепой случай унизил ее и даже совсем уничтожил...» И далее: «Как справедливо покарал меня суд божий в той части моего тела, коей я согрешил...»

Петр Абеляр стал монахом. Потом уход из монастыря. Отшельническая жизнь в пустыне в округе Труа. Бессчетные молитвы в молельне, которую он сам построил из тростника и соломы. Но вот признание: «Зависть отыскала меня даже в моем уединении». «История моих бедствий» — это исповедь — научение. Исповедуется страдающее тело и где-то на окраине жизни — страдающая душа».

В романе немецкого писателя Л. Фейхтвангера (1844—1958) «Мудрость чудака» рассказывается о том, как французский юноша Фернанд открывает рукописную тетрадь Жан Жака Руссо. Заголовок «Воспоминания» перечеркнут и вместо него красивым, сильным и в то же время изящным почерком Жан Жака выведено: «Исповедь».

Он читает:

«Я принимаюсь за труд, которому нет примеров в прошлом, никогда не будет и впредь. Я хочу показать созданием, себе подобным, человека в его истинном свете, в его естестве. Показать себя.

Только себя. Я хорошо знаю свое сердце и знаю людей. Я не похож ни на одного из тех, кого я встречал, смею думать, ни на кого из моих современников. Возможно, что я не лучше других, но я, во всяком случае, иной.

Когда раздастся трубный глас страшного суда, я предстану перед всевышним судьей с этой книгой в руках и заявлю: здесь записано все, что я делал, что думал, чем был. Я не утаил своих пороков, не приукрасил себя добродетелями. Я представил себя таким, какой я есть, временами — презренный и низкий, временами — добрый, благородный и великий. Пусть бесчисленное множество современников услышат мою исповедь,

вздыхнут о моих пороках, с краской в лице узнают о моих зловключениях. И тогда пусть хоть кто-нибудь дерзнет перед ступенями твоего престола, о всевышний, сказать: «Я был лучше этого человека».

Далее в романе Фейхтвангера передается реакция Фердинанда. Он продолжал читать, и ни с чем не сравнимые по ясности жан-жаковские строки действительно потрясли его до ужаса обнаженной правдивостью. Он никогда не представлял себе, что может найтись человек, у которого хватило бы мужества так глубоко вгрызаться в собственное «Я». Как бесстрашно разворошены здесь недра души, с гораздо большей отвагой, чем земные недра, вместе взятые. Чудо из чудес, что те, кто дерзнет проникнуть и заглянуть в эти зловещие тайны, не теряют рассудка.

Фердинанд читал о первом телесном наказании, которому подвергся восьмилетний Жан Жак. И как это наказание, осуществленное рукой красивой тридцатилетней женщины, пробудило в гладеньком мальчике нечто вроде сладострастия, преждевременного пробуждения полового чувства, и как это переживание на все времена определило направленность его желаний, страстей, характер его чувственности.

И Фердинанд читал о том, как в девять лет Жан Жак впервые познал несправедливость. Как его мучили за проступок, которого он не совершал, как он настаивал на своем, «упрямился», по мнению окружающих, и не сознавался в том, чего не делал, и хоть истерзанный, но все же вышел из этого испытания победителем.

«Вообразите себе мальчика — застенчивого и послушного, привыкшего к разумному и мягкому обхождению. И вдруг по отношению к этому мальчику совершают несправедливость, и совершают ее те самые люди, которых он больше всего на свете любит и почитает. Какое крушение всех понятий, какой перелом в душе, переворот в мыслях! Как ни сильна была физическая боль, она не причиняла мне особых мучений: меня душили негодование, ярость, отчаяние. Когда, наконец, я лег в постель, я дал волю своему гневу, я сел на свой бедный зад и во все горло прокричал сто раз: «Carnifex! Carnifex! Carnifex!» (Палач! Палач!). Еще и сейчас, когда я пишу эти строки, мой пульс учащенно бьется, и если бы я прожил сто тысяч лет, те минуты все равно не потускнели бы в моей памяти. Это первое столкновение с насилием и несправедливостью так глубоко запечатлелось в моем сердце, что оно вспыхивает всякий раз, как я вижу несправедливость или слышу о ней, безразлично, к кому бы она ни относилась; вспыхивает так, словно жертва ее — я сам. В тот день кончилось мое беззаботное детство».

И Фердинанд читал о том, как восемнадцатилетний Жан Жак, в ту пору лакей в богатом доме, без всякой видимой причины украл старую никудышнюю серебристо-розовую ленту и взвалил вину за воровство на милую горничную, безобидное существо, не причинившее ему никакого зла. Жан Жак образно рассказывал об этом, он ничего не старался объяснить, это попросту было так, и Ферди-

нанд пришел в ужас от всемогущества безрассудного и злого начала, вновь и вновь одолевающего даже таких людей, как Жан Жак.

Все глубже и беспощаднее погружался Жан Жак в темный и скользкий лабиринт своего «Я». Рассказывал о все новых «смехотворных и жалких поступках». О наивных утехх плоты и об изощренных наслаждениях в мечтах.

И Фердинанд читал о горьком, тяжелом разочаровании Жан Жака в друзьях. Среди них были величайшие мужи своего времени — Дидро, Мельхиор Гримм, создатели «Энциклопедии», сам великий Вольтер, и почти все они сплотились против Жан Жака, предали его и подвергли преследованиям. Все они оказались тщеславными, мстительными, слепыми, их учтивые значительные лица были масками, за которыми скрывались перекошенные звериные морды, и единственный, кто устоял перед беспощадным судом Жан Жака, был Жан Жак.

..... В XVIII в. психотерапевтическую функцию выполняла эпистолярная литература. Люди писали друг другу неделовые письма.

..... **Функция эпистолярной литературы** ..... Например, такие: «Сегодня я вышел в парк, туман рассеивался, но мне все равно было грустно...» Авторы писем пытались зафиксировать тончайшие переливы своих чувств, уникальные состояния, движения сердца. При этом они знали, что другой человек, получивший письмо, не станет смеяться или глумиться, потому что в нем тоже есть глубинная потребность исповедаться...

Российская писательница *Галина Баширова* (род. 1938) пишет: «В XVIII в. большинство писем было открытыми. Достаточно почитать мемуары, достаточно вспомнить, сколько размолвок, недоразумений, дуэлей, ссор происходило из-за превратно истолкованного, приобретшего слишком шумную известность того или иного письма. Адресаты, не понимая друг друга, давали читать письма приятелям, те охотно вмешивались в дело, перетолковывая по обыкновению все по-своему, садились в кареты, объезжали полгорода со свежей новостью. И вот сплетня понеслась, разрастаясь, и снова письмо, еще, еще одно, а там, глядишь, враги на всю жизнь. В литературной истории Франции XVI в. множество подобных примеров. Достаточно вспомнить переписку Дидро и Руссо, переписку Гримма с тем же Руссо и рядом их же, за исключением Руссо, сверхлольная переписка с сильными мира сего...»

XVIII в. — век писем и в литературе и в жизни. Знаменитые романы Ричардсона, которыми зачитывалась пушкинская Татьяна, и «Новая Элоиза», и «Страдания юного Вертера» — все это письма. И вся жизнь в письмах, когда переписывались, живя на соседних улицах, расставаясь на три дня, на неделю, не расставаясь вовсе. Разумеется, в этом было что-то от моды, но это была и какая-то таинственная потребность века высказаться, раскрыться, запечатлеть себя до мелочей накануне грядущих перемен. В XVII в. этой потребности (в таком масштабе) не было. К середине XIX в. она начала понемногу исчезать, с середины нынешнего столетия почти исчезла.

«Может быть, дело в том, — пишет Г. Башкирова, — что наша эпоха слишком бурно раскрывала и раскрывает себя в деяниях, в каждодневной огромной нагрузке, в том ритме жизни, что не оставляет времени для писем? После рабочего дня, чем бы он ни был заполнен, сесть за стол, задуматься, начать писать письмо другу, писать час, другой, отложить в сторону черновик, сызнова начать, пытаясь точнее выразить мысль, ощущение, неясную тревогу... Сил нет, времени нет, нет привычки — исчезла потребность. Дело не только в появлении телефона — ушли слова, письмо ушло как сокровеннейшее средство общения, как *переживание* общения в те минуты, когда ты письмо пишешь».

Современная культура во многом утратила религиозность. Нет в ней романтического покрова. Наша эпоха — стремительная, расчетливая, деловая. Естественно, многие люди испытывают потребность с кем-то поделиться, зафиксировать внимание на необычности собственных переживаний, найти душевный отклик. Вот почему в XX в. приобрел такую популярность феномен групповой психотерапии. Свободный обмен впечатлениями, репликами, мнениями в конечном счете рождает эффект исповедальности. Люди открывают друг другу собственные тайны.

Человек — социальное создание. Он живет среди других людей, и поэтому огромное значение в жизни каждого человека и общества в целом имеет общение. Оно многолико. Между людьми складываются самые разнообразные контакты — деловые, информационные, эмоциональные, интеллектуальные. Каждая культура предлагает собственные типы общения. В ряде культур исповедальность человека проявляется в религиозных традициях, в дружеском общении, в эпистолярном жанре. Современная культура во многом безразлична к возможности человека выразить мир своих тонких чувствований.

Литература

.....

- Августин Аврелий.* Исповедь. *Петр Абеляр.* История моих бедствий. — М., 1992.
- Башкирова Г.* Варианты судьбы. Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. — М., 1982.
- Берн Э.* Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. — СПб., 1991.
- Бубер М.* Два образа веры. — М., 1995.
- Губман Б.Л.* Западная философия культуры XX века. — Тверь, 1997.
- Гуревич П.С.* Приключения имиджа. — М., 1991.
- Леви Вл.* Искусство быть другим. — СПб., 1993.
- Фейхтвангер Л.* Мудрость чудака. — М., 1956.

Тема 24

ФЕНОМЕН ГРУППОВОГО СОЗНАНИЯ

Предположим, у вас появились психологические проблемы. Вы потеряли уверенность в собственных силах. Вам кажется, что вы совершенно не востребованы. В личной жизни полный провал. Дело дошло до развода. Теперь возникли трудности и на работе. Недавно шеф предупредил вас о том, что будет проведена аттестация всех работников. Кое-кому придется покинуть стены офиса. Другие сотрудники держатся уверенно. Это им помогает...Вы же выглядите угнетенной, жалкой. Что делать?

Первый вопрос: с кем вы готовы поделиться собственными проблемами? Вариант первый: ни с кем. В самом деле, кому интересно выслушивать чужие стенания? Отношения с подругами чисто прагматические. Вместе ходим в гости, если приглашают. Советуемся, если нужно что-нибудь купить. Рассказывать же про то, что скоро могут прогнать со службы — это выше моих сил. Может быть, соседке? Она, конечно, приветливая, участливая. Но ведь вам нужна психологическая помощь, а не отвлеченная благожелательность.

Вариант второй (первый — вам никому не хочется открываться) — вы идете в церковь, к другу, к любимому. Плохо, когда ближайшее окружение равнодушно к вам. Вам надо как-то «очеловечить» отношения между людьми. Разумеется, все человеческое общество не может откликнуться на вашу беду. Да вам это и не нужно. Пусть отзовутся те, кто вам близко знаком, кого вы знаете по имени, у кого с вами сложились дружеские и полудружеские отношения. Здесь мы подходим к понятию группы, как оно сложилось в социологии и психологии.

Философы, социологи и психологи говорят об исторических типах сознания. Оно может быть, прежде всего, индивидуальным, то есть принадлежащим конкретному человеку. Но ведь люди живут в обществе. Их конкретные представления образуют какую-то целостность. Философы называли этот тип сознания коллективным, или общественным. Ученые весьма долго полагали, что основу любого сознания составляет мнение индивида. Предполагается, что если у него есть некие убеждения, то он всегда их высказывает, выражает одинаково. Дома он или на площади, в коллективе или выступает в качестве выразителя общественного мнения.

Еще два века назад, в эпоху Просвещения никто не сомневался, что окружение мало влияет на индивидуальные предпочтения. Если кто-то отстаивает некую точку зрения, то он легко делает это и в одиночестве и среди людей. Различия между наставниками и опекаемыми не рассматривались как непреодолимые. Предполагалось, что просвещаемые легко воспримут знание или истину, добыть которые они самостоятельно не могут, поскольку не свободны от житейских хлопот.

Уже в XX столетии обнаружили кое-какие парадоксы сознания. Не только в огромной толпе, но и в маленькой группе человек ведет себя не так, как в отдельности. Одним из ярких подтверждений феномена группового сознания явился классический эксперимент, проведенный Э. Мэйо (1880—1949) на предприятиях компании «Вестерн электрик» в Хоторне (близ Чикаго). Для эксперимента была выбрана работа по сбору телефонных трансформаторов, которая считается однообразной и обычно выполняется женщинами. Сборочный станок с соответствующим оборудованием, рассчитанный на пять женских рабочих мест, был поставлен в помещении, отделенном перегородкой от главного сборочного цеха. В этом помещении работали шесть женщин — пятеро у станка и одна — на распределении деталей между сборщицами. Все они были опытными работницами. Две из них отказались трудиться в таких условиях в течение первого года, и их места были заняты двумя другими с такой же квалификацией. В целом эксперимент продолжался в течение пяти лет и был разделен на различные периоды, в течение которых по-разному изменяли условия труда. Не вдаваясь в детали этих изменений, скажем лишь, что были установлены перерывы на отдых утром и после обеда, во время которых предлагались закуски и освежающие напитки, и что рабочее время было сокращено на полчаса.

В результате выработка каждой работницы значительно выросла. Ну, допустим, ничто не может быть вероятнее, чем предположение, что увеличение времени на отдых и попытки улучшить условия труда стали причиной повышения производительности. Однако нововведение в 12-м экспериментальном периоде не подтвердило эти предположения и показало удивительный результат. По договоренности с работницами группа вернулась к условиям труда, существовавшим в начале эксперимента. Перерывы на отдых, закуски, напитки и другие блага были отменены примерно на три месяца. Ко всеобщему изумлению, это не привело к снижению производительности труда, а наоборот: ежедневная и еженедельная выработки возросла больше, чем когда-либо ранее.

В следующий период были вновь введены привилегии, с тем лишь исключением, что девушки сами приносили еду, а фирма предоставляла им кофе во время перерыва на завтрак. Производительность труда продолжала расти. И не только производительность. Не

менее важно, что заболеваемость среди работниц, участвующих в эксперименте, упала примерно на 80 процентов по сравнению с общей заболеваемостью, а также что в их среде возникла новая социальная обстановка дружеского общения.

Чем же можно объяснить тот удивительный факт, что «на постоянный рост производительности труда, видимо, никакого влияния не оказывали экспериментальные изменения»? (Mayo E. *The Human Problems of an Industrial Civilisation*. N.Y. 1946). Если не перерывы на отдых, чай и сокращение рабочего времени, что же побудило работниц производить больше, не болеть и дружески относиться друг к другу? Ответ очевиден: хотя с технической стороны работа осталась такой же однообразной и скучной, хотя даже некоторые улучшения условий труда, например перерывы на отдых, не сыграли решающей роли, социальный аспект положения на производстве в целом изменился и вызвал изменения в отношении работниц к процессу труда. Их поставили в известность об эксперименте и о том, что он будет состоять из нескольких этапов; к их предложениям прислушивались и нередко принимали их, и, что особенно важно, они сознавали себя участницами осмысленного и интересного эксперимента, важного не только для них, но и для остальных работниц фабрики. И если вначале они проявляли робость и стеснительность относительно намерений компании, то позднее их отношение характеризовалось доверием и искренним участием. В группе работниц появилось чувство причастности к работе, поскольку они знали, что делают, имели перед собой цель и могли воздействовать на ход эксперимента.

Ошеломляющие результаты эксперимента Э. Мэйо показывали, что заболеваемость, утомляемость и низкая производительность вызываются главным образом не техническим однообразием труда, а отчуждением рабочего от труда в целом во всех социальных аспектах. Как только это отчуждение было до определенной степени уменьшено вследствие того, что работницы почувствовали себя участницами осмысленного процесса, на который они могли влиять, их общее психологическое отношение к труду изменилось, хотя технически они выполняли ту же самую работу. За экспериментом Мэйо в Хоторне последовал целый ряд научных проектов, доказывавших, что социальный аспект труда оказывает решающее влияние на отношение рабочего к труду, даже если сам процесс труда с технической точки зрения остается неизменным.

В первые десятилетия прошлого века проводились исследования, в рамках которых анализировались психологические механизмы поведения людей в небольших (чаще всего производственных) коллективах. Группа в психологии и социологии — это ограниченная в размерах общность людей (школьный класс, футбольная ко-

манда, филателисты района и т.д.), выделяемая из социального целого на основе определенных признаков.

По своему историческому происхождению, по способу жизнедеятельности, по характеру развития от рождения до зрелости человек является общественным существом. Эти свои социальные качества человек приобретает и реализует через совместную с другими людьми деятельность и общение, которые являются для каждого жизненной потребностью. А деятельность и общение возможны лишь в социальных группах. Вот почему личность и группа оказываются не только самыми распространенными, но, кроме того, и неразрывно связанными друг с другом понятиями социальной психологии.

Понятием «социальная группа» принято обозначать совокупности людей, составляющие элементы социальной группы. Группы, с которыми связана жизнь человека, различаются по ряду признаков. Они могут быть более или менее постоянными или, напротив, временными, организованными и неорганизованными. Один и тот же человек может быть одновременно членом семьи, производственного коллектива, профсоюзной или политической организации, а также игроком футбольной команды, виолончелистом в любительском концерте или членом общества филателистов. Кроме того, в отдельные дни он может стать участником демонстрации или митинга, зрителем спортивного зрелища или театрального представления, примкнуть к толпе, наблюдающей уличное происшествие, или стать пассажиром поезда или самолета.

В одно и то же время тот же самый человек является гражданином какого-либо государства, представителем определенной этнической общности, социального слоя. Он также относится к какой-либо возрастной, половой, профессиональной группе. И каждая из этих групп каким-то образом влияет на становление и функционирование его сознания, оказывает воздействие на его чувства.

Даже при простом перечислении далеко не полного списка групп, членом или представителем которых может быть один и тот же человек, обращает на себя внимание тот факт, что при всем их многообразии они делятся на два качественно отличительных типа — реальные и условные группы.

Реальная группа — это совокупность взаимодействующих между собой индивидов, объединенных совместной деятельностью или интересом. Реальная группа может выступать субъектом деятельности, которая осуществляется ее участниками в едином пространстве и времени, поддерживает прямые или опосредованные контакты между ее участниками. Важный признак реальной группы — наличие общих для всех ее участников целей и ценностей.

Условная группа — ее часто называют классификационной или статистической — это группа, искусственно выделяемая в целях теоретического анализа. Исследователь включает мысленно в эту груп-

пу людей, обладающих каким-то общим признаком или рядом общих признаков. Например, по половому признаку все население страны статистически делится на группу мужчин и группу женщин, по возрасту — на группу дошкольников, младших школьников, подростков, людей юношеского возраста, людей зрелого, пожилого и преклонного возраста.

В середине прошлого века, проводя различные исследования в области промышленной социологии, жизни современного города, социологического изучения армии, экспериментаторы — зачастую неожиданного для себя и даже вопреки собственным гипотезам — стали обнаруживать все новые и новые факты значительного влияния формальных и неформальных групповых отношений на усвоение единых для данной общественной системы норм и ценностей, влияния, о котором при первом подходе (в начале века) они знали очень немного.

Литература

- .....
- Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействия. — М., 1990.
Андреева Г.М. Социальная психология. — М., 1994.
Гуревич П.С. Методы групповой терапии. — М., 1998.
Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. — М., 1979.
Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малых групп. — М., 1991.
Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. — М., 1988.

Тема 25

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

Политическая психология — это сфера психологической политики, в которую входят самые общие вопросы: раскрытие сущности политики, ее исторические судьбы, опыт психологической рефлексии по поводу исторической практики через призму конкретной политической деятельности.

Человек — существо социальное. Мы живем среди людей и по этому зависим от них. Хочешь — не хочешь, а надо как-то согласовывать собственные действия с поступками своих сородичей, соплеменников, сограждан. Если бы я жил на земном шаре один, я, безусловно, позволил бы себе абсолютную свободу. Но откуда взяться своеволию, если вокруг столько людей, которые чего-то ждут от меня, требуют, настаивают?...

В своей фантазии я могу представить себя первобытным охотником. Ко мне подходит глава рода и сообщает, что пора идти на охоту. Умом я понимаю, что запасы съестного действительно истощились и если мы сегодня не добудем пищу, есть будет нечего. Но идти за добычей мне не хочется. Дело это нелегкое и притом опасное.

Кроме того, мне ужасно нравится лежать на куче хвороста и разглядывать облака. Однако вождь неумолим. Он смотрит на меня требовательно и непреклонно. А кто он, собственно, такой? Почему я должен подчиняться его приказу? Мне вообще не нравится его вид — надменный и суровый. Вот сейчас, не поднимаясь с кучи хвороста, возьму и врежу ему правду-матку. Впрочем, пожалуй, не стоит. Члены рода прогонят меня прочь, а без помощи других я мамонта не одолею...

Вы уже догадались, что такое мировосприятие скорее похоже на сознание современного человека.

Итак, чтобы общество существовало, людям приходится действовать согласованно. Иначе говоря, нужен порядок. Эта идея родилась уже в древней космологии.

Порядок — это относительная налаженность в мире, в сфере человеческой деятельности. Каждый сознательный человек должен

подчиняться воле других и следовать общим установлениям. Легко сказать... Люди все разные, и им вовсе не хочется отказываться от собственных намерений, фантазий, личных интересов.

Интерес — это осознание собственной выгоды, пользы или даже корысти. Я, например, после окончания института хочу стать журналистом. Можно поехать по разным странам. Помянуть перед телекамерами... Но мой отец видит меня в будущем в роли юриста. А бабушка почему-то считает, что во мне живет прирожденный и, безусловно, талантливый менеджер. Я, может быть, и согласился с бабушкой, но она сама не знает толком смысл этого нового словечка...

Как тут обеспечить порядок? Кто в лес, кто по дрова... К тому никто не хочет понять душу молодого специалиста. Так, наверное, было всегда.

Когда Платон размышлял об идеальном государстве, он, наверное, тоже думал о порядке. Но при такой разногласии интересов не только в семье, но и во всем обществе обеспечить единомыслие просто невозможно. Недаром раздосадованный Платон хотел укрепить общество, казня и изгоняя определенные группы людей...¹.

Когда же возникла политическая психология? Английский политолог Дж. Кэтлин «крестным отцом» этой области социальной психологии называл Сократа². Иной точки зрения придерживается английский политолог Н. Берри. Он считает «Государство» Платона «самым первым и самым известным политическим трактатом по политической философии»³. С этими взглядами был солидарен и крупный современный политический философ Л. Страус⁴.

Разумеется, говоря о политической психологии, важно различать появление собственных сочинений на темы политики («Политика», «Государство», «Законы», «Республика», «Государь») и сам феномен политики. Хотя уже в античной философии рождались политические представления, но еще не было живой преемственности во взглядах, не сложились зрелые политические отношения внутри общества. Не наблюдалось и явление политизации широких слоев населения.

Однако уже в древности складывались взгляды на отношения не только внутри общества, но и между различными государствами и культурными мирами. Традиции трезвого, критического анализа этого феномена связаны с такими мыслителями, как Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Н. Макиавелли. Политика представляет собой участие в делах государства, в определении направления его функционирования, в определении форм, задач и содер-

---

¹ См.: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. — М., 1992.

² *Catlin D.* The Story of Political Philosophers. N.Y. and London. 1939, p. 33.

³ *Barry N.* An Introduction to Modern Political Theory. London. 1982, p. 110.

⁴ *Strauss L.* Introduction to Political Philosophy. N. Y. 1986, p. 64—65.

жания деятельности государства. Цель политики — сохранение или создание наиболее приемлемых для определенных социальных слоев или классов, а также страны в целом условий и способов осуществления власти¹.

Итак, политика — это сфера деятельности, регулирующая социальные отношения и обеспечивающая завоевание, удержание и использование государственной власти. Чтобы общество не распалось, чтобы не было кровопролития, надо, очевидно, учитывать не только свои интересы, но и интересы других людей. Во что бы то ни стало надо добиться согласия. «Включение категории согласия в исследование актуализировавшихся проблем глобализации человечества, диалога и взаимодействия культур, смены типов цивилизационного развития будет способствовать философскому обоснованию перспективных направлений развития человеческого общества, в его условиях многополярности². Вот и вождь племени, который стоит надо мной, пока я наслаждаюсь блаженным покоем, призывает меня к благоразумию. Однако он не пользуется словом «политика». Такого слова еще нет.

Согласно Платону и Аристотелю, политика — это единая наука об обществе и городе-государстве (полисе). Термин получил распространение под влиянием трактата Аристотеля. В самом общем виде политикой в то время можно было бы назвать согласование интересов между государством и социальными группами. Когда племенное единство распалось, обнаружилось множество разнонаправленных человеческих устремлений. Поэтому некоторые античные мыслители считали всякое индивидуальное побуждение зловерным актом несправедливости, за который индивид должен страдать и принести покаяние.

Почти все древние мыслители ощущали болезненно переживаемое ими социальное напряжение. Поэтому Аристотель понимал под политикой разумную целенаправленную форму человеческой общности, которая служит достижению «общего блага» и «счастливой жизни». Предположим, такой идеал оказывается достижимым. Все люди отказываются иметь только свой интерес и живут согласованно, цивилизованно, во всем ориентируясь на общее благо. Это, пожалуй, недостижимо...

Почему же родилась политика? Дело в том, что в обществе, как уже говорилось в третьей части книги, всегда есть разные социальные группы. Их интересы не совпадают. Так, предприниматели добиваются свободы действий, рыночной экономики. Военные озабочены тем, чтобы государство активно заботилось об обороне стра-

---

¹ См.: *Спиркин А.Г.* Философия. — М., 2000. — С. 163.

² *Степин В.С.* Предисловие к книге: Алиев М. «Согласие. Социально-философский анализ». — М., 2001. — С. 4.

ны. Пенсионеры хотят, чтобы их жизнь была обеспечена, чтобы они своевременно получали пенсии, достаточные для нормальной жизни. В общественной жизни разность интересов рождает многочисленные политические действия. Разные социальные группы пытаются защитить свои интересы, создают группы давления на власть, политические партии.

Требования социальных групп, как правило, несовместимы в полной мере. Если государство станет укреплять обороноспособность страны и тратить на это огромные суммы, пенсионерам нечем будет платить. Останутся без зарплаты учителя, врачи, деятели культуры. Стоит увеличить расходы на культуру, которая, безусловно, в этом нуждается, — возникнут трудности с поддержкой перспективных отраслей промышленности.

Дело, разумеется, не только в экономических требованиях. Кому-то кажется, что в России нужно опираться на свободный рынок. Другие, напротив, убеждены, что при огромных масштабах страны и самобытности русской истории следует укреплять государство. Но как обеспечить их согласование? Как выявить приоритеты, то есть преимущественное право на что-то, наиболее важное направление развития, самое эффективное решение? Прежде всего, важно использовать рычаги государственной власти. Вот это и порождает политические действия, их направленность и содержание.

Власть — это способность и реальная возможность правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами. Власть — это выражение общественных отношений, которые обнаруживаются в навязывании социальным субъектом собственной воли другим лицам или сообществам. Власть отличается от физического насилия тем, что она оказывает воздействие на тело, душу, ум, подчиняет других закону своей воли. В политических науках власть рассматривается как центральное, организационное и регулятивно контрольное начало политики..

Этимологически понятие прослеживается во многих языках. Греческое слово *arche* выражает два значения — «править» и «начинать». Корень «архэ» является общим для многих слов — «архитектор», «архиепископ» и, например, «собственник», «хозяин». Все эти лингвистические нюансы определяют социально-философскую традицию рефлексии по поводу понятия «власть».

Власть — это благо или зло? Вот что пишет, к примеру, отечественный исследователь Б. Диденко: «Власть... О ней написаны горы книг. Ее по праву можно считать одной из «вечных тем», наряду с темами любви, смерти, смысла жизни... И то, что власть — зло, трудно оспаривать. Невозможно даже в общих чертах описать весь тот водопад несчастий и горя, который власть обрушивает на лю-

дей. Преступления и несправедливости, совершенные властью имущими и равно борющимися за власть, — неисчислимы»¹.

Б. Диденко ставит вопрос о том, какова внутренняя (интроспективная) «психологическая картина», мотивационная основа бесчеловечного поведения самих властителей (правителей, иерархов, «авторитетов»), которые, не теряя душевного комфорта, обрекают людей на невзгоды и страдания? «Власть развращает человека, абсолютная власть развращает абсолютно». Неужели любой человек, обретший власть, способен на подобное «развращение»? Или только некие «избранные»?

Античные мыслители видели в устремлении к власти некую человеческую способность, глубинное качество. «Человека выказывает власть», — писал *Путтак* (ок. 650 — ок. 570 до н.э.) из Митилены. Древнекитайские философы связывали власть с политическими процессами. Они подчеркивали, что власть должна быть нравственной, ибо тогда она стабильна. Но одновременно они показывали манипулятивный характер власти, приходя к убеждению, что глупым народом управлять легче.

«Только нравственная власть пользуется уважением», — говорил древнекитайский философ *Мо-цзы* (479—400 до н.э.). Однако в истории человечества слишком много примеров, которые свидетельствуют о том, что политика плохо согласуется с моралью. Царя Израильско-Иудейского государства *Давида* (конец XI в. — ок. 950 гг. до н.э.) называли «кротким». Однако он беспощадно расправлялся с населением завоеванных им городов. Именно он приказывал поголовно всех, в том числе стариков, женщин и детей, «подкладывать под молотилки, железные пилы и бросать их в обжигательные печи». Римский диктатор *Сулла* (138—78 до н.э.) после захвата власти устроил резню шести тысяч своих противников. Когда его спросили, что за страшные крики слышны за окном, он ответил: «Там по моему приказу наказывают нескольких негодяев».

И. Кант считал, что власть — это человеческая страсть. «В самом деле, — писал он, — приобрести власть над склонностями других людей, с тем, чтобы управлять и распоряжаться ими в соответствии со своими целями, — это почти то же, что овладеть ими как простыми орудиями своей воли. Неудивительно, что стремление иметь влияние на других становится страстью»². Эта способность, по мнению Канта, заключает в себе как бы тройкую силу: почет, власть и деньги³.

Своеобразную концепцию власти развивал Ф. Ницше. Он отмечал, что мы привыкли считать существование огромной массы форм,

---

¹ Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. — М., 1997. — С. 3.

² Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. в 8 т. — М., 1994. — С. 307.

³ Там же.

совместимой с происхождением их из некоторого единства. «Моя теория, — писал он, — гласила бы, что воля к власти есть примитивная форма аффекта, что все иные аффекты только ее видоизменения»¹. По мнению Ницше, все есть воля к власти, что кроме нее нет никакой физической, динамической или психической силы².

Важнейшим аспектом феномена власти считается ее правовое обеспечение. «Другими словами, — писал В.С. Соловьев, — право должно иметь в обществе действительных носителей, достаточно могущественных для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимые суждения могли иметь силу принудительную. Такое реальное представительство права, или такая дееспособная законность, называется властью»³.

Новые аспекты в рассмотрении власти внес психоанализ. Особое внимание психоаналитики уделили антропологическому срезу, иначе говоря, они проследили предпосылки власти как следствия особых механизмов человеческой психики. Генезис отношений господства и подчинения исследователи этой ориентации усматривали в бессознательных пластах психики. Так, К.Г. Юнг выделил комплекс власти как сумму всех тех энергий, усилий и идей, которые направлены на приобретение личной власти. Когда этот комплекс преобладает над личностью, все другие влияния подчиняются эго, независимо от того, являются ли они влияниями, исходящими от других людей и внешних условий, или возникают из собственных импульсов человека, его мыслей и чувств.

Однако, по мнению Юнга, можно обладать властью и не будучи жертвой комплекса или одержимым жадной власти. Э. Фромм, осмысливая опыт тоталитарных режимов, отмечал, что исследователи были не в состоянии поверить, что человек может проявлять такую предрасположенность ко злу, такую жажду власти, пренебрежение к правам слабых и такое стремление к подчинению. Психоаналитическая школа *Ж. Лакана* (1901—1981) целиком ориентирована на изучение языка власти, как он рождается в бессознательном.

Социально-философский аспект в определении власти обнаруживается в политической семиологии *Р. Барта* (1915—1980). Он утверждал, что любая деполитизация мира осуществляется в политических целях. Трудно помыслить себе «незаинтересованного наблюдателя» власти, которая открывает себя для бескорыстного созерцания. В подобной «незаинтересованности» проявляет себя, по Барту, активное утверждение созерцательного отношения к миру как ценности⁴.

---

¹ *Ницше Ф.* Воля к власти. — М., 1994. — С. 281.

² Там же. — С. 282.

³ *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. — М. 1988. — С. 460.

⁴ См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994.

Политическая антропология австрийского писателя Э. Канетти показала, что «механика власти» прослеживается как на уровне элементарных межличностных взаимодействий, в так и в институционализированных системах власти. По его мнению, феномены власти и массы изначально связаны друг с другом. Природа этой связи и конкретные формы ее воплощения остаются неизменными практически на всем протяжении человеческой истории. Антропология власти содержит печальные констатации по поводу перспектив социального и политического развития человечества. Вместе с тем Э. Канетти осмысливал новые формы взаимоотношений власти и массы. Воплощение изначальных властных импульсов оказывается в этом контексте практически несостоятельным¹.

Французский философ М. Фуко (1926—1984) рассматривал генеалогию власти. Он проанализировал специфические комплексы «власти — знания», стратегии власти и дискурсивные практики, которые в ходе взаимодействия обуславливают те или иные познавательные подходы к человеку. Власть, по мнению М. Фуко, невозможно определить через отрицательные характеристики (подавление, принуждение, нажим). Как раз именно различные типы власти порождают и саму реальность, и объекты познания, и ритуалы их постижения. Фуко показывает, что отношения власти пропитывают все общество. Их можно обнаружить в школе и казарме, кабинете врача и семье.

Современная структура власти, по словам Фуко, оформилась на рубеже XVII—XIX вв. С той поры власть не является привилегией одного лица, как это было в монархиях, не имеет центра, не является привилегией общества. Современная власть обеспечивает «все-надзорность», дисциплину и нормирование. Так возникают определенные стратегии управления людьми. Красноречивой иллюстрацией нынешней власти является тюрьма как социальный институт. (Об этом см.: М. Фуко «Надзор и наказание» (1975), «Воля к знанию» (1976)).

Литература

.....

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. — М., 1993.

Бердяев Н.А. Философия неравенства. — Париж, 1972.

Вебер М. Избранное. Образ общества. — М., 1994.

Политический энциклопедический словарь. — М., 1993.

Шестопал Е.Б. Политическая психология. — М., 2003.

Эллиоль Ж. Политическая иллюзия. — М., 2003

Энкельман Ю., Николаус Б. Харизма. — М., 2000.

---

¹ См. более подробно: Канетти Э. Масса и власть. — М., 1997.

Тема 26

ПСИХОЛОГИЯ МАСС

Феномен толпы, разумеется, известен исстари, хотя впервые зафиксирован и исследован только более столетия назад. В 1898 г. вышла книга французского социального мыслителя Г. Лебона «Психология народов и масс». Эта книга стала манифестом науки, которая под разными названиями (социальная психология, коллективная психология, политическая психология масс) продолжает существовать до настоящего времени.

Французский ученый, по сути дела, предвосхитил всю психологическую и политическую эволюцию нашего века. Социалистические движения и рабочие партии первыми столкнулись с проблемой масс. Их политика основывалась на постулате рациональности точно так же, как и политика либеральных движений буржуазных партий. Политики полагали, что поведение людей зависит от осознания ими своих интересов и общих целей.

Г. Лебон отмечал, что великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд, определяется главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Однако, по его мнению, более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Именно исторические перевороты — но не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей¹.

Французский исследователь пришел к убеждению, что вступление народных классов на арену политической жизни представляет собой одну из наиболее выдающихся характерных черт переходной эпохи. Он отметил, что притязания толпы становятся все более определенными.

Но вот Лебон отмечал: «История учит нас, что толпы чрезвычайно консервативны, несмотря на их внешне революционные побуждения, они всегда возвращаются к тому, что разрушили». По

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб., 1898. — С. 1.

мнению Лебона, основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые заглушают личностные различия и снижают интеллектуальные способности. Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. Это скопление своей массой увлекает его за собой, как морской прилив уносит гальку.

Иначе говоря, исчезновение индивидуальных свойств, растворение личностей в группе происходит одинаково, независимо от уровня состоятельности или культуры ее членов. Было бы ошибкой считать, что образованные, или высшие, слои населения лучше противостоят коллективному влиянию, чем необразованные, или низшие, слои, и что сорок академиков ведут себя иначе, чем сорок домохозяек.

Лебон показал, что массы, во-первых, представляют собой социальный феномен, что, во-вторых, индивиды растворяются в массе под влиянием внушения, в-третьих, гипноз понимается как модель поведения вождя масс. Толпа — это не скопление индивидов. Это специфический феномен, некое новое образование, когда сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимает одно и то же направление.

Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Лебон объясняет этот феномен через понятие бессознательного. Он подчеркивает, что сознательная жизнь ума составляет лишь малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Индивид в толпе, благодаря только численности, — сознание непреодолимой силы, и это сознание, по мнению исследователя, дозволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе.

В толпе, кроме того, всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид легко приносит в жертву свои личные интересы. По мнению Лебона, такое поведение противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы. Люди в толпе восприимчивы к внушению. Итак, исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи — вот главные черты, характеризующие, по Лебону, индивида в толпе.

Индивид в толпе — это песчинка среди массы других песчинок, вздымаемых и уносимых ветром. Лебон указывает на опасность толпы, поскольку она обладает импульсивностью, изменчивостью и раздражительностью. Толпа поразительно легковерна. Она легко поддается слухам. Сознание толпы полно иллюзий. Вот почему толпе

знакомы только простые и крайние чувства. Всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком или относится к ним как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям.

Трудно понять историю, и особенно историю народных революций, если не уяснить себе как следует глубоко консервативных инстинктов толпы. Разумеется, многие идеи, которые выражает Лебон, с течением времени утратили свою основательность. Например, французский исследователь полагает, что толпа питает самое священное уважением к традициям и бессознательный ужас ко всякого рода новшествам, способным изменить реальные условия их существования. Политическая практика, напротив, показала, что толпа готова сокрушать традиции, изменять условия собственного существования, если это диктуется ее представлениями о реальности.

Лебон в полной мере осознает опасность толпы, но он все же пытается остаться на прогрессистских позициях. Исследователь отмечает: большое счастье для прогресса цивилизации, что власть толпы начала нарождаться уже тогда, когда были выполнены великие открытия в промышленности и науке. Лебону казалось, что это может в какой-то степени нейтрализовать пагубное воздействие толпы на социальные процессы. Однако мы видим сегодня, что новые информационные технологии нисколько не уменьшили угрозы диктата толпы.

Немалую ценность представляют идеи Лебона о том, что толпа способна реализовать шизофренические возможности своего воображения.. Вот почему толпа поражается больше всего чудесной и легендарной стороной событий. Толпу увлекают, действуя главным образом на ее воображение. Тот, кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот обладает и искусством ею управлять.

Затем после Лебона появились работы *Г. Тарда* (1843—1904), Зигмунда *Фрейда*, *Х. Ортеги-и-Гассета* (1883—1955). Тард полагал, что важнейшей функцией социальной жизни является инициатива (нововведение) и подражание (мода и традиция). Психологизируя общественные отношения, Тард считал основными социальными процессами конфликты, приспособление и подражание, с помощью которых индивид осваивает нормы, ценности и нововведения.

Собственно, мысль о том, что толпа переменчива и агрессивна, никем не отвергалась. Даже в марксистской традиции с ее культом сознательности признавалось безумие мелкобуржуазной стихии. Однако долгие десятилетия исследования психологии толпы воспринимались как маргинальные. Академически мыслящие социологи и психологи предпочитали изучать «нормальные» общественные связи, стойкие социальные образования, неэксклюзивные обнаружения разума и чувств. Сознание толпы не оценивалось как исторически конкретный тип мироощущения. Предполагалось, что психология людских скоплений — скорее фантом, некое временное наваждение, нежели закономерный социальный продукт.

Исследователи-марксисты выразили такой подход к проблеме с предельной ясностью. Они полагали, что толпа — следствие радиации классов, распада четких и стабильных социальных образований, преобразование маргинальных групп, не оформившихся в качестве агентов социально-экономических отношений. Впрочем, и оппоненты марксистов искали социальные, экономические, политические факторы, рождающие толпы. Они пытались объяснить психологию через нечто более основательное, социально значимое... Тард следует тем же маршрутом, что и Лебон. Он начинает с толп, скоплений спонтанных, анархических и естественных, типичных явлений общественной жизни. Однако Тард считает, что в конечном итоге они менее важны, чем искусственные толпы, организованные и дисциплинированные. В данном случае имеются в виду политические партии и государственные структуры. Армия или церковь были бы их прототипами. Можно утверждать, что здесь речь идет о качественном скачке: о переходе от аморфной массы к массам структурированным.

Комментируя это преобразование темы, французский ученый С. Московичи пишет: «Какое очевидное изменение! До сих пор массы обнаруживали себя как продукт распада и ослабления нормальных рамок общественной жизни. Будучи результатом развала социальных институтов, они являли собой нарушение упорядоченного хода вещей. Отныне они образуют элементарную энергию, примитивное месиво, из которого посредством превращений возникают все общественные и политические институты. Из этого следует заключить, что семья, церкви, общественные классы, государство и т.д., которые считаются основополагающими и естественными общностями на самом деле искусственны и производны»¹.

В бессознательном мы обнаруживаем не только неудовлетворенное половое влечение, но также стремление к преобладанию и власти, смятенное сознание, уязвленное самолюбие, неугасимую обиду и зависть, вечную приговоренность к одной и той же судьбе. Нам, людям начала нового тысячелетия, прошедшим через необратимые искушения власти, социальности, цезаризма, до сих пор неизвестны другие неиссякаемые источники энергии в человеке, кроме Эроса. Вот она, плодородная активность, в своем преображении рождает культуру, все многообразие воображения и творчества. Эта энергия определяет все виды тривиальных и экстраординарных отношений между людьми. Разве есть другие импульсы? Может быть, только изнанка либидо — огромная разрушительная мощь...

В своей работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» Фрейд пытается понять, что такое «масса», чем приобретает она способность столь решительно влиять на душевную силу отдельного человека и в чем состоит душевное изменение, к которому она человека вынуждает...

---

¹ *Московичи С.* Век толп. — М., 1996. — С. 199.

Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Она легковерна и чрезвычайно поддается влиянию. Масса не критична, неправдоподобного для нее не существует. Она никогда не знала жажды истины. В коллективном порыве толпа готова верить, что можно мигом воссоздать рухнувший Советский Союз, продавать колбасу по прежним ценам, вернуть былое.

Чего недостает этой картине? Конечно же, простой констатации: масса заражена эротической психоэнергетикой. Ее переполняют синдромы любви и ненависти. Психологи обнаруживают прямую связь между сексуальной взволнованностью избирателей и имиджем политического лидера. Политик с ямочкой на подбородке активизирует комплекс Эдипа. Он заслуживает популярность среди тех, кому ведом этот импульс. Похожесть на медведя олицетворяет сексуальную мощь. Это подсознательный мотив. Взвинченность природы харизматика намекает на роковые страсти. Шорох Эроса внятен повсюду.

Фрейд считает, что задача психологии масс состоит в том, чтобы объяснить все политические, исторические и культурные феномены прошлого и настоящего. Но до сих пор психология масс защищала в основном интересы политические. Либеральная и консервативная, она стремилась сохранить общественный порядок. Что же касается толпы, то здесь Фрейд разделяет в основном идеи Лебона и Тарда. Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное. Импульсы, которым повинуетя масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже интересу самосохранения. Ничто у нее не бывает преднамеренным. Если она страстно и желает чего-нибудь, то всегда не надолго, она неспособна к постоянству воли. Она не выносит отсрочки между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного¹.

Плодотворной является мысль Фрейда о том, что подлинными соблазнителями людей оказываются не маркиз де Сад и не Казанова, а политические вожди. Масса — послушное стадо, которое не в силах жить без господина. У нее такая жажда подчинения, что она, по словам Фрейда, инстинктивно подчиняется каждому, кто назовет себя ее властелином. «Хотя потребность массы идет вождю навстречу, он все же должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой (в идею), чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, которую переймет от него безвольная масса»².

---

¹ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Основной инстинкт. — М., 1997. — С. 257.

² Там же. — С. 261.

Фрейд дает понять, что мы имели бы больше шансов правильно предвидеть будущее, если бы руководствовались гипотезой, что все общественные движения подчиняются психологии масс. Например, какая связь прослеживается между паникой и террором? В панике индивид обращает свой страх против толпы и слепо ее разрушает. Это можно видеть в отдельных частях коллектива, малочисленных группах, вырванных из их изначальной среды. Они воображают, что им угрожает опасность, и делают вид, что убегают. В действительности они спешат убежать со смешанным чувством страха и ярости. При терроре же именно толпа направляет свой страх против человека.

Когда мы толкуем о современных проявлениях психологии толпы, массовой атомизированной аудитории, то бросается в глаза амбивалентность. Масса все время демонстрирует сложный замес чувств. Фрейд подчеркивает: с точки зрения психоанализа это объяснимо. Всякая любовь потенциально содержит в себе зерно ненависти. У толпы нет одного настроения. Она обоготворяет и сокрушает, возвышает и сбрасывает с пьедестала, любит и испепеляет. Разумеется, все это можно, как подчеркивает Фрейд, объяснить рационалистически, указать на конфликтность интересов людей. Однако либидозный вклад здесь весьма уместен.

Как справедливо отметил С. Московичи, психология масс открыла энергию коллективных феноменов в то же самое время, когда физика — явление ядерной энергии. Она поставила множество философских и психологических проблем. Люди прошлого века и века начавшегося имели возможность видеть эту необузданную власть толпы в действии. Оценивая опыт прошлого, мы наблюдаем людей, которые превратились в покорных животных, убивающих по приказу, из страха или из-за преданности. Мы видели тысячи и тысячи людей, принесенных в жертву.

Власть вождей, как показала психология толп, выглядит политически обыденной, социально обоснованной и практически всегда неизбежной. Мы наблюдаем весьма значительный подъем власти. Психология масс предвидела рождение этого феномена. Работы многих философов и психологов продемонстрировали значительную научную прозорливость. Мы получили очевидные аргументы, свидетельствующие о том, что вождей рождает психологическая нищета масс. Масса может превратиться в движение. Изучение политической практики без психологии толпы в наши дни уже невозможно.

Литература

- .....
- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. — М., 2001.
- Гуревич П.С.* Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. — М., 1978.
- Московичи С.* Век толп. — М., 1996.
- Психология масс: Хрестоматия.* — Самара, 1998.

Тема 27

ПСИХОЛОГИЯ РЕКЛАМЫ

Реклама — особенный феномен. Ее нельзя отождествить с тщательно продуманной информацией. Реклама по самой своей сути не может быть добросовестной, потому она ориентирована не на разум людей, а на бессознательные сокровенные побуждения и инстинкты потребителей. На уровне рассудка человек может даже осознавать непотребство рекламных причитаний, но ведь реклама рассчитана на подсознательный, сублимальный уровень...

После Второй мировой войны лотки и прилавки всех магазинов Соединенных Штатах оказались переполненными товарами. Однако их никто не покупал, потому что протестантский этос исповедовал аскетизм. Однако товарная масса накапливалась. Надо было воздействовать на потребителя не через его сознание, но через его ценностные установки. Следовательно, отыскивать путь непосредственно в глубинах психики. Там, где гнездятся неосознаваемые образы, сокровенные побуждения...

В Америке было создано два крупных психоаналитических центра, которые занялись совращением покупателя. Только подсознательное могло приглушить голос здравого смысла. Лишь в тайниках психики роились смутные полуосознанные мотивы. Эксперты установили, что, когда женщина приходит в супермаркет, зрачки ее глаз увеличиваются вдвое. Это обнадеживающее открытие, с которым можно работать... Рецепты шли на конвейер...

Психоанализ
в рекламе

..... Так реклама в США стала играть жизненно важную роль как стимулятор экономического роста. С середины прошлого века использование массового психоанализа в рекламе оказалось основной деятельностью торговых компаний. Сбыту подлежало все — продукты, идеи, товары, цели, кандидаты на политический пост и даже душевные состояния. Новые специалисты стали называть себя «аналитиками мнений». Вот что говорит по этому поводу величайший специалист в этой сфере Л. Ческин: «Анализ мотивов относится к типу исследований, которые ставят целью узнать, что побуждает людей делать тот или иной выбор. В этих исследованиях используются средства, предназначенные постичь области бессознательного,

поскольку предпочтение обычно определяется факторами неосознаваемыми. Фактически покупатель действует эмоционально и принудительно, реагируя на образы и побуждения, связанные в подсознании с продуктом».

Вы смотрите художественный фильм, на который накладывается стремительно пробежавшая реклама мороженого. В зал вносят сладкий и прохладительный продукт, потребление которого неслыханно возрастает. Кому хочется мороженого — вам или вашим совратителям? Это открывает огромные возможности для манипулирования сознанием. Традиционные методы исследования рынка исчерпали себя. Прежде практиковались статистические методы подсчета перспективных потребителей («метод подсчета сторонников»). Он заключался в предварительном выявлении лиц, склонных, судя по всему, приобрести тот или иной товар. Говорилось, к примеру, что женщины такого-то возраста, такого-то общественного и семейного положения, проживающие в таком-то штате, готовы купить такой-то предмет домашнего обихода по такой-то цене. Впрочем, это и есть информация вместо рекламы.

Специалисты выяснили, что товар может покупаться не ради его потребительской функции, а в качестве символа. Женщины платят за крем во много раз дороже, чем за мыло, потому что мыло сулит им только чистоту, а крем — красоту. Люди, стало быть, покупают не ланолин, а надежду, не апельсины, а жизненную силу, не автомобиль, а престиж. Вот когда обнаружилось, что реклама — этот феномен XX в. — меньше всего ориентирована на то, чтобы превратить человека в разумное и самостоятельно мыслящее существо.

Углубленные исследования показали, что люди часто не знают, чего хотят, и вовсе не расположены откровенно делиться своими симпатиями и антипатиями. Вот, скажем, фирма, выпускающая кетчуп, получила много жалоб на свою продукцию. Но когда она стала выпускать новый сорт, то сильно повысился спрос на старый. Можно ли проследить в этом случае неукоснительную рассудочность? Еще пример. Одним исследованием обнаружено, что важнейшим мотивом при выпуске журнала служит престиж издания. Фактически же оказалось, что обычные популярные журналы имеют гораздо больше подписчиков.

Женщин, ожидавших начало лекции, попросили посидеть в двух залах, из которых один был обставлен по-современному, а второй по-старинному. Там, во втором зале, была размещена роскошная стильная мебель, все устлано коврами. Почти все из обследуемых покупательниц заняли старинный зал, но на вопрос, какой им больше понравился, ответили, что современный. Вот и попробуйте логично объяснить, почему «альтернатива» фактически рекламирует себя в качестве монополии.

Человек — существо принципиально рассогласованное. Логика в нем противостоит воле, бессознательное — рассудку, чувства —

разуму. Домашние хозяйки, получившие на продолжительную пробу три пакета с моющим порошком, нашли между ними существенную разницу. Порошок в желтой упаковке оказался им очень сильным, разъедающим белье. В синей — слишком слабым, оставляющим белье грязным. Наилучшим все признали порошок в сине-желтой упаковке. Но вот одна правда — порошок во всех трех упаковках был одинаковым. Вопрос на сообразительность: может ли покупатель адекватно воспринять информацию о товаре?

Люди высказывают мнение даже в тех случаях, когда они совершенно не располагают информацией. Напомним пример из отечественной практики. Известный демограф напечатал в «Литературной газете» статью под названием «Берегите мужчин». Речь шла о том, что продолжительность жизни у мужчин на десять лет меньше, чем у женщин. (Кстати, сейчас разрыв стал еще больше). Социологи провели опрос по этой статье, указав в анкете, что надо строго высказаться по доводам демографа. Однако больше половины опрошенных сообщили, что статью вообще не читали. Да и при чем тут статья, когда про мужиков давно все известно. Другой пример: среди людей, заявивших, что не любят копченой сельди, сорок процентов никогда ее не пробовали.

Множество людей чистят зубы раз в день, по утрам, то есть именно после того, как в течение ночи успели разложиться остатки пищи, ради удаления которых и прибегают к зубной щетке. Исследование этой на первый взгляд несурзадной привычки показало, что люди очищают утром рот для того, чтобы избавиться от неприятного запаха, появившегося ночью. Другими словами, от чистки зубов ожидают не только гигиенического, но и вкусового эффекта. Этот мотив и был успешно положен в основу рекламы зубной щетки.

Выходит, человек — существо иррациональное. С помощью рекламы можно сбыть все. Такой вывод был бы скороспелым. Дело в том, что люди действуют как будто неблагодарно, но в действительности же целесообразно. Их поведение приобретает смысл, если рассмотреть его именно с точки зрения их потребностей, целей и побуждений. Собственное желание может оказаться размытым, нечетким, нерассудочным. Но он проступает достаточно рельефно.

.....
Манипулирование
общественным
сознанием
.....
Чтобы разрушить протестантский этос, психологи стремились пропагандировать среди людей чувство недовольства тем, что у них есть. Выявился еще один резерв манипулирования общественным сознанием — стимулы подсознания. Рекламные специалисты выдвинули концепцию

- трих психологических состояний человека:
- 1) покупатель знает, что с ним происходит, и может это объяснить;
  - 2) покупатель отдает себе отчет в своих чувствах, но не может объяснить их причину;

3) покупатель ничего не знает ни о своем состоянии, ни о вызвавших его причинах.

Экспертов по рекламе, разумеется, в основном интересовали два последних состояния. За звание родоначальника нового направления спорили между собой *Э. Дихтер*, руководитель Института анализа мотивов, и *Л. Ческин*, директор Института цвета. В середине 50-х годов в институте Дихтера работали 25 специалистов-психологов, антропологов. Дихтер утверждал, что к потреблению товара человека побуждают чувства, гнездящиеся в глубинах мозга. Именно их и надо мобилизовать с помощью рекламы. «Продавайте, — сказал он однажды владельцу обувной фирмы, — не туфельки, а красивые ножки».

Предметом исследования одной из фирм послужил, например, биологический месячный цикл женщины с целью установить эмоциональные особенности каждого периода и наиболее эффективные мотивы потребления тех или иных товаров, которые соответствуют этим эмоциональным состояниям. Примечательно, что методы исследования мотивов нередко черпаются из психиатрической практики. К ним относятся, к примеру, реклама, проводимая также по телевидению и имеющая целью выявить все оттенки чувств, вызываемые, в частности, такими интимными товарами, как слабительные, средства от пота, полноты, гигиенические салфетки.

Реклама как явление стала грандиозным культурным феноменом. Она содействовала разрушению протестантского этоса, стимулировав новые потребности и запросы. Современное общество немислимо без рекламы. Она является пропагандистом успеха. В нашей стране появились первые теоретические исследования в области рекламы. Однако важно готовить специалистов для многостороннего изучения рынка и рекламы.

Американский психолог и публицист *Уилсон Ки* обратился к анализу отношений «реклама — /зритель/ — потребитель», которые к началу 70-х годов считались в западной социологии практически неизученными.

Чем же мотивирован выбор темы? По данным американских социологов, взрослый житель США тратит на чтение газет в среднем 32 минуты ежедневно, воспринимая при этом (большей частью неосознанно) 9—10 тысяч слов. С учетом других массовых печатных изданий эта цифра достигает 20—30 тысяч. Приходящаяся на американца ежедневная «порция 11 телевизионных программ — 6,5 часов хроники, рекламы, различного рода представлений, фильмов и т.п. — это еще 70—80 тысяч слов. Если к этому добавить несколько тысяч слов, которые житель США каждодневно слышит по радио, то в итоге получится не менее 100 тысяч слов, тщательно подобранных, прошедших цензуру и отредактированных. Заключение в них информация, по мнению многих американских социологов,

оказывает решающее воздействие на мотивы повседневного социального поведения людей и, в конечном счете, на само поведение. Значительная часть такого рода информации приходится на рекламу, тем более, что эта мощная отрасль индустрии услуг (ежегодный оборот — 20 млрд долл.) — главный источник финансирования средств коммуникации.

«Настоящая книга, — пишет Уилсон Ки, — имеет... ограниченную цель: всего-навсего обосновать и продемонстрировать существование у человека подсознательного восприятия, а также показать использование «подсознательной» техники средствами массовых коммуникаций, с помощью которой они насилуют наши чувства ежедневно, в течение многих часов. Это насилие со стороны «масс-медиа» обладает специфическими свойствами управлять, манипулировать человеческим поведением и контролировать его в интересах многомиллиардной национальной экономики». В соответствии с замыслом, большое место в работе отводится анализу подсознательного восприятия рекламы и специальной технике создания рекламы, ориентированной именно на такое восприятие. Книга написана под влиянием психоаналитических концепций человеческого сознания и поведения. Ощутимо в ней и воздействие идей канадского социолога *М. Маклюэна* (1911—1980).

..... Более полувека тому назад, напоминает автор, было установлено и доказано существование подсознательного восприятия как одной из сфер человеческого чувственного опыта. В 1957 г. канадский нейрохирург *У. Пенфилд* (1891—1976) эмпирически продемонстрировал функции мозговых механизмов подсознания: его пациенты во время операции как бы вспомнили давно забытые ими ощущения и события.

Ссылаясь на основоположников психоанализа, Уилсон Ки пишет, что неосознанная субъектом информация, в течение долгого времени таящаяся в глубинах подсознания, может послужить единственным побуждением к совершенно немотивированному, на первый взгляд, поступкам и действиям. Использование этого феномена дает возможность предпринимателям манипулировать в своих интересах желаниями и склонностями потребителей. Дело в том, считает автор книги, что «человеческий мозг функционирует крайне неэффективно. Люди «знают», то есть сознают, лишь малую часть того, что они в действительности знают. Громадные запасы информации, хранящиеся в глубинах подсознания, являются основным источником важнейших убеждений и первичных (интуитивных) оценок. Сознательная же оценка, рационализация, придание чему-либо определенного значения зачастую есть не более чем результат сложного процесса приспособления к подсознательным убеждениям».

В октябре 1962 г. в Патентном бюро США было зарегистрировано новое изобретение, имеющее, по мысли автора книги, самое непосредственное отношение к проблеме человеческого подсознания. Речь идет о тахистоскопе — приборе, который, по мысли Уилсона Ки, впервые сделал возможным прямое вторжение в сферу подсознания и направленное воздействие на него. Тахистоскоп — это устройство, посылающее на экран во время киносеанса рекламные кадры-импульсы, повторяющиеся каждые пять секунд с экспозицией в 1/3000 секунды. Потребитель не в состоянии сколько-нибудь сознательно воспринимать такого рода информацию, и вышеназванные импульсы неуловимы даже для человека, пытающегося их обнаружить. Эффективность этой невидимой рекламы, полагает У. Ки, целиком связана с подсознательным, неконтролируемым восприятием ее.

По свидетельству автора книги, демонстрация тахистоскопа вызвала бурное возмущение американцев. Американцы, пишет Уилсон Ки, очень чувствительны к сколько-нибудь явным покушениям на их якобы независимые взгляды и суждения, и результаты испытаний прибора показали истинную пену этой «независимости». В течение шести недель 45 699 зрителей, побывавших в кинотеатре, где был установлен тахистоскоп, подсознательно воспринимали два простеньких рекламных призыва: «Проголодались? Ешьте поп-корн»¹ и «Пейте кока-колу». В результате спрос на эти продукты в округе возрос соответственно на 57,7% и 18%.

После этого эксперимента, отмечается в книге, ряд ведущих американских печатных изданий поместили резкие протесты общественности. В законодательных инстанциях шести штатов и даже в сенате США появились законопроекты о запрете коммерческого использования какой-либо техники воздействия на подсознание. Эти проекты, пишет автор, получили в свое время широкую огласку, однако ни один из них так и не получил силу закона. «Тем более странным представляется поистине всеобщее убеждение американцев в противозаконности манипуляций подсознанием потребителей. Так, в ходе недавнего опроса, проведенного среди крупных бизнесменов и ответственных служащих муниципалитетов, 90% опрошенных выразили уверенность в том, будто рекламное применение техники, влияющей на подсознание, уже давно запрещено как в США, так и в Канаде».

По словам автора, американцы относятся к рекламе с удивительным безразличием, а средства массовой коммуникации по-своему культивируют это безразличие. Дело в том, что иллюзия независимости потребителя — необходимое условие успеха рекламной кампании. «Люди утверждают, что они не обращают внимания на рекламу, что они привыкли решать свои дела сами, собственным умом, и говорят это вполне искренне. Индустрия массовых коммуника-

ций уже давно открыла эту «сопротивляемость» рекламе, которая вырабатывается у потребителя на сознательном уровне восприятия. Но подсознание человека беззащитно, и именно на него-то и обращено сейчас внимание специалистов по рынку».

Поэтому художники, занятые в области рекламы, пишет Уилсон Ки, стараются сделать эту последнюю неинтригующей, «туповатой», малопривлекательной для критического, разумного осмысления. Если это удастся, подсознание потенциального покупателя становится наиболее уязвимым для обработки специальными приемами. Ставшее расхожей банальностью выражение «кричащая реклама» в полной мере отражает, по мнению автора, всеобщее глубокое заблуждение насчет сущности современной рекламы. «Реклама не кричит, не привлекает к себе внимания, т.е. осмысленного взгляда. Истинное содержание рекламы обрушивается непосредственно на подсознание, порабощает его и, в результате, командует потребителем».

Для продавца, рекламирующего товар, самое страшное — безразличие возможного покупателя. Поэтому реклама обязательно должна вызывать эмоции, причем эмоции, недоступные контролю сознания, ибо «если смысл подсознательной информации становится очевидным для сознания, значит убеждающий потенциал этой информации разрушен». Значима, полагает Уилсон Ки, только сила эмоционального импульса, так что «эффективность рекламы никак не связана со смысловой окраской вызываемых ею эмоций: они, повторяем, не должны быть осознанными» (там же).

По мнению многих западных исследователей рекламы, в круге эмоциональных переживаний человека важнейшее место занимают так называемые подпольные переживания, находящиеся в конфликте с социально-культурными табу. Темы таких переживаний обычно связаны с зарождением, началом жизни (любовные или сексуальные мотивы), либо с концом жизни, умиранием (мотивы страха смерти). В течение многих веков именно к ним были обращены символы древних примитивных религий. Сейчас эти темы, пишет У. Ки, самые популярные в «творчестве» мастеров «подсознательно-го» убеждения, сотрудничающих в американских рекламных агентствах. Излюбленным приемом современных художников рекламы является так называемое внедрение (embedding). Внедрение как художественный прием — это тщательное вписывание в фон рекламной картинки либо в пространство между изображенными здесь предметами или фигурами символов или чаще всего слов, несущих большую эмоциональную нагрузку, но скрытых от сознательного восприятия. Эти «внедренные» невидимые рисунки, пишет Уилсон Ки, моментально воспринимаются на подсознательном уровне практически каждым человеком. И поскольку современный человек привык доверять фотографии, печатная реклама в массовой периодике обычно подается как высококачественная цветная фотография.

На деле же, подчеркивается в книге, рекламная «фотография» сплошь и рядом является художественным полотном, исполненным акриловыми красками с применением специальной техники. Такая техника позволяет, во-первых, добиться сверхъестественной «фотографической» убедительности, недоступной собственно фотографии, и во-вторых, создает наилучшие условия для «внедрения» в рекламу информации, ориентированной на подсознание. По наблюдениям Уилсона, наиболее популярным словом у художников рекламы, своего рода «классическим» материалом внедрения, является «секс». Зачастую для этой цели используются и нецензурные слова, иногда складывающиеся в своего рода мозаику.

Изучив рекламу ряда американских массовых изданий, автор пришел к выводу, что такая практика — дело обычное, широко распространенное. По его свидетельству, каждое мало-мальски крупное рекламное агентство имеет в штате по крайней мере одного специалиста-художника, владеющего техникой внедрения; азы такой техники преподаются в большинстве школ коммерческого прикладного искусства.

Некоторые читатели, пишет У. Ки, моментально воспринимают намеренно «внедренные» рисунки, т.е. видят их сразу. Но для большинства людей «внедренная» в рекламу информация остается невидимой до тех пор, пока они путем специальной тренировки (на это могут уйти недели) не научатся «выключать» сознание и расслабляться, рассматривая рекламу. «Внедренное» слова, символические оргии и кошмары чаще всего бывают тщательно вписаны в стаканы со льдом и алкоголем: жидкая, эффектно подсвеченная фактура дает богатые возможности как для умелого художника, так и для «подсознательной» фантазии потребителя.

.....
Рекламные стереотипы
как обработка
подсознания
.....

Одним из наиболее эффективных средств в искусстве обработки подсознания аудитории служит использование стереотипов. «Мир массовых коммуникаций США — это, прежде всего, мир стереотипов, мир иллюзорный, далекий от реальности. Каждое издание покупается и читается, потому что может сказать читателю то, что он хочет услышать о мире и о самом себе как о центре его мифической «Вселенной». Эта «Вселенная» населена министрами и баскетболистами, космонавтами и популярными певицами, героями комиксов и монархами, и, конечно же, бесчисленными персонажами рекламы — личности подлинные и вымышленные, все они имеют характерные признаки образов-стереотипов благодаря настойчивой и высокопрофессиональной деятельности жрецов «масс-медиа».

Говоря о стереотипе как инструменте манипуляций подсознанием, автор приводит в качестве иллюстрации пример так называемой семейной стереотипизации, когда в глазах рядового гражданина «герои» массовых коммуникаций приобретают черты членов некоей психологически идеальной семьи, состоящей из отца — лидера по-

литического, матери — лидера духовного, ребенка — умельца и ребенка — шута. Такая мифическая семья, по словам У. Ки, существует в подсознании миллионов жителей стран как образцово-безупречная ячейка общества. «Например, с удивительной естественностью соответствуют своим «семейным» прототипам персонажи многих популярных телешоу, участники ансамбля «Битлз», хоккеисты-профессионалы из «Бостон Брюинз», правительственные кабинеты, в частности, администрация Никсона в ее первоначальном составе: роль «духовного лидера» масс-медиа отводили бывшему государственному секретарю Роджерсу, роль «ребенка-умельца» — Киссинджеру, а роль «шута» — Спиро Агню с его скандальными публичными выступлениями. Кстати, образ президента, — пишет автор, — всегда был одним из наиболее фальшивых стереотипов мира массовых коммуникаций США. Ведь любой преуспевающий американский политик уже в силу своего положения — личность противоречивая, скрытная и неоднозначная. Однако образы послевоенных президентов США, так хорошо знакомые американцам по журналам и телевидению, просто поражают своей незамысловатой ясностью, завершенностью и прямо-таки неправдоподобной глупостью.

Такой прием принижает и «приближает» к рядовому обывателю статус высшей государственной власти, создает неосознанное чувство доступности президента, порождая тем самым демократические иллюзии». Любой стереотип, оставаясь нереальным, нуждается, тем не менее, в постоянном уточнении, совершенствовании. По мысли автора, это необходимо для поддержания или упрочения иллюзии подлинности или жизнеспособности. Он отмечает, что последние годы массовая периодика США переживает сложный процесс переориентации на более узкие и специальные аудитории: закрываются, не выдержав конкуренции, некогда популярные иллюстрированные журналы «для всех», а каждое новое издание создается в расчете на вполне определенный круг читателей, причем успех каждого из этих изданий зависит от того, насколько точными окажутся стереотипы новинки, насколько они близки именно данной аудитории. Поскольку же ни одно массовое издание экономически не может уцелеть сегодня без рекламы, причем рекламы успешной, Уилсон Ки считает, что изучение качественных и количественных характеристик аудитории — важнейшая задача не только для издателя, но и для рекламных агентств: «специфическая читательская аудитория есть в то же время и специфический рынок для специфических товаров, требующих специфической рекламы».

По наблюдениям автора, полуподпольные издания так называемой молодежной субкультуры сыграли ведущую роль в рекламе многих товаров молодежного рынка. У. Ки указывает на тесную взаимосвязь аудитории — потребителя стереотипов и аудитории — потребителя товаров. Культ молодежи, исповедуемый средствами массовой коммуникации, дал рынок целым новым отраслям промышленности, и многочисленные молодежные «революции» получают

благодаря «масс-медиа» свое экономическое воплощение в дополнительных миллиардах долларов капиталистической прибыли.

Уилсон Ки скептически относится к мифу об исключительном положении молодежи в американском обществе, он не верит в прогрессивный характер молодежного мирозерцания. «Современный американский подросток, — пишет автор книги, — с его непомерным самомнением и инертностью, вскормленный тщательно приготовленным варевом из приглаженных намеков на мировые трагедии, есть существо недоразвитое». Эту недоразвитость автор целиком относит на счет разрушительного действия средств массовых коммуникаций, которые, по его словам, свой «главный побудительный мотив, мотив дохода... искусно трансформируют в мотив «общественного интереса». Иллюзия «общественного интереса» поддерживается и усиливается другими социальными институтами, поскольку «...средства массовых коммуникаций должны служить интересам, — как очевидным, так и скрытым, — господствующей системы власти в «любом обществе».

Автор полагает, что ущербность чувственного восприятия современного молодого американца связана с его оторванностью от реальной жизни, с убожеством стереотипов, навязываемых ему средствами масс-медиа. Модели для личного поведения, и поступков, — пишет он, — отыскиваются сегодня не в мифах о богах и богинях, не в жизни наших известных воинов, ученых, художников, путешественников или интеллектуалов, не в страданиях мучеников, святых и героев, а в стереотипной рутинной шелухе, перемальвающейся на телестудиях, — шелухе, большая часть которой незаметно проникает в наше подсознание и определяет наши основные ценностные ориентации».

Современную рекламу У. Ки считает наиболее тщательно фабрикуемым продуктом массовых коммуникаций. Высокая экономическая эффективность рекламы приносит огромные прибыли предпринимателям и вместе с тем вынуждает их расходовать на рекламу громадные средства, оплачивая идеи и таланты лучших специалистов в области современного изобразительного искусства и прикладной социологии. Неудивительно, отмечается в книге, что рекламные стереотипы сработаны с изысканной точностью: при всей их кажущейся примитивности, они формируют в подсознании читателя и зрителя естественное стремление к идентификации с ними, стимулируют и программируют поведение человека как потребителя.

У. Ки включил в книгу несколько десятков иллюстраций — рекламных картинок из журналов и из телевизионных передач. По его мнению, какой бы ни была печатная реклама, она не рассчитана на внимательное разглядывание, тем более на анализ. Восприятие ее — как на сознательном, так и на подсознательном уровне — должно быть моментальным: читатель обычно не смотрит на рекламу более 1—3 секунд, и либо она действует мгновенно, либо затраченные на нее деньги можно считать выброшенными на ветер. Уилсон Ки ут-

верждает, что потребитель за эти мгновения попросту не может сознательно воспринять подчас довольно сложные комбинации предметов и фигур: эффект рекламы едва ли не всецело определяется «подсознательным» импульсом.

В качестве примера автор приводит рекламу виски «Сигрэм», помещенную в журнале «Тайм». Анализ некоторых характеристик читательской аудитории (возраст, пол, образование, доход) позволяет ему предположить, что в семьях читателей журнала по большей части доминируют работающие, образованные и материально независимые жены. Рекламная картинка изображает «коктейль-парти» в кругу близких друзей. Что же здесь может стимулировать сбыт виски «Сигрэм»? Что на самом деле происходит во время рекламной вечеринки? На переднем плане, разъясняет У. Ки, привлекательная блондинка, по-видимому, хозяйка дома, прислонясь спиной к зеркалу, с полуулыбкой выслушивает франтоватого мужчину, который явно не хочет, чтобы его слова слышал кто-нибудь еще из присутствующих. В глубине комнаты и в зеркальном отражении видны другие пары, судя по строгой одежде, гости, и мужчина в зеленом пиджаке домашнего покроя, скорее всего муж хозяйки, которая тоже одета «по-домашнему». Собеседник ее, одинокий мужчина — холостяк, девятый в этой компании семейных людей, пытается (судя по выражению лиц собеседников) соблазнить хозяйку.

Читатели-мужчины, считает Уилсон Ки, будут подсознательно идентифицировать себя с холостяком, женщины, — вероятно, с хозяйкой, которая не без благосклонности относится к возможности адюльтера. Ее зеркальное отражение говорит о скрытой стороне натуры: яркое и заметное обручальное кольцо в зеркале перечеркнуто щелью между секциями зеркальной стенки, то есть в глубине души наша хозяйка свободна от ограничений замужества. На стене комнаты, как раз над головой хозяйки, висит малозаметная картинка с изображением обнаженной девушки, размышляющей о чем-то, и мужчины, ждущего, похоже, ее решения. Символизм этой картинки усиливает подсознательный импульс рекламы. Три стакана, два с напитком и один пустой, стоящие на столике впереди, недвусмысленно намекают на традиционный любовный треугольник и еще раз подчеркивают пикантность ситуации.

Вот, оказывается, заключает автор, какую невинную интрижку предлагает потребителям фирма «Сигрэм» вместе с бутылкой виски. Читатели журнала, пишет У. Ки, мужчины и женщины, бессознательно отождествляя себя с «героями» рекламы, беззащитны перед ее командой: «Купите! Это же вы!» Уилсон Ки обращает внимание на то, что «ограниченные возможности» сознательного восприятия, его «несовершенство» позволяют скрыть истинные смысл рекламы: индивидуальное сознание обычно блокирует шокирующую, неприемлемую информацию. Зритель буквально не может поверить своим глазам, он инстинктивно отвергает очевидное, если это «очевидное» идет вразрез с его системой культурных ценностей. Но им-

пульс, отвергнутый и подавленный, тем не менее воспринимается, действуя на психику потребителя через подсознание, что в конечном счете и определяет коммерческий успех рекламы.

Одна из иллюстраций, помещенных в книге, комментируется автором в качестве примера такого рода стимулирования. Речь идет о рекламе годовой подписки на «Плейбой», предлагаемой в одном из номеров этого журнала в качестве лучшего подарка к рождеству. Изображена обнаженная девица, которая вяжет лентой большой венок. Сам венок (автор обращает на это внимание читателей) настолько невзрачен, что его попросту не хочется рассматривать. Уилсон Ки опросил 100 читателей «Плейбоя» и 95 из них смогли пере-сказать рекламу. Он называет этот интерес поразительным, тем более, что номер содержит 260 страниц, а тема рекламы почти никого из опрошенных не заинтересовала (практически весь тираж поступает в розничную продажу). В результате последующего опроса выяснилось, что не обнаженная девица привлекла внимание читателей (читателей «Плейбоя» этим трудно удивить), многие ее вообще не запомнили, венок же запомнили все.

Однако никто из опрошенных не смог назвать причину этого интереса, даже после того, как им была предоставлена возможность еще раз познакомиться с картинкой.

Венок и в самом деле представляется любопытным, пишет У. Ки, хотя, повторяет автор, внимания он не привлекает. Из чего он сплетен — сказать трудно, запомнить же — просто невозможно, что и подтверждают результаты проведенного социологом опроса. На первый взгляд, венок состоит из каких-то неопределенных плодов. Но требуется лишь минимум внимания, чтобы сущность рекламы проявилась с пугающей очевидностью: цветочки венка — это определенно «клубничка», порнография разнузданная и возмутительная, в сколько-нибудь открытом виде совершенно невозможная для публикации в массовом журнале, даже в «Плейбое».

Посвящая одну из глав книг этому изданию, автор приходит к выводу, что в искусстве «сворачивания в подсознании» «Плейбой» не имеет себе равных. Многие эффективнейшие художественные приемы «подсознательной» техники, ставшие ныне всеобщим достоянием американской масс-медиа, обязаны этому журналу своим происхождением.

Взрослый житель США, напоминает в книге, видит в среднем более 500 единиц рекламы ежедневно. Согласно социологическим исследованиям, по меньшей мере 85% этой информации не доходит до сознания потребителя. Автор книги вновь и вновь возвращает читателя к вопросам: в какой мере рекламная среда неощутимо, через подсознание, программирует социальное поведение людей? Что делает «массаж подсознания» с человеческой психикой? У. Ки склоняется к выводу, что неосознанное восприятие символических рекламных оргий и кошмаров травмирует и угнетает психику людей. Вместе с тем он считает, что ясный, вполне однозначный ответ на

эти вопросы дать трудно, практически. Трезвому пониманию действительного положения вещей, подчеркивается в книге, препятствует всепроникающий характер массовых коммуникаций. «Североамериканское общество, его образ жизни породили колоссальную зависимость от «этики продаж»: зависимость от мастерски сфабрикованных иллюзий и фантазий о нас самих и о мире, в котором мы живем». Способность человека отличать реальность от иллюзий всегда служила критерием здравомыслия. Население США, полагает Уилсон Ки, постепенно утрачивает эту способность. Автор считает показательным следующий простейший пример. В США синтетический апельсиновый сок давно рекламируется так, будто он лучше и полезнее натурального. И когда в телевизионной рекламе речь шла о конкурентах-заменителях, а на экране промелькнули настоящие апельсины, зрители восприняли подсознательный сигнал, внушавший им, что натуральный сок — всего лишь подделка синтетического. Такой «абсурд», отмечается в книге, стоит десятки тысяч долларов, усилий многих специалистов и, в свою очередь, способен приносить миллионные прибыли.

.....
**Телевизионная
реклама — коварный
искуситель**
.....

Телевизионную рекламу У. Ки считает особенно коварным искусителем. По его словам, достаточно сравнить нечеткое движущееся изображение на мерцающем экране с полиграфически безупречной картинкой на глянцевой странице журнала, чтобы в должной мере оценить чисто технические преимущества, которыми обладает телевидение в «подсознательном» убеждении аудитории. Если можно считать телевидение родом искусства (а сейчас, полагает автор, для этого есть все основания), то именно в рекламе это искусство достигло в США своего расцвета. Гонорары, предлагаемые рекламодателями, привлекают лучших специалистов — режиссеров, операторов, художников. В 1971 г. одним только актерам, занятым в телевизионной рекламе, было выплачено 63 миллиона долларов. По данным Уилсона Ки, средние издержки на производство одноминутного коммерческого ролика превышают 50 тысяч долларов, достигая подчас 200 тысяч (это в несколько раз больше соответствующих затрат на самые роскошные голливудские постановки). Каждая секунда такого мини-фильма являет зрителю продуманный, тщательно приготовленный и мастерски оформленный материал, каждая его секунда, по определению автора, «продает продукт».

У. Ки считает, что развлекательные передачи и некоторые другие программы нередко создаются специально в качестве платформы для рекламы. Они собирают у экранов именно ту аудиторию, которая может служить рынком для рекламируемых товаров, а главной целью таких программ является продажа, и ничто иное. С другой стороны, некоторые хорошие многосерийные передачи, пользующиеся большим успехом, удивительно быстро сходят с экрана: зритель забывает имя продюсера, финансирующего программу, ее содержание и художественные достоинства.

Говоря о содержании рекламных передач, автор отмечает «несравненный идиотизм». В частности, «женщины в телерекламе выглядят как слабоумные неврастенички, психика которых травмирована недостаточно белоснежным бельем из прачечной, не очень удобными подвязками и лифчиками, а главная цель их существования в неукротимом стремлении избавить кухню от пятен, запахов и вызывающих отвращение царапин на линолеуме, и, наконец, — величайшая банальность — в поисках по-настоящему мягкой туалетной бумаги».

Вряд ли стоит удивляться, заключает автор, что в США так невелик общественный интерес к телевизионной рекламе, особенно в сравнении с масштабами психологического и экономического влияния, которое оказывают на аудиторию глупейшие рекламные сюжеты. Но суть дела в том, подчеркивает У. Ки, что всеобщая уверенность телезрителей в собственном интеллектуальном превосходстве над коммерческой рекламной продукцией, иллюзия убожества телерекламы, искусно поддерживаемая всей системой массовых коммуникаций США, в громадной степени увеличивает уязвимость потребителя. Зритель смотрит рекламный фильм лишь для того, чтобы не выключать телевизор, смотрит пустым, невидящим взором, и тем не менее (а вернее благодаря этому), телереклама неизменно утверждает себя в качестве наиболее эффективного средства, стимулирующего потребительский спрос.

«Если хочешь подчинить себе кого-то, дай ему почувствовать превосходство над тобой». Автор характеризует эту американскую поговорку как основной принцип телевизионной рекламы. Короткие коммерческие фильмы-вставки подчиняют «интеллигентного потребителя, апеллируя всецело к его подсознанию. Вот уже почти четверть века Нью-Йоркская рекламная ассоциация ежегодно присуждает награды за самую интересную и художественно совершенную рекламную кампанию в пользу какого-либо продукта или услуги. И до сих пор ни разу приз не был присужден рекламе бестселлера». Из этого автор делает вывод, что художественные достоинства не оказывают заметного влияния на коммерческий успех телерекламы. Более того, самой эффективной он считает такую рекламу, которая выглядит как случайный, даже скучный киноэпизод, лишенный особой выразительности. Есть все основания полагать, продолжает Уилсон Ки, что именно такая реклама воплощает высшие «достижения» искусства «подсознательного внушения», ибо здесь убеждающий потенциал массовых коммуникаций достигает своей высшей отметки.

По свидетельству Уилсона Ки, в 1972 г. Служба Главного врача США провела и обнародовала исследование, имевшее целью выяснить влияние насилия в телепередачах на психику зрителя. К участию в исследовании были привлечены авторитетные специалисты — психологи, социологи, журналисты. Однако, эксперты так и не установили прямой зависимости между «телевизионной жестокостью» и проявлениями агрессивности у телезрителей. Цитируя выводы комиссии, У. Ки именует их «жалким вздором».

«Средства массовой коммуникации доказали свою способность программировать человеческое поведение... и если в американских масс-медиа существует тема, более распространенная, чем секс, так это — насилие. Деньги налогоплательщиков, растроченные впустую, не помогли выявить причинной зависимости между ТВ и насилием, ибо это могло бы поставить администрацию Никсона в затруднительное положение перед национальным телевидением и рекламодателями, чье безмятежное состояние, похоже, было главной заботой ученых, участвовавших в исследовании». Уилсон Ки не склонен упрекать авторов доклада в научной недобросовестности, поскольку, по его словам, «техника исследования и анализа, так же как соответствующие социальные и бихевиориальные теории, рассчитаны на то, чтобы укреплять систему, а не изменять ее» (там же).

Что же предлагает автор книги? Его единственная рекомендация сводится к тому, чтобы сделать достоянием общественности результаты работ по изучению влияния раздражения сферы подсознания на человеческую психику и оценке возможных направлений использования такого влияния. Такого рода изучение, свидетельствует У. Ки, уже давно ведется в лабораториях многих частных корпораций и в стенах некоторых государственных учреждений.

В конце 1971 г. автор передал некоторые материалы, вошедшие впоследствии в книгу «Совращение в подсознании», на рецензию в федеральную Службу по делам потребителей. Представитель Службы, пишет У. Ки, отказался обсуждать даже саму возможность существования техники «подсознательного внушения» в области рекламы или в какой-либо другой сфере. Однако, как впоследствии удалось выяснить автору, сотрудники Службы все же рассматривали представленные материалы, и в течение нескольких недель рукопись была объектом оживленных дискуссий. «Но неожиданно разговоры прекратились, словно по команде: предмет не подлежал обсуждению. Это лишний раз подтверждает, — заключает Уилсон Ки, — что Вашингтон тщательно охраняет «подсознательную» технику средств массовых коммуникаций, опасаясь, как бы она не попала в ненадежные руки».

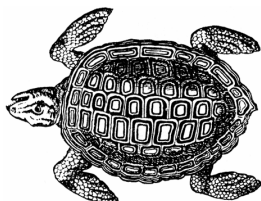
Литература

- .....
- Бродель Ф.* Игры обмена. — М., 1986.
- Бродель Ф.* Структуры повседневности. — М., 1986.
- Ки У.* Совращение в подсознании // Информационный сборник. — М., 1978.
- Липсиц И.* Экономика без тайн. — М., 1993.
- Мариносян Х.* Анкл Бенс и тайны психики // Архетип, 1995. — № 2.

Тема 28

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

История нынешнего века, как можно полагать, не будет менее бурной, чем история прошлого. Модели и прогнозы известных футурологов Э. Тоффлера, П. Кеннеди и экспертов Римского клуба Денеллы и Д. Медоузов и Й. Ренгерса свидетельствуют об этом. Процессы бурного роста народонаселения планеты и промышленного производства, с одной стороны, и загрязнений окружающей среды, бедности и преступности, с другой, характерные для XX столетия, приближаются к критической грани. Политический, технологический, психологический, экологический фон кризиса в 2008 г. существенно отличается от фона, предвидимого после 2020 г., множеством параметров, в том числе:

- меньшей численностью населения планеты;
- меньшей степенью замены власти государств на власть транснациональных корпораций;
- меньшей разоруженностью государств;
- меньшей поврежденностью природных экосистем;
- меньшей развитостью электронной информационной инфраструктуры;
- меньшей нарушенностью национальных культур;
- меньшей организованностью альтернативных общественных движений.

Огромные массы людей в России прошли через опыт экстремальных ситуаций (войны, землетрясения, ядерные катаклизмы, миграция), чья численность постоянно возрастает. Однако в нашей стране нет учреждений или пунктов, которые занимались бы психологической реабилитацией таких людей.

Психологическая реабилитация — это система мер, которые позволяют больному вернуться к нормальной психической жизни. Эта проблема приобретает особую остроту в связи с тем, что последствия исключительных ситуаций обнаруживаются далеко не сразу. В результате общество имеет дело с неожиданными феноменами, которые разрушают нормальное течение событий в разных регионах,

порождают массовые стрессы и наносят ущерб психическому здоровью общества.

Стресс — это понятие, которое было введено канадским физиологом *Г. Селье* (1907—1982). Это, во-первых, неспецифический ответ организма на любое предъявленное к нему требование, функциональное состояние напряжения, реактивности организма, возникающее у человека и животных в ответ на воздействие сильных раздражителей. Клинические исследования поведения человека в экстремальных ситуациях дали Селье основание для выработки и развития понятия «психологический стресс».

Стрессовые расстройства в период боев описаны военными медиками впервые еще более ста лет назад. Их приметы — отсутствие концентрации внимания, гнев, сверхбдительность (человек спит с оружием и готов стрелять во сне). Собственно послевоенный стресс дает себя знать через 4—8 недель после возвращения домой и радостной встречи с близкими: возникает тревога, навязчивая жажда возмездия, рассеянность, запой, агрессия. Если в этом случае не приходит помощь — наступает следующая стадия, уже из области психиатрии, пережитое замещает реальность, меняется личность.

Типичное проявление экстремальной ситуации — *чувство страха*. Многие мудрецы, от античного философа Демокрита (ок. 470 или 460 до н.э. — ум в глубокой старости), до *Сартра* мыслителя XX в., пытались проникнуть в природу страха. Но правомерно ли назвать страх глубинным, трудноутолимим побуждением человека? Неужели, преодолевая его, человек сам бессознательно устремляется к нему? Какие тайны человеческого естества, открываются при этом? Ф. Ницше отмечал: упорядоченное общество пытается усыпить страсти. Напротив, самые сильные и злые умы стараются воспламенить эти могучие импульсы. Без них, по мнению немецкого философа, человечество не может развиваться. И едва ли не во всех цивилизациях обнаруживается специфическая философия страха. Причем люди не пытаются отогнать это переживание. Они хотят изведать его в полной мере.

В патриархальных языческих культурах существовали особые культуры страха. Древние мистерии предлагали участникам испытать ужас символических событий прошлого. Так почему же люди хотели еще раз пережить то, что безвозвратно ушло? Почему они испытывали подъем — катарсис (очищение), став зрителем драмы, в которой гибнет герой и одна сцена насилия сменяет другую?

По мнению Ницше, античного грека особенно привлекал «чудовищный ужас, который охватывает человека». Человек античной культуры прекрасно знал о таких эмоциональных состояниях экстатического восторга, который поднимался из недр человека, когда страх переживался как опьянение. Затаенная тяга к страху не растворилась в архаических культурах. Она отчетливо обнаруживается

и в христианстве. Не случайно, по-видимому, понятие грехопадения вызывало к жизни многочисленные варианты исторических описаний и всемирно исторических перспектив — от «Града Божия» Августина Блаженного до трудов современных теологов.

Христианство стремится разбудить в людях страх перед собственными прегрешениями, делая особый акцент на покаянии. Христианин буквально загипнотизирован ужасами ада, всеилием демонических сил и эсхатологическими перспективами. Эсхатология (от *греч.* *eschatos* — последний и *logos* — учение) — учение о конце мира. Эсхатология в религиозной догматике и теологии, особенно христианской, учение о «конечных вещах», таких как Страшный Суд, посмертное бытие человека, конечная судьба личности и мира.

Да и у многих современных мыслителей, ученых, писателей отмечается тяга к эсхатологическим темам, мотивам вселенской катастрофы и гибели человечества. Предположим, что нам не известны никакие философские постижения этого чувства. Допустим, что нам не ведомы ни интуиции, ни прозрения древних. Попробуем поразмышлять, что называется, от неведения. Еще невооруженные опытом поколений, разглядываем недавний газетный снимок. На нем изображен мальчик, жертва чернобыльской катастрофы. Многопалое, точно обрубок, однорукое тело... Жутко? Несомненно. Но страх рождается лишь в то мгновение, когда мы видим глаза ребенка — осмысленные, чистые, страдальческие.

Мир, вообще говоря, полон уродств. Вселенная буквально переселена эксцентрическими созданиями. Но разве эти тварные существа способны внушить ужас самой равнодушной природе? Она многолика и затейлива. Страх возникает только от брошенного окрест человеческого взора. Только человеку заповедано поразиться рассогласованности мира, испытать несоответствие нереального и реального. Наш первый вывод таков: страх возникает вместе с человеком. Это удостоверяет наше сознание. Человек — особый род существа. Кроме него некому содрогнуться от того, что сотворила природа и сам он, адамов потомок.

Но привнесенный человеком страх образует целую вселенную. Он гнездится на всех ярусах человеческого существования, он заполняет не только сознание, но и бездны бессознательного. Вот пример: во время землетрясения в Армении девочку засыпало обломками обрушившегося здания. Ее нашли и вызволили из томительного плена немецкие спасатели. Услышав речь, знакомую по фильмам, она подняла ручки вверх. Ужас притаился в подсознании. Он только ждет опознавательного знака. В тайниках психики дремлют призраки. Сон разума рождает кошмары.

Ужас гонит не только человека, но и человечество. Грибовидное облако, которое поднялось над Хиросимой, испепелило не только все живое, оно разрушило и психическое состояние тех, кто был на

спасительном расстоянии от взрыва. Образ вселенской катастрофы, одномоментно явленный сознанию, разорвал связующие нити обычного человеческого восприятия. Люди перестали понимать, кто они собственно такие. Сломалась житейская логика, распалась связь событий. Не только подсознание человека, но и вся родовая память человеческой соборности выплеснули на поверхность психики потоки эсхатологических знаков и предвестий.

Опыт экстремальных ситуаций исследован многими крупными специалистами. Назовем, прежде всего, работы *Б. Беттельхайма*, который изучал поведение заключенных в немецких лагерях. В 1967 г. вышла в свет книга крупного американского психолога и психиатра профессора Йельского университета *Р. Лифтона* «Смерть при жизни. Пережившие Хиросиму»¹. Это первый серьезный опыт исследования людей, которые перенесли атомную бомбардировку Хиросимы, предпринятый на уровне современной психологии.

Роберт Лифтон прожил несколько лет в Японии. Вначале 60-х годов он был занят изучением психологических особенностей японской молодежи, в частности, участников антивоенного студенческого движения. При этом он был поражен, какую большую роль в их жизни играют часто неосознанные образы войны и атомной бомбардировки, хотя подавляющая часть молодежи и не испытала этого лично. В то же время выяснилось, что за 17 лет не было серьезных попыток выявления ее психологических и социальных последствий. В имевшихся работах содержались, главным образом, технико-статистические или чисто медицинские сведения, например, о воздействии на организм атомной радиации. С другой стороны, было написано немало книг, полных чисто человеческими симпатиями к жертвам атомной бомбы, но эта симпатия казалось почти лишала авторов возможности высказать суждения на профессиональном уровне и не затрагивала порожденный катастрофой психологический комплекс во всей его сложности. Было очевидно, что исследования такого рода сами наталкиваются на серьезный эмоциональный барьер.

Литература

.....

Гуревич П.С. Страх — молитва души // *Философские науки*. — 1992. — № 2.

Джемс У. Воля к вере. — М., 1997.

Зейгарник Б.В. Основы психопатологии. — М., 1973.

Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997

---

¹ *Lifton R.* Death in life. Survivors of Hiroshima. N. Y., 1967.

V

**КЛИНИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**

Тема 29

ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Клиническая психология (от греч. *kline* — постель, больничная койка) — широкая область прикладной психологии, связанная с диагностикой отклонений в интеллектуальном и личностном развитии, коррекцией дезадаптивных и деликвентных форм поведения детей и подростков, психопрофилактикой, психотерапией и социальной реабилитацией пациентов с психопатическими, психосоматическими и пограничными расстройствами. Это область медицинской психологии, направленная на решение диагностических задач клинической практики (психиатрической, неврологической, соматической). Составные части клинической психологии: патопсихология, нейропсихология, соматопсихология. В последнее время исследователи называют также психологию аномального ребенка.

В давние времена душевнобольные — причем только самые тяжелые, буйные, опасные для окружающих — содержались вместе с преступниками и бродягами. Чисто медицинская точка зрения, согласно которой больного нужно по возможности лечить и уж во всяком случае ему нужно обеспечить гуманный подход, возобладала в Европе только в XIX в. Только принцип медицинского подхода и гуманизации позволил учредить специальные психиатрические лечебные заведения и, соответственно, заложить фундамент для непрерывного и методичного развития научной психиатрии.

Психиатрия — область клинической медицины, изучает проявления, причины и механизмы развития психических болезней, разрабатывает методы их лечения, профилактики и организации помощи психическим больным. Сформировалась в конце XVIII — начале XIX вв. В процессе развития психиатрии выделились отдельные специальности, в частности, детская психиатрия, судебная психиатрия, наркология.

Психиатр имеет дело с целостной психикой человека. Практика показала, что для лечения психических расстройств недостаточно выявить и понять симптомы заболевания. Важно выяснить, при каких условиях они появляются и как к ним относится сам больной. Не менее ценно знать его прошлую и настоящую жизнь, и особенно — есть ли у него родные или друзья, на помощь которых он мог бы рассчитывать. Прежние представления об «органических» и «функциональных» расстройствах сводили все психические заболевания к двум крайним группам и противопоставляли структуру мозга его функции. Такой подход принес больше вреда, чем пользы, и в настоящее время он представляет лишь исторический интерес. В современной же психиатрии основное внимание уделяют, с одной стороны, стрессовым воздействиям и способности им противостоять, с другой стороны — соотношению между нейробиологическими и социальными факторами¹.

Основные концепции современной психиатрии следующие:

- ко многим психическим заболеваниям имеется генетическая предрасположенность;
- все психические заболевания сопровождаются нарушениями работы мозга;
- проявления болезни зависят от генетических факторов, отношения больного с окружающими и особенностей его личности (застенчивость или открытость, стремление к риску и новизне или осторожность, склонность к фантазированию, способность к эйдетическому восприятию и т.д.);
- способность противостоять стрессовым воздействиям у разных людей разная и в значительной мере зависит от предшествующего опыта, особенно пережитого в детстве;
- стресс может способствовать проявлению скрытой патологии.

Клиническая психология зародилась в трудах психиатров XIX в. (Э. Крепелина, Э. Кречмера, И. Брейера, З. Фрейда, Ж. Шарко, П. Жане и др.) Эти ученые пытались с естественно-научных позиций понять природу психической патологии, описать ее феноменологию и специфическое отличие от нормы.

Клинический метод складывался, наследуя лучшие традиции психиатрии. Психиатрия — медицинская дисциплина, которая изучает причины и сущность психических заболеваний, способы лечения и предупреждения, систему организации помощи больным. Основным методом психиатрии — клиническое исследование. Кроме того, современная психиатрия использует нейрофизиологические, биохимические, иммунологические, генетические, психологические, эпидемиологические и другие методы. Вместе с тем клиническая психология применяет и новые методы исцеления, связанные с проникновением в бессознательное.

---

¹ *Психиатрия* / Под ред. Р. Шрейдера. — М., 1998. — С. 19.

Еще одним источником клинической психологии можно считать изучение индивидуальных различий Ф. Гальтоном и Дж. Кеттелом в Англии, А. Бине и Ф. Симоном во Франции. Это традиция положила начало применению тестов при исследовании психических больных. С середины прошлого века клиническая психология меньше интересуется тестированием, переставив акцент на изучение личностных особенностей больных.

Клиническая психология находится на границе между клинической медициной и психологией. Это и выражает ее название. Никто не оспаривает значения медицины. Современная клиническая практика предполагает восстановление у больного не только соматического здоровья, но также и оптимального психологического и социального функционирования в обществе. Более того, психологическое состояние человека самым активным образом влияет на его здоровье, зачастую влияя на быстроту и полноту его выздоровления.

Область исследования психопатологии — это все, что относится к области психического и может быть выражено с помощью понятий, имеющих постоянный и, в принципе, внятный смысл. Исследуемое явление может быть предметом эстетического созерцания, этической оценки или исторического интереса, но наше дело — рассматривать только его психопатологическую сторону. Речь в данном случае идет о различных мирах, между которыми нет точек соприкосновения. Что касается психиатрии, то в ее рамках не существует четкой границы между наукой и своего рода искусством. Личностное, интуитивное знание (которое по природе своей не может быть свободно от ошибок) должно отступать на второй план везде, где предмет может быть познан научно.

Предметом исследования психопатологии служат действительные, осознанные события психической жизни. Хотя основная задача состоит в изучении патологических явлений, необходимо также знать, что и как человек переживает вообще. Иначе говоря, нужно охватить психическую реальность во всем ее многообразии. Нужно исследовать не только переживания как таковые, но и обуславливающие их обстоятельства, их взаимосвязи, а также формы, в которых они (переживания) находят свое выражение.

Существует множество определений «состояния болезни», и все они допускают наличие пограничных случаев и переходных состояний.

Предмет изучения психологии — так называемая нормальная психическая жизнь. В теории психология столь же необходима психопатологу, сколь физиология — патологоанатому. Но на практике эта аналогия подтверждается далеко не всегда. Причина заключается в том, что психопатологи занимаются обширным материалом, для которого психологией пока не описано «нормальных» соответствий. Психопатологам приходится разрабатывать собственную психологию, ибо психологи не могут обеспечить им необходимую поддержку.

Академическая психология, судя по всему, занята не столько собственно психическими болезнями, сколько элементарными процессами, в основе которых лежат неврологические расстройства и органические повреждения мозга. Поэтому психиатры нуждаются в более обширной психологической основе, способной обогатить их тысячетным опытом развития психологической мысли.

Предметом исследования психопатологии служат реальные душевные процессы, их условия, причины и следствия. Исследование связей между ними неизбежно приводит нас к теоретическому выводу о том, что отдаленными причинами психических явлений во многих случаях служат механизмы, внешние по отношению к сознанию, т.е. факторы чисто соматической природы.

Душа и тело образуют нераздельное единство. Взаимосвязь этих двух начал в психопатологии проявляется более прямо и непосредственно, нежели в нормальной психологии. Существуют явления, повсеместно признанные в качестве чисто соматических, но отчасти зависящие от душевных процессов. К их числу относится, в частности, продолжительность менструального цикла, истощение или ожирение и многие другие, а при определенных условиях, возможно, и все соматические функции. С другой стороны, даже самые сложные события психической жизни отчасти восходят к соматическим истокам. Взаимосвязи подобного рода обуславливают неразрывность психопатологии и остальной медицины. Не говоря уже о том, что задача исцеления человеческого существа требует от врача серьезной общемедицинской подготовки, проникновение в этиологию психических событий невозможно без знания соматических функций, а в особенности физиологии нервной системы. Таким образом, неврология, терапия и физиология служат для психопатологии самыми ценными помощниками.

И все же мы должны помнить всегда, что связь между телом и душой вовсе не является прямой и однозначной. Об определенных психических событиях нельзя говорить как о чем-то таком, что прямо связано со столь же определенными событиями, относящимися к соматической сфере. Иначе говоря, мы не имеем оснований для того, чтобы постулировать существование психосоматического параллелизма в узком смысле. Ситуация напоминает путешествие по неизвестному континенту, предпринятое с разных сторон, когда путешественникам не дано встретиться из-за непроходимости их территории.

Нам известны только крайние (начальное и конечное) звенья причинно-следственной цепочки, связывающей соматическую субстанцию с психической, и мы обязаны углублять наше знание, отталкиваясь от этих крайних звеньев. В рамках неврологии было показано, что кора и ствол головного мозга наиболее тесно соотносятся с психической функцией. Вершинные успехи в данной области связаны с исследованиями афазии, агнозии и апраксии. Но чем дальше

продвигается неврология, тем менее доступной становится для нее душа. С другой стороны, психопатология проникает в глубь психической субстанции вплоть до самых границ сознания, но у этих границ не находит никаких соматических процессов, прямо связанных с такими явлениями, как бредовые идеи, спонтанные аффекты и галлюцинации. Нередко источник психического расстройства обнаруживается в том или ином заболевании головного мозга, причем число таких случаев возрастает по мере умножения наших знаний. И тем не менее, мы не можем доказать, что то или иное заболевание мозга влечет за собой специфические психические последствия. Представляется, что заболевания мозга (например, прогрессивный паралич) могут привести к почти любым психическим расстройствам, хотя частота последних зависит от природы исходного заболевания.

Психология и соматическая медицина — это научные дисциплины, наиболее тесно связанные с психопатологией. Но последняя, как любая другая наука, имеет родственные связи и с другими отраслями человеческого знания. В истории психологии, как и психопатологии, трудно — если не сказать невозможно — найти такие утверждения, которые по меньшей мере где-то или когда-то не были бы предметом дискуссии. Если мы хотим выйти за пределы стандартных и недолговечных психологических понятий и обеспечить нашим открытиям и теоретическим положениям твердую основу, мы непременно должны остановиться на проблеме методологии.

Предметом спора становятся не только положения, но и сами методы. Существует также тенденция рассматривать новооткрытые соматические явления как подходящее средство для лучшего познания психической жизни. Решение всех проблем видится в экспериментах, результаты которых выражаются в виде цифр, рисунков или графиков, будто бы наиболее объективно представляющих истинную картину. Одних только эмпирических наблюдений недостаточно. Если мы хотим разработать достаточно четкие понятия, нам нужно выйти на соответствующий уровень мышления. Иначе ни о каком поступательном развитии науки не может быть и речи. Совершенно естественно, что в этих условиях психопатолог должен уделить специальное внимание методологии.

Литература

.....

Попов Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. — М., 2000.

Психиатрия / Под ред. Р. Шейдера. — М., 1998.

Сидоров П.И., Порняков А.В. Введение в клиническую психологию: В 2 т. — М., 2000.

Ясперс К. Общая психопатология. — М., 1997.

ПАТОПСИХОЛОГИЯ

Патопсихология (от *греч.* pathos — страдание) — раздел клинической психологии, изучающий болезненные изменения в психике, закономерности нарушения психической деятельности и свойств личности при психических заболеваниях. Она находится на стыке медицины (психиатрии, неврологии) и психологии.

У истоков патопсихологии стояли известные психиатры Э. Крепелин и Э. Блейлер в Германии, П. Жане и Ш. Шарко во Франции, В.М. Бехтерев и С.С. Корсаков в России. В конце XIX в. экспериментальные методы В. Вундта и его учеников проникают и в психиатрические клиники. Э. Крепелин (1856—1926) — немецкий психиатр, основатель научной школы. Создал современную классификацию психических болезней, построенную по нозологическому принципу. **Нозология** — (от *греч.* posos — болезнь) — учение о болезнях, их классификации и номенклатуре.

Клинические картины заболеваний, вызванных одинаковыми причинами, имеющих одинаковую фундаментальную психологическую форму, одинаковое развитие и течение, одинаковый исход и одинаковую мозговую патологию — т.е. картины, полностью согласующиеся друг с другом, — представляют собой настоящие, естественные нозологические единицы. Обнаружение таких единиц возможно с помощью всестороннего клинического наблюдения. Согласно Э. Крепелину, особенно плодотворных результатов можно ожидать от исследования исходов болезней. Его основная посылка состояла в признании принципиального различия между полностью излечимым и полностью неизлечимыми заболеваниями. Крепелин также полагал, что знание психологической структуры исхода болезни позволит распознать фундаментальную психологическую форму болезненного процесса даже в самых малозаметных признаках, выявляемых на начальной стадии психоза. **Психозы** — это расстройства психической деятельности, которые обнаруживаются в нарушении восприятия действительности, изменении обычного, типичного для большинства людей поведения, и отношения к происходящему. Эта такая область психических расстройств, которая отделена от здоровья настоящей пропастью.

Итогом всех этих исследований стало разделение всех психозов, которые не поддаются объяснению в терминах осязаемых мозговых процессов, на две большие группы. Первую составляют маниакально-депрессивные психозы (сюда же входит описанное французскими учеными «циркулярное расстройство», а также аффективные заболевания), тогда как вторую — слабоумие. Классификационная схема Крепелина получила всемирное признание и в этом смысле превзошла все более ранние классификации психозов, не имеющих известной органической основы. В принципе она сохраняет свое значение и сегодня. Она привела к интенсификации усилий, направленных на совершенствование диагностики. Идея выявления конкретной нозологической единицы стала и все еще остается целью, способной действовать в качестве стимула для развития психиатрической науки. Самому Крепелину удалось добиться беспрецедентного успеха в познании психологической структуры аффективных синдромов, а также заболеваний группы шизофрении (именно от его исследований ведет свое происхождение идея Э. Блейлера о шизофрении). Ученикам Крепелина блестяще удавались описания течения болезней в контексте целостных биографических исследований. Кроме того, они внесли большой вклад в исследование типичных мелких групп психоза.

Многие патопсихологи пытались понять содержательный аспект бредовых состояний (в том числе и других психотических симптомов исходя из желаний и стремлений человека, из его переживаний. Исследователи цюрихской школы (Э. Блейлер, К.Г. Юнг) распространили этот подход на шизофрению. Они не остановились на самоочевидных, постижимых содержательных элементах, а, следуя за Фрейдом, интерпретировали их как символы. В итоге они пришли к почти стопроцентному «пониманию» содержания шизофренических психозов. Но использованная ими для этой цели процедура, как нетрудно убедиться на основании полученных результатов, ведет в бесконечность. Выражаясь буквально, они вновь открыли «смысл безумия» — или, по меньшей мере, были уверены, что сумели сделать это.

Блейлер и Юнг понимали шизофренические психозы, содержательный аспект бредовых идей, кататонического поведения и ложных восприятий исходя из вытесненных комплексов расщепленного типа. Согласно Блейлеру, комплексы не обязательно должны быть вытеснены. Они могут сохраняться в сознании и в то же время доминировать в шизофреническом бреде. При таком понимании иногда возникает удивительная в своем роде аналогия между истерией и шизофренией. (Юнг не упускает ее из виду). Интерпретация в целом сводится к переносу в область шизофрении тех понятий, которые возникли в связи с анализом истерии. Однако следует пом-

нить о существовании принципиального различия между истерией и шизофреническим процессом. Различие это проявляется, в частности, в том, что больные шизофренией, в противоположность истерикам, не поддаются гипнозу и характеризуются крайне низкой степенью внушаемости.

Доступные пониманию содержательные элементы присутствуют в любых формах объективного. Даже содержание галлюцинаций следует рассматривать с этой точки зрения. Содержательные элементы галлюцинаций не абсолютно случайны. В какой-то своей части они выказывают те или иные психологически (генетически) понятные связи и, в форме приказов, удовлетворения желаний, гнева и насмешки, страданий и откровений, соотносятся с переживаниями личности. Фрейд называл галлюцинации «мыслями, которые превратились в образы».

В какой-то момент широко распространилась надежда, что клинические наблюдения за психическими феноменами, за течением жизни и за исходом заболеваний дадут возможность выявить характерные группировки, реальность которых в дальнейшем подтвердится результатами анатомических исследований мозга. Но надежда эта не оправдалась. Оказалось, что соматически осязаемые мозговые процессы обнаруживались только благодаря применению чисто соматических методов исследования, без какой бы то ни было предварительной психопатологической работы. В том, что касается психопатологии, мозговые процессы не выказывают никакой специфичности, т.е. при мозговых процессах какой угодно разновидности рано или поздно могут обнаружиться какие угодно психопатологические симптомы.

Некоторые драматические переживания и необычные состояния сознания, которые традиционная психиатрия диагностирует и лечит как душевные болезни, на самом деле являются кризисными ситуациями в личностном преображении. Когда стратегия современной медицины была применена к психиатрии, исследователи смогли найти биологическое объяснение некоторых расстройств с проявлениями психического дисбаланса. Как выяснилось, многие из них имели органические причины, такие, как инфекция, опухоль, авитаминоз, сосудистые или дегенеративные заболевания мозга. Вдобавок к этому медицински ориентированная психиатрия обнаружила способы контроля тех состояний, для которых не было выявлено никаких биологических причин.

Это было достаточно для того, чтобы рассматривать психиатрию как область медицины, хотя для большинства проблем, с которыми сталкиваются психиатры, пока не найдено никаких органических оснований. В результате этого исторического процесса люди с различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами

автоматически считаются психиатрическими пациентами, а трудности, с которыми они сталкиваются, рассматриваются в качестве заболеваний неизвестного происхождения, даже если клинические и экспериментальные данные никоим образом не оправдывают навешивание подобных ярлыков.

Группа умственных расстройств, известных как психозы, представляет собой величайший вызов и загадку для современной патопсихологии. Эти состояния характеризуются глубоким нарушением способностей «нормально» воспринимать мир, мыслить и эмоционально реагировать культурно и социально приемлемым образом, вести себя и общаться как принято. Для некоторых расстройств из категории психозов современная наука нашла внутренние причины в анатомических, физиологических или биохимических изменениях в мозгу либо в других частях организма. Это подгруппа так называемых органических психозов, безусловно принадлежащих к области медицины. Однако для многих других психотических состояний, несмотря на упорные попытки нескольких поколений исследователей из различных областей знания, не было найдено никакого медицинского объяснения. Вопреки практическому отсутствию результатов поиска специфических медицинских причин эти так называемые функциональные психозы относят к категории умственных болезней, причина которых неизвестна.

Исторически патопсихология смогла по-настоящему утвердить себя только как медицинская дисциплина. Она обнаружила органическую основу некоторых психотических состояний и в некоторых случаях даже нашла эффективные способы их лечения. К тому же она способна успешно контролировать симптомы психотических состояний неизвестной природы с помощью транквилизаторов, антидепрессантов, успокаивающих средств и снотворных. Поэтому могло показаться логичным и правильным продолжать эту линию и ожидать успехов в таком же подходе к тем расстройствам, происхождение которых не установлено и эффективные способы лечения пока не найдены.

Имеются и дополнительные факты, убедительно свидетельствующие в пользу медицинской, или психиатрической, перспективы. Патопсихология прослеживает причины психотических состояний и поведенческих проявлений к физическим и физиологическим факторам, в то время как глубинная психология стремится найти причину умственных проблем в событиях и обстоятельствах жизни пациента, обычно связанных с детством. Поэтому психотические формы поведения и состояния ума, для которых невозможно найти причину в индивидуальной истории, казалось бы, свидетельствуют в пользу медицинской модели.

Вместе с тем последние достижения психологии позволяют предположить, что источники многих необычных переживаний лежат за пределами патопсихологии.

Литература

.....

Духовный кризис / Под ред. С. Грофа и К. Гроф. — М., 1998.

Зейгарник Б.В. Основы патопсихологии. — М., 1973.

Зейгарник Б.В. Патопсихология. — М., 1987.

Поляков Ю.Ф. Патология познавательной деятельности при шизофрении. — М., 1974.

Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и их опыт применения в клинике. — М., 1970.

Тема 31

НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ

Нейропсихология — отрасль психологической науки, которая сложилась на стыке нескольких дисциплин — психологии, медицины (нейрохирургии, неврологии), физиологии. Она изучает мозговую организацию, структуру высших психических функций и поведения человека в целом на основе анализа их нарушений при локальных поражениях мозга.

Основоположником нейропсихологии в России был *А.Р. Лурия* (1902—1977). Совместно с Л.С. Выготским он разработал новую теорию организации и развития психической деятельности, которая была названа культурно-исторической. Важнейшей особенностью творчества Лурия было постоянное соотношение в анализе динамики поведения человека социально обусловленных влияний с функционированием нервной организации личности. Это определило разработку им направления, названного нейропсихологией. В итоговой работе «Основы нейропсихологии» (1973) Лурия изложил теорию системной динамической локализации, согласно которой мозг состоит из трех основных функциональных блоков (энергетического блока, блока приема и переработки информации и блока программирования и контроля за произвольными психическими актами).

Современная нейропсихология распадается на несколько направлений, каждое из которых решает основную задачу данной дисциплины — изучение мозговой организации высших психических функций с помощью собственных методических приемов.

Клиническая нейропсихология изучает особенности нейропсихологических синдромов при поражении различных мозговых структур левого и правого полушарий и подкорковых структур.

Экспериментальная нейропсихология исследует формы нарушений различных психических процессов, эмоциональных состояний и личности больного с помощью методов современной экспериментальной психологии.

Реабилитационное направление интерпретирует механизмы восстановления высших психических функций, нарушенных при локальных поражениях мозга. Она использует специальные методы и приемы восстановительного обучения.

Психофизиологическое направление исследует физиологические механизмы нарушений высших психических функций методами психофизиологии.

Нейропсихология детского возраста изучает особенности нарушений высших психических функций у детей разных возрастов с помощью специальных методов, приспособленных к детскому возрасту. Детская нейропсихология вносит большой вклад в развитие психологической теории и практики диагностики локальных поражений мозга и восстановления нарушенных функций.

В нейропсихологии изучаются различного рода заболевания. Одно из них — *афазия*. Это нарушение речи, возникающее при органическом поражении коры головного мозга. Утрата способности говорить может возникнуть из-за апоплексического удара, повреждения или опухоли мозга. В прежние времена больных афазией считали утратившими разум. Легко заметить, однако, что в ответ на обращенные к ним слова они выказывают явное желание говорить. Они пытаются что-то сказать и мучаются от невозможности это сделать. Все их поведение свидетельствует о том, что их личность не изменена. Другие больные говорят, что они не могут понять чужую речь.

Выдающимся вкладом в науку стало открытие, что в подобном случае мы имеем дело с расстройством речевой деятельности, то есть с определенным расстройством двигательного аппарата, а не с разрушением личности или умственных способностей (хотя такие расстройства едва ли могут выступать без сопровождения в виде достаточно серьезных изменений общего состояния). Другое крупное открытие состояло в том, что у правшей симптомы данного рода обусловлены повреждением левой лобной извилины или височной области. Такие речевые расстройства отличаются чрезвычайным разнообразием, которое легко порождает путаницу. *К. Вернике* (1848—1905) пытался упорядочить все это многообразие в рамках своей фундаментальной системы психологии речевой деятельности. Она была подразделена им на говорение и понимание, повторение чужой речи и спонтанную собственную речь, называние, чтение и письмо и т.п. Здесь каждому из этих элементов было приписано определенное место в коре левой лобной доли. В результате все перечисленные психологические структуры оказались прочно привязанными к структурам мозга. Отсюда возникло и так называемое классическое учение об афазии.

Против этой схемы, разработанной в рамках классической теории афазии, были выдвинуты серьезные возражения. Теория афа-

зии использует только один вид психологии — ассоциативную психологию, согласно которой дискретные элементы объединяются в целостности более высокого порядка только на основе ассоциаций. Но для понимания природы речевой деятельности такая психология явно недостаточна. Суть речевой деятельности состоит в осознании смысла. С другой стороны, членение на сенсорные (оптические, акустические, кинестетические) и моторные элементы разрушает единство вербального смысла и не учитывает того очевидного обстоятельства, что речевая деятельность — это явление принципиально более высокого функционального уровня, нежели моторные импульсы или сенсорные восприятия. Соответственно, клиническая картина афазии не позволяет определить ее как явление того же разряда, что и обычные слуховые и двигательные расстройства речи, такие, как алексия, аграфия.

Подобно любым доступным пониманию явлениям, почерк может быть понят только как некая целостность. Каждая отдельная особенность почерка вступает в настолько сложные связи и выказывает настолько многообразные возможности, что лишь максимально тщательный и подробный анализ способен дать нам хоть сколько-нибудь отчетливую картину. Исследование *Л. Клагеса* (1872—1956) показывает, как даже простое давление пера на бумагу при письме способно привести нас к психологии личности в целом — конечно, при условии, что мы рассматриваем прилагаемое усилие как род экспрессивного движения. Прежний метод интерпретации некоторых специфических «знаков», наблюдаемых в почерке, ныне полностью отвергнут.

Письмо душевнобольных исследовалось главным образом со стороны неврологических расстройств и с точки зрения содержания. Однако оно едва ли привлекало внимание исследователей в качестве одной из форм психической экспрессии. Письмо больных прогрессивным параличом было описано достаточно давно. Для него характерны пропуски и удвоение букв, смысловые ошибки, тремор. Некоторые шизофренические процессы удивительным образом отражают в письме в форме повторения слова или буквы в тексте, который в остальных отношениях вполне связан, а также в форме фантастических украшений и орнаментов. Такое расстройство, как *аграфия*, аналогично афазии: здоровые во всех прочих отношениях пациенты не могут читать или записывать слова, или не могут ни того, ни другого. Больные аграфией пишут бессмысленные буквы и слоги. При маниакальных и депрессивных состояниях письмо выказывает типичные изменения, касающиеся размера букв, давления и формы.

Алексия — нарушение чтения, возникающее при локальных поражениях мозга. *Л.С. Цветкова* (род. 1929) различает четыре группы алексий, в основе которых лежат нарушения разных психических процессов и разные механизмы. Первая группа — речевые алексии,

возникающие из-за дефектов речи и входящие в разные формы афазии. Вторая группа — гностические формы алексии, возникающие из-за нарушений восприятия разной модальности и входящие в синдром разных форм агнозии. Третья группа представляет собой следствие нарушений поведения, его целенаправленности, программирования, ориентировочно-исследовательской деятельности. Эти формы алексии входят в разные варианты лобного синдрома и возникают при поражении коры левого полушария мозга. В четвертой группе алексии проявляются в игнорировании левой стороны листа, текста, что не замечается больным, как не замечается и абсурдность читаемого.

Агнозия — нарушение различных видов восприятия, которые возникают при поражении коры головного мозга и подкорковых структур. Различают несколько форм агнозии — пространственную, зрительную, слуховую, тактильную, агнозию на лица. Больные с поражениями мозга утрачивают способность к совмещению входящих до них слуховой, зрительной и другой информации. Они теряют ориентировку в пространстве, не могут воспринимать пространственные признаки вещей: не могут правильно надеть платье, рубашку, застелить постель, так как они кладут одеяло поперек кровати.

Больные со зрительной агнозией, сохраняя достаточную остроту зрения, не могут синтезировать зрительный сигнал и перестают узнавать предметы и их изображения. Одной из специальных форм зрительной агнозии оказывается невозможность различать буквы, что ведет к нарушению чтения.

Слуховая агнозия представляет собой утерю способности к различению речевых звуков. В этом случае нарушается фонематический слух и процесс звукоразличения.

Тактильная агнозия ведет к нарушению опознания предметов «на ощупь». Этот дефект синтеза отдельных осязательных ощущений, который возникает в результате повышенной взаимной тормозимости отдельных возбуждений общечувствительной зоны коры мозга.

Агнозия на лица ведет к тому, что знакомые люди кажутся незнакомыми и неузнаваемыми.

Литература

- .....
- Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. — М., 1969.
- Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. — М., 1975.
- Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. — М., 1988.
- Цветкова Л.С. Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. — М., 2000.
- Цветкова Л.С. Нейропсихология и афазия: новый подход. — М., 2001.

Тема 32

ПСИХОСОМАТИКА

Психосоматика (греч. psyche — душа и soma — тело) — направление медицинской психологии, занимающееся изучением влияния психологических факторов на возникновение и течение соматических болезней (бронхиальной астмы, гипертонической болезни, язвы 12-перстной кишки, язвенного колита, полиартрита, стенокардии, нейродермита). В широком смысле слова под психосоматикой понимается весь комплекс проблем, связанных с взаимным влиянием психики и физиологических механизмов жизнедеятельности организма (так называемые психофизиологические проблемы).

В любом человеке мы усматриваем единство тело и души как живую целостность. Отдельный человек как единство для нас есть тело, которое либо одновременно есть душа, либо имеет душу, либо продуцирует душевные проявления. С другой стороны, это безусловное телесно-душевное единство само по себе не является распознаваемым объектом. Все, что мы видим, о чем мыслим, что постигаем уже выделено из этого единства односторонне, частично. Перед нами действительно встает проблема обнаружения его действительной связи с целым. Следовательно, если мы будем относиться к психологическому или соматическому анализу с недоверием, любой разговор о телесно-душевном единстве будет не просто бесплоден, но и окажет парализующее воздействие на наше мышление.

Единство тела и души истинно только как идея, предотвращающая абсолютизацию нашего анализа, способствующая развитию нашего отношения к выявленным данным как к относительному знанию и выдвигающая вопрос о том, как соотносится все во всем в соматической и психической жизни. Само это единство как объект познания остается смутным и непонятным либо недоступным; но мы должны мыслить о нем как о единственной идее, способной придать должную направленность нашему познанию жизни, которое всегда есть только познание частных и способно на достижение лишь относительной уверенности о частностях.

То, что тело отличается от души, кажется совершенно ясным и очевидным, не требующим объяснения. Но всегда остается вопрос, что есть тело и что есть душа? Например, душа — это прямое внутреннее переживание (материал для феноменология; все то, что дает начало осмысленным (значащим) или экспрессивным феноменам; единство Я, фундаментальная психическая субстанция).

Телом в свою очередь может называться морфологический гештальт животного, видимые осмысленные движения, совокупность химических, физических, биологических процессов, локализация центров в мозгу.

Отождествляя целое с душой, мы не приходим к более ясному эмпирическому пониманию психической реальности. Аналогично мы ничего не приобретаем, называя «телом» всю ту трудно определяемую совокупность, которая охватывает события, происходящие в физическом пространстве. Мы «нащупываем» эмпирический объект только при условии, что, исходя из целого, приходим к достаточно четкой формулировке, которая не будет ни всецело телом, ни всецело душой.

Физическое (например, яды, болезни, мозговые поражения) воздействуют на душу. Психическое воздействует на тело как в аспекте осуществления намерений (двигательная активность), так и на уровне произвольных соматических феноменов (сердцебиение, кровяное давление, метаболизм и т.п.). Соматические болезни, зависящие от психической сферы; одни болезни всецело обязаны своим возникновением этой сфере, тогда как другие носят чисто соматический характер, но в своем течении не вполне независимы от того, что происходит в душе.

События соматической жизни объективно проявляются для стороннего наблюдателя в форме видимых признаков. Факты, относящиеся к области соматического, устанавливаются методами клинического и физиологического исследования. Кроме того, прибегая к помощи собственных телесных ощущений, каждый человек получает возможность следить за самим собой. Собственное тело становится для него объектом. Основываясь на соматических ощущениях, он может наблюдать за изменениями своего физического состояния.

Даже органические заболевания в своем развитии не вполне независимы от психических факторов. Ныне уже никто не сомневается в том, что физические расстройства подвержены воздействиям со стороны психического. Физически детерминированное бывает очень сложно отличить от психически детерминированного. Для осуществления своего патологического воздействия душа ищет определенные, как бы уже проторенные пути. Например, если из-за перенесенного в свое время артрита больному уже приходилось испытывать боли в суставах, эти боли могут продолжаться на психогенной основе или возобновиться даже после того, как артрит излечен. Течение почти

всех соматических болезней небезразлично к тому, каково психическое состояние больного в период исцеления. Поэтому психическое воздействие вовсе не обязательно затрагивает в первую очередь чисто психогенные процессы или ход психических заболеваний.

Недоверие телу и фактический отказ от него делает невозможным осознание значимости телесного опыта. Между тем «телесный опыт — необходимая составляющая человеческого существования, условие его полноты и цельности»¹. Телесный опыт — непосредственно-чувственный опыт. Он начинается прежде всего с регистрации ощущений. Без этого опыта нет и опыта рефлексии. Благодаря непосредственно-чувственной практике расширяются возможности всех органов чувств. Восполняется и увеличивается психический и общеэнергетический потенциал.

Продуктивна мысль американского психолога А. Лоуэна: нашей основной и самой реальной действительностью является наше собственное тело. Наше Я — это вовсе не образ и не представление, обитающее где-то в недрах мозга, а весьма реальный, живущий и пульсирующий организм. Чтобы познать себя, мы должны ощущать свое тело. Потеря чувствительности в любой части тела означает потерю какой-либо частицы самого себя. По мнению А. Лоуэна, самосознание, представляющее собой первый шаг в терапевтическом процессе открытия самого себя, означает, что человек чувствует свое тело — все тело целиком, от головы до пят. Многие люди, находясь в состоянии стресса, теряют ощущение тела. Они уходят от тела в попытке сбежать и укрыться от действительности, что является реакцией шизофренического типа и образует собой серьезное эмоциональное расстройство.

Человек выражает свои проблемы смысловыми интеллектуализациями и техническими формулировками. Многие пытаются преодолеть ощущение нереальности самих себя и своей жизни. Отчаяние, когда образ, созданный ими же, оказывается пустым и бессмысленным. Отождествление, основанное на образах и ролях, меняется. Отчуждение от друзей, от работы. Отвергнута романтическая любовь, секс компульсивен, работа механистична, а стремления эгоистичны.

Нельзя сказать, что образы нереальны, но их реальность отлична от телесного феномена. Образ обретает реальность, когда объединяется с чувством или ощущением. «Ментальное здоровье» предполагает, что образ совпадает с реальностью. Образ затмевает личностную человеческую индивидуальность. Образ легче убить, чем человека. Образ собственного ребенка — подогнать ребенка под образ, который, как правило, ничто иное, как проекция бессознательного отцовского образа себя. Ребенок, которого принуждают

---

¹ См.: *Телесность человека: междисциплинарные исследования* / Философское общество СССР. — М., 1990. — С. 59.

измениться, чтобы соответствовать родительскому бессознательному образу, утрачивает ощущение Я, чувство тождественности и теряет контакт с реальностью... Воспитанный на представлениях об успешности, популярности, сексапильности, интеллектуальном и культурном снобизме, статусе, самопожертвовании и т.д., человек видит и других как образы, вместо того, чтобы видеть в них людей. Окруженный образами, пытаясь соответствовать своему собственному образу, он переживает фрустрацию и обманчивое эмоциональное удовлетворение. Образ — это абстракция, идеал и идол. Тело попадает в услужение образу. Отчужденные индивиды создают отчужденное общество.

Проблема отождествления (идентичности) раскрывается А. Лоуэном именно в этом направлении. Он отмечает, что на уровне сознания человек знает, кто он, но он все равно мучается вопросами, конфликтует сам с собой, сомневается в своих чувствах. Американский исследователь ставит проблему целостности личности. Разумеется, он не отождествляет человека только с телом. Поэтому много говорит о соотношения тела и сознания, тела и духа. Однако, по его мнению, только витальный аспект существования придает жизни смысл¹. Лоуэн говорит о невротике следующее: этому человеку не хватает отождествленности со своим телом, то есть того фундамента, на котором выстроена человеческая жизнь.

Эти рассуждения кажутся беспорными. Человек — это прежде всего тело. Если нет тела, то нет и других феноменов — души, психики, духа... Вот они-то и надстраиваются над телесностью, которая является фундаментом человека. При всей своей кажущейся неопровержимости эти рассуждения далеко не безупречны. Шаткость их в том, что они создают определенную модель человека, которая предполагает неизбежный «базис» и «надстройку», первичное и производное. В этом контексте целостность оказывается не чем иным, как механическим восполнением тела «всем нетелесным, душевным, эмоциональным». Но, во-первых, следует «выправить» логику рассуждений А. Лоуэна. Верно, что без тела нет души и других феноменов. Но в той же мере нет души как «развоплощенной» сущности. Она «телесна». А во-вторых, постижение личности начинается не только с тела. Ведь, как показала трансперсональная психология, человек способен начать «строительство» личности в ситуации трансцендентирования, то есть временного выхода за пределы собственной телесности.

Можно ли в этом смысле считать тело — фундаментом, на котором выстроена человеческая жизнь? Таким фундаментом, строго говоря, может быть и дух, который находится в слабом теле. А Лоуэн пишет: «Биоэнергетика опирается на простое предположение, что че-

---

¹ См.: Лоуэн А. Предательство тела. — Екатеринбург, 1999. — С. 7.

ловек не может существовать отдельно от своего тела, в котором он живет и посредством которого выражает себя и вступает в контакт с окружающим миром. Для доказательства этого очевидного факта можно попросить назвать ту часть себя, которая не является частью его тела. Разум, дух и душа являются аспектами каждого живого организма. У мертвого тела нет разума, он потерял свой дух, и его душа отделилась»¹.

Разумеется, разум, дух и душа — это аспекты живого организма. Но эти феномены не называются телом человека. Они проявляются в живом теле, но это вовсе не означает, что они выполняют какие-то телесные функции. У них другое назначение и совсем иная роль в постижении человека как целостности. Человек способен расщепляться (феномен шизофрении), но у нас нет оснований полагать, что это относится только к телу. На самом деле человек распадается на бестелесный дух и разочарованное тело. Человек — не агрегат, а тело — не ракета-носитель...

Литература

- .....
- Братусь Б.С.* Аномалии личности. — М., 1988.
- Зейгарник Б.В.* Патология мышления. — М., 1962.
- Каплан Г., Сэдок Б.* Клиническая психиатрия. — М., 1988.
- Карвасарский Б.Д.* Медицинская психология. — Л., 1982.
- Коченов М.М., Николаева В.В.* Мотивация при шизофрении. — М., 1978.
- Соколова Е.Т.* Мотивация и восприятие в норме и патологии. — М., 1976.
- Сухарева Г.Е.* Лекции по психиатрии. — М., 1974.
- Топольнянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. — М., 1986.

---

¹ Лоуэн А. Терапия, которая работает с телом. — СПб, 2000. — С. 40.

Тема 33

ДЕТСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Отношение к детству выступает как важный фактор социокультурного развития. Французский исследователь *Л. Дюмоз* рассматривает стиль воспитания ребенка в качестве важнейшего показателя социальной динамики. Он делит человеческую историю на шесть периодов. Первый период (с древности до IV в. н.э.) Дюмоз называет инфантицидным стилем. Это означает, что в эти века убийство ребенка не рассматривалось как грех. Более того, оно практиковалось по разным соображениям. Второй период (с IV в. до XIII в.) исключал убийство, но ребенка по сути дела бросали на произвол судьбы. Его сбывали кормилице, отправляли в монастырь. Если же ребенок оставался дома, его попросту не замечали. Двойственное отношение к ребенку стало складываться в период с XIV по XVII в.). В эти века дети уже пользовались вниманием родителей, но в то же время мало кто заботился об их духовном развитии. Предполагалось, что ребенок подобен чистому листу бумаги: на нем можно написать любые письма. Поэтому дети считались таким материалом, который легко поддается лепке.

В европейской культуре вплоть до эпохи Возрождения подростки воспринимались господствующей культурой как маленькие взрослые. Им шили точно такие же кафтаны, как и для родителей, надевали такую же обувь, порою, не считаясь с ее размером. Мысль о том, что мир ребенка радикально отличен от взрослого, еще не родилась. Так было и во времена *У. Шекспира* (1564—1616). Однако в эпоху Просвещения (XVIII — сер. XIX в.) детей стал отделять от взрослых людей. Вместе с тем сложилась отчетливая идеализация детского возраста. Писатели, философы, психологи показывали внутренний мир ребенка в духе руссоизма. Это, мол, чада, еще не испорченные диктатом цивилизации. Светлые, незамутненные души. Взрослые могут надругаться над идеальными переживаниями детей, разрушить еще неокрепшую нравственность. После романов английского писателя *Ч. Диккенса* (1812—1870) детям на улице стали подавать милостыню. В сознании европейцев закрепился образ чистого, страдающего ребенка.

На протяжении трехсот лет европейская культура взращивала миф об асексуальности ребенка. Особое влияние на это представление оказали взгляды французского философа Ж.-Ж. Руссо. Отвергая современную ему цивилизацию, Руссо выдвинул концепцию «естественного человека». По его мнению, древний человек, который существовал еще до возникновения культуры, был близок к природе, к органике. Его развратила культура, в которой есть общественное неравенство, жадность, лицемерие...

Навязчивый стиль, по мнению Л. Дюмоза, характерен для четвертого периода (XVIII в.). В эпоху Просвещения родители стремились к всестороннему контролю за поведением детей. Это касалось не только поведения, но и внутреннего мира ребят.

Что же касается ребенка, то он вообще производил впечатление «голубка» с почтовой открытки. Ведь он еще не вступил в мир взрослых, где царствуют пороки. Пока он непорочен и нравственен.

Начиная с XIX в. до середины XX в. родилось стремление непременно социализировать ребенка наиболее эффективным способом. Цель воспитания сводилась к тому, чтобы подготовить детей к взрослой жизни. На исходе двух столетий З. Фрейд сделал потрясающее открытие: оказывается, сексуальность в человеке проявляется чрезвычайно рано, еще в детском возрасте. Она проходит разные стадии. Эта мысль безмерно обескуражила бы, скажем, древнегреческого философа Платона. Ведь он был убежден, что сексуальные проблемы, которым он посвятил свои размышления, могут возникнуть только у взрослого человека.

Труды Фрейда радикально изменили представление о детском возрасте и детских переживаниях. Фрейд внес в «руссоистскую» идилию кошмарную ноту. Оказывается, мир ребенка страшен. В известном смысле, если следовать логике Эдипова комплекса, он соединяет в себе убийцу и сладострастника. Ведь ребенок одержим сексуальным вождением к родителю противоположного пола и мечтает об устранении соперника или соперницы.

Теория влечений обрела для психоанализа основополагающее значение. Разработанная Фрейдом и многократно пересмотренная, она широко применяется в детском психоанализе. По мнению австрийского психиатра, влечение возникает из внутренних соматических источников. Фрейд открыл, что существует инфантильная сексуальность (1895). Осмысливая эмпирический материал, он пришел к убеждению, что начало сексуальной функции у ребенка совпадает с началом «внематочной» жизни.

Детская сексуальность, утверждал Фрейд, не совпадает во всем с чувственностью взрослого человека. Однако она сохраняет многочисленные черты того, что у взрослых людей осуждается как извращение. Таким образом, само понятие сексуальности стало предельно расширительным. В результате сложилось учение Фрейда (1905,

1910) о наличии двух фаз в сексуальном развитии со скрытым периодом между ними. Кроме того, к этим выводам можно присоединить наблюдение Фрейда о том, что человек предрасположен к бисексуальности, из-за чего в психической сфере возможны нарушения, связанные с развитием готовности к выполнению конкретной половой роли.

Ближе к XX столетию психологические представления о детях разветвились. После работ Фрейда, стало понятно, что мир ребенка вовсе не такой стерильный, как это мнилось Диккенсу. Он оказывает огромное воздействие на всю жизнь человека. Истоки травматических реакций, разнохарактерные неврозы, тайные вожеления, — именно там, в раннем возрасте.

Вообще, как оказалось, характер человека закладывается очень рано. Вот на школьном пустыре, где ребята играют в футбол, появляется маленький крепыш. Всех неприятно поражает его агрессивность. Взрослые, наблюдая за его поведением, вздыхают: что поделаешь, он еще ребенок. Дитя вырастает, приходит из армии. Это вроде другой человек. Но как отчетливо проступают в нем те детские реакции. Теперь всем ясно: детская и взрослая жизнь неразрывно связаны.

Начиная с середины прошлого века в психологии укрепляется убеждение, что ребенок лучше родителей знает, что ему нужно на каждой стадии развития. Поэтому взрослые должны не опекать ребенка, а помогать ему. Понятие «контркультура» появилось в западной литературе в 1960 г., отразив либеральную оценку ранних хиппи и битников. Слово принадлежит американскому социологу Т. Роззаку, который пытался объединить различные духовные влияния, направленные против господствующей культуры, в некий относительно целостный феномен — контркультуру. Кто такие хиппи, теперь более или менее известно. Что касается «разбитого поколения», то Джек Керуак был первым писателем, который сформулировал новые духовные ориентиры молодежи.

Одновременно с «разбитым поколением» битников в американской действительности обнаружили тинэйджеры. Так называли подростков от 13 до 19 лет, которые заявили о своем праве иметь самостоятельную культуру. В начале 60-х годов в психологии и в общественном сознании в целом рождается идея: у детей свой специфический мир. Обнаружился сложный спектр различных культурных феноменов. Вот рокеры, одетые с ног до головы в кожу, мотоциклисты, наводящие ужас на обывателя. Они культивируют «мужской дух», жестокость и прямоту межличностного общения. Вот некий Остерберг, известный под псевдонимом Игги Поп, вышел на сцену в Детройте, распорол себе осколком стекла грудь и затем в сопровождении участников своей группы, облаченных в нацистскую форму, стал выкрикивать: «Я — последнее дерьмо», «Меня тошнит от вас». Через несколько лет в западной

прессе замелькали слова «панк — музыка», «панк — политика», «панк — культура».

.....
**Две темы детского
психоанализа**
.....

В современной психологии можно выделить две темы, имеющие отношение к детскому психоанализу. *Первая тема* — проблема агрессивности и жестокости детей. В 1997 г. вышла книга известного психолога Генри Перенса «Агрессия наших детей». В предисловии задан вопрос: «Не слишком ли эмоциональное слово вынесено в название книги?» Непослушное чадо и понятие, которое ассоциируется с нападением, насилием. Однако ребенок вовсе не ангелочек с почтовой открытки.

В небольшом арканзасском городишке Джонсборо завывала пожарная сирена. Перепуганные учащиеся вместе с учителями выбежали во двор. Там их поджидали двое учеников в защитных комбинезонах. Они передернули затворы и открыли огонь. 13-летний Митчел Джонсон, по отзывам учителей, очень скромный мальчик, хорошо успевающий, спокойный. Держит свое слово. Развита не по годам. Из равновесия этого акселерата вывели одноклассницы, которые отказались встречаться с юным «мачо» и ходить с ним в кино. Когда от ворот поворот дала ему очередная девочка, разгневанный Митчел попылся «перестрелять их всех». И он сдержал свое слово.

Психологи, как и родители, знают, что ребенок впадает в истерику, ломает игрушки, проявляет враждебность, которая становится истоком многих драм и даже трагедий. Родители, столкнувшись с яростным сопротивлением ребенка, часто пребывают в растерянности, в смущении, в испуге. Так ли просто услышать от дитятки: «Я тебя ненавижу»?

Психологи отмечают, что у детей наблюдается невротическое отклонение — мутизм. Он обнаруживается у дошкольников и младших школьников с интеллектом выше среднего. На первый взгляд мутисты — предельно застенчивые люди. Но фактически это дети с очень сильным характером, с железной волей и огромным упрямством. Они молчат, но зачастую это стратеги, умеющие прекрасно манипулировать людьми. В основе их поведения скрытое, глубинное стремление к лидерству, гордыня, захваченность властью. В мутизме много загадочного. У таких смиренных мальчиков нередко обнаруживается садизм. Часто дети мучают животных. Сталкиваясь с проявлениями детской агрессии, важно разобраться в мотивах поведения. У невротика не следует подчеркивать склонность к агрессивности, ведь это зачастую реакция на забитость. Другое дело — психопат. Здесь нужны жесткие рамки. Агрессия — многозначное слово. Можно говорить о непреднамеренной, игровой агрессии. Об агрессии как самоутверждении. Ребенок вовсе не зверь. Он наделен инстинктивными импульсами, обуреваем страстями, отстаивает свой такой хрупкий и не устоявшийся мир. Да, в стремлении утвер-

дить собственную личность, ребенок обнаруживает гнев, ярость, разрушительность. Однако понимаем ли мы мотивы детских поступков, спонтанных реакций?

Другая тема, которая сегодня связана с детским психоанализом — это тема насилия над детьми. Практика показывает, что данный феномен весьма распространенное явление. Проблема предупреждения сексуального и семейного насилия над детьми находится в центре внимания психологов. Под таким девизом проходила Европейская конференция по злоупотреблению детьми, которая состоялась в Осло в мае 1995 г. «Предупреждение сегодня — лечение может оказаться запоздалым!»

Во многих странах создана целая система служб, которая помогает детям — жертвам сексуального и семейного насилия. Опросы взрослых показывают, что одна из пяти девушек и один из десяти мальчиков подверглись когда-либо форме сексуального злоупотребления, или соблазнения в детстве. Насилию такого рода подвергаются дети всех возрастных групп — от младенчества до юности. Даже трехмесячные младенцы могут стать жертвами сексуального злоупотребления. Чаще всего это происходит именно в семье, реже насильниками оказываются люди со стороны.

Итак, можно сказать, об актуальности детского психоанализа. Он находит широкое применение во всех странах. Мы крайне мало знаем о жизни подрастающего поколения. Оно во многом искалечено нашим воспитанием. Это у нас был страшный по своим последствиям опыт раздельного обучения. Это у нас ранняя сексуальность подавлялась всеми мыслимыми средствами. Когда Ролан Быков снял фильм «Чучело», все дружно решили, что речь идет о критике недавнего деспотизма. Остальное прошло мимо сознания. Детский мир нам плохо доступен. Там есть и жестокость, и агрессивность, и максимализм, и расправа. Дети отлучают жертву от собственного сообщества. А это еще в античной Греции считалось страшнее смертной казни. Ребята щедро выплескивают свою агрессивную энергию. Между прочим, проглядывают и психологические типы. А вот и простое объяснение, специально для взрослых: «Ведь мы же играем...»

У нас мало собственного российского эмпирического материала, многие классические работы по детскому психоанализу неизвестны. Идея состоит в том, чтобы более основательно обсудить проблему. Данное пособие призвано положить начало исследовательской и психотерапевтической программы по развитию детского психоанализа в нашей стране. Сегодня детский психоанализ стал обширной областью исследований, заметной областью психоанализа в целом.

..... Многие мыслители прошлого писали о
Феномен материнства
..... том, что единственное природное предназначение женщины — родить ребенка. Этих взглядов придержива-

лись разные философы от Аристотеля и Платона до немецких классиков (Кант, Гегель). Способность женщины к деторождению стала парадоксальным образом трактоваться как выражение слабости и даже ущербности женщины в сравнении с мужчиной. Эти взгляды в европейской философии развивали А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, О. Вейнингер.

Иначе подходили к этой теме русские мыслители. Они прославляли в женщине материнское начало как основу творения. Именно через женщину человек приобщается к космосу. Такого рода представления мы находим в философии В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, В. Розанова, С. Булгакова. По мнению В.А. Рамих, материнство как социокультурный феномен имплицитно содержит в себе генезис всей человеческой культуры, всего общественно-исторического, нравственного и семейного опыта человечества. Сущность материнства, как она показала, может быть понята только в полном контексте всей культуры, причем не как ее часть или сторона, а как ее типологическая характеристика, которая выражается в определенных параметрах: матриархальных ценностях, ориентирах культуры, отражающих матрилинейную систему родства и соответствующую ей организацию общества. (См.: Рамих В.А. Материнство как социокультурный феномен. Ростов-на-Дону, 1995).

В психоаналитической литературе вообще внутри детского психоанализа эту проблему освещали З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Фромм. Американский психоаналитик Э. Эриксон рассматривал акт встречи и взаимного узнавания матери и ребенка как некий прообраз всех ритуальных действий, предлагаемых культурами. Именно этот контакт сообщает всем дальнейшим ритуалам необходимую символическую глубину.

Многие жесты, ритуалы и культурные традиции сложились благодаря феномену материнства. В.А. Рамих показывает, что воздетые вверх руки — это жест, который у разных народов выражает самые разнообразные эмоциональные состояния: отчаяние, мольбу о пощаде, торжество победы. Можно считать, что это один из древнейших символических жестов. Он широко представлен в христианской иконографии и поэтому воспринимается как специфически христианский. Однако сходный жест встречается и у других нехристианских народов Азии, Африки, Америки. Обычай воздевать вверх руки при обращении к божеству или объекту почитания (жест адорации) имеет как социальные, так и филогенетические корни. Показательно, что в древнеегипетских надписях, комментирующих изображения этого жеста, он сопоставляется с жестом ребенка, который тянется к матери. В дальнейшем этот жест приобрел и другие символические значения, в том числе и религиозного характера, в частности, в христианстве ему соответствует молитвенный жест Оранты.

Подробно исследуя символику материнства, В.А. Рамих отмечает, что некоторые жесты (объятия, поцелуи, жесты угрозы), несмотря на их разнородность, обладают общими чертами. Как это ни покажется странным по первому впечатлению, их объединяет общее происхождение: ритуально и филогенетически они также связаны с материнством. Одна из теорий происхождения поцелуя связывает этот ритуал с длительным преобразованием материнского кормления, в том числе изо рта в рот. Предпосылкой поцелуя в онтогенезе является, по-видимому, врожденный сосательный рефлекс. У славянских народов кормление изо рта в рот встречается в ритуальных ситуациях. В России и Белоруссии муж так поил жену при трудных родах.

С материнством связано происхождение некоторых ритуальных действий, которые применялись в тех случаях, когда люди хотели заставить деревья, растения плодоносить в нужное время или повлиять на их плодородие. Как известно, у различных народов, особенно земледельческих — божественная прародительница всего живого, и почитание земли — один из распространенных культов. Земля как производное начало персонифицируется в образе богини — матери. Такова, например, славянская Мать-сыра-земля, культ которой впоследствии сблизился к культом Богородицы.

В течение веков детей воспитывали на основе традиций, выработанных культурой того или иного народа. Когда ребенка кормят, купают, держат на руках, украшают, то мириады скрытых, никак не оговоренных навыков передаются ему руками, держащими его, голосами, звучащими вокруг, мотивами колыбельных песнопений, материалом, цветом и формой игрушек, которыми он играет.

Существуют целые этнические группы, у которых выработался особый ограниченных миграций отцов семейств, оставляющих жен и детей дома. И в этих условиях отсутствия отцов культура, хотя и в видоизмененной форме, все же передается в ее целостности. Предпочтения, оказываемые некоторым людям и животным, тонкости отношений между мужчиной и женщиной, привычка укладываться спать и вставать, способы сберегать и тратить деньги, реакции на удовольствие и боль, выражение эмоций радости и страха — все это разветвленные структуры поведения, унаследованные индивидом. Можно показать, анализируя их, что они обладают внутренней согласованностью и универсальны. Это связано с наличием в каждой культуре особого стиля материнства, который всегда принимается матерью за единственно правильный, но в конечном счете определяется тем, что именно ожидают от ребенка в будущем в данной социокультурной группе. Он представляет собой систему воспитания, которая явилась результатом длительной эволюции, запечатлевшей историю общества, ориентированной на включение индивида в данную группу, на выработку присущего ей типа мироотношения и жизненного уклада.

Начиная с античности и почти вплоть до XIX в. во взглядах на семью была преобладающей так называемая «патриархальная теория». В рассматриваемый с этих позиций истории человеческого общества был такой период, когда отцовство представляло собой лишь биологический феномен, но аналогичного феномена материнства не было — оно всегда несло в себе единство и неразрывность биологического и социального.

Особенности материнства как уникального механизма социализации состоят в том, что в отличие от других социальных институтов, оно формирует не только социально требуемые качества, но, прежде всего, закладывает фундамент культуры, базовых ценностей, формирует обязательный, необходимый, жизненно важный культурный минимум, без которого индивид не может стать полноценной личностью. В этом смысле материнство является уникальным по своей сущности механизмом социализации. Возможно, термин «социокультуризация» не совсем удачен, но он адекватно отражает суть процесса.

Природно-биологическая основа материнства всего лишь отправная точка для реализации его главной социокультурной функции. В этом смысле материнство представляет собой едва ли не единственное в своем роде явление, которое так гармонично соединяло бы природное и социальное. Как показывают исследования, эмбрион с двенадцати недель, еще находясь в материнском организме, начинает накапливать информацию, собственный жизненный опыт. Через мать он получает информацию об окружающем мире, формирует своеобразный архив, который в дальнейшем преобразуется в мир чувств и отношений. Мать является для ребенка первым и незаменимым носителем социокультурных качеств, с ней связано формирование первичного (базисного) доверия к миру. Это объясняется тем, что от рождения и до первого года жизни основной «зоной ближайшего развития» ребенка является мать (Л.С. Выготский). В возрасте до одного года у ребенка в процессе взаимодействия с матерью формируется потребность в общении с другими людьми, эмоциональное отношение к ним, ряд перцептивных действий, акт хватания как основа человеческих манипуляций с вещами. От года до трех для ребенка характерна предметно-манипулятивная деятельность (попытки действовать с предметами, используя их по назначению). В этот период ребенок начинает ходить, у него развивается речь и наглядно-действенное мышление. На данном этапе, по-прежнему, особое значение имеет его контакт с матерью. Она знакомит его с социально выработанными способами обращения с предметами, учит его разговаривать, ориентироваться в окружающем мире, дает ребенку ощущение безопасности и уверенности. Лишение матери в возрасте

до трех лет приводит к тяжелым последствиям. Такие дети агрессивны, жестоки, раздражительны. Вот почему отпуск по уходу за ребенком было рекомендовано продлить до трех лет.

Специфика материнства как механизма социализации связана с материнской любовью как его сущностной характеристикой. Именно через материнскую любовь и главным образом посредством ее осуществляется, вернее начинается, великий процесс создания личности. Она выполняет роль духовно-эмоциональной основы подлинного человеколюбия во взаимоотношениях «мать-дитя» и в силу этого имеет огромное социокультурное значение. С дефицитом материнской любви и ласки связан такой феномен, как «эмоциональная недокормленность детей», порождающая жестокость, бездушие, аморализм.

Незаменимость, уникальность материнской любви в процессе социализации соединена, по нашему мнению, с таким ее свойством, как безусловность. Материнская любовь есть благодать, ее не надо приобретать, не надо заслуживать, ребенку ничего не надо делать для того, чтобы его любили — материнская любовь безусловна. Вместе с тем существует несколько «разновидностей» материнской любви, которые можно условно свести к двум основным типам — альтруистическая, жертвенная любовь, и эгоистическая, слепая любовь матери к своему ребенку.

Их основное различие состоит в том, что если первая разновидность материнской любви имеет позитивный, конструктивный характер для развития ребенка, то вторая оказывает зачастую негативное, а порой и разрушительное влияние на развитие ребенка, приводит к деформации его личности. В идеальном случае любовь матери должна способствовать росту личности ребенка, его развитию, давать ему возрастающее чувство компетентности, а в итоге позволить ему стать самостоятельной полноценной личностью.

Однако не редкость и такое явление, когда женщина легко может быть «любящей» матерью лишь до тех пор, пока ее ребенок мал. По мере же его взросления материнская любовь может перерождаться и принимать негативную форму безрассудной, эгоистичной, слепой, препятствующей нормальному развитию ребенка. Так, например, у деспотичной, властной матери ребенок, будучи подчиненным ее воле, удовлетворяя ее стремление к власти и обладанию, вырастает беспомощным, слабовольным, зависимым от нее в своей дальнейшей жизни человеком.

Для слабой безвольной матери ребенок может стать объектом чрезмерной опеки, поощряющей его беспомощность и инфантильность или напротив, способствующей формированию эгоцентричности и деспотичности у ребенка. Чтобы предотвратить негативные проявления материнской любви, необходим ее антипод — взаимо-

дополняющая сторона — отцовская любовь. Отцовская любовь, в отличие от материнской, любовь обусловленная, она должна быть заслужена, ее можно потерять, если не оправдать ожиданий. Оптимальным сочетанием материнской и отцовской любви, их окончательным синтезом формируется основа ментального, нравственного здоровья, достигается социальная и духовная зрелость.

Материнская любовь, как подчеркивал Э. Фромм, безусловное утверждение жизни ребенка, его потребностей¹. Утверждение жизни ребенка имеет две стороны. Одна из них — это забота и ответственность, совершенно необходимые для сохранения жизни ребенка, его развития. Другая сторона идет дальше простого сохранения. Это установка, которая прививает ребенку любовь к жизни, которая дает почувствовать, что это прекрасно — жить, что это прекрасно быть маленьким мальчиком или маленькой девочкой, что это прекрасно, что он есть на земле!

В отличие от братской и эротической любви, которая есть любовь равных, взаимоотношения между матерью и ребенком по самой своей природе являются отношениями неравенства, при которых один нуждается в помощи, а другой ее оказывает. И именно эту материнскую любовь, полную альтруизма и не знающую эгоизма, считают самым возвышенным родом любви и узы ее — самыми священными из всех эмоциональных уз. Однако истинным достижением материнской любви представляется не любовь матери к младенцу, а любовь ее к подрастающему ребенку. Современные матери, отмечает Э. Фромм, в большинстве своем остаются любящими матерями, пока ребенок еще маленький и полностью зависит от них. В подавляющем большинстве женщины хотят ребенка, счастливы своим новорожденным и страстно желают заботиться о нем. И это несмотря на то, что они не «получают» от ребенка ничего взамен, кроме улыбки или выражения удовольствия на его лице.

Такая установка личности коренится, по-видимому, в комплексе инстинктов, наличествующих как у самок, так и у женщин. Но какое бы место ни занимал этот инстинктивный фактор, существуют еще специфические психологические факторы, формирующие этот тип материнской любви. Один из таких факторов можно видеть в нарциссическом элементе материнской любви. Поскольку мать ощущает младенца как часть себя, ее любовь и безрассудная страсть может быть удовлетворением ее нарциссизма. Еще один мотив может лежать также в стремлении матери к власти или обладанию. Ребенок, беспомощный и полностью подчиненный ее власти,

---

¹ Фромм Э. Душа человека. — М., 1998. — С. 213.

служит естественным средством удовлетворения для властной женщины или женщины с собственническими наклонностями.

Как ни распространены такие мотивы, они все же уступают в важности и всеобщности еще одному мотиву, который можно назвать потребностью преодоления. Эта потребность преодоления — одна из самых основных человеческих потребностей. Корни ее в том, что он не удовлетворен ролью сотворенного, в том, что он не может смириться с ролью игральной кости. Ему самому необходимо почувствовать себя творцом, преодолеть пассивную роль сотворенного. Есть много способов удовлетворять эту потребность. Из них самый простой и естественный — материнская любовь и забота о своем создании. В своем младенце мать выходит за пределы собственной личности. Любовь к нему придает ее жизни особый смысл и значение (Именно в невозможности для мужчины удовлетворять свою потребность преодоления, вынашивая ребенка, — причина стремления превзойти себя, создавая мысли и вещи.)

Но ребенок должен расти. Он должен выйти из утробы матери, оторваться от ее груди. Постепенно он должен полностью от нее отделиться. Материнская любовь по самой своей сути есть забота о том, чтобы ребенок рос, а потому мать должна желать отделения ребенка. В этом главное отличие материнской любви от любви эротической. В эротической любви двое, которые существовали отдельно, становятся единым целым. В материнской любви двое, которые были одно, отделяются друг от друга. Мать не только должна вытерпеть отделение ребенка, но должна сама этого хотеть и способствовать этому. И только на этой стадии материнская любовь становится настолько трудным делом, что требует отказа от эгоизма, способности отдать все, не желая ничего взамен, кроме счастья того, кого она любит. И именно на этой стадии многие матери не справляются с задачей материнской любви. Самовлюбленная, властная женщина, женщина-собственница с успехом может быть «любящей» матерью, пока ребенок мал. И только самостоятельная женщина, любящая по-настоящему, женщина, которая больше радуется, отдавая, чем получая, может быть любящей матерью и тогда, когда ребенок отделяется от нее.

Материнская любовь к подрастающему ребенку, любовь, ничего не требующая взамен, есть, вероятно, самая труднодостижимая форма любви. В ней особенно просто обмануться благодаря той легкости, с которой матери удастся любить своего малыша. И именно потому, что это так трудно, женщина может быть по-настоящему любящей матерью, только если она умеет любить, если она способна любить своего мужа, своих детей, чужих детей, всякое человеческое существо. Женщина, неспособная на такую любовь, может быть нежной матерью, только пока ребенок мал, но она не может

быть по-настоящему любящей матерью. А узнать это можно по тому, готова ли она с охотой перенести отделение от себя ребенка и даже после этого продолжать любить его.

.....
3. Фрейд
как основоположник
детского психоанализа
.....
Когда Фрейд начал свою психотерапевтическую деятельность, он обратил внимание на то, какую роль в происхождении психической травмы играет сексуальное насилие. Оно нередко служит истоком психопатологии. Это стало одним из основных положений психоанализа. Такие работы Фрейда, как «Анализ фобии пятилетнего мальчика», «Из истории одного детского невроза», «Из жизни детской души» имеют прямое отношение к зарождению детского психоанализа.

Некто Г. Граф проходил анализ у Фрейда. «Когда я был совсем маленьким, у меня возник невротический страх перед лошадьми, — писал он. — Фрейд обследовал меня, а затем начал лечение, привлекая моего отца как посредника. Он использовал своего рода игру в вопросы и ответы, ставшую впоследствии классическим методом в детской психиатрии».

В 1909 г. З. Фрейд опубликовал работу «История фобии пятилетнего мальчика». Речь в ней шла о мальчике Г. Графе, который боялся выходить за улицу, потому что панически боялся лошади. Он считал, что она может его укусить. Страх перед лошадию принял характер фобии. Между тем мальчик был физически хорошо развит, весел, любезен. Он обладал живым умом мальчика, который может вызвать радость не только у отца.

Теперь вообразим на минуту, что ребенка пытается избавить от фобии психолог дофрейдовского времени. Вот он принес мальчику целую коллекцию изображений различных лошадей, миролюбивых, добродушных. Теперь важно внушить мальчику, что лошади вообще сами по себе хорошие. «Их не надо бояться, ведь они такие приветливые. Ну, понял, маленький, что лошадь — это совсем не страшное животное. А теперь возьми кусочек сахара на ладонь. Пусть лошадка примет свой подарок. Когда ты ощутишь теплые губы лошадки, твой страх окончательно растворится...»

А теперь вернемся к Фрейду. Оказывается, лошадка тут совсем не при чем. Ведь ребенок боится вовсе не ее, а своего отца, который может кастрировать его. Надобно улаживать отношения в семье, а не подкармливать лошадку. Ведь работа Фрейда посвящена пробуждению ранней сексуальности ребенка, любовным отношениям, которые складываются внутри семьи. Фрейд подмечает, любовные ощущения у мальчиков вовсе не так редки. Что же касается детства «великих людей», то тут раннее сексуальное развитие вообще встречается довольно часто...

Между тем работа Фрейда вызвала настоящий шок. Общественность встретила соображения австрийского психиатра с возмущением.

Считать непорочного маленького ребенка сексуальным созданием — это уж слишком. Ведь половые проблемы могут волновать только взрослых, достигших сексуальной зрелости людей. А тут о пятилетней крохе...

История «маленького Ганса» считается классической работой в области детского психоанализа, будучи первым случаем применения психоаналитической техники к детскому неврозу. Ганс страдал фобией, которая выражалась в том, что он не решался выходить из дома, опасаясь быть задавленным лошадью. К этому симптому в возрасте четырех лет и пяти месяцев, спустя девять месяцев после рождения сестры, добавились тяжелые состояния страха общего характера. При лечении Фрейд и отец ребенка работали также с материалом, который мальчик продуцировал в процессе спонтанной игры. Таким образом, лечение, проведенное Фрейдом, стало предшественником детского психоанализа, который в дальнейшем разрабатывали Гермине фон Хуг-Хельмут и, прежде всего, Мелани Кляйн и Анна Фрейд.

В работе Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика», которая имеет подзаголовок «Психоанализ детского страха» подчеркивается, что врач, занимающийся психоанализом взрослого невротика, раскрывающий слой за слоем психические образования, приходит, наконец, к известным предположениям о детской сексуальности, в компонентах которой он видит исток всех невротических симптомов последующей жизни.

Фрейд предлагал врачам и родителям собирать наблюдения за половой жизнью детей, которая обыкновенно по тем или другим причинам остается незамеченной или скрытой. Родители Ганса решили воспитать своего первенца с минимальным принуждением, какое требуется для сохранения добрых нравов. Ганс развился в веселого, славного и бойкого мальчика. Попытки воспитать его без строгости, дать ему возможность свободно расти и проявлять себя, очевидно, привели к хорошим результатам.

Австрийский психиатр показывает, что первые сведения о Гансе относятся к тому времени, когда ему еще не было полных трех лет. Уже тогда его различные разговоры и вопросы обнаруживали особенно живой интерес к той части тела, которую он на своем языке называл *wiwimacher*. Так однажды он задал своей матери вопрос:

Ганс: Мама, у тебя есть *wiwimacher*?

Мать: Само собой разумеется. Почему ты спрашиваешь?

Ганс: Я только подумал.

По мнению Фрейда, все это типично для сексуального развития ребенка. Он и ранее отмечал, что не следует приходить в ужас, когда встречаешься у женщины с представлением о сосании полового чле-

на. Это непристойное побуждение довольно безобидно по своему происхождению, так как он связано с сосанием материнской груди.

В возрасте 3,5 лет мать застала Ганса в тот момент, когда он держался за пенис. Мать погрозила ему: «Если так это будешь делать, я позову доктора, и он отрежет тебе твой wiwimacher. Чем ты тогда будешь делать wiwi? Ганс отвечает: моим роро. Тут Ганс не демонстрирует сознание вины, но приобретает при этом «кастрационный комплекс», который так часто можно найти при анализе невротиков, хотя все они против этого протестуют. Кастрационный комплекс оставил заметные следы. Об этом Фрейд писал в работе «Толкование сновидений».

По Фрейду, комплекс кастрации непосредственно связан с комплексом Эдипа, но хронологически эта связь проявляется по-разному. У мальчиков вначале формируется комплекс Эдипа, а затем комплекс кастрации. У девочек наоборот, вначале формируется комплекс кастрации, а потом комплекс Эдипа. У мальчиков этот комплекс порождает гордость за наличие пениса, у девочек — ощущение несправедливой нехватки и стремление возместить обнаруженную «недостачу». Комплекс кастрации и его переживание оказывают влияние на формирование мужского и женского типов поведения. Представление о комплексе кастрации было введено Фрейдом в 1908 г. и в дальнейшем дорабатывалось по мере получения клинических материалов и развития его учения.

Итак, комплекс кастрации — одно из понятий классического психоанализа. Оно означает совокупность переживаний ребенка по поводу его анатомического отличия от других людей, которое обнаруживается в раннем возрасте. Эти переживания связаны с попытками ребенка ответить на вопросы, возникающие у него уже после того, как он с недоумением открывает для себя нечто такое, что требует объяснения.

Фрейд в работе «Анализ фобии пятилетнего мальчика» показывает, что Ганс проявляет сексуальное любопытство, которое делает его исследователем. Ребенок обнаруживает, в частности, что у неодушевленных предметов нет существенного признака, который имеют живые существа. Когда в семье рождается девочка, Ганс озабочен проблемой появления на свет детей. Для Ганса, как и для всех детей, лежание в постели с отцом или матерью — источник эротических возбуждений.

При комплексе кастрации первоначальное недоумение может смениться страхом. Он подкрепляется угрозами родителей и воспитателей, всегда готовых наказывать мальчика за дурные поступки. Страх утраты пениса ведет к возникновению того, что З. Фрейд и назвал комплексом кастрации. С точки зрения классического психоанализа этот комплекс имеет немалое значение для психосексуального развития ребенка. Он оказывает воздействие на формирование ха-

рактера человека. Этот комплекс предопределяет более поздние сексуальные предпочтения, связанные с различными рода перверсиями. Он является также источником психических расстройств.

Заметим, что представления Фрейда о комплексе кастрации нашли свое развитие в теории и практике психоанализа. Одни психоаналитики попытались отыскать глубинные истоки возникновения этого комплекса и страха кастрации, сведя их к травме рождения человека. Другие подвергли критике фрейдовское понимание ущербности женщин и их зависти к пенису. Третьи сделали акцент на рассмотрении не пениса, который обозначает мужской орган в его телесной реальности, а фаллоса как символического значения пениса, оказывающего соответствующее воздействие на человека.

Раскрывая фобии Ганса, Фрейд подчеркивает, что расстройство мальчика начинается с тревожно-нежных мыслей, а затем с тревожного сна. Содержание последнего: потерять мать, так что с ней нельзя будет ласкаться. Итак, нежность к матери ненормально повышена. Это основной феномен болезненного состояния. Эта повышенная нежность к матери превращается в страх, то есть подвергается вытеснению. По мнению Фрейда, страх соответствует вытесненной любовной тоске. Но он далеко не эквивалентен любовной тоске.

В итоге Фрейд приходит к убеждению, что картина сексуальной жизни Ганса хорошо совпадает с описанием его теории полового влечения, на основании психоаналитических исследований над взрослыми. Фрейд отвергает взгляд, согласно которому все детские показания без исключения произвольны и не заслуживают доверия. В психическом, по его мнению, нет произвола. Недостоверность показаний у детей основана на преобладании фантазии, а у взрослых — на преобладании предвзятых мнений. Вообще, ребенок и не лжет без основания, и у него даже имеется большая любовь к правде, чем у взрослого.

В своих отношениях к отцу и матери Ганс подтверждает общую фрейдистскую концепцию. Он действительно маленький Эдип, который хотел бы устранить прочь отца, чтобы самому остаться с красивой матерью, спать с ней. Ганс сердечно любит отца, по отношению к которому он питает желание смерти, в то время как его ум не признает этого противоречия. На самом деле Ганс вовсе не злодей и даже не такой ребенок, у которого жестокие и насильственные склонности человеческой природы развиваются без задержек в этот период его жизни.

О чем свидетельствует история маленького Ганса? Однажды он заболевает на улице страхом. Он не может еще сказать, чего он боится, но уже в начале своего припадка страха выдает отцу мотив своего заболевания, выгоды болезни. Он хочет оставаться около матери, ласкаться к ней. В этой тоске по матери некоторую роль, как

думает отец, могло сыграть воспоминание, что он был удален от нее, когда появилась сестра. Вскоре выясняется, что этот страх уже больше не может быть обратно заменен тоскою, так как он испытывает страх даже тогда, когда мать идет с ним. А между тем психоаналитик получает указание, на чем фиксируется его либидо, превратившееся в страх. Он обнаруживает весьма специальный страх, что его укусит белая лошадь.

По мнению Фрейда, положение фобий в системе невротизма было до сих пор неопределенным. Кажется, можно с уверенностью сказать, что в фобиях нужно видеть только синдромы, принадлежащие к различным невротам, и им не следует придавать значение особо болезненных процессов. Либидо, освобожденное из патогенного материала путем вытеснения в истерию страха, не конвертируется, т.е. не переходит из сферы психики на телесную иннервацию (иннервация — связь органов и тканей с центральной нервной системой при помощи нервов), а также остается свободным в виде страха.

Фрейд подчеркивает, что когда мать рассказывает про своего ребенка, что он «нервный», то можно в восьми случаях из десяти рассчитывать, что ребенок имеет какой-нибудь страх или много страхов сразу. При истерии страха уже начинается психическая работа, имеющая целью связать ставший свободным страх. Но эта работа не может не превратить страх обратно в либидо, ни связать его с теми комплексами, из которых происходит это либидо.

Чрезвычайно важна мысль Фрейда, о том, что начинающие психоаналитики обычно полагают, что в тот момент, когда врачу понятен бессознательный комплекс ребенка, он оказывается прозрачным и для больного. Они ждут слишком многого от сообщения ребенку такого знания. Но тут предстоит еще большая работа. Ганс после частичной победы над его кастрационным комплексом оказался способным к тому, чтобы сообщить свои желания по отношению к матери. Он делает это еще в искаженной форме в виде фантазии о двух жирафах, из которых одна безуспешно кричит в то время, как сам Ганс овладевает другой. Владение он изображает тем, что садится на нее. В этой фантазии отец узнает воспроизведение сцены, которая утром разыгралась в спальне между родителями и мальчиком. Ганс тут же спешит освободить желание от всего, что его искажает. Оба жирафа — это отец и мать.

Завершая свое исследование, Фрейд приходит к мысли, что между «нервными» и «нормальными» детьми и взрослыми нельзя провести резкой границы, что болезнь — это чисто практическое суммарное понятие. Предрасположение и переживание должны встретиться, чтобы переступить порог достижения этой суммы. Многие дети из класса здоровых переходят в разряд нервных. Гораздо меньшее число людей проделывают обратный путь от болезни к здоровью. Воспитание ребенка может оказать мощное воздействие

на предрасположение к болезни или избежать вредных последствий психического развития ребенка.

По мнению Фрейда, анализ, который проводится, непосредственно с невротическим ребенком, заслуживает большего доверия. Однако такой анализ, как он считал, не может быть очень содержательным. Приходится подсказывать ребенку очень много слов и мыслей, и все же самые глубокие слои могут оказаться непроницаемыми для сознания. Анализ детского заболевания, проходящий через воспоминания взрослых, свободен от этих ограничений. Однако собственные воспоминания могут подвергнуться искажению.

Вот почему анализы детских неврозов могут, по мысли Фрейда, претендовать на особенно повышенный теоретический интерес. Для правильного понимания неврозов взрослых они дают приблизительно столько же, сколько детские сны для снов взрослых. Дело не в том, что их легче разобрать или что они беднее элементами. Трудность проникновения в душевную жизнь ребенка делает работу врача при их анализе особенно тяжелой. Но в них отпадает так много из позднейших наслоений, что самое существенное в неврозе выступает особенно ярко.

Изучение детских неврозов, как считал Фрейд, показывает невозможность перетолковать все по-иному. У ребенка легко обнаруживаются либидозные стремления, раскрывается роль влечений в формировании невроза. Обнаруживается отсутствие отдаленных культурных целей и стремлений, неизвестных ребенку и не имеющих поэтому для него никакого значения.

В работе «Из истории одного детского невроза» Фрейд показывает, как тяжело пациенту начать самостоятельное существование. Эта трудность превосходит все страдания, вызванные болезнью. Историю больного часто трудно описать чисто исторически или чисто прагматически. Можно лишь передать некое ощущение проблемы. Итак, рано поженившиеся родители жили в счастливом браке, на которой первую тень бросили их болезни.

Тем не менее работа З. Фрейда «История фобии пятилетнего мальчика» скорее может рассматриваться как весьма внушительная иллюстрация к развитию психоаналитических идей, нежели руководство по ведению психоаналитических сеансов.

Детоубийство и нарциссизм

..... Инстинкт смерти, как писали З. Фрейд и М. Кляйн, присущ ребенку от рождения. Этот инстинкт по проективному механизму превращается в страх ребенка быть убитым родителями, и в первую очередь матерью, поскольку все люди, имеющие отношение к новорожденному, для него являются матерью.

Поскольку психика появляется во второй половине беременности, то можно говорить об инстинкте смерти плода. При нормальном течении беременности первым фактором, «пробуждающим»

влечение к смерти, являются роды. «Пробуждение» его происходит в виде проекции на мать: появляется страх быть убитым матерью во время родов. В случае патологической беременности, вероятно, такими факторами могут быть все виды патологии, нарушающие комфортное состояние плода. Степень действия патологических факторов и родов на гомеостатическое, комфортное состояние плода, видимо, соответствует степени «пробуждения» инстинкта смерти.

Ребенок развивается под девизом преодоления страха смерти путем сознательного овладения своими психическими функциями. Это происходит на всех нарциссических стадиях развития: оральной, анальной, фаллической. Помогает ребенку в этом нарциссизм, базой которого является инстинкт самосохранения, развивающийся потом в Эго. Поэтому решая нарциссические проблемы пациента, аналитик должен помнить, что за ним стоит инстинкт смерти.

Отражением этой проблемы на первом году жизни является формирование базового доверия к миру (Эриксон). Новорожденный, сталкиваясь с неблагоприятными факторами, как бы решает, стоит ли ему жить вообще или не стоит, стоит ли доверять этой жизни или лучше сразу уйти из нее. Науке известны случаи смерти в раннем возрасте под воздействием сильных неблагоприятных факторов без всякой соматической патологии. «Мысль новорожденного» такой же гипотетический конструкт в психоанализе, как, например, психическая энергия. Как понять, хотя бы на мифическом уровне психику ребенка. В любом случае у новорожденного наблюдаются психические процессы, которые по мере развития превращаются в мысли.

Состояние ребенка в том случае если не удовлетворены его потребности, можно передать такой фразой: «Зачем мать родила меня, если хочет убить?». В этом вопросе источник амбивалентности и расщепления психики. Его неразрешенность ведет к хаосу в психике. А хаос на символическом уровне — смерть.

Наибольшее влияние на ребенка оказывает не угроза физической смерти, а все кризисы развития, которые нарушают комфортное состояние ребенка и требуют напряжения сил для их преодоления, что сопровождается отказом от принципа удовольствия в пользу принципа реальности. Это и роды — с адаптацией к новым условиям вне тела матери, и приучение к новым ритмам сна-бодрствования, кормление по расписанию, овладение оральной агрессией при появлении зубов, и кризис воссоединения в фазе сепарации-индивидуации, и овладение анальной агрессией, и Эдипов комплекс и многое другое. Действительное неумение, нежелание родителей заботиться о ребенке, нелюбовь, неприятие ребенка матерью в любом проявлении. Мать — это уже синоним любви, принятия ребенка, жертвенности для него. Поэтому любое несоответствие матери своей роли вос-

принимается ребенком как нелюбовь, как угроза смерти. Исследования Р. Шпица доказали, что в стадии симбиоза с матерью ребенок не способен нормально развиваться, то есть жить психически, без ее любви. По логике ребенка, раз родители его родили, значит они должны дать ему все необходимое. Если жизнь его «поманила», значит ее обещания не должны быть обманом. Здесь можно говорить о потребности в росте, взрослении, превращении детского нарциссизма во взрослое эго. Речь не идет об удовлетворении всех безудержных желаний, исходящих из Оно. Избалованность, потакание будут также задерживать развитие Эго, как и излишнее травмирование, фрустрирование.

Речь идет о способности родить ребенка не только физически, но и родить его психически. «Зачем родители создали меня физически, если не хотят родить психически?» Психическое развитие есть цель ребенка и проявление его инстинкта жизни. Ребенку присуще понятие цели от рождения, как присущ от рождения инстинкт жизни. «Логика цели» — одна из основ инстинкта. Бесцельность рождает хаос, потерю причинно-следственных связей, что ведет к смерти или к психозу.

В своих разработках Самости Х. Кохут отмечает две наиболее фундаментальные сущности человека:

- 1) потребность в организации, структурировании психики в связную систему Самости;
- 2) потребность в подкрепляющих взаимосвязях Эго с внешним миром, побуждающих и усиливающих энергетическую мощь, а также удерживающих в постоянном виде структурную связанность и сбалансированную гармоничность составляющих элементов Самости».

Проще говоря, первая базальная потребность — в наличии жизненной структуры, а вторая — в ее поддержании, развитии и функционировании. Вторая потребность и обуславливает «логику цели», так как бесцельно иметь структуру, которая никак не функционирует. Вопрос «зачем?», направленный на определение наличия цели — один из самых фундаментальных, потому что в нем спаяны жизнь и смерть.

И вот ребенок, задав себе этот базальный вопрос, ищет на него ответ. Конечно, форма этого вопроса и поиск ответа зависят от многих вещей: от относительной силы инстинктов жизни и смерти в самом ребенке, от содержания конфликта на каждой стадии развития, от степени несоответствия родителей своей роли, от внешних обстоятельств.

Пример, когда мать оставила ребенка одного на стадии сепарации-индивидуации. Переживая депривацию, ребенок задает вопрос: «Почему она меня бросила? Может быть, она меня больше не любит?».

Если время отсутствия матери не превышало возрастного порога способности ребенка переживать фрустрацию, то по ее возвращению он ответит себе: «Нет, мамочка меня любит. Просто ей надо было уйти». Таким образом, он легко нашел цель поступка матери. Если ее нет дольше: «Раз мать меня бросила, значит, она хочет моей смерти, потому что без нее я жить не смогу. Зачем тогда она меня рожала?»

Ребенок становится в шизоидно-параноидную позицию, описанную М. Кляйн. Острота угрозы смерти смещается на вопрос целесообразности. Происходит расщепление: «Непонятно зачем она меня рожала, если хочет убить». Это расщепление защищает хрупкую психику ребенка от чрезмерного переживания страха смерти. Условно говоря, смерть замещается психозом.

Два исхода. Если в ребенке преобладает инстинкт смерти, то шизоидно-параноидная позиция фиксируется и со временем переходит в психоз (в клиническом или психоаналитическом смысле). Если же в ребенке преобладает инстинкт жизни, то он находит ответ в поведении родителей. «Если они меня родили и хотят убить, значит, им это зачем-то нужно. Значит, они исходят в жизни из своих целей. Моя цель — быть любимым, получать все, что мне необходимо. Кто мне все это может дать? Тот, кто меня может безусловно любить. А это могу только я сам». Это и есть нарциссизм, защищающий ребенка от влечения к смерти. В том, что ребенок нашел цель в таком непоследовательном поведении родителей, соединил вроде бы несоединимое, и есть проявление инстинкта жизни.

Примером такого развития личности являются беспризорные дети. С ранних лет, живя под угрозой смерти, они выработали защиту в виде мощного Эго. «Мама, роди меня обратно», «Ах, зачем меня мать родила?». Другой особенностью их личности является слабое развитие Супер-Эго. Причина этого в том, что, во-первых, при повышенной угрозе смерти Эдипова стадия развития не может быть пройдена адекватно. Во-вторых, родители не стали для них примером для подражания, поскольку сами нарушали моральные нормы в виде неадекватной заботы о своих детях.

То, что нарциссизм «прикрывает» влечение к смерти, показывает миф о Нарциссе. Нарцисс фактически покончил жизнь самоубийством, оттого что не смог соединиться с объектом любви — своим отражением в воде. В этом аналогия с мыслями ребенка: «Родители меня родили, но не хотят соединиться со мной в жизни (эмоционально слиться в симбиозе), а без этого я не могу жить». Миф отразил вариант недостаточной нарциссической защиты от инстинкта смерти. Но благодаря этому стало понятно, зачем нарциссизм нужен человеку, от чего защищает. Нарциссизм — архаичный вариант инстинкта жизни. При благополучном развитии он переходит в более зрелую форму — объектную любовь. При неблагоприятном фиксируется, так как при попытках отказаться от него инстинкт

смерти грозит превысить инстинкт жизни. Говоря языком теории объектных отношений, нарциссизм есть регресс на симбиотическую стадию развития.

В разной степени нарциссизм присущ каждому человеку. При адекватной жизненным условиям степени выраженности он дает базовое доверие к жизни, когда и жизнь, и смерть манят ребенка каждая к себе, но побеждает первая тенденция.

Фрейд писал об отцеубийстве, но не касался феномена детоубийства. Феномен детоубийства можно сравнить с хронически висящим дамочловым мечом, с невыразительным фоном психического развития ребенка. Во-первых, из-за хронического характера он перестает замечаться; во-вторых, «видение» его вытесняется из-за большой степени травматичности. Феномен отцеубийства — вспышка сверхновой звезды.

С позиции нарциссизма отцеубийство (у девочек — убийство матери) — это победа над отцом, и она завершает нарциссическую стадию развития. Способность к отцеубийству есть некий критерий зрелости детского Эго, формирующегося из инстинкта самосохранения. Она говорит о том, что уже сформировались способности к триадным объектным отношениям, что нарциссические защиты от страха смерти не нужны.

В стадии сепарации-индивидуации (конфликт воссоединения) происходит убийство доэдиповой фаллической матери. В отличие от эдипова убийства здесь сын убивает мать, но она сочетает в себе качества обоих родителей.

Доэдипово убийство имеет много сходного с эдиповым:

- 1) в процессе индивидуации ребенок совершает много самостоятельных поступков, чем «убивает» мать в качестве всемогущей, всеопекающей. В результате он обретает чувство вины;
- 2) хотя сепарационная вина отличается от эдиповой, это тоже вина. И оба чувства вносят свой вклад в развитие супер-эго;
- 3) способность к победе над матерью, равняющаяся способности к победе над своей беспомощностью и зависимостью, является также ступенькой в развитии Эго, как и Эдипова победа;
- 4) оба варианта убийства родителя являются выходом из ситуации детоубийства. Детоубийство не только беспомощность, но и полное отсутствие индивидуального существования. До конфликта воссоединения не существует отдельного ребенка — есть пара мать-дитя, как писал английский психотерапевт *Д. Винникот*. При сепарации ребенок убивает ту мать, с которой он симбиотически слит. Аналогично, при эдиповом убийстве родителя ребенок обретает сексуальную индивидуальность. И хотя это разные виды индивидуальности, в обоих случаях решается вопрос индивидуальности;

5) в эдиповом случае конфликт амбивалентности разрешается идентификацией с однополым родителем.

Как писал Фрейд, это оральный способ решения проблемы (поглощением). Происходит и устранение конкурента, и обретение его качеств. В доэдиповом убийстве матери можно увидеть оральный способ решения проблемы амбивалентности. Здесь происходит интроецирование материнских частей и их интеграция до степени константности внутреннего материнского объекта.

Универсальность феномена убийства родителей на каждой стадии развития ребенка сопровождается конфликтом амбивалентности. Происходит убийство родителя в старом его качестве и обретается возможность новых объектных отношений. При этом детоубийство подразумевает сохранение старых объектных отношений, задержку развития, фиксацию на какой-то стадии.

Матереубийство — доэдипово убийство матери. Сексуальный и агрессивный инстинкт можно считать структурными, а инстинкты жизни и смерти — функциональными.

Исходя из этого, можно говорить, что структурный элемент психики, называемый сексуальностью, может функционировать и в русле инстинкта жизни (размножение потомства) и в русле инстинкта смерти (безудержность и девиации сексуальности ведут к невозможности воспроизведения потомства).

..... Как начинается история жизни вообще?

Мифология

..... По древнегреческой мифологии изначально был только вечный Хаос. Он родил Землю (Гею). Она родила Небо (Уран). У Геи и Урана были дети — великаны, которых Уран в ужасе заключил в недра Геи. Гея уговорила детей восстать против отца, и сын Крон (Хронос, Время) хитростью отнял у отца глаз. По мифологии других народов из Хаоса родилось огромное яйцо, которое разделилось на Землю и Небо. Причем расстояние между ними было очень маленькое, и сын пустил между ними стрелу и разделил их окончательно.

Это фактически история зарождения ребенка. Первоначальный Хаос есть половая жизнь родителей до зачатия. Земля и Небо — родители будущего плода. Они соединяются в половом акте. Дети — великаны, которых Уран загонял в недра Земли, микроскопические сперматозоиды, входящие в матку при коитусе, но не оплодотворяющие яйцеклетку. Появление сына, разъединяющего Небо и Землю, — оплодотворение яйцеклетки, возникновение зародыша.

Роль Крона очень многозначна. Если мужчина и женщина имеют сексуальные отношения в течение определенного времени, вероятность зачатия возрастает. На время беременности мужчина частично теряет свое влияние на женщину. У примитивных народов он даже не может прикасаться к ней. Оно ограничено 9 месяцами.

Мы видим, что первое зарождение жизни связано с отцеубийством (Урана Кроном). Далее древнегреческие мифы повествуют, что в наказание за отцеубийство жена Крона Нюкта (Ночь) родила ему целый сонм ужасных детей, в том числе Танатос (Смерть). Другая жена Рея (мать богов) родила детей — богов, в том числе Зевса (бога энергии, молнии).

В утробе над плодом властвуют Время и Ночь. Ночь символизирует утробную темноту. В своем развитии плод проходит все стадии развития позвоночных животных — от рыб до человека. В разные сроки беременности он выглядит совершенно по-разному. Каждая стадия развития со временем заканчивается, то есть каждая форма плода «поедается временем». Дети Крона и Нюкты характеризуются как ужасные, возможно, потому, что внешний вид плода на многих стадиях далек от человеческого.

Вторая жена Крона — Рея, родившая Зевса, по сравнению с другими богами древнегреческой мифологии, не имеет самостоятельной роли, символического значения. Есть только ее сюжетное значение — мать богов. Кроме того, бросается в глаза схожесть имен: Рея и Гея. Гея — мать зародыша, Рея — мать ребенка. Поэтому в реальности мать зародыша и мать ребенка — одно и то же лицо. Видимо, этим объясняется схожесть имен и отсутствие самостоятельного значения одной из матерей.

Поскольку Крон глотал своих детей, Рея вместо маленького Зевса подбросила ему камень. Таким образом, остался в живых первый бог, который потом, когда вырос, заставил Крона отрыгнуть других проглоченных детей. Так Зевс победил своего отца.

В том, что Зевс — бог энергии, заключен символический смысл энергии акта родов, которая прерывает 9-месячную власть времени над плодом. В рождении ребенка заключена смерть плода: Танатос — первая смерть, Зевс — первый ребенок у матери, открывающий дорогу младшим братьям и сестрам. Камень, подброшенный Реей Крону, — плацента.

Второй раз рождению ребенка сопутствует отцеубийство.

Позже мы встречаемся с отцеубийством в цикле древнегреческих мифов о царя Эдипе. Ему надо было убить отца не потому, что тот на него набросился. Но еще для того, чтобы идентифицировать свое Я. До отцеубийства он был «ником», подкидышем, без «роду-племени».

Незнание своих родителей и отсутствие определенного социального статуса символизируют отсутствие самоидентификации, то есть психического рождения. Это психическое рождение состоялось, когда Эдип убил царя Лая и получил статус царя. Убийство отца с последующей женитьбой на матери происходит на фаллической стадии развития ребенка. Здесь наблюдается разрыв нарциссической симбиотической «скорлупы», ребенок становится способным к объектным отношениям, рождается психически как лич-

ность. Третий раз мы видим роль отцеубийства в рождении, на сей раз личности (психическом рождении).

На всех трех этапах зарождения жизни над ребенком висит дамоклов меч отцеубийства. Каждый ребенок вынужден убить отца. Нет альтернативы: жить, убив или не убив отца. Есть альтернатива: отцеубийство или детоубийство. Уран заключал детей в недра Земли, Крон проглатывал их, Лай убивал. Каждый из этих отцов конкурировал с сыном за право быть ребенком в смысле возможности удовлетворять прямо свои инстинктивные желания: Уран — сексуальные, Крон — оральные, Лай — агрессивные.

С философской точки зрения жизнь в процессе своего развития является постоянно изменяющейся структурой. Цена изменения структуры — приобретение все большего числа степеней свободы. Этапы жизни: плод, ребенок, личность — это хорошо иллюстрируют. Наличие у ребенка цели к психическому развитию есть проявление инстинкта жизни и противостоит инстинкту смерти. Отцеубийство и занятие ребенком места отца является тем действием жизненной структуры, которое ведет к цели, то есть к приобретению ею большего числа степеней свободы.

С клинической точки зрения важно видеть, какую большую свободу имеет зрелая личность по сравнению со взрослым по годам человеком, но оставшимся на архаическом нарциссическом уровне существования, не осмелившимся поднять руку на своего отца и постоянно живущим под дамокловым мечом детоубийства, психически оставшимся ребенком (см. таблицу).

<i>Зрелая личность</i>	<i>Нарциссическая личность</i>
<i>1</i>	<i>2</i>
Присуща индивидуальность, т.к. имеет значение, кто активно убивал отца, кто только наблюдал (Зевс выше других богов)	Низкое осознание своей индивидуальности, преобладание группового сознания (симбиотического)
Оформленность триадных отношений, т.к. победитель выплеснул свою агрессию на отца, а любовь на мать	Нарциссическая отгороженность от объектов, которые угрожают убийством как отец
Стремление быть удачливым, героем — это психология победителя-отца	Стремление быть неудачником, чтобы не быть конкурентом отцу
Активность, инициативность, поскольку все инстинкты направлены вовне	Пассивность, безынициативность, ибо все инстинкты направлены вовнутрь
Преобладание инстинкта жизни над инстинктом смерти	Преобладание инстинкта смерти над инстинктом жизни
Оформленность гетеросексуального влечения из-за достижения гетеросексуальной цели (матери для сына)	Неоформленность гетеросексуальной цели, возрастание вероятности замены ее другими целями

1	2
<i>На уровне социального взаимодействия:</i>	
Способность уважать группового, социального лидера, который прогнозируем, понятен, с него можно брать пример	Неспособность относиться к лидеру дружелюбно, ибо он потенциальный убийца. Неспособность брать с него пример лидерства, так как это чревато убийством
Стремление к социальным благам, достигнутым самостоятельно, в конкурентной борьбе	Ставка на безусловные блага, дающие властями без конкурентной борьбы (например, социальные гарантии низкооплачиваемым слоям населения)
Стремление к демократическим формам правления как к власти победивших детей, власти равных	Стремление к тоталитарным формам правления как к власти вышестоящего отца
Научность мировоззрения, понятность жизненного устройства, предсказуемость течения жизни, поскольку ясны причинно-следственные отношения (убил отца — стал героем, приложил усилия — достиг цели) и прочувствована цельность жизни (в достижении сексуальной цели, рождении потомства)	Мистичность мировоззрения, непонятность жизненного устройства, непредсказуемость течения жизни, поскольку непредопределено поведение импульсивного отца (когда и за что убьет, ударит, унизит) и недостижимо ощущение цельности жизни (недоступна мать, другие женщины, нет своей семьи и, естественно, рождения потомства)
Моральная значимость распределения жизненных благ и социальной оценки человека по реальным достижениям каждого члена общества (брат, непосредственно участвовавший в заговоре против отца, получает больше, чем не участвовавший брат)	Моральная значимость распределения жизненных благ и социальной оценки человека поровну, независимо от реальных достижений каждого (угнетаемые отцом братья все равны перед собой)

Для описания этого различия обращусь к символическому языку первобытной орды, поскольку знания о жизни архаичных народов, так же, как и мифы, дают нам информацию о нашем бессознательном. Это наше доисторическое прошлое, под которым можно подразумевать период развития ребенка до становления основных структур психики: Ид, Эго и Супер-Эго, и до появления сознания. А это и есть период нарциссизма — до 5—6 лет.

Психология первобытной орды, описанная Фрейдом, дает возможность понять бессознательное фаллического периода, когда

идет борьба детей и отцов за власть. В терминах этой психологии зрелую личность можно охарактеризовать как сына, победившего отца, а незрелую нарциссическую личность — как ребенка, хронически живущего под страхом детоубийства.

..... Многие темы детского психоанализа были
Эдипов комплекс
..... известны еще до Фрейда. Были описаны инцест, феномен ранней сексуальности, садизм, мазохизм и другие перверсии. Так называется любая форма взрослого сексуального поведения, где половой контакт между разнополыми людьми не является желаемой целью. Еще в Древнем Риме описывалось наслаждение, которое при сексуальной близости люди получают, прибегая, к бичеванию. Это видно из строк древнеримского Ювенала:

Эти «супруги» детей не оставят, и им не поможет
Толстая бабка-лидийка с ее пузырями и мазью
Удар от проворно бегущих луперков.

Р. Крафт-Эббинг в своей работе «Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства» приводит автобиографии, в которых описаны те или иные извращения полового чувства. Приведем отрывок из одной автобиографии. «Первое проявление полового влечения наступило у меня на 13-м году жизни. Из-за моей лености мне пригрозили и не в особенно строгой форме, что меня отдадут в ученики. Однажды я стал в своей фантазии рисовать себя в положении ученика каменщика, представляя себе как я работаю в легкой рабочей одежде, обливаясь потом от напряжения, как мальчики старшего возраста обременяют меня работой, смеются надо мной, истязают. Это представление вызвало у меня своеобразное ощущение, которое я теперь считаю сладострастным. Я представил себе наказание путем ударов в области около заднего прохода и здесь впервые у меня явилось извержение. Я совершенно не понял этого явления, до сего времени я смотрел на пенис, как на средство выделения мочи, о размножении людей имел очень слабое представление, или, вернее, не имел никакого и поэтому не знал, что означает внезапно появившаяся жидкость».

Итак, комплекс Эдипа, комплекс Электры... садомазохистский комплекс. И все это применительно к ранним детским переживаниям.

Мы знаем, как упорно пытались последователи Фрейда устранить этот «скандальный» пункт из его наследия, с какой настойчивостью они искали другие факторы, с помощью которых можно было бы объяснить развитие и функционирование психики. Но вот

прошло более столетия. Что можем мы сказать по поводу того давнего спора. Фрейд, разумеется, безоговорочно прав. Ребенок — действительно эротическое создание. Работы трансперсональных психологов показывают, что еще не родившийся мальчик, который находится в материнском чреве, может испытывать эрекцию. То же самое происходит и с мальчиком во время его кормления материнской грудью. У Шекспира про одного кокетливого персонажа сказано, что «он любезничал с материнской грудью, прежде чем ее сососать...» Но в принципе так оно и происходит — ребенок удовлетворяет свою сексуальность с молодых ногтей.

Фрейд описал совокупность чувств и переживаний ребенка, который испытывает двойственное отношение к своим родителям. Сексуальное влечение ребенка к родителю противоположного пола, сопряженное с его стремлением символически устранить родителя такого же пола, как и у него, в классическом психоанализе получил название — комплекс Эдипа.

Эдипов комплекс обрел свое название по имени царя Эдипа, героя древнегреческого мифа. Эдип — сын фиванского царя Лая и его жены Иокасты. Это один из самых трагических героев греческих мифов и драм. Своей известностью Эдип, прежде всего, обязан Софоклу, который, используя древние фиванские предания, в двух своих трагедиях создал образ Эдипа. Этот образ напоминает нам об извечном непостоянстве человеческого счастья и рассказывает о неотвратимости судьбы.

Судьба Эдипа была predetermined страшным проклятием, которое навлек на себя его отец Лай, похитивший юного Хрисиппа, сына элидского царя Пелопа, и ставший причиной его смерти. Это проклятие должно было преследовать род Лая до третьего поколения, а первой его жертвой должен был стать сам Лай, обреченный пасть от руки собственного сына.

Поэтому, когда у Лая родился сын, он велел рабу бросить его в лесу на склонах Киферона, чтобы дикие звери растерзали его. Но раб пожалел ребенка и отдал его пастуху, случайно встреченному в лесу, а пастух принес мальчика своему господину, бездетному коринфскому царю Полибию. Тот усыновил мальчика, дал ему имя Эдип и воспитал его как наследника трона. Когда Эдип попытался узнать у пифии, каково его прошлое, та утаила правду, зато предсказала будущее. Он убьет своего отца, женится на собственной матери, и она родит ему сыновей, которых он проклянет, желая им смерти.

В узком ущелье под Парнасом Эдип повстречался с колесницей, на которой восседал какой-то знатный старец. Этот человек ударил Эдипа посохом. Тот не сдержался и убил старца, который и оказался его отцом. Позже Эдип пришел в Фивы, где избавил город от чудо-

вища, а благодарные фиванцы провозгласили его царем. Эдип поселился в царском дворце и женился на Иокасте.

Фрейд и близкие ему люди однажды были в театре, где показывали трагедию «Эдип-царь».

— Йозеф, кое-что меня смущает, — признался Фрейд после спектакля. — Не случилось ли у тебя впечатления, что Иокаста знала с самого начала, что она вышла замуж за собственного сына?

— Нет... Ой! Но она осознала истину раньше Эдипа. Поэтому она и покончила с собой.

Так австрийский психиатр подошел к мысли о том, что Эдипов комплекс универсален. Он извечно тяготееет над всеми мужчинами, ибо мальчики испытывают сексуальное влечение к матери, воспринимая своего отца как сексуального соперника. Именно поэтому они его боятся и ненавидят. Этот комплекс достигает особой остроты в детском возрасте между тремя и пятью годами жизни человека. Потом он угасает и возрождается уже в пубертатный период, то есть в период полового воспитания.

Понятие «комплекс Электры» было введено К.Г. Юнгом для обозначения тех же переживаний для девочек. Мифическая дочь микенского царя Агамемнона, узнав, что ее отец убит, сумела расправиться с душегубами. Так она убила и собственную мать. Именно такое содержание мифа позволило Юнгу назвать данный комплекс именем Электры. Речь идет о переживаниях девочки, которая хотела бы заменить мать в ее отношениях с отцом и вообще устранить ее как мешающую воплощению детского желания.

Фрейд полагал, что Эдипов комплекс одинаков для мальчиков и для девочек. Для них первым объектом детской привязанности является мать. Однако со временем глубокая эмоциональная привязанность уступает место влечению к отцу. Отход от матери сопровождается возникновением у девочки чувства враждебности, а прежняя связь преобразуется в ненависть.

Когда же, согласно Фрейду, девочка обнаруживает, что у нее нет пениса, она склонна полагать, что мать родила ее с таким дефектом. Это рождает у нее чувство зависти, и приводит к появлению комплекса кастрации. Так, по Фрейду, называется специфическая, детская реакция на анатомическое различие полов. Рождается чувство страха. Мальчики боятся лишиться пениса, девочки завидуют мальчикам и считают себя кастрированными.

Фрейд в «Трех очерках по теории сексуальности», специально говоря о половом влечении, подчеркивал, что в «детстве его будто бы нет, оно появляется ко времени и в связи с процессами полового созревания, выражается в явлениях непреодолимой притягательности, которую один пол оказывает на другой, и цель его состоит в

соединении или по крайней мере в таких действиях, которые находятся на пути к нему»¹.

По мнению Фрейда, основательное изучение сексуальных проявлений в детстве, вероятно, открыло бы нам существенные черты полового влечения, показало его развитие. «Хотя в литературе встречаются случайные указания на преждевременные сексуальные проявления у маленьких детей: на эрекцию, мастурбацию и напоминающие коитус (соитие, совокупление) попытки, но только как на исключительные процессы, как на курьезы, как на отпугивающие примеры преждевременной испорченности»².

Фрейд полагал, что инфантильная амнезия, превращающая для каждого человека его детство как бы в доисторическую эпоху и скрывающая от него начало его собственной половой жизни, виновна в том, что детскому возрасту в общем не придают никакого значения в развитии сексуальной жизни. Кажется несомненным, что новорожденный приносит с собой на свет зародыш сексуальных переживаний. Фрейд разработал теорию психосексуального развития человека, которая отражает стадии его полового созревания.

Работа дала толчок развитию детского психоанализа и одновременно вызвала сильные протесты в обществе и у критиков, поскольку «дискредитировала» ребенка. Уже отмечалось, что в классической психологии ребенок предстал чистым и непорочным. Известный российский психоаналитик проф. *И.Д. Ермаков* в этом приводил пример, как *Т. Кершенштейнер* подвергал предназначенные для печати детские рисунки самой строгой цензуре, выбрасывая и уничтожая те из них, где изображались половые органы или продукты выделения у ребенка.

О том, что каждый ребенок должен достичь стадии генитального развития Фрейд писал без особой настойчивости. Эта мысль казалась ему предельно очевидной. Если девочка родилась девочкой, она должна превратиться в чувственную женщину. Что же касается мальчика, то ему надлежит стать полноценным мужчиной. Следовательно, достижение генитальности — это вполне понятное и естественное явление.

Однако в современную эпоху эта проблема не кажется многим столь ясной. Нередко приходится доказывать, что генитальность — это норма, а не возможная остановка, привилегия отдельных людей. Несмотря на сексуальную революцию, многие мужчины и женщины остаются на ее обочине. Одна юная пара, придя ко мне на прием, долго объясняла, что, вступая в брак, они сознательно договорились о том, что детей у них не будет. Это они решили,

---

¹ Фрейд З. Основной инстинкт. — М., 1997. — С. 19.

² Там же. — С. 56.

ссылаясь на то, что вокруг много бездетных родителей, которые сумели реализовать себя в социальной сфере. Однако природу обмануть нельзя. Брак этот оказался неудачным и распался.

Многие люди вступают в брак, рожают детей, однако, так и не достигают полной генитальности. Они не знают, что такое оргазм, интимная близость нередко оставляет их безучастными. Именно об этих тайнах сексуальности и писал свои работы Фрейд. Его ученики только развили многие из его положений. Психосексуальное развитие начинается еще до рождения, в утробе матери. Фрейд развенчал миф о «золотом веке» детства. Он раскрыл коллизии детско-го психосексуального развития. В 70-х годах прошлого века фрейд-овские взгляды получили подкрепление в работах микропсихоаналитиков¹. Эрих Фромм в своих работах постоянно писал о так называемой симбиотической связи матери и ребенка. «Биологический прообраз симбиотической связи — связь между матерью и зародышем в его утробе, — отмечал он. — Их двое, и все же это — одно целое. Они живут «вместе», они нуждаются друг в друге. Зародыш — часть матери, он получает от нее все необходимое; мать его мир; она его питает, защищает, но и ее собственная жизнь стимулируется им. В психической симбиотической связи наши тела независимы друг от друга, но психологически налицо связь того же типа»². Однако в работах последних лет разрушился и этот миф о пренатальном утробном рае. Стало ясно, что мать и дитя вовсе не находятся в биологическом и психологическом симбиозе, а его потребности вовсе не удовлетворяются автоматически, без какого-либо усилия с его стороны. Между ребенком и матерью складываются сложные, а нередко и конфликтные психоэмоциональные отношения. Явившись на свет, ребенок уже «вооружен» определенным опытом борьбы и конфронтации. Вот почему можно сказать, что «травма рождения», о которой писал *О. Ранк*, далеко не первая. Ей предшествовали другие шоковые и полушоковые состояния эмбриона.

.....
Анна Фрейд —
одна из основательниц
детского психоанализа
.....

Анна Фрейд (1895—1982) — основоположница детского психоанализа, дочь и последовательница *З. Фрейда*. Ее отец, как известно, считал психоанализ самостоятельным направлением в науке и относил его скорее к психологии, чем к медицине, не без оснований опасаясь, что он будет включен в курс медицины в качестве одного из разделов психотерапии. Вокруг *Анны Фрейд* образовался круг

---

¹ См.: *Фанти С.* Микропсихоанализ. — М., 1993; *Марконе М.* Девятимесячный сон. — М., 1993.

² *Фромм Э.* Душа человека. — М., 1998. — С. 188.

ее соратниц (известный в истории психоанализа как «круг четырех дам»), в который кроме самой Анны, вошли Дороти Бёрлингем, Жанна Лампл де Гру и Марианна Ри-Криз. В истории психоанализа известны и другие женщины, которые приблизились к З. Фрейду еще до того, как Анна взяла на себя роль помощника, секретаря, медсестры и защитницы отца. Это касалось прежде всего «прекрасной Хелен» — Хелен Дейч, одной из основоположниц женской психологии.

Анна Фрейд подчеркивала, что после первых двух десятилетий аналитической работы началась эра применения знаний, полученных при анализе взрослых, в практической педагогике. Результаты аналитических исследований взрослых невротиков показали, сколько серьезных ошибок в воспитании сопровождало их детство. Стало ясно, что они играют важную роль в образовании неврозов. Неискренность родителей в сексуальных вопросах, нереально высокие моральные требования, чрезмерная строгость или чрезмерная снисходительность, ненужные запреты, наказания, ранние соращения — вот примерный список воздействий патогенного характера, которым ребенок нередко подвергается со стороны невежественных, некомпетентных взрослых.

Шаг за шагом открытия в области психоанализа переносились в педагогическую практику, облекались в конкретные предписания, на основании которых строилась работа. Результаты аналитических исследований давали убедительные доказательства травматического влияния так называемых «пра-происшествий», когда дети наблюдали половой акт родителей или, ночуя в родительской кровати, испытывали сексуальное возбуждение, из чего следовал вывод: родителям необходимо скрывать от детей свою сексуальную жизнь и не укладывать детей, даже самых маленьких, в свою постель.

Анна Фрейд отмечала: когда стало ясно, что симптомы истерии, фригидность и импотенция восходят к запретам и наказаниям за мастурбацию в детстве, была разработана система терпимого отношения к проявлениям ранней прегенитальной сексуальности. Когда теория инстинктов доказала, что агрессивность является одной из основных, базовых сил, детские аналитики стали настоятельно советовать спокойно относиться к проявлениям враждебности в раннем возрасте вплоть до желания смерти родителям, братьям и сестрам. Когда пришло понимание, что страхи играют решающую роль в формировании симптомов, все усилия была направлены на то, чтобы уменьшить страх детей перед родительским запретом. Когда чувство вины соотнесли с напряжением противоположных внутренних влияний, запретили любые педагогические меры, ведущие к ужесточению «Сверх-я». Когда новое понимание структуры личности возложило бремя ответственности за внутреннее равновесие на

«я», за этим последовало стремление воспитывать в ребенке достаточные силы «я», способные сопротивляться давлению внутренних сил. И, наконец, когда внимание специалистов сосредоточилось на событиях первого года жизни и выявило их огромное значение, были выработаны новые, во многом революционные рекомендации по уходу за детьми в этот период.

По мнению Анны Фрейд, бесспорной заслугой аналитической теории воспитания можно считать большую откровенность в вопросах пола между детьми и родителями. Другой победой стало открытие, что детского упрямства можно было бы легко избежать, если по-другому преодолевать некоторые проблемы анальной фазы, то есть приучать ребенка к горшку позже и менее требовательно. Можно, по мнению А. Фрейд, избежать и распространенных неприятностей с приемом пищи, если грудное вскармливание и отнятие от груди проводить в соответствии с потребностями ребенка на оральной стадии. И, наконец, сложностей с отходом ко сну (то есть невозможность заснуть) становится гораздо меньше, если не вести борьбу с мастурбацией, сосанием пальца и прочими аутоэротическими действиями.

Однако у этих достижений, как показала Анна Фрейд, есть и обратная сторона. Сексуальное просвещение детей, например, иной раз приводит к неожиданным последствиям. Информация о реальных фактах сексуальной жизни взрослых входит в противоречие с инфантильностью сексуальной конституции. В результате дети переводят на язык своей прегенитальной сексуальной теории даже тщательные разъяснения взрослых о том, как появляются на свет младенцы. Дети думают, что зачатие происходит через рот, а рождение — через задний проход; половой акт они воспринимают как агрессивные действия в отношении женщины и т.д.

Таким образом, дети упорствуют в заблуждениях, которые закрепляются в процессе развития и исчезают лишь в период более позднего созревания. Последствия мастурбационной свободы оказываются не только такими, какими ожидалось. Новый подход к этой проблеме имел целью снижение у ребенка мучительного чувства вины. В итоге образовался неожиданный дефицит морального развития, в формировании которого значительную роль играла борьба за отучение от онанизма как ранний внутренний конфликт между «я» и влечениями. Еще безнадежнее обстояло дело с освобождением детей от страхов. Опыт показал, что там, где пропадает страх перед строгостью родителей, усиливается страх перед угрызениями совести; там, где смягчается строгость «Сверх-я», у детей, как правило, возникает страх перед силой собственных влечений, ощущение беспомощности перед ними.

Анна Фрейд в своих работах показала, что прорывами из бессознательного у взрослых являются известные типичные неловкие действия, в которых всплывает их скрытая причина; типичные сновидения и символы сновидений. В детстве это неискаженные мечтания, которые легко можно понять; сознательные дневные фантазии, которые содержат лишь минимальные искажения либидных побуждений. Примером последних служат героические и «спасательные» фантазии мальчиков на вершине развития позитивного эдипова комплекса; семейный роман и «фантазии близнецов», свойственные латентному периоду, в котором становится очевидным разочарование в родителях; фантазии избиения, наличие которых указывает на фиксацию на садомазохистской, то есть анальной, стадии, инфантильной сексуальности.

В работах А. Фрейд рассмотрены защитные механизмы «я» как материал наблюдения. Например, родители считают свою маленькую девочку «славной, нежной, послушной, скромной». Но аналитика тревожит отсутствие присущей этому возрасту проявлений агрессии, жадности, упрямства.

Там, где старший ребенок любит всех младших братьев и сестер, аналитик ищет вытесненную зависть и ревность. Не проявляет любопытства — подавлены сознательные проявления нормального сексуального любопытства. Маленький мальчик, впадающий в состояние страха, когда родители уходят из дома, выдает тем самым свое вытесненное желание смерти родителей. Ночью мальчик прислушивается к дыханию спящего брата или сестры, чтобы убедиться, что он жив. Стыд, отвращение и жалость, как мы знаем, по мнению А. Фрейд, являются результатами длительной защитной борьбы против неприличных желаний и жестокости — в случае, когда в поведении преобладают эти чувства, легко придти к выводу о силе отвергнутых побуждений. Сублимации также без труда можно перевести в примитивные импульсы, от которых они произошли, как и проекции, которые у маленьких детей свидетельствуют о защите от множества нежелательных для них побуждений.

А. Фрейд подчеркивала, что опыт работы психоаналитика с пациентами ведет от понимания отдельных механизмов к осознанию их комбинаций в типах характера и личности, которые становятся видимыми и доступными прямому наблюдению даже вне анализа. Таково описание в аналитической литературе навязчивого характера, специфические свойства которого — аккуратность, опрятность, экономность, нерешительность, накопительство и т.д. возникают из вытесненных побуждений анальной стадии.

Кроме оральноего, А. Фрейд известен и оральные и уретральные типы характеров. Множество примеров из наблюдения за развитием детей прямо указывают на существование определенных его стадий.

Если ребенок испытывает постоянный голод и жажду, требователен и зависим, если он испытывает отвращение к какой-либо пище или у него имеются другие осложнения с питанием, мы не сомневаемся в том, что это следствие фиксации на оральной стадии и что регрессия к этой точке фиксации представляет постоянную опасность для дальнейшего развития. Если ребенок отличается жгучим тщеславием и импульсивным поведением — мы делаем заключение, подчеркивает А. Фрейд о фиксационной точке в уретральной стадии. В подобных случаях связь между вытесненным «оно-содержанием» и проявляющемся «я-образованием» настолько очевидна, что аналитику достаточно взглянуть на психическую поверхность, чтобы понять, что произошло или происходит обычно в недоступных слоях психического аппарата.

Прозрачность реактивных образований подвигла А. Фрейд нащупать и другие особенности детского поведения, которые также неразрывно связаны с побуждениями «оно» и его производными. Одна из плодотворных стадий развития в этом отношении — фаллическая. Стыдливость и скромность — это реактивные образования, являющиеся не чем иным, как инверсией эксгибиционистских тенденций. Часто встречающиеся у детей и особенно мешающее школьной жизни навязчивое состояние «игры под дурачка» — хорошо знакомо как искажение стремления отличиться, выделиться, при котором фаллическое, показное желание сдвинуто от позитивного к негативному. Утрированная мужественность, буйная агрессивность представляет собой сверхкомпенсацию и выдают лежащий за ним страх кастрации. Дети, которые жалуются на придирчивых учителей и плохое обращение товарищей, в действительности пассивны и должны бороться с пассивно-мазохистическими побуждениями. Распространенные жалобы детей на скуку почти всегда происходят из подавленных мастурбационных фантазий и запрета на занятие мастурбацией.

Во время болезни дети ищут утешения или отворачиваются от внешнего мира, ищут одиночества. Эти две формы поведения соответствуют двум формам направления либидо: на объекты внешнего мира или на себя и на собственное тело. То, что ребенок слушается врача, проявляет готовность к соблюдению диеты, мирится с другими необходимыми ограничениями свободы, — не свидетельство благоразумия, как иногда думают родители. Обычный, нормальный ребенок, неожиданно становясь во время болезни «послушным», вероятно, удовлетворяет таким образом регрессивные пассивные побуждения; или же он находится под влиянием страха и чувства вины, присущих каждому заболеванию как своеобразный штраф за запрещенные действия. Озабоченность детей-ипохондриков собственным здоровьем выдает недостаточность

материнской заботы или их справедливое или несправедливое недоверие к ней.

Еще один ценнейший источник наблюдения, по мнению А. Фрейд, — детские игры. Рисование, поделки, игры в воде и с песком — известные сублимации анальных и уретральных желаний. Сексуально любопытный ребенок любит разбирать игрушки. По тому, как ребенок играет в миниатюрную железную дорогу, можно судить о целом ряде бессознательных фантазий: нескончаемая череда столкновений выдает, что ребенок бессознательно озабочен загадкой родительских половых отношений; желание строить туннели и прокладывать пути под землей свидетельствуют о любопытстве к тому, что внутри тела; тяжело груженные вагоны символизируют мысли о беременности; требование, чтобы игрушка была исправна и развивала большую скорость, происходит из радости мальчика по поводу функции пениса.

Во время игры в футбол дети имеют возможность открыто проявлять свое тайное отношение к товарищам. Выбираемая каждым футболистом позиция на поле, детали его поведения в игре символизируют его отношение к атаке, обороне, столкновению, успеху, поражению — в общем, к мужественности. Конный спорт, как считает Анна Фрейд, открывает соответствующие возможности для наблюдения девочек. Заинтересованность только в ритмичном раскачивании при верховной езде свидетельствует о склонности к аутоэротике. Усердие в кормлении, чистке лошади указывает на идентификацию с матерью. Всадница, которая чувствует себя единой с большим животным и расценивает лошадь как часть собственного тела, раскрывает — сама не подозревая об этом — свою зависть к пенису. Радость, испытываемая от абсолютного господства над лошадью, соответствует фаллическому тщеславию.

Анна Фрейд считает, что богатый материал дают привычки детей, связанные с питанием. Специалисту нужно сосредоточиться на исследовании двух крайностей — детской ненасытности или отсутствии аппетита, — поскольку оба нарушения нормального процесса приема пищи происходят из оральной фазы. И вообще каждое конкретное вкусовое предпочтение или антипатия, каждое связанное с этим нарушение обусловлено определенной стадией развития «я» и инстинктов, а поэтому является для наблюдателя (и для диагноста) важной отправной точкой для определения, на какой из сменяющихся фаз развития фиксирован ребенок или на какой он в данное время находится.

Не менее важно для наблюдения отношение ребенка к одежде. Психологи давно знают, подмечает А. Фрейд, что удовольствие от демонстрации собственного тела может распространяться на одежду и что шегольство относится соответственно и к телу, и к

одежде. Вытесненное желание может проявляться в поведении и как равнодушие и пренебрежение к одежде. Вытеснения кожной эротики возникают в форме сверхчувствительности к жестким или «кусающимся тканям». Зависть к пенису у девочек, то есть негативное отношение к женскому телу, проявляется либо в антипатии ко всем традиционно-женским деталям одежды (кружева, банты и т.п.), либо в сверхсильном желании дорогих бросающихся в глаза нарядов.

Итак, по мнению А. Фрейд, разнообразные формы поведения детей, в том числе и вне анализа, дома, в школе, в обществе сверстников или взрослых, являются почти неисчерпаемыми источниками наблюдения. Поскольку каждое из них генетически связано с тем или иным инстинктивным побуждением, из которого оно происходит, из него можно почерпнуть ценную информацию о латентном конфликте, занимающем центральное место в бессознательном.

В то же время, как считает А. Фрейд, детскому аналитику нельзя забывать, что непосредственное наблюдение и извлекаемые из него выводы могут представлять опасность. То, что аналитик научился за сознанием видеть бессознательное, еще не значит, что он при лечении сможет использовать это знание. Его построения непригодны для лечебного воздействия, грубо говоря, терапевтически бесполезны. Более того, сделав их основой символического толкования, можно нарушить защитные механизмы Я против отвергнутых содержаний и в итоге только усилить страх и сопротивление пациента, вместо того, чтобы их терпеливо и постепенно сокращать.

А. Фрейд считала, что при изучении Я-функции одинаково применяются аналитические и внеаналитические методы наблюдения. Функцию памяти можно протестировать, когда нужно получить ее качественную оценку; зависимость или независимость от принципа удовольствия может установить только анализ. В психоаналитической детской психологии существует особая область, при исследовании которой многие аналитики предпочитают методы непосредственного наблюдения. По мнению А. Фрейд, аналитическая техника имеет свои ограничения. У детей — вследствие способов выражения, которыми пользуются. У взрослых — из-за границ перенесенного архаического материала, который не может быть использован для реконструкции раннеинфантильных переживаний. Несмотря на все усилия терапевтического анализа продвинуться в изучении периода доречевого развития, то есть в самое начало психической жизни младенца, многое в этой сфере оставалось для Анны Фрейд неизвестным и непонятым.

Разбирая принципы аналитической терапии детей, Анна Фрейд обосновывает некоторые правила:

1. Не пользоваться авторитетом в отношениях с пациентом и тем самым исключить воздействие внушения.

2. Никакими терапевтическими действиями не давать волю инстинктивным побуждениям.

3. Как можно меньше вмешиваться во внешнюю жизнь пациента, то есть лишь изменять его жизненное окружение и при необходимости устранять вредные влияния.

4. Видеть в толковании сопротивления и переноса и в особенности бессознательного материала законные средства анализа.

Следуя этим предписаниям, техника детского психоанализа ни в какой мере не уступала ортодоксальному взрослому анализу. Не оставляет сомнений, что успехи этой техники связаны с теми же фундаментальными принципами, что сопротивление Я ОНО-содержаниям доступно объяснению, и внимание терапевта направляется с одной психической инстанции на другую в зависимости от поступающего материала; что анализ идет от психической поверхности в глубину; что аналитик для пациента является объектом переноса, вследствие чего наделяется бессознательными фантазиями и установками; что всплывающие из бессознательного инстинктивные побуждения, насколько это возможно, анализируются, чем предотвращается их осуществление; что аналитику важно не достижение очищения, а терапевтическое воздействие достижений первичного и вторичного процессов. Другими словами, его терапевтические усилия направлены в конце концов на превращение ОНО в Я.

.....

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Раздел 1. ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА	7
Тема 1. Философия и психология	8
Тема 2. Поиск базовых понятий	20
Тема 3. Психика — вместилище образов	29
Тема 4. Роль психологии в современном мире	34
Тема 5. Новая психосфера	39
Раздел II. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	43
Тема 6. Зачем нужна история психологии	44
Тема 7. Становление психологии как самостоятельной науки	47
Тема 8. Бихевиоризм	50
Тема 9. Гештальтпсихология	54
Тема 10. Психоанализ	58
Тема 11. Гуманистическая психология	77
Тема 12. Трансперсональная психология	88
Раздел III. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ	123
Тема 13. Предмет общей психологии	124
Тема 14. Тело и душа	128
Тема 15. Психология деятельности	134
Тема 16. Происхождение и сущность сознания	147
Тема 17. Мышление и речь как объекты исследования общей психологии	155
Тема 18. Чувственные формы освоения реальности	162
Тема 19. Соотношение субъективной и объективной реальности	171
Тема 20. Внутренний мир личности	188
Раздел IV. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	199
Тема 21. Предмет социальной психологии	200

Тема 22. Закономерности общения и взаимодействия людей	204
Тема 23. Феномен социализации	213
Тема 24. Феномен группового сознания	224
Тема 25. Психология политики (политическая психология)	229
Тема 26. Психология масс	236
Тема 27. Психология рекламы	242
Тема 28. Психология экстремальных ситуаций	257
Раздел V. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	261
Тема 29. Предмет и структура клинической психологии	262
Тема 30. Патопсихология	267
Тема 31. Нейропсихология	272
Тема 32. Психосоматика	276
Тема 33. Детский психоанализ	281